

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**Статьи, исследования
и материалы**

2

ОБМЕН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Статьи, исследования
и материалы

2

Под редакцией
проф. Е. И. Покусаева

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1961

I. Статьи и исследования

А. П. МЕДВЕДЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и В. П. ЛОБОДОВСКИЙ

В научно-критической и биографической литературе о Н. Г. Чернышевском укрепилось мнение, что большую роль в истории формирования его взглядов как революционера-демократа сыграли его друзья и знакомые студенческих лет. Здесь обычно упоминаются: М. И. Михайлов, будущий революционер и известный поэт; петрашевец А. В. Ханьков; талантливый переводчик Диккенса и известный преподаватель высших учебных заведений И. И. Введенский, и наряду с ними неизменно присутствует имя В. П. Лободовского, студента-вольнослушателя Петербургского университета, близкого друга Н. Г. Чернышевского в период его студенческой жизни¹.

Мало того, в некоторых исследованиях высказывается

¹ Необходимо отметить, что в перечне друзей Чернышевского студенческих лет в литературе допускаются многие неточности: В. Е. Чешихин-Ветринский в монографии «Н. Г. Чернышевский» (1828—1889) (Петроград, «Колос», 1923, стр. 51) говорит, что В. П. Лободовский был членом кружка И. Введенского. Это недоразумение, которое легко устраняется на основании записей Чернышевского в дневнике; Ив. Фролов в книге «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды» («Московский рабочий», 1928, стр. 35) пишет, что Чернышевский «получил возможность посещать собрания передовых революционно-мыслящих людей, устраивавшихся на квартире демократа И. Введенского через М. Михайлова, В. Лободовского и Ханькова». Это неверно. Михайлов уехал из Петербурга в начале 1848 года, тогда как Чернышевский вошел в кружок И. Введенского в конце 1849 года. Кроме того, ни М. Михайлов, ни В. Лободовский, ни А. Ханьков ни в какой связи с И. Введенским не были, как об этом свидетельствуют записи в студенческом дневнике Чернышевского; С. Машинский в книге «Николай Гаврилович Чернышевский» (изд. ВПА. М. 1954 г.) в числе близких друзей Чернышевского студенческих лет наряду с В. П. Лободовским, М. И. Михайловым и А. В. Ханьковым упоминает поэта-петрашевца А. Н. Плещеева.

утверждение, что своими передовыми воззрениями Чернышевский больше обязан Лободовскому, чем Белинскому¹.

Если М. И. Михайлов, А. В. Ханыков, И. И. Введенский действительно содействовали развитию революционного мировоззрения Чернышевского, то имеются серьезные основания сомневаться в положительном влиянии Лободовского на Чернышевского. Изучение материала о Лободовском, последовательное прослеживание эволюции идейных связей Чернышевского и Лободовского на протяжении всех лет студенческой жизни дают возможность придти к другим выводам: а именно — Лободовский в жизни Чернышевского одно время, действительно, играл значительную роль, но роль, скорее отрицательную, чем положительную. Он не содействовал формированию революционных взглядов Чернышевского, а тормозил их развитие.

Каким же образом возникло представление о Лободовском, прочно укоренившееся в научно-биографической литературе, как об одном из идейных руководителей молодого Чернышевского?

Однако с ним Чернышевский познакомился только в 1858 году, (см. статью А. П. Скафтымова «Чернышевский и Плещеев» Сб. Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1926, стр. 1). Присутствуют также имена петрашевцев И. М. Дебу и П. Н. Филиппова. Однако, с Дебу в студенческие годы Чернышевский встречался всего один раз. Что касается Павла Николаевича Филиппова, то его Чернышевский совсем не знал, приятелем Чернышевского был однофамилец—Филиппов Александр, ничего общего с петрашевцами не имеющий (см. полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. XIV, стр. 63, 73, 180); в книге В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского» изд. АН СССР, М., 1956. Чернышевский уже в университетские годы объединяет вокруг себя лучшую часть молодежи, среди которой были Михайлов, Воронов (?) и многие другие. Заметим, что в действительности о встрече с каким-то студентом Вороновым Чернышевский бегло упоминает всего один раз за все время своего обучения в университете. Далее В. Баскаков говорит, что Чернышевский принимает деятельное участие в обсуждении политических вопросов на вечерах у Ханыкова и Лободовского. Это авторская фантазия, никаких вечеров ни Ханыков, ни Лободовский не устраивали. Чернышевский посещал «среды» И. Введенского, но об этом у В. Баскакова сведений нет.

¹ Н. Богословский в своей книге о молодом Чернышевском пишет: «Биографы Чернышевского обычно представляют дело так, что, с одной стороны, политические события на Западе, с другой—статьи Белинского толкали в это время молодого Чернышевского на революционный путь. В отношении Белинского это не совсем верно». И далее автор книги говорит о том, что именно Лободовский за первые три года пребывания в Петербурге оказал особенно благотворное воздействие на Чернышевского (Н. Богословский, Чернышевский. Кн. первая «Годы Исканий», «Сов. писатель», М., 1944, стр. 58—59).

Следует сказать, что современники Чернышевского, знавшие Лободовского и наблюдавшие его дружбу с Чернышевским, не были склонны преувеличивать роль Лободовского в жизни Чернышевского. О Лободовском времени его близости с Чернышевским имеется воспоминание А. Ф. Раева, дальнего родственника Чернышевского.

Чернышевский по приезде из Саратова в Петербург жил в квартире А. Ф. Раева. Вот что пишет последний в своих воспоминаниях: «В это время, а в особенности позднее, студент Чернышевский сблизился с харьковским семинаристом Лободовским, бывшим потом учителем и воспитателем в Сибирском кадетном корпусе. Этот Лободовский прошел огонь и воду и медные трубы, как говорят, и забавлял студента Чернышевского рассказами о своих легких похождениях, причем пользовался, кажется, его карманом»¹.

Также очень сдержанную характеристику другу Чернышевского дал в 1909 году Е. Ляцкий². Рассказывая о первой любви Чернышевского к Надежде Егоровне Лободовской, автор статьи освещает и историю отношений Чернышевского к ее мужу. В полном соответствии с дневниковыми записями Чернышевского В. П. Лободовский рисуется как человек способный, литературно-образованный, но по характеру безвольный, слабый, инертный. По мнению Е. Ляцкого, в известной мере справедливому, Чернышевский был заинтересован судьбой Лободовского и романтизировал его, главным образом, из-за любви к его жене. О каком-либо влиянии в области литературных и общеполитических взглядов Ляцкий в своей статье не говорит.

Впервые о влиятельной роли Лободовского в жизни Чернышевского сказал Е. Чешихин-Ветринский. Говоря о кружке И. Введенского, куда попал Чернышевский, автор пишет: «Одному из бывших здесь лиц, Василию Петровичу Лободовскому, привелось особенно сильно поразить воображение недавнего семинариста (т. е. Н. Г. Чернышевского), резко выраженным, свободным в политическом отношении образом мнений»³.

Чешихин-Ветринский, однако, был введен в заблуждение ложными сведениями. По записям в дневнике Чернышевского ясно устанавливается, что с Лободовским Чернышевский познакомился примерно в 1846 или начале 1847 года, за 3 года

¹ А. Ф. Раев. Записки о Н. Г. Чернышевском. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, в двух томах, т. I, Саратовское книжное издательство, 1958, стр. 80.

² Евг. Ляцкий. Юношеская любовь Н. Г. Чернышевского, «Познание России», 1909, № 1, стр. 93—135.

³ Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский (1828—1889). Петроград «Колос», 1923, стр. 51.

до того, как стал посетителем «сред» И. Введенского¹. «Среды» Введенского Чернышевский посещал с осени 1849 года до 1851 года, когда, окончив университет, уехал в Саратов; Лободовский же, по его собственному признанию, познакомился с Введенским только в 1852 году, т. е. уже после отъезда Чернышевского из Петербурга, так что Чернышевский встретиться с Лободовским на «средах» Введенского никак не мог.

Еще с большим акцентом отметил роль Лободовского в общественной и политической биографии Чернышевского автор известной монографии о нем Ю. М. Стеклов. По его свидетельству, в годы университетского обучения друг «Лободовский вел с Чернышевским беседы на тему о революции... и хотя сам Лободовский в конце концов оказался личностью пустой и черствой, его заслуга заключается в том, что он дал толчок политическому самоопределению Чернышевского и, в частности, направил его мысль на вопрос о революционном движении в России»².

Каков бы там ни был В. П. Лободовский сам по себе, но получается так, что он «дал толчок политическому самоопределению Чернышевского». Это утверждение, высказанное в наиболее солидном и документированном исследовании о жизни Чернышевского, укрепилось и повторялось неоднократно в различных вариациях³.

Такая же оценка Лободовскому дается в «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», составленной Н. М. Чернышевской.

«В Лободовском Чернышевского привлекали независимый критически-настроенный ум и высказывания в революционном духе». Далее, хотя и говорится, что «с течением времени возторженное отношение к нему уступило место разочарова-

¹ В письме к родителям 21 марта 1850 года Чернышевский пишет: «Самый хороший мой знакомый уже давно, года три, В. П. Лободовский». Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15 томах, ГИХЛ, М., 1939—1953 гг., т. XIV, стр. 189. В дальнейшем все ссылки делаются по этому изданию непосредственно в тексте.

² Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889, Гослитиздат, 2-е изд., 1928, т. 1, стр. 25.

³ Ив. Фролов. Николай Гаврилович Чернышевский (его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды) «Московский рабочий», 1928, стр. 35; И. Нович. Жизнь Чернышевского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 36; Г. Ф. Тизенгаузен. Материалы о жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. Сб. Н. Г. Чернышевский 1889—1939, ГИХЛ, Л., 1940, стр. 137; А. А. Озерова. Н. Г. Чернышевский. Пособие для учителя. Учпедгиз, 1951, стр. 9; В. Я. Зевин. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. Госполитиздат, 1953, стр. 54; С. Машинский. Николай Гаврилович Чернышевский, изд. ВПА, М., 1954, стр. 13; В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 23).

нию»... но это несколько не снимает основного утверждения о положительной роли Лободовского в судьбе Чернышевского¹.

Более других теме — Чернышевский и Лободовский — уделял внимание в своих книгах Н. Богословский². Опираясь на дневник Чернышевского студенческих лет и на его письма этой поры, с одной стороны, и на сочинение В. Лободовского «Бытовые очерки»³ — с другой, автор преимущественное внимание проявляет к психологии, к внутренней логике взаимоотношений Чернышевского и Лободовского и с достаточной убедительностью раскрывает причины восторженного преклонения Чернышевского перед своим другом.

В определении же роли Лободовского в жизни Чернышевского Н. Богословский не выходит из общего русла сложившегося мнения: «...встреча с Лободовским многое внесла в жизнь Чернышевского и была внутренне очень важна для дальнейшей его судьбы. Время их сближения совпадает с лучшей порой Лободовского, за которой последовало потом постепенное его умиротворение и отход от юношеского революционного романтизма»⁴.

Преувеличенная оценка Лободовского в научно-биографической литературе о Чернышевском не случайна: этому давал повод в известной мере сам Чернышевский.

Первые записи студенческого дневника Чернышевского, начатые в мае 1848 г., посвящены В. П. Лободовскому и его жене Надежде Егоровне. Дневник, очевидно, и возник из стремления записывать волнующие впечатления и размышления, которые возникли в результате общения с молодоженами Лободовскими. Во всяком случае первые страницы дневника красноречиво говорят о том, что Чернышевский целиком поглощен своими новыми знакомыми. Весь 1848 год и до начала 1850 года редкая запись в дневнике обходится без упоминания Лободовского, причем в отзывах и характеристиках, какие Чернышевский дает своему другу, нельзя не удивляться чрезмерности оценок, какой-то искренней гиперболичности. Эти похвалы тем более вызывают изумление, что идут из уст юноши, действительно, незаурядного по своим знаниям,

¹ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, ГИХЛ, М., 1953, стр. 27.

² Н. Богословский. Чернышевский. Кн. первая. «Годы исканий». «Сов. писатель», М., 1944; его же, Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), изд. «Молодая Гвардия», серия «Жизнь замечательных людей», 1955, 1-е изд. и в 1957 году, 2-е изд.

³ П. Лободовский. Бытовые очерки. «Русская старина», 1904, №№ 1, 2, 3, 7, 10, 12; 1905; №№ 1; 2.

⁴ Н. Богословский. Чернышевский, кн. первая. «Годы исканий», «Сов. писатель», 1944, стр. 94—95.

умственным и нравственным качествам. Вскоре после знакомства с Лободовским—14 июля 1848 г.—он пишет о нем: «С каждым новым свиданием я вижу в нем все более и более. Это странный человек, какого еще нельзя найти, человек великий, благороднейший, истинно человек в полном смысле слова» (1.42). Запись в дневнике 28 сентября того же года: «Что касается до него (т. е. Вас. Пет. Лободовского—А. М.), я думаю, что я еще решительно вполне не могу оценить его ума, потому что сам не развился до этого, и что теперешнее мое мнение о нем более инстинкт, принимающий форму радостной уверенности, чем выведенное из фактов заключение... Но верно то, что когда я говорю с ним, то я опасаясь за себя и сознаю, что ниже его, и главное то, (что) я следую ему в мнениях, как, напр., следую Гете» (I, 135).

Отношение Чернышевского к Лободовскому, особенно в первые три года их знакомства, остается неизменно восторженным: он говорит и об уважении, и о преклонении перед ним как авторитетом во всех вопросах, он следует за ним в литературных мнениях (1, 67, 70, 84, 87, 88, 97 и т. д.).

На страницах дневника то и дело встречаем: «Люблю Василия Петровича, люблю, «великий человек!»... «Боже, какой человек» (I, 95).

Поводов, чтобы возвести своего друга в сан великого человека; у Чернышевского на первых порах знакомства было очень много: «В. П. истинно великий человек. Велик по сердцу, может быть, еще более, чем по уму,—это по случаю того, что я застал его в полном разгаре приготовления кушания»,—без тени иронии записывает Чернышевский в сентябре 1848 года (I, 115).

К концу 1849 года в душу Чернышевского стали закрадываться какие-то сомнения в высоких качествах кумира. Тем не менее, до начала 1851 года он все еще не может освободиться из какого-то гипнотического плена своего товарища.

В письме от января 1851 года, рекомендуя Михайлову познакомиться с Лободовским, Чернышевский так о нем отзывается: «Это человек, которого я люблю от души и уважаю, как никого почти; я его так уважаю, что в разговоре с ним конфужусь за свой ум, чего со мною не бывает в других случаях никогда. Теперь я люблю очень немногих, уважаю и еще того меньше, но его я уважаю потому, что редко встречаются, очень, очень редко люди с таким умом: удивительно умный человек! Я его ставлю на одну доску с Диккенсом, Ж. Зандом, своим приятелем Louis Blanc, Лессингом, Фейербахом и другими немногими, которых я уважаю—это, может быть, смешно, но действительно, это гениальный человек... Особенно замечателен он тем, что в нем нет нисколько

пошлости, которую я вижу в неизмеримом количестве, «куда свой взор ни обращаю» (XIV, 216).

Диккенс, Ж. Санд, Лессинг, Фейербах и Лободовский! Вполне понятно — такие сопоставления, такие преувеличенные оценки не могли не привлечь внимания биографов Чернышевского, нужно было оправдать высокое о нем мнение, и вот Лободовский попал в учителя Чернышевского, в воспитатели его революционного мировоззрения, в наставники по литературным вопросам. А между тем, записи в дневнике Чернышевского, несмотря на присутствие в них только что указанных преувеличенно-высоких оценок, оставляют о Лободовском двойственное впечатление. Чернышевский, автор дневника, помимо своего желания внушает читателям чувство неприязни к своему другу, которое неуклонно перерастает в прямое негодование и возмущение, когда знакомишься с историей ленивых и потому бесплодных попыток Лободовского, только что женившегося, устроиться на работу. Чернышевский фактически более двух лет буквально содержал своего друга и его жену. Он отказывал себе в самом необходимом, отдавал ему почти все свои деньги: и присылаемые из дому родителями и заработанные уроками.

Тогда, что же собой представляет Лободовский по своему моральному и интеллектуальному облику? Каковы были его политические и литературные взгляды? Куда он вел, куда звал своего молодого друга?—Это один круг вопросов.

Другой круг вопросов касается самого Чернышевского, именно: каков был уровень общественных, политических и литературных взглядов Чернышевского к моменту его тесного сближения с Лободовским?

Только выяснив эти вопросы, мы можем с компетентностью определить роль Лободовского в политическом развитии Чернышевского.

**

Биографические сведения о В. П. Лободовском скудны. О некоторых внешних фактах его жизни мы узнаем из редакционной заметки, которая предпосылалась серии очерков Лободовского, напечатанных в ж. «Русская старина»¹. В заметке говорится о служебной деятельности Лободовского. В начале 40-х годов он работал мелким писцом. С 1852 года Лободовский, сдавший пробную лекцию, устраивается учителем 2-го кадетского корпуса в Петербурге, с 1857 года переводится на работу в Сибирский кадетский корпус. Свою служебную карьеру Лободовский закончил в чине статского советника, умер в 1900 году.

¹ В. П. Лободовский. Бытовые очерки, «Русская старина», 1904, №№ 1, 2, 3, 7, 10, 11, 12; 1905, №№ 1, 2, 8, 9; 10.

Наиболее подробные сведения о Лободовском, как о личности, о его убеждениях, политических, общественных, литературных, а также о некоторых фактах его жизни скорее всего можно получить именно из самих «Бытовых очерков».

Очерки Лободовского охватывают большой период его жизни. Первые страницы относятся к концу 30-х годов, т. е. ко времени его обучения на Украине в духовной семинарии. В главах, посвященных событиям с середины 40-х до середины 50-х годов, Лободовский говорит о петербургском периоде своей жизни (Петербургский университет, знакомство с Чернышевским, женитьба, работа в библиотеке и во 2-м кадетском корпусе, впечатления от Ростовцева — начальника военно-учебных заведений, от преподавателей И. И. Введенского, Г. Е. Благодетова и др.). Последние главы «Очерков», охватывающие события с середины 50-х годов до середины 80-х, рассказывают о работе Лободовского учителем кадетского корпуса в одном из сибирских городов.

События и характеры, описанные в «Бытовых очерках», не являются продуктом художественной фантазии. По жанру очерки Лободовского относятся к мемуарной, автобиографической литературе.

В редакционной заметке к «Очеркам» имеется характерное примечание, очевидно, согласованное с автором, или написанное им самим: «Желая быть в своих очерках вполне беспристрастным и не стесняться характеристикой событий, В. П. ведет свой рассказ, не называя настоящих фамилий, но с ручательством за достоверность всего рассказанного»¹.

От очерков Лободовского остается такое впечатление, точно они писались по горячим следам событий, как пишется дневник, будто бы память автора не возвращалась к минувшей жизни через завесу 40 прошедших лет. Это видно из того, что на события и на лица автор глядит глазами свидетеля-современника, а не историка, учитывающего и принимающего в расчет те новые факты и сведения, в свете которых при описании прошлого неминуемо должны вноситься коррективы, доправки, делающие описания более справедливыми. Так, в лице чудаковатого студента Крушедолина он выводит своего друга Чернышевского. Крушедолин смешон своей чрезмерной углубленностью в науки и оторванностью от живой жизни.

Так можно было писать о Чернышевском до 60-х годов, т. е. тогда, когда он еще не превратился целиком как борец,

¹ «Русская старина», 1909, № 1, стр. 1457.

как деятель огромного масштаба, когда еще никому не было известно, какая трагическая и героическая судьба ожидала этого, по мнению Лободовского, смешного человека. Такое же отсутствие ретроспективности у автора «Очерков» наблюдается и в изображении других лиц: Введенского, Благовестлова, а, главное, и самого себя. В очерках петербургского периода Лободовский выступает таким, каким он был в 40 — 50-х гг. Это подтверждается сопоставлением с другими материалами. Например, религиозность Лободовского, понимание им мессианской роли церкви очевидны и из записей в дневнике Чернышевского о Лободовском и из статьи самого Лободовского, помещенной в 1847 году в журнале «Иллюстрация» по поводу «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. Но об этом подробнее речь будет ниже.

Видимо, Лободовский действительно вел свои записи по горячим следам и потом уже не подвергал написанное серьезной переработке. Это обстоятельство повышает для нас ценность очерков Лободовского как источника, как свидетельств ва живого современника, участника описываемых событий.

**
*

Каким Лободовский предстал перед Чернышевским в 1846 году, что он рассказывал о себе своему молодому другу и поклоннику—об этом красноречиво свидетельствует 1-я и 2-я части очерков Лободовского.

В «Бытовых очерках» В. П. Лободовский выступает под псевдонимом Саввы Саввича Перепелкина. Перепелкин-Лободовский—украинец по происхождению. Он выходец из семьи бедного сельского священника, учился в семинарии, там выделялся своими способностями, начитанностью. Часто вступал в пререкания с наставниками и посрамлял их в спорах, поэтому из семинарии «за дерзость» был исключен. Некоторое время он служил чтецом при генеральше, потом поступил в Киевскую духовную академию, но неудовлетворенный «в своих научных стремлениях», он покидает академию и отправляется пешком в Петербург, чтобы поступить в университет. Причем путешествие им было совершено пешком, по его словам, сознательно, чтобы лучше узнать жизнь и нужды России. В Петербурге ему удалось устроиться вольнослушателем на филологический факультет университета. Это, очевидно, было осенью 1846 года. К концу этого года или к началу следующего относится его знакомство и сближение с Чернышевским.

На страницах «Очерков» Перепелкин выступает молодым

человеком, умным, обладающим беспокойным, горячим, добрым сердцем, проникнутым симпатией ко всему высокому, благородному и сочувствием «ко всем страждущим». (Заметим, кстати, что автор в самохарактеристиках не отличался ни скромностью, ни чувством такта, наоборот, постоянно ощущается какая-то наивная похвальба и неприкрытое искреннее самолюбование своим благородным, честным, горячим и т. д. характером).

По своим социальным симпатиям Перепелкин демократ, народолюбец. Он и по Руси-то пошел, чтобы лучше узнать народ. Он наблюдает жизнь крестьян, их быт, нравы, характер. Он подмечает горести и обиды, которые терпит народ, глубоко сочувствует ему и размышляет над способами облегчения участи крепостного крестьянства.

Перепелкин наблюдает многочисленные примеры социальной несправедливости, произвол правящих сословий, дикую жестокость и безнаказанность помещиков за свои преступления. Он видит, как страдает незащитный народ от всяких властей: и городских, и деревенских, и от чиновников, которые беззастенчиво обируют взятками и поборами простодушных и запуганных крестьян. У Перепелкина в результате его путешествия складывается впечатление, что вся жизнь в России поражена язвами и страдает от хищничества, корысти, эгоизма, отсутствия совести. Где же причина падения нравов? Где причина всему этому неустройству, несправедливости, жестокости?—спрашивает себя Перепелкин. Отчего все это происходит? Ответ, который дается на этот вопрос Лободовским-Перепелкиным, свидетельствует, что его критика резко окрашена религиозным чувством. Он выступает не как борец-революционер, не как протестант против социальной системы, ведущей к несправедливости, его позиция—это позиция моралиста, проповедника христианской любви, позиция страстного обличителя нравственного душевного запустения.

По его мнению, все зависит от того, что «чувство справедливости не развито в людях». Он считает, что главная роль в исправлении нравов, а вместе с этим и в восстановлении социальной гармонии, должна принадлежать «пастырям церкви и педагогам»¹.

Все путешествие, все горестные наблюдения, которые Перепелкин сделал по пути, являлись материалом в решении его *idée fixe*: «Чувство справедливости»—от него ли, от чувства справедливости, как врожденного качества, зависит состояние нравственности людей, или от общественных условий? Все

¹ «Русская старина», 1904, № 2, стр. 402.

случаи, эпизоды столкновения приводили Перепелкина неизбежно к одному выводу—в основе всего лежит нравственная сила—чувство справедливости, которое воспитывается и поддерживается православной церковью, верою, как живым началом, а не как «заученной обрядностью»¹.

Решение вопроса социальной неустроенности, в том числе и устранение несправедливостей крепостнического порядка, было бы найдено, если бы люди обратились к внутреннему самоусовершенствованию и нашли в душе своей бога². Он рассуждает: «Не делать другому того, чего не желал бы, чтобы тебе делали... А это могло бы вызвать целый ряд обязанностей по отношению к закрепощенным людям» (курсив мой — А. М.)³.

Повествование в очерках очень часто прерывается лирическими отступлениями или размышлениями автора, причем одно из наиболее настойчивых—это сетование на то, что церковь и священнослужители, имеющие решающую роль в нравственном исправлении общества, а следовательно и в более справедливом устройстве всей жизни, забыли о своих обязанностях. Наблюдая картины жестокости и несправедливости, Перепелкин восклицает: «Эх, вы, монахи, монахи! Сидите запершись в кельях своих... А вот тут бы вам спасти свои души, укрощая диких зверей в образе человеческом»⁴.

В другом месте Перепелкин по такому же поводу восклицает: «Эх, бурса, бурса, ты занимаешь своих птенцов схоластикой, а подумала ли ты о том, чем и как оградить их от той опасности, чтобы, став на почву абсолютного идеализма, они путем опыта не дошли до крайнего материализма»⁵.

Проникнутый патриотическим стремлением послужить Родине, Лободовский-Перепелкин видит себя во сне епископом, наделенным властью заставлять светских начальников делать добро⁶. Наяву же он размышляет: «На каком поприще можно принести наибольшую пользу людям: в сане архиепископа или добиваться в этих целях власти губернаторства, или служить соотечественникам на педагогическом поприще». Конечно, архиепископ обладает самой большой возможностью делать и распространять добро, но Лободовский сознавал, что обет безбрачия ему не по силам: он не может жить без подруги жизни.

¹ «Русская старина», 1904, № 11, стр. 350—351.

² Там же, стр. 355.

³ Там же, стр. 350—351.

⁴ Там же, 1905, № 1, стр. 49.

⁵ Там же, 1905, № 1, стр. 33.

⁶ Там же, 1904, № 10, стр. 203—204.

Да, лучше на педагогическом. На этом поприще можно сохранить нравственную чистоту и укреплять ее просвещением¹. Иногда экзальтированный юноша, скорбя о порочности и зле в окружающей жизни, «бросался на колени и говорил: «Великий боже, я чист сердцем и я весь—добро: научи меня» и т. д. и т. д. Или же обращался с лирическим призывом к своему отечеству: «Русь ты, Русь! Что же ты... дремлешь?..» и т. д. Он призывает русский народ «развернуться своими силами, но не в «ребросокрушительном» направлении.., а в направлении мирном, стремясь к тому, чтобы.. проникнуться кротким гуманным учением Богочеловека, принявшего крестную смерть за указание человечеству путей, ведущих к возможному счастью на земле и блаженству в загробной жизни...² Практически Лободовский-Перепелкин во время своего путешествия в меру своих сил и средств становится на путь филантропии, то помогая деньгами несчастным, то мужественно вступаясь за обиженных.

Основной метод, отнюдь, не борьба, тем более не политическая, или классовая борьба. Вопрос, по его мнению, совсем не в социальной розни. Так, столкнувшись и разговорившись с озлобленным крестьянином, у которого господу замучили и забили насмерть брата, пытавшегося добиться правды, Перепелкин старается разубедить своего собеседника. Он внушает ему мысль, что не все господу плохие, что есть хорошие, что если есть в душе бог, то и человек хорош и т. д.³.

По политическим убеждениям Лободовский—монархист. В царе, в частности в Николае I, он видит подлинного рачителя земли русской, защитника и охранителя народных интересов от посягательств казнокрадов, взяточников недобросовестных чиновников и т. д., только царь часто бессилен в своей борьбе за правду, так как ее скрывают от него⁴, и Перепелкин мечтает «об истинно смелых патриотах, которые бы раскрыли всю правду царю»⁵.

Очень показательны странички очерков, очевидно, относящихся уже к началу 50-х годов, где Лободовский от лица своего псевдонима Перепелкина рассказывает о возмущении царя Николая Павловича нелепостью и придирчивостью цензуры. Царь называет чрезмерно старательных цензоров «дураками» и требует их отставки⁶. В том же духе уважения к царствующему дому излагается история борьбы двух педагогиче-

¹ «Русская старина», 1905, № 11, стр. 368—370.

² Там же, 1904, № 12, стр. 541.

³ Там же, 1904, № 11, стр. 363.

⁴ Там же, 1905, № 1, стр. 24—25.

⁵ Там же, 1905, № 11, стр. 376.

⁶ Там же, 1905, № 2, стр. 482, 483.

ских направлений в учебных заведениях. М. Н. Мусин-Пушкин, полечитель Петербургского учебного округа,—типичный представитель, по мнению Лободовского, недобросовестных вельмож,—требовал в отношении к учащейся молодежи: «строгость, строгость и строгость... не рассуждать, не сметь думать!» В противовес ему Лободовский выдвигает Я. И. Ростовцева—нач. штаба высших учебных заведений, который под влиянием своего шефа цесаревича Александра Николаевича (будущего царя Александра II) поощрял среди учащейся военной молодежи «любовь к высшему умственному и нравственному развитию». Ростовцев в ответ на суровые требования Мусина-Пушкина говорил: «Молчать—бессмысленно, рассуждать—следует, а не думать и нельзя»¹.

**

Не было бы большой нужды знакомиться столь подробно с общественными и политическими взглядами Лободовского, если бы не такое очень существенное обстоятельство. Молодой Н. Г. Чернышевский накануне выхода из Саратовской духовной семинарии и первые два года обучения в Петербургском университете был проникнут очень сходными мыслями, чувствами и настроениями, которые к тому же выражались у него не с меньшей экзальтацией и готовностью найти пути для облегчения жизни страдающих и активно послужить родине. То есть, в Петербурге в лице В. П. Лободовского молодой Чернышевский встретил очень близкого единомышленника. Для характеристики взглядов Чернышевского этой поры очень важно его письмо к своему двоюродному брату А. Н. Пылину, по поводу стихотворения А. Майкова «Две судьбы»², а также два письма к двоюродной сестре Л. Котляревской, где излагаются впечатления и размышления о прочитанных романах Э. Сю («Парижские тайны», «Мартин Найденыш»).

В письме по поводу «Двух судеб» А. Майкова Н. Г. Чернышевский делится своими печальными раздумьями, его волнуют те же вопросы, какие волновали и будущего его друга Лободовского. Главный предмет размышлений—умственный и нравственный застой России.

Чернышевский одушевлен стремлением к великому патриотическому подвижничеству, его мечта—вырвать русский народ из духовного застоя. Пока еще по воспитанной традиции Чернышевский так же, как и Лободовский, в этом подвиге

¹ Там же, 1905, № 2, стр. 384.

² Стихотворение «Две судьбы» А. Майкова впервые было напечатано отдельным изданием в 1845, СПб.

ге надеется на помощь бога. Письмо кончается словами: «Попросим у бога, чтобы он судил нам этот жребий» (XIV, 48).

В письмах к Л. Котляревской внимание Чернышевского повернуто к еще более важным вопросам: отправляясь от социальных романов Э. Сю, он делится своими мыслями о методах борьбы со злом, с общественной и социальной несправедливостью. Этот же вопрос, как видно из содержания «Бытовых очерков», волновал больше всего и Лободовского. Здесь мы найдем особенно много общих линий в рассуждениях того и другого¹.

Значение писем к Л. Котляревской не исчерпывается только этим. Еще больший интерес они представляют в том отношении, что позволяют установить одновременно сходство и различие в общественных взглядах, в понимании методов исправления действительности у Чернышевского и Белинского, поскольку у последнего есть также развернутое суждение о романе Э. Сю «Парижские тайны».

На сопоставлении взглядов Лободовского, Белинского и Чернышевского по вопросам о методах исправления окружающей действительности, можно придти к ясному представлению, кто же был для молодого Чернышевского маяком, зовущим вперед, кто выступал с наиболее передовыми, прогрессивными требованиями, кого Чернышевскому приходилось догонять, действительно ли Лободовского или Белинского.

Интерес к социальным романам Э. Сю у Чернышевского был не случаен. А. Н. Пыпин, характеризуя настроение молодого Чернышевского, писал о нем в «Моих заметках», что его интересовали «вопросы общественные»². Известно, что в 40-е годы из всех общественных вопросов самое пристальное внимание привлекал к себе вопрос о тяжелом положении крепо-

¹ С романами Э. Сю Чернышевский начал знакомиться до приезда в Петербург. Еще семинаристом, видимо, совместно с Л. Н. Котляревской, прочитал в «Отечественных записках» десяти томный роман Евгения Сю «Парижские тайны» (перевод «Парижских тайн» печатался в «Отечественных записках» в 1844 году). Незадолго до отъезда в университет он и Л. Н. Котляревская начали читать другой известный роман того же автора «Агасфер» («Вечный жид»). В дальнейшем, спустя месяц по приезде в Петербург, Чернышевский с нарастающим вниманием читает третий роман Э. Сю «Мартин Найденыш» (печатался в «Библиотеке для чтения» в 1846 и 1847 гг.). Своими впечатлениями и размышлениями о прочитанном Чернышевский делится с Л. Н. Котляревской в двух письмах: одно от 30 августа и другое от 6 октября 1846 года. Эти два письма являются первыми и наиболее развернутыми литературно-критическими высказываниями Чернышевского. Они позволяют определить общественные и литературные позиции Чернышевского к моменту его зачисления студентом в Петербургский университет.

² А. Н. Пыпин. Мои заметки, Сб. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, в двух томах. Саратовское книжное издательство, 1958, т. 1, стр. 63.

стного крестьянства, о вопиющей бедности и несправедливости этого класса, о безнаказанном произволе помещиков и бюрократии и т. д. 40-е годы российской действительности давали молодому Чернышевскому немало примеров для наблюдения и размышления, тем более, что детство его протекало в Саратове, который являлся не только старинным помещичьим городом, но и торговым центром с быстро растущим капитализмом в связи с открытием в это время волжского пароходства. Чернышевский наблюдал факты двойной эксплуатации, которой подвергался народ, размышлял по поводу неразумно и несправедливо устроенной русской жизни, однако анализа и осмысления этих явлений ни в художественной, ни в публицистической литературе не находил. Только в 1847 году рассказом «Хорь и Калиныч» Тургенев, автор «Записок охотника», по словам Белинского, «зашел к народу с той стороны, с какой до него никто не заходил».

Между тем, в западноевропейской литературе пролетариат, крестьянство и беднота уже нашли своих талантливых изобразителей и заступников в лице популярных писателей Э. Сю, Ч. Диккенса и Ж. Санд.

Страстное увлечение романами Э. Сю было чрезвычайно характерно для уровня общественно-политических воззрений молодого Чернышевского. В эти годы принципы религиозного мировоззрения еще не вызывали у него никакого сомнения. Влияние отца, семейного уклада в родительском доме, а также всей системы семинарного воспитания не могли для Чернышевского пройти бесследно. Чтение «Отечественных записок», статей Белинского и Герцена разбудило у Чернышевского демократические симпатии, внимание и сочувствие к угнетенным классам, воспитало уверенность, что наука и просвещение являются большой силой, способствующей улучшению жизни, однако, еще не успело разрушить религиозной основы всех его взглядов. Поэтому для Чернышевского-семинариста основным фактором социального обновления, как и для Лободовского, была религия, понимаемая в самом благородном смысле, религия, христианство, в основе которого лежали гуманизм, любовь к ближнему, совесть, сочувственное отношение к человечеству—именно это главное, а не устрание-

1 Ф. Энгельс в связи с появлением «Парижских тайн». Э. Сю сказал: «...характер новейшей литературы претерпел полную революцию в течение последних десяти лет; что место королей и принцев, которые прежде являлись героями подобных рассказов, в настоящее время начинает занимать бедняк, презренный класс, чья жизнь и судьбы, нужда и страдания составляют содержание романов; они находят, наконец, что это новое направление таких беллетристов, как Жорж-Занд, Эжен-Сю и Боз (Диккенс) является, несомненно, знамением времени» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Госиздат, «Искусство», 1938, стр. 296).

ние экономического и политического неравенства. Справедливое распределение материальных благ и справедливые взаимоотношения людей явятся сами по себе в результате высоко развитой нравственности и христианской любви. Не в материальных бытовых и политических сферах решаются судьбы человечества, а в духовных. Основным поприщем деятельности, по мнению Чернышевского, является душа, человеческое сердце и разум; задача заключается в том, чтобы просветить человека верой, любовью, наукой. Внутреннее самоусовершенствование приведет людей к внешнему благополучию, к осознанию сильными необходимости отказаться от своих преимуществ ради бедных и обиженных судьбою. Иначе говоря, Чернышевский, как и Лободовский, стоял в эту пору на позициях христианского социализма. В Э. Сю он нашел себе полного единомышленника, духовного руководителя, авторитет которого в доуниверситетский период и первые годы пребывания в университете до 1848 года заслужил всех других писателей.

В своих романах Э. Сю, рисуя жизнь большого города, показывал обнищание пролетариата и крестьянства, растущую преступность, алкоголизм, проституцию. Сю популяризировал идеи утопического социализма: он далек от советов революционного вмешательства в жизнь, его рецепты спасения человечества наивны. Он пытается доказать мысль, что моральным совершенствованием, христианской любовью—с одной стороны, и частными благотворительными мероприятиями правительства и отдельных богатых людей—с другой, можно устранить и социальные уродства и моральное разложение, ведущие к жестокости и преступности.

Оценивая положительную программу автора, Чернышевский восклицает: «Главное, какая высокая, священная любовь к человечеству у Сю» (XIV, 45).

Понимание Чернышевским романов Сю в 46—47 годах для нас представляет интерес, как показатель, до какой черты общественных и литературных позиций Белинского дошел в этот момент своего развития Чернышевский. В этих целях приведем параллельное сопоставление высказываний о Сю Чернышевского и Белинского.

В 1844 году в «Отечественных записках»¹ была помещена статья Белинского о «Парижских тайнах». Чернышевский, аккуратный читатель этого журнала и горячий поклонник

¹ Ст. Белинского «Парижские тайны». Роман Эжена Сю». Печаталась в «Отечественных записках», 1844., т. XXXIII, № 4. Статья печаталась без подписи. В издании Академии наук СССР статья Белинского помещена в VIII т., 167—192 стр.

Э. Сю, пропустить, конечно, эту статью Белинского не мог. В каком же соотношении высказывания Чернышевского находятся со взглядами Белинского на этот роман?

По Белинскому, основная мысль романа—показать нищету угнетенных классов, чтобы вызвать сочувствие у виновников этой нищеты—буржуазии. «Основная мысль этого романа,—пишет Белинский,—истинна и благородна. Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетой — на порок и преступления. Не знаем, заставила ли эта картина... содрогнуться среди его торговых и промышленных оргий...»¹.

Белинский подчеркивает стремление автора зарисовать материальное состояние социальных низов и тех последствий, к которым ведет нищета и несправедливость.

По мнению Чернышевского, основная цель романа другая. В письме к Л. Н. Котляревской он пишет: «Ты знаешь, что в «Парижских тайнах»... цель доказать, что по большей части злодей и негодяй не рождается злодеем и негодяем, а делается им от недостатка нравственного воспитания и бедности, ужасающей необходимости быть злодеем и негодяем или умереть с голоду и, наконец, дурного общества, в котором с младенчества находится» (XIV, 44).

Как видно, акцент, по сравнению с Белинским, другой: сосредоточенность на нравственном, духовном, а не на материальном.

Отметив, что главным в романе является зарисовка материальных противоречий, Белинский указывает, какими методами нужно достигать справедливого распределения жизненных благ, как устранить социальное неравенство и зло, из него вытекающее. В своих утверждениях Белинский выступает как демократ, революционер и просветитель. Он целиком на стороне обездоленного народа. Он оправдывает борьбу народа с буржуазией и аристократией за материальные блага и политические права. Белинский возмущен тем, что плодами победы народа воспользовалась буржуазия, опять оставив его в нищете. Поэтому нужно просвещение, образование, чтобы впредь не дать себя обмануть.

«...народ... в безумной ревности лил свою кровь...—что же выиграл себе этот народ?—Увы, тотчас же после июльских

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР. М., 1955, стр. 170. В дальнейшем сноски будут даваться по этому изданию.

происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего»...¹ «Вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единою каплею крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал»². В дальнейшем этого не повторится, говорит Белинский: «В народе уже быстро развивается образование»...³. Образование поможет народу яснее видеть свои цели в борьбе.

Чернышевский из этого противоречия находит другой выход: не физическая борьба во имя материальных и экономических ценностей (он ее отрицает), а нравственное, в духе христианской любви, воспитание злых людей, насильников, аристократов, богачей. Поэтому, говоря о «Парижских тайнах», он с таким сочувствием и так охотно соглашается с Сю, который проповедует метод нравственного воздействия.

У всякого почти, как бы дурен ни был он,—комментирует Чернышевский авторскую мысль в романе,—остаются еще известные струны в сердце, дотронувшись до которых можно пробудить в нем голос совести и чести, возродить его и показать, как легко было бы правительству, если бы оно захотело, или даже частным богатым людям предупредить порчу сердца и воли во всех почти тех, которые являются такими «чудовищами, или даже исправить уже испортившихся...» (XIV, 44).

Та же мысль, та же сосредоточенность не на материальном положении, а на нравственном состоянии присутствует у Чернышевского в объяснении другого романа «Мартин Найденыш». В душевной запущенности людей видит Чернышевский главный ужас, от устранения которого зависит и внешняя сторона жизни.

«Третьего дня мы трое (еще был один студент) читали весь вечер новый роман Эженя Сю «Мартин Найденыш». Он стоит «Вечного жида», если не лучше его. Главная цель его—доказать, что как бы ни закоснел человек во зле, всегда можно и легко можно обратить его к добру, и средствами мирными, кроткими, а не кровавыми». (XIV), 50).

Чернышевский понимает, что для достижения благополучия людей есть два пути: первый—борьба физическая и второй—воспитание сердца. Он сознательно становится на второй путь, отвергая первый. Для доказательства справедливо-

¹ В. Белинский. «Парижские тайны» роман Э. Сю». т. VIII, стр. 171. Речь идет об июньской революции 1830 года во Франции.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 173.

сти своих взглядов он приводит разговор героев романа, представляющих эти две позиции—Клода и Мартина.

Чернышевский целиком согласен с моральными выводами автора: «Удивительный, благородный и, что всего реже, в истинно христианском духе любви написанный роман» (XIV, 51).

Из приведенных рассуждений следует, что главной силой в устройстве человеческих взаимоотношений, по мнению Чернышевского, является совесть. Человек с просветленной нравственным воспитанием совестью восстанавливается в своей подлинной человечности и готовности делать добро.

У Белинского и на это другой взгляд: совесть—абстракция, она бессильна, и потому совести он противопоставляет закон, но закон, подкрепленный материальными условиями.

«Мещане-собственники,—пишет Белинский в упомянутой статье,—...не хотят слышать о законах человечества и нравственности. Они честно платят работнику ими же назначенную плату, и если этой платы недостаточно для спасения его с семейством от голодной смерти, и он с отчаяния сделается вором или убийцею,—их совесть спокойна: ведь они по закону правы!».

Закон, а не совесть—вот сила, говорит Белинский, но чтобы этот закон был справедлив и охранял права людей, должно быть равенство людей не на словах, а на деле,—экономическое равенство¹.

Итак, какую же роль в развитии общественно-политических взглядов Чернышевского играли Лободовский и Белинский?

Нет никакого сомнения: взгляды молодого Чернышевского были очень близки взглядам Лободовского. Оба они «выходцы из духовного сословия, питомцы духовной семинарии, были людьми религиозными, причем не фанатично религиозными, а искренне убежденными в справедливости христианского учения. Небезынтересно отметить такую, их обоих характеризующую, деталь: семинарское начальство пророчило Гавриле Ивановичу Чернышевскому, что его сын Николай будет одним из светильников церкви. По таким же мотивам начальство духовной академии, где учился одно время Лободовский, не хотело его выпускать для продолжения учения в светском учебном заведении.

Объединяло их и то, что оба они, несомненно, были настроены демократически, оба питали искреннее сочувствие к социальным низам, видели несправедливость в положении

¹ В. Белинский. «Парижские тайны»: роман Э. Сю.» Соч. Белинского, т. VIII, стр. 172.

простого народа, возмущались паразитизмом и тунеядством правящих привилегированных классов. И Лободовский и Чернышевский в пору своей молодости считали, что такое несправедливое общественное устройство возникло в результате низкой духовной культуры.

История развития Чернышевского показывает, что он неуклонно, сначала не сознавая того, а потом совершенно сознательно шел к Белинскому, но пока на этом этапе своего развития мы видим, что Чернышевский в своих юношеских рассуждениях—мечтатель, утопист, зачарованный наивными иллюзиями христианских социалистов, в то время как Белинский—социалист, революционер-демократ, понимающий важное значение в улучшении жизни народа материалистических факторов, он поборник не христианской, а «маратовской любви», которая не мешает признавать необходимость классовой борьбы.

**

Чернышевский и Лободовский прибыли в Петербург в один и тот же 1846 год. Чернышевский выдержал экзамены и был зачислен студентом Петербургского университета по филологическому отделению. Лободовский после хлопот получил от попечителя Мусина-Пушкина разрешение посещать тот же факультет в качестве вольнослушателя. Так они встретились, познакомились и вскоре стали неразлучными друзьями. Лободовский, человек, несомненно, умный, житейски более опытный и общительный, непосредственный и открытый в выражении своих чувств, произвел на Чернышевского большое впечатление и приятной внешностью, и светской развязностью, которой так недоставало скромному и угловатому Чернышевскому, и начитанностью, и рассказами о своем полуторатысячверстном путешествии, наполненном встречами, столкновениями, любовными приключениями, благородными поступками в защите слабых и бедных. Причем, все это освещалось уже известной нам философией и рассуждениями о христианской любви, о роли церкви и ее пастырей, о самоусовершенствовании и т. д.

Мог ли Лободовский, как говорят биографы Чернышевского, воспитывать у Чернышевского революционные взгляды и настроения? Конечно, нет. Лободовский мог содействовать усилению у Чернышевского пафоса негодования несправедливостью в окружающей действительности, мог содействовать усилению чувства сострадания к обиженному, закрепощенному народу, мог возбуждать обличительное, критическое отношение к людям, «забывшим бога» и вставшим на путь заботы

о личном, корыстном благополучии; но путь революционного протеста и борьбы, как мы видели, был чужд Лободовскому. Мало того, в письмах Чернышевского к родным, в некоторых его дневниковых записях мы скоро почувствуем интонации Лободовского. Так, в сентябре 1846 года в письме родителям Чернышевский осуждает законоучителя университета Райковского за то, что он воспитывает своими лекциями только формальную религиозность,—он не настоящий воспитатель. «Я сожалею... университет, в котором он законоучителем, и молодых людей, которых оставляет он в добычу неверию или хорошо еще, «если деизму» (XIV, 52—52).

Что это? Голос Лободовского или случайное совпадение? Если совпадение, то очень близкое к рассуждениям нового знакомого Чернышевского.

В дальнейшем влияние Лободовского будет ощущаться с большею несомненностью.

Прошел первый год обучения. Осень 1848 года. Чернышевский и Лободовский прочно сблизились. Интерес к общественным вопросам не утихал. За это время примеров, доказывающих Чернышевскому несовершенство социальной системы, стало чрезвычайно много. В России идут нескончаемые мужицкие бунты¹. Во Франции уже больше полугода пролетариат ведет ожесточенную борьбу за улучшение своего материального состояния. Чернышевский в курсе дела заграничных событий: он систематически читает, кроме русских, много иностранных журналов и газет. Теперь он всю свою симпатию отдает борющемуся пролетариату. 18 сентября 1848 г. он записывает в дневнике: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр, решительно (II, 122). История пошла не по романам Э. Сю, которыми так недавно Чернышевский восторгался: не любовь, а борьба, жестокая кровавая борьба классов может привести к улучшению состояния трудящихся масс.

Теперь Чернышевский подхватывает и развивает раньше не задевавшие его мысли из статьи «Парижские тайны», помещенной в мартовском номере «Отечественных записок» за 1844 год. Действительно, чтобы закон был справедлив и охранял права людей, должно быть равенство не на словах, а на деле—экономическое равенство. Чернышевский не мог забыть гневных строк анонимной статьи о «Парижских тайнах»: «Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату... Хорошо равенство! И будто

¹ А. С. Нифонтов. Россия в 1848 г. Учпедгиз, М., 1948, стр. 40—44.

легче умирать зимою в холодном подвале, или на холодном чердаке с женою, с детьми, дрожащими от стужи, не евшими уже три дня, будто легче так умирать с хартиєю, за которую продито столько крови»¹.

Буквально точный смысл этой страстной тирады Белинского повторяется Чернышевским, также возмущенным бумажными законами, не обеспечивающими народу материальные условия. «Эх, господа, вы думаете, дело в том, чтобы было слово республика, да власть у вас, — обращается он к либералам, — не в том, а в том, чтобы избавить низший класс от его рабства, не перед законом, а перед необходимостью вещей, как говорит Луи Блан, чтобы он мог есть, пить, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться — мужчины трупами или отчаянными, а женщины — продающими свое тело» (I, 110).

Мысль Чернышевского неуклонно развивается в материалистическом направлении, размывая и подтачивая уверенность в прежних убеждениях. Не нравственные идеи, а материальные условия — вот что является главным!

В январе 1849 года он записывает в дневнике мысли по поводу действующих сил в историческом процессе. Теперь он убежден, что материальное состояние, положение народа является той почвой, из которой возникают исторические события, действия (I, 232).

Вместе с укреплением материалистического понимания жизни и ее процессов у Чернышевского начинают все заметнее колебаться его религиозные убеждения.

То он говорит, что верит в бога только «по силе привычки», что он ощущает несовместимость своих новых понятий с религиозностью (I, 66). То опять вдруг заявляет, что он «в сущности решительно христианин» (I, 132), что верует в Христа как каждый православный человек. Чернышевский колеблется, поднимается и падает, точно кто-то мешает ему идти вперед.

Состояние внутренней противоречивости, сомнений; борьбы с самим собой Чернышевский испытывал на протяжении всего 1848 года. Действительно, его политические убеждения, где он выступал сторонником революционной борьбы, «мало клеились» с его религиозными убеждениями, которые, наоборот, звали к братской любви и взаимному примирению.

Какую же сторону в этих колебаниях держал Лободовский, человек, по словам самого Чернышевского, оказывавший на него огромное влияние.

¹ В. Г. Белинский, т. VIII, стр. 173.

Чернышевский, характеризуя взгляды своего друга, мало оставил записей, где бы эти взгляды подробно излагались. Но однако в одном из писем к родителям (январь 1847 год) он упоминает с большим сочувствием и одобрением о благородной статейке своего друга по поводу оценки творчества Гоголя.

Мнение Лободовского он противопоставляет суровым суждениям, «пошлым остротам», которые допускались Никитенко, Некрасовым и Белинским на страницах «Современника» по поводу авторского предисловия к 1-му изданию «Мертвых душ» и по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

Какую же точку зрения на «Выбранные места из переписки с друзьями» выдвигает Лободовский и что сочувственно поддерживает его молодой друг?

Статья Лободовского начинается так: «На днях я прочитал, любезный друг, новое сочинение Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга с первых строк поразила меня: здесь уже не тот Гоголь, который рисовал верную картину жизни русского для русских; здесь Гоголь является учителем русского народа, объясняет ему, что такое значит русский народ, что такое он сам и его сочинения. Он учит нас как русский, который всею душою любит свое отечество, как христианин, который видит в церкви опору всей жизни...»¹ (курсив мой—А. М.).

Цель автора статьи совершенно ясна: Гоголь берется под защиту как писатель-христианин и патриот. Он обличает пороки, чтобы исправить нравы своих соотечественников. В церкви, в ее мессианской роли автор «Переписки» видит опору всей жизни.

В этой, конечно, связи и сам Чернышевский в «Дневнике» и в «Письмах к родителям» выступает защитником Гоголя-христианина, Гоголя-автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». И пока не ослабеет влияние Лободовского, он будет полемизировать с Белинским по поводу «Переписки» Гоголя, брать под защиту ее моралистический, религиозный пафос.

С конца 1848 года влияние Лободовского ослабевает. Революционные события во Франции, правительственный террор в России, знакомство с петрашевцами (Ханыков, Дебу), их арест и, наконец, сближение с И. Введенским и его круж-

¹ «Иллюстрация», 1847, № 9, стр. 47.

ком—все это развернуло перед Чернышевским новые перспективы, новые жизненные концепции, в свете которых начал постепенно гаснуть ореол непогрешимости его друга. Чернышевский перестает видеть в нем прежние черты гениального характера и ума, он начинает тяготиться иждивенческой психологией своего приятеля. Все чаще Чернышевский начинает с некоторой стыдливой робостью, обвиняя себя в пошлости, замечать у своего кумира инертность (I, 220, 245, 315, 321), слабость воли (I, 183, 221-2, 226, 231, 283), склонность к нытью (I, 156, 178-9, 181, 183, 245) и т. д. и, что самое для него печальное, склонность к пошлости (I, 350), отсутствие серьезных больших интересов. Все чаще и чаще записи дневника свидетельствуют, что Лободовский не был активным собеседником по вопросам политической жизни. Встречаясь чуть ли не каждый день, друзья играли в карты, гуляли, разбирали свои характеры, очень много говорили о любви, о семейной жизни молодоженов Лободовских, немалое место в их разговорах занимали вопросы религиозные. Что же касается политики, то, видимо, в этой области у них были какие-то осложняющие препятствия, какие-то несогласия. Так, в январе 1849 года Чернышевский записывает: «С Вас. Пет. толковал обо всем, кроме политики, о которой ни слова, более об унии и обращении униатов». (I, 230).

В феврале 1849 года Чернышевский делает запись, которая на первый взгляд может быть использована для доказательства наличия активной революционности во взглядах Лободовского: «Вечером был у Вас. Петр., толковал все о революции у нас..., он любит заводить об этом речь, но раньше я не сочувствовал, а теперь не прочь и я». Однако продолжение записи сильно настораживает против Лободовского: «Мнение его о государе кажется переменялось к худшему, во всяком случае, я думаю, что и он, как я, считает его чем-то вроде Пушкина» (I, 237) (имеется в виду попечитель Мусин-Пушкин, в котором Чернышевский видел одного из палачей науки—А. М.).

Что же видно из записи? Только то, что Чернышевский неуверен в том, как относится его друг к царю, и что до этого разговора Лободовский уже, безусловно, о государе был хорошего мнения. О чем мы, кстати, знаем по «Бытовым очеркам».

Есть в дневниковой записи еще одно место, которое у биографа Чернышевского и является главным аргументом в пользу революционности Лободовского.

3 августа 1848 года Чернышевский записывает в дневнике: Василий Петрович «сильно говорил о том, как бы можно поднять у нас революцию, и не шутя думает об этом. Элемен-

ты,—говорит,—есть, ведь поднимаются целыми селами и потом не выдают друг друга, так что приходится наказывать по жребию; только единства нет, да еще разорить могут, а создать ничего не в состоянии, потому что ничего еще нет». Мысль (участвовать) в восстании для предводительства у него уже давно. «Пугачев,—говорю я,—доказательство, но доказательство и того, что скоро бросят, ненадежны!».—«Нет,—говорит он,—они разбивали линейные войска, более чем они многочисленны» (I, 67).

Эти рассуждения друзей о революции в России, как видим, носили самый общий, абстрактный, если не сказать, мечтательный характер. Смелые планы Лободовского о предводительстве в крестьянском мятеже, об учете опыта крестьянских восстаний времен Пугачева были наивны, ни к чему не обязывали и не вызвали у Чернышевского серьезных на этот счет мыслей. Во всяком случае, когда на эту же тему с ним заговорил другой его друг, с которым он недавно познакомился, петрашевец Ханыков, то впечатление от разговора было совсем иным. Месяца через 3—4 после записи разговора с Лободовским Чернышевский заносит в дневник содержание беседы с Ханыковым (11 декабря 1848 г.). С Ханыковым «более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, напр., раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч., так что в самом деле многого я не замечал, или, может быть, не хотел заметить потому, что смотрел с другой точки». (I, 196). Как видим, Ханыков в доказательстве возможности у нас революции опирался не на опыт XVIII века, а на живую современность, причем характерна оговорка Чернышевского: «многого я не замечал», а Лободовский, мечтающий быть предводителем крестьянского восстания, прошедший пешком по России 1500 верст, тоже не заметил этих возможностей революции, не сумел о них ничего сказать своему молодому другу. Да и не смог бы, потому, что мы помним, как, описывая свое путешествие в «Бытовых очерках», Лободовский убеждал озлобленных крестьян, что не все господа плохие, есть хорошие, лишь бы «был в сердце бог».

Понятно, что и впечатления от разговоров о революции, какие велись с Ханыковым и с Лободовским, были совсем различными и многозначительно говорили, кто же Чернышевского воспитывал в революционном духе. Разговор с Ханыковым поразил Чернышевского. Он ясно ощутил реальность русской революции, почувствовал приближение землетрясения: «Этот твердый неподвижный Boden—почва, на котором стоял и в

непоколебимость которого верил, вдруг, видим мы, волнуется, как вода» (I, 196).

Ощущение было настолько реально, говорит Чернышевский, что «это меня несколько беспокоило». Разговор с Ханыковым, а не с Лободовским оставил след у Чернышевского на всю жизнь.

3 февраля 1849 года Чернышевский записывает в дневнике, что именно он сам разъясняет Лободовскому, а не наоборот, о возможности революции в России: «Так я ему все говорил о революции и о хилости нашего правительства—мнение которого зародыш положил Ханыков» (I, 235). Ханыков, а не Лободовский. Лободовский потерял свой престиж руководителя в этом вопросе.

Через месяц—в дневнике другая запись, которая еще больше убеждает, что не Лободовский развивал политическую мысль Чернышевского, а наоборот. 10 марта 1849 года Чернышевский пишет: шли с Василием Петровичем, «я говорил большею частью и почти все о политике, говорил о суде в Бурже, говорил о Бланке, ...о Шлоссере, об «истории революции» Buchet; он (т. е. В. П. Лободовский) говорил снова, что слишком мало читал он, ничего не знает, что теперь хотелось бы чем-нибудь заниматься. Я снова начал говорить, как мне противно, когда кто настаивает на том, что он решительно беспристрастен, не принадлежит ни к какой партии... И вообще говорил много. Он (В. П. Лободовский), я думаю, должен был скучать, однако не знаю» (I, 254). Т. е., когда Чернышевский, рассуждая о политике, обнаружил свои знания конкретных фактов, событий, имен, книг—Лободовский сознавался, что он просто об этих вещах ничего не знает, что он мало ознакомлен с серьезной политической литературой. Причем характерно: жалобы Лободовского на свою недостаточную политическую осведомленность Чернышевский слышал не в первый раз. Лободовский, записывает он, «снова говорил, что слишком мало читал». Когда же Чернышевский во время этого разговора начал говорить со страстью, с гневом о политическом равнодушии людей, о необходимости активного партийного участия в политической жизни—Лободовский, по предположению Чернышевского, «должен был скучать». Вывод из этой записи напрашивается сам: Лободовского нельзя заподозрить ни в политической осведомленности, ни в политической убежденности, а следовательно, вряд ли это была подходящая фигура для обучения и воспитания Чернышевского в революционном духе.

Скоро Чернышевский окончательно понял, что для Лободовского слова о революции, о мятеже, о предводительстве бунтующими крестьянами были кокетством, позой. В начале

1850 года он записывает в дневнике: «С Вас. Петр. стали говорить о переворотах, которых должно ждать у нас; он воображает,—с явной насмешкой замечает Чернышевский,—что он будет главным действующим лицом» (I, 363 (курсив мой—А. М.).

Чтобы завершить характеристику общественных взглядов В. П. Лободовского, остановимся еще на одной его беседе с Чернышевским. Друзья по-прежнему были озабочены средствами и методами спасения человечества. Как улучшить жизнь? — вот вопрос, который их волнует.

В это время Чернышевский чаще бывает с Лободовским: Ханюков, с которым завязалось было интересное знакомство, оказался членом политической организации и был арестован, с И. Введенским и его кружком Чернышевский еще не успел сблизиться. Возможность же говорить по волнующим темам оставалась только с Лободовским. Один из таких разговоров, очень важных для понимания роли Лободовского в политическом развитии Чернышевского, происходит в конце мая 1849 года.

Лободовский сказал, — записывает Чернышевский в дневнике. — «мир более нуждается в освобождении от нравственного ига и предрассудков, чем от материального труда и нужд; более нужно развивать сердце, нравственность, ум, чем освободить от материального труда» (I, 281).

Видимо, разговор на эту тему заходил не впервые, и Лободовский, остававшийся для своего молодого друга большим авторитетом, уже высказывался в этом же духе. Об этом можно судить по тому, что Чернышевский не стал прямо возражать Лободовскому, хотя с ним и не был согласен. «Я не стал снова возражать против этих слов».

Чернышевский, по его словам, не хотел спорить, не хотел возвращаться «к вопросу о том, что важнее теперь, проповедывание нравственности и любви к человечеству или изгнание материальной бедности, нужды и т. д.». (I, 281).

В решении этого вопроса пути друзей разошлись. На третьем году своего знакомства с Лободовским Чернышевский начал освобождаться от влияния своего друга. Мнение Чернышевского о способах облегчения жизни человека стало другим. «Много ли успехов принесло учение этого существа (т. е. Иисуса Христа — А. М.),—задается вопросом Чернышевский,—которое проповедывало нравственность и любовь? Вот 18 веков, а эти учения и не думали еще входить в жизнь... явилась мысль, что Иисус Христос... не так делал... бог, который может освободить человека от физических нужд, должен был раньше это сделать, а не проповедывать нравственность и любовь, не давши средств освободиться от того.

что делает невозможным освобождение от порока, невежества, преступления и эгоизма» (1, 281, 282).

Разговор друзей многозначителен: он показывает, что в то время, как Чернышевский быстро политически мужал и развивался, для его друга Лободовского события этих лет прошли мимо, он не заметил ни 48-го года, ни политического террора в России, он ничему не научился. В области политики он не поднимался выше незрелого романтического мечтательства—стать главарем крестьянского бунта на манер Пугачева. Его концепция спасения мира осталась неизменной с юношеских лет. Он продолжал питаться нравственным и философским багажом семинарской и академической премудрости. Он по-прежнему ратовал за нравственное самоусовершенствование. Он был примитивно религиозен и считал, что для спасения мира, для его нравственного обновления нужно второе пришествие спасителя, и уже трудно сказать насколько это было искренне,—таким вторым мессией Лободовский предлагал стать Чернышевскому!

В дневнике, в записи только что упомянутого разговора, есть такое место: Лободовский «говорил мне, чтобы я был вторым спасителем, о чем он не раз и раньше намекал» (281).

Чернышевский расстался с Лободовским в марте 1851 года, когда он, окончив университет, отправился в Саратов. Через 2 года, в мае 1853 года Чернышевский снова возвращается в Петербург и при содействии И. Введенского в августе 1853 года устраивается учителем во 2-й кадетский корпус, где и работает до конца 1854 года. В это же время в том же кадетском корпусе преподавал и Лободовский. Однако, ни Чернышевский, ни Лободовский нигде уже не обмолвились друг о друге ни единым словом. Очевидно, старые друзья разошлись, поняв полное несоответствие своих воззрений.

Последний период жизни Лободовского прошел в одном из городов Сибири, где он также вел преподавание словесности в кадетском корпусе. Воспоминаниям об этой поре посвящаются последние 3-я и 4-я главы его «Бытовых очерков». В записях, относящихся к сибирскому периоду жизни Лободовского, мы не найдем ничего нового, что бы отменяло уже сложившиеся о нем представления. Тем не менее, они для нас интересны, поскольку автор показывает, как он активно претворяет в жизнь свои убеждения. Лободовский-Перепелкин рассказывает, как он решил отправиться в Сибирь, побуждаемый словами своего будущего начальника, единомышленника, человека, которого он искренно уважал: «Здесь ли (т. е. в Си-

бири) не развернуться и не найти применения молодым силам, рвущимся сослужить полезную службу царю и отечеству!». Они оба вдохновлены одной целью: поставить работу в корпусе так, чтобы из него выходили «дельные и нравственные люди»¹.

Во время длительной дороги в Сибирь, которая позволила ему лучше узнать Россию, он встречает все те же примеры ужасающей дикости нравов, жестокости, несправедливости. Как и прежде, он возмущен пассивностью церкви: «Господи, все время думал Перепелкин, это в христианском государстве, претендующем на благочестие своего народа, особенно на тронутого европеизмом, так понимается главная основа учения Богочеловека—любовь к ближнему! Что же вы, пастыри церкви, не вразумите этих чудовищ... и т. д. и т. д.»².

По приезде на место назначения Перепелкин весь отдается стремлению поднять нравственность окружающих людей, вывести на свет божий и обличить, заклеить недобросовестных и порочных стяжателей.

Его деятельность не ограничивается стенами корпуса, где он восстает против палочной дисциплины и казенного формализма, мешающих поднять нравственный уровень учеников. Перепелкин пытается влиять на жизнь всего города, он борется со всякого рода недобросовестностью: обличает жестокость в быту, пьянство, казюкрадство, особенно длительно и упорно воюет с группой влиятельных лиц города, наживающихся на темных операциях с различными строительными подрядами. Перед интеллигенцией города Перепелкин выступает с публичными лекциями обличительного характера. В этих целях он использует Гоголя. Зачитывая отдельные главы из «Мертвых душ», Перепелкин от разбора характеров гоголевских героев переходит к разбору пороков городских обывателей, чем вызывает против себя почти всеобщее озлобление. Перепелкин выступает в роли наставника жизни, учителя нравственности. Он называет себя педагогом-идеалистом, беззаветно служащим добру и правде Дон-Кихотом.

Лободовскому в голову не приходит мысль, что низкий уровень нравов находится в прямой связи с несовершенной социальной системой. По его мнению, честный, умный, распорядительный губернатор, чиновник, справедливый человек, чуждый снисходительности к преступлениям и порокам, может многое сделать для улучшения жизни в своей области. Лободовский убежден, что если говорить о порочности государственной системы в России, то она заключается не в том, что самодержавие антинародно, а в том, что все устроено так, что

¹ «Русская старина», 1905, № 8, стр. 366.

² Там же, № 9, стр. 652.

царь лишен возможности вовремя узнавать о совершаемых преступлениях и потому не может их предупредить. От царя многое скрывают, и его незнанием пользуются недобросовестные люди. По его мнению, и Крымская война была проиграна потому, что о хищениях в армии, недобросовестных поставках интендантов, о казнокрадстве, ленивой нераспорядительности и т. д. не знал царь; что люди из трусости, опасаясь угроз недобросовестных вельмож, не могут пойти к царю и открыто ему рассказать всю правду¹.

В области философии Лободовский-Перепелкин—воинствующий идеалист. Он искренне был возмущен репликой законоучителя корпуса, обвинившего его в материализме, в приверженности «взглядам Конта, который все подвергал опытам». На это «с заметным негодованием возразил Перепелкин: я ссылаюсь на всех—можно ли в моем реферате, или во всем, сказанном мною... найти хоть одну мысль, которая бы давала малейшее основание думать, что я держусь какого-то материалистического учения». И дальше Перепелкин доказывал, что если где он согласен с Контом, то это там, где философ говорит, что жизнь в ее высшем разумном смысле держится на вере в идеалы, «вытекающей из высшей потребности сердца»²

Итак, общественные, политические, философские взгляды Лободовского так, как они выступают в его автобиографических очерках и в записях о нем Чернышевского, не дают нам права делать заключение, что политическим развитием Чернышевский был обязан своему другу. Нет, в этой области Лободовский не был авторитетом для Чернышевского. Сила Лободовского исходила из другого источника и вела она Чернышевского не в направлении революционного развития.

Лободовский был типичной фигурой для своего времени. Он представлял ту часть передового, критически настроенного разночинчества, которое было проникнуто негодованием к социальному неравенству и вытекавшей из него несправедливости существования широких народных масс, особенно закрепощенного крестьянства. Однако это негодование не переходило в русло политической борьбы, оно ограничивалось, главным образом, моральными призывами, проповедью самосовершенствования, призывами—расширять просвещение, а в разночинческой среде, близкой к духовенству,—апелляцией к христианской любви, к возрождению мессианской роли церкви, к повышению ее нравственного авторитета.

Молодому Чернышевскому все это было близко, он сам.

¹ «Русская старина» 1905, № 8, стр. 364.

² Там же, 1905, № 10, стр. 80.

вырастал на той же почве, питался теми же настроениями, что и Лободовский. Однако в своем друге Чернышевский видел лучшего представителя своих юношеских верований. Лободовский не только горячо высказывал и страстно горел обличительным негодованием, но в глазах Чернышевского он выступал активным поборником, проводником своих убеждений. Многие привлекало в Лободовском: его бунтарский беспокойный дух, непримиримость ко всякому насилию и фальши, его полугоратысячeverстное паломничество с целью ближе узнать свой народ, дорожные приключения, где его другу приходилось играть роль самоотверженного и смелого защитника обиженных и несчастных, его готовность поделиться с нуждающимися—все это выделяло Лободовского из серой среды, куда попал Чернышевский по приезде из Саратова, среды обывателей-чиновников (Раев) и увлеченных учебным деланием однокурсников.

К тому же Лободовский выгодно отличался от всех внешней привлекательностью, умом, он был красноречив, литературно начитан, хорошо знал и тонко понимал литературу. Можно сказать, что Лободовский в своем облике воплощал все то лучшее, с чем были связаны юношеские, еще «домашние» убеждения Чернышевского.

Лободовский, будучи «положительным героем» близкой Чернышевскому среды, невольно выступал талантливым адвокатом, защитником того, что нужно было Чернышевскому преодолеть, чтобы идти в своем общественном и философском развитии вперед. Но юношеские идеалы Чернышевского выветривались медленно, и Лободовский—их живое воплощение—долгое время продолжал сохранять свое прежнее обаяние. В этой связи становятся понятными гиперболические преувеличения, которые допускались Чернышевским в оценке своего друга. Действительно, что же значат сравнения Лободовского с Диккенсом, Ж. Санд, Лессингом, Фейербахом? То ли это мера оценки своей любви и уважения к Лободовскому? То ли он имел в виду содержательную сторону деятельности каждого упомянутого мыслителя, которая в какой-то мере присутствовала в качествах его друга?

Но мы уже имели возможность познакомиться с характеристикой Лободовского и, очевидно, с последним предположением согласиться нельзя. Действительно, нигде и никогда Лободовский в разговоре с Чернышевским не выступал защитником женской эмансипации. А именно это больше всего покоряло Чернышевского в Ж. Санд. Чернышевский нигде не отмечал у Лободовского таких качеств Лессинга, как энциклопедическая широта знаний, как неукротимая энергия и мужество в борьбе с обветшалыми антинародными устоями самодержавия, феодализма, с церковным изуверством. Осо-

бенно же далек был идеалист Лободовский, человек примитивно, хотя и честно верующий в православного бога, от Фейербаха, смелого мыслителя-материалиста, философски обосновавшего атеизм. Вернее всего, что в данной характеристике Лободовского имена Диккенса, Ж. Санд, Лессинга и Фейербаха выступают не более как в роли эмоциональных, оценочных эпитетов. Чернышевский утверждал, что любит Лободовского, как Диккенса, Ж. Санд, как Фейербаха.

Кстати заметим, что сам Чернышевский знал в себе эту особенность — давать преувеличенные оценки: «Я всегда принимаю людей с первого раза слишком к душе,—пишет он в августе 1848 г.,—и ставлю их слишком высоко, а потом приходится сводить их с пьедестала, на который сам возводил их,—следствие энтузиастичности, склонности ценить хорошее в каждом, и, главное непроницательности, которая заставляет только после долгих суждений и опытов заметить то, что другим, более опытным, с первого раза бросается в глаза...» (I, 64).

Действительно, в 1851 году, раздумывая о Лободовском, Чернышевский сам раскрывает основную причину своей бывшей неумеренной привязанности: «Вот уже сколько людей привлекали меня к себе грустностью, томительностью своего положения. Василий Петрович, Александра Григорьевна (Клиентова)—два человека, к которым я чувствовал истинную привязанность, конечно, эта привязанность много обуславливалась их положением, а не одними их личными достоинствами» (I, 404).

Р. А. ТАУБИН

КРУЖОК Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ВОПРОС О СОЗДАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Как известно, в конце 1850-х, начале 1860-х гг. Россия переживала революционную ситуацию.

В накалившейся атмосфере широкого народного возбуждения «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева «развернул революционную агитацию». «Ее,—писал В. И. Ленин,—подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг бойцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен»¹.

Определяя социальную сущность разночинцев, В. И. Ленин говорил об образованных представителях либеральной и демократической буржуазии, «принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»². Этот социальный слой, в то время наиболее близко стоявший к народу, после 1861 г. наложил свой отпечаток на целый большой период освободительного движения в России (1861—1895 гг.). Он являлся предшественником третьего, пролетарского его этапа, приведшего рабочий класс и крестьянство СССР и ряда других стран к победе социалистической революции и успешному строительству социалистического и коммунистического общества.

Наиболее последовательным и боевым идеологом разночинного революционно-демократического лагеря, от со-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14—15.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

чинений которого «взяло духом классовой борьбы», который ...«резко проводил... линию разоблачения измен либерализма...», В. И. Ленин считал Н. Г. Чернышевского. Он называл Чернышевского «замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм» и «главою русских революционеров»¹. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал реализм Н. Г. Чернышевского и его политических единомышленников в оценке современной им действительности, их революционный оптимизм, веру в революционную самостоятельность масс.

В. И. Ленин разоблачил тенденцию русских либералов и верхушки царского чиновничества к преуменьшению размаха революционного движения в России и меры его воздействия на уступки, вырванные у правительства в виде реформ 1860—1870-х гг. Подчеркивая, что такие взгляды, нашедшие, в частности, свое выражение в секретной записке министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», должны были обосновать тезис о добровольном даровании реформ царскими властями, В. И. Ленин вскрыл их несостоятельность, полное несоответствие исторической правде. «Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления,— писал он,— который обнаруживает везде автор «Записки» (т. е. С. Ю. Витте—Р. Т.), сказывается и здесь, сказывается в игнорировании *революционного* движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска революционной «партии»².

Либерально-чиновничьему умалению размаха революционного движения в конце 1850-х начале 1860-х гг. В. И. Ленин противопоставил развернутую характеристику этого движения, сделав вывод о реальности расчетов «коноводов» «революционной партии» на возможность в начале 1860-х гг. народной, прежде всего крестьянской революции в России. «Оживление демократического движения в Европе, — писал он, — польское брожение, недовольство в Финляндии. требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставить принять «Положение», обдирающее их, как липку; коллективные отказы дворян — мировых посредников—применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик дол-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 234 и т. 17, стр. 95—96,

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26.

жен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной»¹.

В формировании идеологии и воспитании ядра руководителей народной революции в России решающую роль сыграл кружок выдающихся русских революционеров, группировавшихся вокруг признанного вождя всего революционно-демократического лагеря Н. Г. Чернышевского. Из него вышли главные политические деятели — демократы эпохи 1860-х гг. Возникновение и развитие кружка Н. Г. Чернышевского имеет свою весьма интересную историю. Его истоки коренятся, с одной стороны, в назревавшей революционной ситуации в стране, с другой — в том понимании общественного долга, которое сложилось у Чернышевского еще в годы учения в Петербургском университете.

В дневнике, в записи от 20/1 1850 г., Чернышевский, обобщая свои размышления о ближайших перспективах развития России, писал: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д...»².

От мыслей о неизбежности и желательности революции логичен переход Чернышевского к мыслям о путях и средствах вовлечения в борьбу народных масс. В той же записи Чернышевский восклицал: «Итак, теперь я говорю: погибни (самодержавие — Р. Т.), чем скорее, тем лучше; пусть народ неприготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее подготовится...»³. В целях политического просвещения народа он вскоре осознал необходимость заведения тайного печатного станка и выпуска прокламаций, разъясняющих народу правду⁴. К началу 1853 г. Чернышевский пришел к твердому убеждению, что народное восстание зреет в России быстро. Об этом, по его мнению, свидетельствовало умножение недовольных в народных массах.

Предупреждая невесту О. С. Васильеву о своем образе мыслей и содержании будущей деятельности (это было накануне вступления Чернышевского на путь борьбы журналиста-трибуна), он говорил ей в феврале 1853 г.: «...У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем»⁵. Объясняя основания для такого вывода, Чернышев-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26—27.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. т. 1, ГИХЛ, 1939, стр. 356—357.

³ Там же, стр. 356.

⁴ Запись в дневнике от 15.V.1850 г. Соч., т. 1, стр. 372.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418.

ский вместе с тем раскрыл перед ней главный смысл всей своей будущей деятельности: «Это (бунт, народное восстание — Р. Т.) непременно будет, — говорил он. — Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я... не буду в состоянии удержаться. Я приму участие»¹.

Н. Г. Чернышевский вступил на попроще журналистики революционером, видевшим смысл своей жизни в борьбе за победу народной революции.

В последующие годы его взгляды претерпели значительную эволюцию, особенно под влиянием уроков Крымской войны, назревавшей в России революционной ситуации конца 1850-х начала 1860-х гг. и опыта революционной борьбы народов Италии, Австрии, Франции, Соединенных штатов Америки и других стран мира. Опыт суровой классовой борьбы второй половины 1850-х и начала 1860-х гг. в России и других странах помог Н. Г. Чернышевскому глубже разобраться в интересах и поведении различных классов, определить силы, на которые могла бы опереться революция в России, разработать тактику борьбы против царизма и помещиков, распознать опасную роль либералов как пособников царизма особенно в период самой революции. Изменились и взгляды Н. Г. Чернышевского на самый процесс народной революции в нашей стране. Вместо стихийного бунта, поднятого «пьяными мужиками с дубьем», он пропагандировал в прокламации «Барским крестьянам...» и в ряде подцензурных статей 1859—1862 гг. идею организованного в масштабе всей страны по единому сигналу из общего центра и руководимого всероссийской революционной партией восстания крестьян, солдат, раскольников и других недовольных царем и помещиками слоев населения, восстания, хорошо подготовленного и возглавляемого опытными в политическом и военном отношении руководителями. Изменились, как увидим ниже, и его воззрения на характер и облик «образованного кружка», способного возглавить революцию. Такую роль, по его мнению, сформулированному в годы революционной ситуации, смогла бы сыграть только всероссийская революционная организация, вобравшая в себя все революционные кружки и группы страны и создавшая опытное и квалифицированное руководство. В создании такой революционной партии Чернышевский ви-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн., собр. соч., т. 1, стр. 418, 419.

дел очень важное условие победы самой крестьянской революции. Первым шагом к решению этой задачи Чернышевский считал воспитание возможных членов «образованного кружка» («революционной партии»). Этой цели—воспитанию «новых людей» (революционеров)—служил Н. Г. Чернышевский всей своей литературно-публицистической деятельностью.

Из группировавшихся вокруг Чернышевского в 1853—1862 г. лиц вышли инициаторы и руководители основных революционных организаций того времени в России: Н. Н. Обручев, В. А. Обручев, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. И. Утин, С. С. Рымаренко и др.

1853—1854 годы ознаменовались для Чернышевского началом его активной литературной деятельности сначала в «Отечественных записках» Краевского, а с конца 1853 года в «Современнике» Н. А. Некрасова¹. В первых же своих выступлениях в этом журнале («Об искренности в критике», рецензии на сочинения Евгения Тур, Авдеева и др.) Чернышевский заявил себя оригинальным мыслителем и публицистом демократического направления. Его влияние в журнале росло из месяца в месяц. «Чернышевский,—писал Н. В. Шелгунов, — выступил готовым публицистом и сразу установил свой тон. Оттого Чернышевский и действовал так сильно и так понимался легко. Молодежи нужно давать готовое, а у Чернышевского оно было. Чернышевский отличался ехидством языка, и чуткая молодежь умела отлично читать между строками его революционное отрицание всякой власти»². Передовые ученые, писатели, публицисты примыкали к Чернышевскому. Многие из них стали потом его личными друзьями, сторонниками защищаемых им политических и литературных воззрений.

Особенно длительная и тесная идейная дружба связывала Н. Г. Чернышевского с М. Л. Михайловым. Чернышевский очень любил и уважал его. В письме к родителям 6 декабря 1846 г. он дал ему такую оценку: «Михайлов... мне очень нравится: чрезвычайно умная голова. Из него выйдет человек очень замечательный». (XIV, 83).

После возвращения в Петербург М. Л. Михайлова из Нижнего Новгорода и Н. Г. Чернышевского из Саратова их общение возобновилось как в личном и литературном, так и в плане идейно-политическом. Михайлов одним из первых примк-

¹ Начав работу в более близком ему по складу убеждений «Современнике», Чернышевский уже в 1854 г. прекратил сотрудничество в «Отечественных записках», не удовлетворявших его своим умеренно-либеральным направлением.

² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 29.

нул к тому революционно-демократическому кружку, который в 1853-1854 гг. начал складываться вокруг Н. Г. Чернышевского. Разумеется, из факта тесного сближения М. Л. Михайлова и Н. Г. Чернышевского преждевременно делать вывод о тождестве их воззрений политических и эстетических.

Но одно бесспорно, что в процессе идейной эволюции М. Л. Михайлова влияние Н. Г. Чернышевского на углубление и прояснение его демократических воззрений было огромно. Под воздействием назревавшей революционной ситуации в России и революционной проповеди Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, с которыми он сотрудничал много лет в «Современнике», М. Л. Михайлов к 1859—1861 гг. стал одним из видных идеологов революционно-демократического лагеря и активных участников подпольной пропагандистской деятельности. В этом отношении очень характерно замечание П. Д. Боборыкина, наблюдавшего политическую позицию Михайлова в деятельности одного из нелегальных студенческих кружков в Петербурге, руководимого Е. П. Михаэлисом. Сам чуждый революционному движению, П. Д. Боборыкин, посещавший кружок Е. П. Михаэлиса зимой 1860—1861 гг. (с января 1861 г.) больше из любопытства, нежели из желания примкнуть к нему, был прямо-таки потрясен, когда на одном из мартовских собраний этого кружка услышал резкую критику М. Л. Михайловым царского манифеста об освобождении крестьян. В день объявления этого манифеста (5 марта 1861 г.), рассказывает он, «...я попал в мой студенческий кружок, в квартиру, где жил Михаэлис с товарищами. Там же нашел я и М. Л. Михайлова за чаем. Они только что читали вслух текст манифеста и потом все начали разбирать его по косточкам. Никого он не удовлетворял. Все находили его фразеологию напыщенной и уродливой — весь его семинарский «штиль» митрополита Филарета. Ждали совсем не того не только по форме, но и по существу.

Сильнее и ядовитее всех говорил Михайлов. Он прямо называл все это ловушкой и обманом и не предвидел для крестьян ничего, кроме новой формы их закрепощения.

Тут — в первый раз — тон и содержание его протестов показывали, что этот человек уже «сжег свои корабли»; но и раньше я догадывался, что его считают прикосновенным к революционной организации, после его поездки за границу, в Лондон. Так оно и случилось, и вскоре по Петербургу были уже разбросаны прокламации, автором которых и оказался Михайлов»¹. Характерно и еще одно замечание П. Д. Бобо-

¹ П. Д. Боборыкин. За полвека. Л., 1929, стр. 173. Упомянутая прокламация («К молодому поколению») была написана Н. В. Шелгуновым в сотрудничестве с М. Л. Михайловым.

рыкина по адресу Михайлова. Характеризуя наиболее влиятельных вожаков студенческого движения в Петербурге в начале 1861 г. из числа лично известных ему (М. П. Покровского, П. П. Чубинского, Н. А. Неклюдова и особенно Е. П. Михаэлиса), сыгравших позднее, осенью того же года, видную роль в руководстве известными студенческими волнениями, П. Д. Боборыкин отметил близость главного вожака известного ему кружка Е. П. Михаэлиса к Н. Г. Чернышевскому и М. Л. Михайлову. Он даже высказал предположение, что именно Михайлов ввел Михаэлиса в кружок Чернышевского. «Роль «старосты» в смысле движения играл Михаэлис — натурой и умом посильнее многих, типичный выученик тогдашней эпохи, чистокровный «нигилист»¹, каким он явился у Тургенева, пошедший в студенты из лицейстов, совершенно «опростивших» себя — вплоть до своего внешнего вида — при значительной, почти красивой наружности. В этом кружке, кажется, он один был запросто вхож к Чернышевскому, вероятно, через М. Л. Михайлова, так как он был родной брат г-жи Шелгуновой»².

В 1853—1854 гг. в состав кружка Н. Г. Чернышевского входят П. Пекарский, видный литературовед и историк³, и Н. В. Шелгунов, ученый, лесовод по специальности, прогрессивный философ, экономист, литературный критик и революционер-пропагандист — по призванию.

«Раз Пекарский, — рассказывает в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов, — со своим обыкновенным таинственным видом говорит мне вполголоса, что познакомился с Чернышевским. Пекарский говорил о нем еще с большим восторгом, чем он говорил о профессоре Мейере⁴. Мейер — это Грановский Казанского университета...», — поясняет Шелгунов. — «От Пекарского, — продолжает он, — я узнал, что Чернышевский — учитель в каком-то корпусе, что он приехал из Саратова, и затем полушепотом и таинственно он говорил мне о его необыкновенных познаниях, о его необыкновенном

¹ Как и ряд других современников из либерального лагеря, П. Д. Боборыкин полностью отождествлял Евгения Базарова с революционными разночинцами начала 60-х гг. Однако сами революционные разночинцы (С. Рымаренко и др.) не разделяли подобного мнения, критически относясь к образу Базарова. Им ближе был Инсаров.

² Там же, стр. 170.

³ П. Пекарский в 1850-е — начале 1860-х гг. относился к Н. Г. Чернышевскому с исключительным уважением, считая его человеком выдающихся способностей и необыкновенно обширных знаний. Но в революционном движении 1860-х гг. он участия не принимал.

⁴ Д. И. Мейер (1819—1856) — проф. гражданского права в Казанском университете. Его лекции пользовались исключительной популярностью за их гуманность и смелую борьбу с крепостничеством.

уме. Несколько времени спустя. Пекарский приглашает меня к себе и объявляет с сияющим лицом, что у него будет Чернышевский. Я, конечно, пошел¹. Хотя первая встреча с Чернышевским не произвела на Н. В. Шелгунова сильного впечатления, она положила начало их знакомству, вскоре перешедшему в тесную дружбу, во всестороннее сотрудничество, включая сюда и революционную подпольную деятельность.

Два события особенно способствовали росту популярности Н. Г. Чернышевского в широких общественных кругах. Это, во-первых, защита им 10/V 1855 г. магистерской диссертации; во-вторых, опубликование в 1855—1856 гг. замечательной работы «Очерки гоголевского периода русской литературы». Единомышленников у Н. Г. Чернышевского к тому времени было уже немало как в его собственном кружке, так и во многих офицерских, студенческих, преподавательских и др. кружках (И. Введенского, С. Сераковского, Н. Обручева и др.), находившихся под сильнейшим идейным влиянием «Современника», чье направление уже решающим образом определялось Н. Г. Чернышевским и Н. А. Некрасовым. Защита диссертации вылилась в своего рода демонстрацию идейного направления, сил и организованности революционного лагеря. «Умственное направление шестидесятих годов..., — пишет Шелгунов, — выразившееся наиболее ярко с 1859 по 1862 год, создано не в эти годы. Оно проходит через целый ряд годов и в первый раз в своем зачаточном виде провозглашено в 1855 г. на публичном диспуте в Петербургском университете. Я говорю о публичной защите Чернышевским его диссертации «О эстетических отношениях искусства к действительности». Задолго до публичной защиты о ней уже было известно в кружках, более близких к автору. Пекарский, как всегда, не без известной таинственности и некоторого священного трепета сообщивший мне об этом, с волнением ожидал приближения знаменательного дня. Мы отправились вместе. Небольшая аудитория, отведенная для диспута, была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи... Чернышевский защищал диссертацию со своей обычной скромностью, но с твердостью непоколебимого убеждения. После диспута, Плетнев... обратился к Чернышевскому с таким замечанием: «Кажется, я на лекциях читал вам совсем не это!» И действительно, Плетнев читал не то, а то, что он читал, было бы не в состоянии привести публику в тот восторг, в который ее привела диссертация

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 27.

ция. В ней было все ново и все заманчиво: и новые мысли, и аргументация, и простота и ясность изложения»¹.

Диссертация и «Очерки гоголевского периода русской литературы» положили прочное и ясно выраженное начало тому направлению «Современника», которое сделало его самым боевым, прогрессивным, наиболее любимым журналом лучших людей России, органом спланивающего демократического революционного лагеря.

С конца 1857 и в 1858 г. у Чернышевского расширяются связи с передовыми офицерами. Назначенный в начале 1858 г. главным редактором офицерского кружка «Военный сборник»² (на этом посту он был весь 1858 г.), Чернышевский получил возможность распространить свое влияние на лучших офицеров русской армии. Одних подписчиков у этого журнала в 1858 г. было около 6000, а читателей в несколько раз больше. В «Сборнике» сотрудничала авторская группа в составе около 80 офицеров.

В 1857—1859 гг. Чернышевский устанавливает, главным образом по делам «Военного Сборника» и «Современника», (но также в связи с распространением школ грамоты среди солдат) контакт с профессорами военных академий: Н. Н. Обручевым, В. М. Аничковым, А. И. Машкеевым, А. И. Берепсом, С. Бобровским, Н. П. Глиноецким, Н. Д. Новицким, преподавателями других военных учебных заведений: Р. М. Паньковским, А. Д. Путятой и др., полковником генерального штаба С. Рехневским, передовой офицерской молодежью, особенно из артиллерийских и инженерных войск, А. А. Потебней, В. А. Обручевым, Я. А. Ушаковым, А. И. Макшеевым, Ю. Поспиковым, И. И. Аверкиевым, Горячковым, офицерами-поляками: Н. Рошковским, Керсновским и др. Некоторые из них, например, А. И. Макшеев, Н. Д. Новицкий, Н. П. Глиноецкий, А. И. Беренс, В. Н. Аничков впоследствии отошли от Н. Г. Чернышевского, не приняв участия в революционном движении в России вообще. Большая же часть из числа указанных лиц, как ниже будет показано, все более левела в ходе нарастания крестьянского движения в стране и встала на путь революционной борьбы с царизмом.

С усилением влияния «Современника» и «Военного Сборника» возрастал авторитет Н. Г. Чернышевского в прогрессивных слоях ученых, литераторов, журналистов, студентов, офицеров, передового чиновничества, учительства и т. д.

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 163—164.

² Филиал ЦГВИА в Ленинграде, ф. 450, оп. 9, д. 273, л. 43, Н. Г. Чернышевский. Соч., т. XIV, стр. 352—353.

На этой основе увеличивается численность его кружка. В 1855—1859 гг. к нему примыкают С. И. Сераковский, С. Рехневский, С. Бобровский, Н. Н. Обручев, Н. Д. Новицкий, А. И. Макшеев, В. М. Аничков, В. А. Обручев, А. И. Беренс, Н. Рошковский, Керсновский, А. Д. Путята, А. А. Потебня, Р. М. Пеньковский и др. В эти же годы в кружок Н. Г. Чернышевского вошли такие выдающиеся участники революционного движения в России, как Н. А. Добролюбов, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Г. З. Елисеев, И. Огрызко, П. И. Боков, В. С. и Н. С. Курочкины, М. А. Антонович, В. М. Добровольский и др. Разумеется, на квартире Чернышевского в эти годы бывало значительно большее число лиц, нежели поименовано мною. Достаточно указать на Г. Р. Городкова, А. П. Милюкова, А. Д. Галахова, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова, А. Н. Пылина, А. Ф. Раева и др. и большое количество студентов и офицерской молодежи, которые посещали Чернышевских либо по литературным делам «Сборника», либо в силу родственных или личных приятельских отношений, либо, наконец, были скорее гостями Ольги Сократовны, нежели Николая Гавриловича. Те же лица, о которых идет речь в настоящей работе, были связаны с Н. Г. Чернышевским той или иной степенью идейной близости, представляли собою то симпатизирующее ему окружение, из которого после определенной пропагандистской работы рекрутировались его идейные единомышленники, будущие соратники по революционной деятельности и, в частности, по подготовке и созданию нелегальной революционной организации.

По мере роста кружка Н. Г. Чернышевского, вступления в него новых выдающихся деятелей прогрессивного образа мыслей происходило их постепенное взаимное сближение, рост доверия друг к другу, нащупывание средств борьбы с царизмом методами пропаганды и иными, их сплочение вокруг программ народной революции. Н. Г. Чернышевский и его друзья не только вели пропаганду в пользу народной революции в России. Поняв ее неизбежность, они вскоре перешли к подготовке и сплочению кадров ее руководителей, приступив к решению этой задачи на полтора-два года раньше редакторов «Колокола». Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Обручев, Н. В. Шелгунов и др. начали обсуждать эту тему в своем кругу уже в 1857—1858 гг. Об этом можно судить по некоторым высказываниям Н. Д. Новицкого¹, который с 1857 г. был частым гостем на кварти-

¹ Николай Дементьевич Новицкий, один из молодых профессоров Академии генерального штаба, вместе с Н. Н. Обручевым, В. М. Аничковым, А. И. Беренсом, Н. П. Глиноецким, С. И. Сераковским, В. М. Добро-

ре Чернышевского. Рассказывая о «четвергах» у Чернышевского в 1857—1859 гг. и перечисляя постоянных их посетителей (среди них следует отметить Н. Н. Обручева, В. М. Аничкова, С. И. Сераковского, а вскоре и Н. А. Добролюбова), он называет Чернышевского «душой кружка». Характеризуя среди других членов кружка С. И. Сераковского, Н. Д. Новицкий бросил весьма многозначительную фразу о том, что Сераковский «...был организатор революции природный, но к делу его нельзя пустить: все спутает»².

Как видно из этого заявления Н. Д. Новицкого, уже в те годы членов кружка Чернышевского весьма интересовала проблема революции, пригодность к делу тех или иных лиц. Мысль о своевременности и необходимости поскорее переходить от революционной пропаганды к непосредственной организаторской работе по созданию революционной партии, к пропаганде в массах, к сплочению их для революции особенно ярко и определенно отразилась в дневнике и переписке Н. А. Добролюбова. Познакомившись с Чернышевским весной 1856 г., Добролюбов быстро сблизился с ним, вошел в его кружок, стал самым выдающимся сотрудником Чернышевского, а затем соредактором «Современника». Разделяя вместе с Чернышевским демократические убеждения, жажду революционно-преобразовательской деятельности, Добролюбов, по мере нарастания революционной ситуации в стране, испытывал все более непреодолимое желание перейти к непосредственной революционной работе, прежде всего по линии создания нелегальной революционной организации. Еще 8 января 1857 г. он записал в своем дневнике: «Вместо теоретических стремлений начинается какая-то лихорадочная жажда деятельности, и деятельности живой, личной, а не книжной, неопределенно безличной и отвлеченной... Может быть, конец

вольским и др. передовыми офицерами в годы революционной ситуации находился под очень сильным влиянием Н. Г. Чернышевского. В то время, как некоторые члены этого кружка (Н. Обручев, С. Сераковский и др.) по мере обострения революционной ситуации активизировали свою общественную деятельность, примкнув к «Земле и воле», Н. Д. Новицкий не проявил желания участвовать в общественном движении. Но до самой смерти, как это видно из его воспоминаний, он сохранил благоговейное уважение и любовь и добрую память о Н. Г. Чернышевском и др. деятелях 1860-х гг., как о самых чистых и благородных людях этой славной эпохи. Причем, справедливость требует отметить, что после спада революционной ситуации, примерно с 1863—64 гг. отошли от участия в революционном движении и Н. Н. Обручев, не говоря уже о В. М. Аничкове, А. И. Беренсе, Н. П. Глиноецком, А. И. Макшееве, вообще не участвовавших в делах революционного подполья.

² Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 296.

моих учебных подвигов совершенно испортится теперешним моим расположением, но противиться ему я не в силах...»¹.

Особенно сильно проявилась эта тяга Добролюбова к участию в тайной революционной организации весной 1859 г. Сошлемся на несколько выдержек из писем Добролюбова к его ближайшим друзьям М. И. Шемановскому и И. И. Бордюгову в 1859 г. Шемановского Добролюбов убеждал в том, что настала пора приступить к активной подпольной борьбе, подчинив ей все свои силы. «Поверь, что в жизни,—писал он М. И. Шемановскому,—есть еще интересы, которые могут и должны зажечь все наше существо и своим огнем осветить и согреть наше темное и холодное житьишко на этом свете. Интересы эти заключаются не в чине, не в комфорте, не в женщине, даже не в науке, а в общественной деятельности. До сих пор нет для развитого и честного человека благодарной деятельности на Руси; вот отчего и вянем, и киснем, и пропадаем все мы. Но мы должны создать эту деятельность; к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в природе нашей. И я твердо верю, что будь сотня таких людей хоть как мы с тобой и с Ваней (И. И. Бордюговым—Р. Т.) да решишь эти люди, и согласишься между собой окончательно,—деятельность эта создастся, несмотря на все подлости обскурантов... Мы еще чисты, свежи и молоды, сил в нас много; впереди еще две трети жизни»².

В письме к И. И. Бордюгову, написанном одновременно с предыдущим письмом, Н. А. Добролюбов настойчиво рекомендовал ему поскорее включиться в подпольную революционную деятельность. «Попробуй же, Ваня,—писал он,—сознательно окунуться в тот кипящий водоворот, который мы называем жизнью мысли и убеждения, сочувствием к общественным интересам и т. д. Можно бы назвать и короче, но ты и без того понимаешь, о чем я говорю»³.

Н. Д. Новицкий косвенно, а Н. А. Добролюбов прямо в 1857—1858 гг., особенно в 1859 г., отразили стремление к революционной деятельности членов кружка Чернышевского. Это совпадение во времени высказываний о революционном деле у Н. Д. Новицкого и Н. А. Добролюбова — не случайно. Н. В. Шелгунов, Н. Н. Обручев и др. приветствовали грядущую революцию и жаждали принять в ней участие. Другие (Н. Д. Новицкий, В. М. Аничков, А. И. Макшеев и др.) не сочувствовали революции. Но относясь отрицательно к царизму,

¹ Н. А. Добролюбов. Соч., т. 6, М., ГИХЛ, 1939, стр. 442.

² Н. Г. Чернышевский (Андреев). Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 гг., т. 1, стр. 510—511.

³ Там же, стр. 512.

глубоко уважая Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова они не могли не отразить в своих воспоминаниях тех разговоров, которые велись в кругу уважаемых ими людей. Как свидетельствовал сам Чернышевский, Н. Д. Новицкий «...был близким приятелем Добролюбова»¹.

Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский признавали, что около них группировалась «целая коллекция хороших офицеров» из профессоров и слушателей военных академий. Особо отмечали они (в декабре 1858 г.) как самых замечательных и близких к ним по образу мыслей Н. Н. Обручева, С. И. Сераковского, В. М. Добровольского, Н. Д. Новицкого, Степанова, Савицкого, О. Ф. Станевича, В. М. Аничкова. Через Сераковского Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов оказывали сильное идейное влияние на группу видных деятелей польского освободительного движения — Я. Домбровского, Гейденрейха, Зверждовского и др., впоследствии ставших руководителями крупных повстанческих отрядов в Польше 1863—1864 гг.² Как показал на следствии видный участник польского восстания и близко стоявший к «Земле и воле» Оскар Авейде, в 1855 г. в Петербурге сложились польские военные и штатские кружки, своим возникновением обязанные деятелям из окружения Н. Г. Чернышевского. «Кружки эти, — говорил он, — стали образовываться скоро после вступления на престол ныне царствующего императора, с появлением в С. Петербурге Сигизмунда Сераковского и под его влиянием»³. Если в штатском кружке состояли профессор и литераторы умеренного образа мыслей, то в военном, наоборот, деятели крайне левого направления. «К военному кружку, — говорил в своих показаниях О. Авейде, — из известных мне фамилий принадлежали: упомянутый Сераковский, Ярослав Домбровский, Ян Станевич, Голензовский, Савицкий⁴, Юндзилл, Коссовский, Лясковский, Гейденрейх, Воровский (Варавский? — Р. Т.). Все (они) или офицеры генерального штаба, или из инженерной и артиллерийской академий»⁵.

Таким образом, через членов кружка Н. Г. Чернышевского — С. Сераковского, Н. А. Добролюбова, Н. Обручева,

¹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. 3, М.-Л., 1930, стр. 652—653.

² Н. А. Добролюбов. Соч., т. 1, СПб., 1912, стр. XXXIII; Н. Г. Чернышевский. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. 1, стр. 495.

³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., т. 13, ч. 233, л. 51.

⁴ Савицкий Иван Федорович был личным другом Н. Г. Чернышевского: Как свидетельствуют данные жандармского наблюдения за квартирой Чернышевского, их дружба и частые встречи продолжались до самого ареста последнего. «Красный Архив», т. XIV, М., 1926, стр. 114.

⁵ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., д. 23, ч. 233, л. 51:

С. Рехневского, И. Огрызко, С. Бобровского и др. от главы русского революционно-демократического лагеря протянулись нити связи и установилось непосредственное влияние на ядро самых выдающихся вожаков польских революционных офицеров (Я. Домбровского, Я. Станевича, Гейденрейха, Варавского и др.). Последние же группировали вокруг себя польскую революционную молодежь — кружки братьев Керсновских, братьев Рошковских, Юндзилла, Шуксты, Вериги, Арнольдта и др. Это позволило вовлечь в подпольную революционную работу в центральной России и в Польше значительное количество самоотверженных деятелей из числа польских офицеров, облегчило их сближение с лучшей частью русских офицеров и студентов в Петербурге, Киеве, Харькове и в особенности в войсках, расположенных на территории Украины, Польши и Литвы.

К тому же выводу пришла в своем исследовании, посвященном выяснению связей руководителей русского и польского революционно-демократического движения, И. М. Белявская¹. Другой исследователь проблем совместной борьбы против царизма деятелей польской и русской революционной демократии Юзеф Ковальский приводит выдержку из книги В. Лимановского «История национального движения 1861—1864 гг.», вышедшую во Львове в 1882 г., в которой подчеркивается признание участниками этого движения огромного непосредственного влияния на политическое развитие руководителей польской революционной демократии А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. «Студенческая молодежь, — писал В. Лимановский, — находилась, с одной стороны, под влиянием Герцена и Огарева, а с другой, — под влиянием талантливых петербургских писателей, таких, как Чернышевский, Добролюбов, Михайлов. Поляки занимали весьма значительное место среди этой молодежи. Из ее рядов вышли Ярослав Домбровский, Сигизмунд Сераковский, Гейденрейх-Крук»².

Отметив, что в состав группы революционных офицеров, объединившихся вокруг Я. Домбровского, С. Сераковского и Гейденрейха-Крука, входило более 30 офицеров, «главным образом слушателей Академии генерального штаба и Академии инженерных войск, а также Артиллерийской акаде-

¹ И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. Изд-во МГУ, 1954, стр. 107—108. и др.

² Цитирую по книге Ю. Ковальского «Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше», М., Изд-во ин. лит., 1953, стр. 139.

мии»¹, Ю. Ковальский далее перечислил наиболее видных ее членов. Среди них он назвал Сигизмунда Падлевского, Людвиг Зверждовского-Топур (Зверждовский-Топор в советской литературе), Адама Зелинского, Хойновского, Варавского, Шалевича, Миладовского, Васьюковского, Косовского, Рыдзевского, Погожельского, Бирна, Миневского, Ляковского, Обезерского, Станевича, Юндзилла, Вжесневского, Каплинского, Черняка. Некоторые члены этого офицерского кружка, руководимого Сераковским, Домбровским и Гейденрейхом, не удержались на революционном пути (напр. Варавский, Коссовский и др.), но подавляющее большинство, как об этом свидетельствуют непреложные факты — история кружков Арнгольдта-Каплинского, Юндзилла, Шуксты, бр. Керсновских и др., роль Черняка в «Казанском заговоре» и особенно участие С. Падлевского, С. Сераковского и других в Польском восстании 1863—1864 гг. и т. д. — проявило много героизма и инициативы в совместной с русскими передовыми офицерами, писателями и студентами революционной деятельности в рядах армии, в «Земле и воле», в польском освободительном движении.

Ю. Ковальский справедливо указывает: «Из группы Сераковского и Домбровского вышли самые активные и боевые руководители январского восстания 1863 г. Часть из них была затем расстреляна царскими палачами, часть осуждена на каторгу. Расстреляны были Сераковский, Зверждовский, Падлевский, Черняк, Зелинский, Хойновский. На каторгу были осуждены Каплинский, Варавский, Шалевич, Миладовский, Васьюковский, Коссовский и другие»².

Конечно, было бы ошибочно думать, что будто все эти польские офицеры держались одинаковых взглядов на вопросы о целях освободительного движения в России и Польше, о значении союза против царизма революционеров разных народов России, на вопросы тактики, или, что все они вели себя одинаково героически перед лицом царских военных и судебных властей. В то время как большинство из них, подобно С. Падлевскому, Арнгольдту, Сливницкому, С. Сераковскому, Л. Зверждовскому, пали смертью героев, некоторые (Коссовский, Варавский, О. Авейде и некоторые другие) стали на путь «откровенных» показаний. Но это не отменяет того факта, что большая группа польских офицеров, воспитанных А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и сплоченных деятелями из кружка Черны-

¹ Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., изд-во ин. лит., 1953.

² Там же, стр. 139—140.

шевского—С. Сераковским, С. Бобровским и другими, внесла свой весьма крупный вклад в дело русского и польского освободительного движения. А что польские революционные офицеры в Петербурге представляли собою организованную группу, в которой ведущую роль играли именно названные выше близкие к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову офицеры, подтверждается показаниями М. Черняка, арестованного по делу «Казанского заговора». Из его показаний видно, что в Петербурге, в 1860—1862 гг. (до июня 1862 г.), существовала тайная польская офицерская организация, именовавшая себя «Литературным обществом»¹. Указав, что собирались они еженедельно на квартире Я. Домбровского — здесь же жили Станевич, Гейденрейх и Варавский— М. Черняк подчеркнул, что «цель этих собраний была связать всех поляков и по возможности подготовить их к делу восстания»². Среди перечисленных им участников собраний «Литературного общества» М. Черняк также назвал Сераковского, Домбровского, Юндзилла, Гейденрейха, Станевича и других уже известных нам лиц. От последних же (Юндзилла и других) нити политических связей тянулись, с одной стороны, к кружкам молодых офицеров, к кружку братьев Керсновских, а с другой, — к Н. Г. Чернышевскому. Один из четырех братьев Керсновских — инженерный юнкер Константиновского военного артиллерийского училища Константин Керсновский³ значился в списке лиц, составленном III Отделением, у которых подлежало сделать обыск одновременно с обыском и арестом Н. Г. Чернышевского. В указанном списке под № 19 говорилось: «Керсновский, артиллерийский офицер. У него бывают сходки офицеров и экстернов Константиновского военного училища и у него в квартире находится, как полагать должно, библиотека запрещенных книг»⁴.

Воспитанники и экстерны Константиновского военного училища поддерживали, по крайней мере с 1861 г., устойчивые личные отношения с Н. Г. Чернышевским. Они регулярно посещали его квартиру, будучи его, а не Ольги Сокра-

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. д. 23, ч. 539. л. 30.

² Там же, л. 30.

³ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., д. 23, ч. 107, л. 5. Четыре брата Керсновских, сыновья председателя Гродненской гражданской палаты Ф. Керсновского, служили в Петербурге: Иван Керсновский — прапорщик лейб-гвардии коно-гренадерского полка, слушатель Николаевской инженерной академии; Константин—юнкер Константиновского артиллерийского училища; Антон—прапорщик, слушатель Артиллерийской академии; Викентий—подпоручик полевых инженеров числился в отпуску.

⁴ «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939, стр. 25.

товны гостями. Это подтверждается донесениями агентов III Отделения, осуществлявшими наблюдение за квартирой Н. Г. Чернышевского. Так, в донесении за 10 декабря 1861 г., указывается, что «в 11 часов утра приходил студент Песцов с экстерном Константиновского корпуса, который не назвался...»¹. В донесении от 12/XII 1861 г. агент III Отделения, желая подчеркнуть политический характер визита экстерна Константиновского училища к Чернышевскому, сообщал: «...в 7 часов пришел к нему бывший также 10 числа с одним студентом экстерн Константиновского корпуса, который пробыл у него до 11 часов вечера. Когда этому экстерну объявил швейцар, что Чернышевского нет дома..., то он сказал, — я знаю» — и все-таки же позвонил в колокольчик и вошел в его квартиру. По приходе Чернышевского швейцар под благовидным предлогом вошел в его квартиру и застал его сидящим вместе с экстерном на диване в гостиной, где они поговорив полтора часа без свидетелей, ничем другим не занимались, но потом отправились в кабинет, в котором писал Захарьин»². 24/XII 1861 г. помимо указанного выше экстерна квартиру Чернышевского в 7 часов вечера посетили вместе еще «три студента из дома Безобразова (видимо братья Василий и Михаил Поповы и Степан Советов — Р. Т.) и четыре экстерна Константиновского училища, которые пробыли у Чернышевского весь вечер»³. При обыске, произведенном у Керсновских, были обнаружены обширная и компрометирующая их переписка на польском языке, 3 пистолета, сабли, несколько коробок английского пороха⁴. В ходе следствия было установлено, что, помимо участия в революционных сходках и закупках оружия в больших количествах у инструментального мастера Шафа, они находились в переписке с одним из руководителей тайного польского литературного общества Эмануилом Юндзилло⁵.

Политическая близость И. Огрызко к Н. Г. Чернышевскому неоднократно отмечалась в ряде документов III Отделения. В уже упомянутом списке лиц, подлежащих обыску и аресту одновременно с Н. Г. Чернышевским под № 7, говорилось: «Огрызко, типографщик. Находится в подозрительных отношениях с Чернышевским; кроме того, последние

¹ «Красный архив», т. XIV, М., 1926, стр. 106.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 104.

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., д. 23, ч. 107, л. 5.

⁵ Там же, 19.

воззвания отпечатаны шрифтом, находящимся в его типографии»¹.

В другом документе III Отделения утверждалось, что «... Огрызко также один из близких знакомых Чернышевского». Его подозревали в снабжении революционеров типографским шрифтом и в использовании служащих и рабочих его типографии для распространения прокламаций². В списке лиц, посещавших Н. Г. Чернышевского на дому, И. Огрызко упомянут среди тех немногих, которые имели доступ к нему «во всякое время»³. В то же время нам известно, что Огрызко не без колебаний и сомнений накануне польского восстания примкнул к нему, собирал в Петербурге средства в пользу него, закупал оружие и даже одно время занимал пост представителя Ржонда в Петербурге. Начальник одного из повстанческих отрядов прапорщик Витольд Миладовский, взятый в плен, на следствии показал, что в период пребывания в Петербурге (конец 1850-х, начало 1860-х гг.) он был членом «в тамошнем революционном обществе» (т. е. в «Литературном обществе» 1860—1862 гг.—*Р. Т.*). При нем было получено приказание революционного Ржонда назначить в Петербургский комитет вместо Опоцкого Огрызко. Огрызко, по словам Миладовского, заявил, что этого поста он не принимает, но будет помогать во всем «польскому делу». Однако лейб-гвардии конной артиллерии поручик Коссовский, выдвинутый на этот пост, заявил после ареста, что он, выезжая из Петербурга, передал свои полномочия И. Огрызко. Поэтому к 1863 г. руководство польской революционной организацией в Петербурге осуществляли Юндзилл, Опоцкий и Огрызко³.

Из приведенного экскурса видно, что выдающиеся деятели польской революционной демократии в Петербурге: С. Сераковский, С. Бобровский, Я. Станевич, Я. Домбровский и др. тянулись к Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову не случайно. Они формировались на произведениях Герцена, Чернышевского, Добролюбова как революционные демократы, учились у руководителей русского революционно-демократического лагеря той тактике в борьбе, которая должна была привести к осуществлению лозунга «За Нашу и Вашу свободу».

В совпадении интересов Добролюбова, Сераковского и др. к революционному делу в 1858—1859 гг., в обращении Чернышевского к той же теме в эти годы (см. его «Русский че-

¹ «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 24.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 48.

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., д. 23; ч. 233; л. 30.

ловек на Rendez-vous», «Политическое обозрение» за январь 1859 г.» и др.) достаточно очевидно прощупывается переход к новому этапу. Смысл этого нового этапа состоял в собирании и сплочении сил для предстоящей революции, в изменении методов воспитательной работы среди лиц, сочувствовавших «Современнику», путем пропаганды в подцензурной печати, а несколько позднее в подпольной — листовках и прокламациях—идей подготовки народной крестьянской революции, как главной задачи ближайших нескольких лет. Одновременно это был переход к первым шагам по идеологическому обоснованию необходимости создания «революционной партии», а несколько позднее и к практической деятельности по осуществлению этой задачи.

Подобные попытки начали приобретать более четкие организационные формы, когда с осени 1859 г. произошло знакомство и сближение с Чернышевским и его кругом братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей. В качестве одного из членов-учредителей «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» Н. А. Серно-Соловьевич встретился с Чернышевским, сдружился с ним и стал вскоре последовательным единомышленником. В письме от 25 ноября 1859 г. видному петрашевцу И. С. Кашкину Н. А. Серно-Соловьевич указывал: «Современнику отдаю полное предпочтение перед Русским Вестником, говоря собственно о политике; Чернышевского ставлю положительно во главе наших публицистов»¹.

В лице братьев Серно-Соловьевичей кружок Чернышевского приобрел пламенных революционеров, замечательных революционных публицистов, талантливых и инициативных организаторов-конspirаторов. Особенно надо отметить выдающуюся роль Н. А. Серно-Соловьевича, привлечшего значительное количество деятелей будущей тайной революционной организации, в том числе своего старого товарища по Царскосельскому лицее А. А. Слепцова, а вместе с последним А. Д. Путьяту, С. С. Рымаренко, Н. И. Утина и др. Есть основания утверждать, что уже в 1859 г. кружок Чернышевского осуществлял практическую деятельность в смысле подготовки будущей нелегальной революционной организации, подбора руководителей, выработки ее теоретических воззрений и тактики.

Программные и тактические положения, на которых должна быть построена «революционная партия» как руководящая сила демократического лагеря, его вождь и вдохновитель Н. Г. Чернышевский разрабатывал в своих политических статьях. Особое значение в этом отношении приобрели поли-

¹ Сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 117.

тические обозрения Чернышевского (1859—1862 гг.), посвященные борьбе итальянцев за воссоединение и независимость, гражданской войне в США, а также такие его работы, как «Июльская монархия», «Кавеньяк», «Тюрго», «Капитал и труд», «Кредитные дела», «Граф Кавур», «Русский реформатор» и др. Эти статьи представляли собой энциклопедию программных, тактических, военных и организационных принципов и положений революционно-демократического лагеря.

События, развернувшиеся в период с конца 1859 г. по первую половину 1862 г. включительно, свидетельствовали об обоснованности ожидания кружком Н. Г. Чернышевского быстрого нарастания крестьянской революции в России.

Наиболее яркими из них были: стремительное увеличение числа крестьянских восстаний против помещиков¹, для подавления которых пришлось вызывать вооруженную силу, породившее и в демократическом лагере и в правительственном ожидание в ближайшее время новой крестьянской войны, подобной пугачевщине; развитие по всей России мощного просветительского движения, нашедшего свое наиболее яркое выражение в массовом создании в Киеве, Харькове, Москве, Петербурге и других городах и даже селах воскресных школ, литературных чтений и т. п.; подъем студенческого движения, особенно к осени 1861 г., охватившего ряд университетов страны; появление первых революционных прокламаций и т. д. Явные признаки нарастания революционной ситуации вызвали известные колебания и даже уступки «в верхах» (отмена крепостного права, подготовка других реформ, заигрывание царизма с либеральным общественным мнением и т. д.). Все это вместе взятое создавало еще более благоприятные условия для активизации деятельности кружка Н. Г. Чернышевского.

В 1861 г., в июле² с рекомендательным письмом Н. Н. Обручева Н. Г. Чернышевского посетил А. А. Слепцов³. С этого времени их стала соединять самая сердечная дружба и сотрудничество.

¹ Даже по официальным данным было зарегистрировано в 1858 г. 86 крупных крестьянских волнений, в 1859 г.—90 в 1860—108, в 1861 — уже 1176 (войска использованы в 337 имениях) в 1862 г.—400 имениях (войска использовались в 193 имениях).

² По утверждению М. Н. Слепцовой, со ссылкой на пометки в тетради воспоминаний ее мужа эта встреча состоялась не в июле, а в мае 1861 г.—М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури. «Звенья», т. II, 1933, стр. 403.

³ Ниже будут подробно показаны содержание и последствия их беседы.

В ходе осенних студенческих волнений и особенно после освобождения в начале декабря 1861 года из Петропавловской крепости и кронштадтских казарм студентов Петербургского университета начинается быстрое сближение Н. Г. Чернышевского, как члена общественного комитета по размещению освобожденных студентов, с избранным последними комитетом. В его составе были люди, с которыми он был знаком и ранее—Н. Утин, В. Гогоберидзе, Е. А. Печаткин, Н. Спасский, П. Ф. Моравский, С. Ламанский, Л. Ф. Пантелеев, П. А. Гайдебуров, П. П. Фан-дер-Флит. Большинство из них (особенно Н. Утин, Е. Печаткин, В. Гогоберидзе, П. Гайдебуров) стали его друзьями и сотрудниками.

К лету 1861 г. относится сближение Н. Г. Чернышевского с революционно-настроенным поляком Игнатием Антоновичем Пиотровским, активным участником студенческих волнений и видным деятелем петербургских воскресных школ. И. Пиотровский поддерживал тесные связи с польскими революционными кругами. Привлеченный Н. Г. Чернышевским в число сотрудников «Современника», он активно боролся за расширение программы вечерних школ, за преподавание в них естественных наук и уменьшение стеснений со стороны властей¹.

Агенты III Отделения, наблюдавшие за квартирой Н. Г. Чернышевского, среди наиболее частых посетителей уже в период с 14/XII по 31/XII 1861 г. называли Н. И. Утина, И. А. Пиотровского, П. А. Гайдебурова. Последний также стал сотрудником «Современника».

В годы наивысшего подъема революционной ситуации (1860—1862 гг.) по всей стране, особенно в Петербурге, Москве, Казани, Киеве и Харькове, развернулась деятельность революционных кружков. Их руководители имели теснейшие идейные связи с кружком Чернышевского. Состоялось знакомство Н. Г. Чернышевского с большой группой вожаков студенческого революционного движения в Петербурге (Е. П. Михаэлисом, С. С. Рымаренко, братьями Советовыми, Скопиным, М. С. Гулевичем, М. А. Богдановой, А. А. Жук, С. Издебским, Н. И. Корсини, М. Островским и др.). К числу кружков, направляемых из «центра», следует отнести кружки революционных студентов Петербургского университета, возглавляемые Н. И. Утиным, Е. П. Михаэлисом; кружок А. Н. Моригеровского (из студентов университета и технологического института), кружки С. С. Рымаренко, (из студентов М.-х. академии); студенческо-гимназический

¹ И. А. Пиотровский. О направлении школ грамотности.—«Современник», 1861, № 9.

кружок Ф. Дозе, кружки Керсновского и Рошковского (из офицеров и экстернов Константиновского, Михайловского и других военных училищ) и некоторые другие.

Необходимо подчеркнуть большую роль в революционном движении начала 1860-х гг. офицерских кружков из слушателей военных академий, которыми руководили такие близкие к Н. Г. Чернышевскому люди, как Н. Н. Обручев, А. Д. Путята, А. А. Потебня¹, С. И. Сераковский.

Активизация этих кружков, их объединение в общероссийскую революционную организацию ядром вожаков, сгруппировавшихся вокруг Н. Г. Чернышевского, положили начало созданию «революционной партии» 1860-х гг. «Земля и воля».

В данной работе нет возможности проследить характер отношений Н. Г. Чернышевского с каждым из упомянутых выше лиц и кружков. Но одно можно утверждать совершенно определенно: Чернышевский и его ближайшие друзья — Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, С. С. Рымаренко и др. использовали отношения со студентами в интересах сплочения передовой молодежи вокруг революционно-демократического лагеря. Лучшие из лучших участников освободительного движения влились в ряды создавшейся в 1861—1862 гг. революционной организации «Земля и воля».

В подтверждение этого сошлемся на два-три эпизода (из многих!), показывающих руководящую революционную роль Чернышевского и его соратников. Речь идет о некоторых сторонах деятельности кружка С. С. Рымаренко, о роли Чернышевского в создании II отделения при литературном фонде (Общество для пособия нуждающимся учащимся) и, наконец, об отношениях С. С. Рымаренко с Н. Г. Чернышевским по линии революционной конспирации.

С. С. Рымаренко родился в 1839 г. в типично разночинной семье. По окончании 2-й Харьковской гимназии поступил в 1857 г. на первый курс медицинского факультета Харьковского университета. Сдружившись с В. О. Португаловым, Я. Н. Бекманом, П. В. Завадским, М. Д. Муравским, он в том же году примкнул к Харьковско-Киевскому тайному обществу, полностью разделяя его идеологию и образ действий. Участие в харьковской студенческой истории 1858 г. и полученный за это высочайший выговор вынудили С. Рымаренко

¹ А. А. Потебня был привлечен к кружку Чернышевского, видимо, Н. В. Шелгуновым.

покинуть Харьков. В августе 1858 г. он поступил для продолжения образования в Петербургскую М.-х. академию.

Петербургский период жизни (1858—1862 гг.) С. С. Рымаренко заполнен кипучей деятельностью. Он вскоре становится вожаком студентов М.-х. академии. Особенно важное значение имела в 1859—1862 гг. совместная с П. В. Павловым, Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепцовым и группой революционно настроенных офицеров и студентов деятельность С. С. Рымаренко по созданию воскресных школ, которые несколько позднее стали использоваться обществом «Земля и воля» для целей революционного воспитания рабочих, крестьян, солдат. Главным центром пропаганды прокламаций «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?», «Подвиг капитана Александрова», «Молодая Россия» и др. стала Самосоньевская воскресная школа, непосредственно руководимая Рымаренко (он был ее распорядителем).

Вокруг Рымаренко сгруппировалось довольно многочисленное ядро преподавателей воскресных школ — студентов М.-х. академии, университета и молодых офицеров, которые сознательно и с большой смелостью вели революционную пропаганду среди учащихся этих школ. Особенно следует отметить В. Хохрякова, П. А. Беневоленского, А. А. Яковлева, Ю. Р. Поникова, И. И. Аверкиева, Я. А. Ушакова, А. С. Варгасова, С. А. Ольхина, Ю. Ю. Гюбнера, А. П. Блюммер, Н. А. Корсини, В. В. Глушановскую, Ф. И. Доде и других лиц. Все они оказались причастными в той или иной форме к революционной пропаганде. В качестве одного из руководителей воскресных школ Петербурга С. С. Рымаренко был связан с руководителями воскресных школ Москвы (с А. П. Покровским и др.), Казани (В. Манасиным, В. Португаловым), Петрозаводска (с П. Завадским), Оренбурга (М. Д. Муравским), Перми (П. Ефименко), Киева и Харькова и других городов.

С именами С. С. Рымаренко, П. В. Павлова, А. П. Покровского, И. И. Аверкиева, Н. А. Серно-Соловьевича связана попытка создать общество распространения в народе грамотности и хороших (и дешевых!) книг. Это полуполюгальное общество должно было служить прикрытием для тайной антиправительственной организации, ставившей своей целью свержение самодержавия и крепостничества. А. П. Покровский писал: «Прежде чем издавать, надо написать, народить книги. Такое общество может быть явное, открытое. Много можно писать, что нельзя запретить печатать... общество может быть и тайное, для издания таких книг, в которых будут простою русскою речью излагаться для народа политические истины. Общество поэтому должно располагать своею типо-

графией, которую бы не усмотрели зоркие глаза российского орла...»¹.

Очень интересной чертой С. С. Рымаренко как «настоящего революционера», типичного «нового человека», питомца Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова является его высокое искусство и редкостное мужество в борьбе против властей. Изучение хода следствия и суда по делам, по которым проходил Рымаренко², показывает, что он был не только бесстрашным революционером, но и необычайно находчивым, ловким конспиратором. Сохраняя верность своим убеждениям и товарищам по борьбе, он в течение двухлетнего следствия и суда, уже будучи серьезно больным (туберкулезом легких), нашел в себе силы для того, чтобы либо опрокинуть, либо ослабить беспорные на первый взгляд улики. Из борьбы с двумя следственными комиссиями он вышел победителем, ибо, несмотря на откровенно высказанное их руководителями и членами убеждение в его несомненной виновности по всем предъявленным обвинениям; дело ограничилось административной высылкой в Астраханскую губернию.

В ходе хлопот о разрешении открыть общество для пособия учащейся молодежи (II Отделение при Литературном фонде) — в них принимал активное участие и С. С. Рымаренко, — особенно непосредственно сказалось участие Н. Г. Чернышевского в студенческом движении. Разрешение властей на открытие этого отделения задерживалось. Дело в том, что по уставу, выработанному инициативной группой учредителей, была намечена фактическая независимость от Литературного фонда Общества для пособия учащейся молодежи, состоявшего при Литфонде лишь формально. Оно должно было иметь своих отдельных членов, особые взносы, свой комитет, своего председателя и т. д. Председателем комитета учредители II Отделения хотели иметь сенатора Егора Петровича Ковалевского³, который был им известен своей терпимостью. При этом инициаторы новой организации добивались того, чтобы она была всероссийской, чтобы в нее входили представители всех университетов и других высших учебных заведений России и даже средних специальных

¹ Политические процессы шестидесятых годов, ч. 1, под ред. Б. П. Козьмина, М.—Пгр. 1923, стр. 168.

² Он проходил сразу по нескольким делам: о революционной пропаганде в воскресных школах; о заказе печатных станков; о составлении и распространении прокламаций «Чего мы хотим». Следствие вели две комиссии: С. Р. Жданова и А. Ф. Голицына.

³ Е. П. Ковалевский был первым председателем литературного фонда. На этом посту он лояльно сотрудничал с писателями разных политических направлений.

учебных заведений. Учредители составили адрес министру просвещения А. В. Головнину, подписанный почти тысячею студентами, в котором просили ускорить положительное решение этого вопроса. Для обсуждения вопроса о том, как ускорить открытие общества в марте 1862 г., на квартире Н. И. Утина состоялось совещание учредителей. На нем, видимо, специально приглашенный Н. И. Утиным или Н. А. Серно-Соловьевичем, присутствовал Н. Г. Чернышевский.

Участник совещания Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях рассказал о роли Н. Г. Чернышевского в этом деле: «А я к вам на минутку, Николай Исаакович, — сказал Н. Г. Чернышевский, придя к Н. И. Утину, — извините, господа, вы, кажется, заняты, и я, может-быть, помешал вам. Однако присел и умело осведомился о причине нашего собрания»¹. Чернышевский высказался против подачи коллективного студенческого адреса министру просвещения. Он выразил мнение, что адрес скорее ухудшит, нежели улучшит дело, ибо может испугать власти, что обычные каналы скорее приведут его к успеху. «Перед авторитетом Чернышевского, — пишет Пантелеев, — скоро умолкли даже самые горячие протестанты. И действительно, через короткое время отделение было разрешено. Круг деятельности его по уставу распространялся на всю Россию и на всякого рода учащуюся молодежь, причем она сама могла входить в качестве членов в состав общества»².

Н. Г. Чернышевский направлял учредителей общества не только на этом совещании, но и потом, когда общество приступило к действию. Он участвовал в решении вопроса о составе комитета II Отделения Литературного фонда. В частности, Чернышевский предусмотрительно отклонил предложение студентов ввести его в состав членов этого комитета, что означало бы фактическое возглавление им всей работы II Отделения и предредило бы запрещение правительством самой этой организации. «В среде учредителей, — рассказывает Пантелеев, — было решено выбрать в комитет Чернышевского. Когда он узнал об этом, то высказался так: — Я прошу вас этого не делать; пользы от меня никакой не может быть, я даже не имею времени, чтобы исправно посещать заседания комитета фонда. Между тем, выбор меня в ваш комитет может привлечь ненужное внимание начальства к отделению»³.

Н. Г. Чернышевский близко стоял к студенческому рево-

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб, 1905, стр. 225.

² Там же, стр. 226.

³ Там же, стр. 226—227.

люционному движению, пристально следил за всеми сколько-нибудь существенными фактами и событиями к нему относящимися и через Н. Утина, Е. Печаткина, М. Советова, М. Воронова, А. Студенского, С. Рымаренко и др. руководил им. О степени поразительной осведомленности Н. Г. Чернышевского, даже о деталях студенческого освободительного движения, деятельности его организаций, комитетов и отдельных лиц и т. д. свидетельствует такой факт. «Мое личное знакомство с Н. Г., — писал Л. Ф. Пантелеев, — относится к половине марта 62 г. Меня раз крайне поразило, как, должно быть в апреле, он обратился ко мне с вопросом: по каким соображениям я возражал в сентябре 61 г. в студ. комитете против некоторых слишком резких предложений»¹. Таким образом, оказывать влияние на студенческий комитет Чернышевский мог и действительно оказывал через близких ему людей из его состава².

В данной статье я не ставлю своей целью выяснение роли Н. Г. Чернышевского в руководстве уже сложившейся революционной организации «Земля и воля». Это важный, но самостоятельный вопрос, который должен явиться предметом особого сообщения.

С организацией «Земли и воли» и оформлением ее руководящего органа в значительной мере начинает уменьшаться значение собственно кружка Чернышевского, как своего рода главного революционного центра в России. Цвет его членов переходит в центральный комитет вновь созданного нелегального революционного общества, переноса туда главную свою деятельность, и сам Чернышевский осуществляет руководство обществом не непосредственно, а через членов штаба этой организации. В результате роль всероссийского революционного центра, естественно, переходит к «Земле и воле».

Однако при освещении отношения Н. Г. Чернышевского к студенческому движению 1861—1862 гг. нельзя ни логически, ни хронологически обойти вопрос, ставший остро злободневным несколько позднее — на рубеже 1861—1862 гг., особенно весной и летом 1862 г., когда революционная партия уже сложилась и приступила к своей практической деятельности. Какое назначение намерены были придать различным студенческим организациям, в том числе и II Отделе-

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб, 1908, кн. вторая, стр. 179.

² Это было после «Писем без адреса», в разгар цензурных гонений на «Современник», когда Е. Печаткин и другие близкие друзья предупреждали Чернышевского о возможности его ареста и предлагали ему организовать побег за границу.

нию Литфонда, руководители кружка Н. Г. Чернышевского, ставшие с октября 1861 г. и позднее ведущими членами штаба «Земли и воли»? Сам Чернышевский и близкие к нему деятели центрального комитета «Земли и воли» придавали очень большое значение приобретению столь удобной легальной формы для общероссийского студенческого движения, как II Отделение Литературного фонда. Это подтверждается как личным участием в этих делах Чернышевского, так и составом членов комитета II отделения Литературного фонда. На собрании учредителей, на котором присутствовало около ста человек, в состав членов комитета были рекомендованы и избраны Н. А. Серно-Соловьевич, М. С. Гулевич, Н. И. Утин, Е. П. Печаткин, Н. И. Корсини, М. А. Богданова, Л. Ф. Пантелеев. Председателем комитета избран Е. П. Ковалевский¹. Несмотря на уговоры Чернышевского не выбирать его, его кандидатура все же баллотировалась. Получив меньше голосов, он избран был кандидатом в члены комитета II Отделения Литературного фонда.

А. В. Головнин в докладной записке в III Отделение от 5 мая 1862 г. сообщал другой, более точный и полный состав членов комитета II Отделения Литературного фонда, а именно: члены «Николай Утин, Лонгвин Пантелеев, Печаткин Евгений, Виссарион Гогоберидзе, Наталья Корсини, Александр Жук, Петр Моравский, Мария Богданова, Федор Дозе, Михаил Гулевич, Серно-Соловьевич (Николай—Р. Т.), Станислав Издебский. Кандидаты: Сергей Ламанский, Фан-дер-Флит, Чернышевский, Хорошевский»². Почти все они были или вскоре стали членами «Земли и воли» (кроме Н. Корсини, С. Ламанского, П. Фан-дер-Флита). Да и не состоявшие еще в этой нелегальной организации Корсини (вышедшая замуж за Н. Утина), С. Ламанский и Фан-дер-Флит близко стояли к ней, активно участвовали в освободительном движении. То, что в составе комитета в качестве его членов были такие выдающиеся деятели, как один из главных создателей «Земли и воли» Н. Серно-Соловьевич, видные ее деятели Н. Утин, Е. Печаткин, М. Гулевич, А. Жук, В. Гогоберидзе, П. Моравский и др., убедительно показывает, чем должен был заниматься этот комитет, какое место отводил центральный комитет «Земли и воли» созданию общероссийской студенческой организации, сформированию легального центра руководства студенческим движением в масштабе всей страны и координация участия студенчества в освободительном движении России в целом. Этой-то цели, на наш взгляд, и должна была

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 226.

² А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 326.

служить основной деятельностью «общества для пособия учащимся». Организация же литературных чтений, концертов и спектаклей с благотворительной целью, при всем их большом моральном и политическом значении, все же было делом вспомогательным, а отнюдь не главным.

Общество это просуществовало недолго. Правительство довольно быстро поняло его революционный дух. Оно скоро узнало образ мыслей членов комитета и начало догадываться о его целях. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с докладной запиской министра просвещения А. В. Головнина от 5/V 1862 г. на имя шефа жандармов. Сообщив, что он только что докладывал Александру II о деятельности данной организации и ее руководителях, Головнин препроводил в III Отделение список членов комитета «общества для пособия учащимся» такой характеристикой: «В нем находятся люди, говорят, умные, но самые крайние»¹.

Почему же в таком случае министерство просвещения разрешило открытие этой организации и продолжило терпеть ее деятельность? Головнин надеялся допущением легальной деятельности студенческой организации взять ее под правительственный контроль, придать студенческому движению более умеренный характер. «Польза этого учреждения,—писал Головнин шефу жандармов,—следующая: 1) прежние тайные сборища заменены гласными; 2) постановления комитета и расходы известны. Ведутся протоколы и расходные книги; 3) студенческая касса передана казначею общества; 4) известны имена всех принадлежащих к этому рязряду лиц; 5) устроен громоотвод от университета, ибо члены Отделения уже не будут действовать, как студенты и, вероятно, оставят университет в покое, а это и нужно, чтоб не мешать другим учиться; 6) Ковалевский, имея на этих лиц большое влияние, будет удерживать их от крайностей»². Но расчеты Головнина не оправдались. Уже в конце мая—начале июня 1862 г. III Отделению стали известны факты революционной работы студентов: пропаганда в воскресных школах, среди солдат, в шахматном клубе, создание тайных типографий, выпуск внутри страны прокламаций и т. д. На многих членов комитета II Отделения Литературного фонда (Н. Серно-Соловьевича, Н. Утина, Ф. Дозе, Е. Печаткина, П. Моравского, Н. Корсини и Ст. Издебского и др.) стали падать подозрения в участии в этих революционных предприятиях.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 326.

² Там же, стр. 326.

10 июня 1862 г. II Отделение Литературного фонда было правительством запрещено. Тогда и выяснилась вся ценность для революционно-настроенных членов комитета Е. П. Ковалевского как удобного председателя. «Когда Е. П. Ковалевский,—рассказывает в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев,—получил бумагу о закрытии отделения, он собрал комитет и держал такую речь: «Не думал я, господа, что на старости лет окажусь во главе тайного общества.—Что вы, что вы, Егор Петрович, да разве тайное общество устроилось бы с гласным комитетом и таким же списком членов,—это только пустой предлог.—И я то думаю,—добродушно отвечал Егор Петрович.—Расходясь, комитет, по предложению Серно-Соловьевича, сделал постановление с выражением Е. П. глубочайшей признательности за его всегда отзывчивое и сердечное отношение к нуждам учащейся молодежи»¹.

Будучи одним из учредителей Общества для пособия учащимся, представляя в нем студенческую кассу М.-х. академии, С. С. Рымаренко получил благоприятную возможность сближения с кругом друзей Н. Г. Чернышевского, особенно Н. Утиным, В. Гогоберидзе, Е. Печаткиным и самим Н. Г. Чернышевским.

Постоянное общение Рымаренко с Н. Серно-Соловьевичем, А. Слепцовым и др. в ходе совместной деятельности в воскресных школах сдружило их. Они оценили высокий теоретический кругозор и преданность Рымаренко революционному делу, его способности пропагандиста, организатора, конспиратора и, всесторонне изучив его, привлекли к руководящей деятельности в революционной организации «Земля и воля».

Во всеподданнейшем докладе Александру II от 27/IV 1862 г. кн. Долгоруков писал: «Либеральные стремления молодого поколения обнаруживаются с некоторых пор необыкновенным брожением умов, усилившимся в особенности со времени бывших осенью минувшего года студенческих беспорядков, которые встретили большое сочувствие во всех почти учебных заведениях, военных и гражданских, преимущественно же в С. Петербургской медико-хирургической академии»². Сделанная со знанием дела характеристика положения в М.-х. академии является еще одним убедительным подтверждением той большой работы, которую С. С. Рымаренко и члены его кружков провели среди своих товарищей по их политическому воспитанию и сплочению.

Приведенным примером с кружком С. С. Рымаренко и «II Отделением Литературного фонда» мы проиллюстриро-

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 227.

² «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 21—22. Курсив наш. — Р. Т.

вали на конкретном историческом материале действительные отношения, которые складывались между членами кружка Н. Г. Чернышевского и многочисленными революционными группами в Петербурге и других городах страны в обстановке быстро назревавшей революционной ситуации.

**

Поворот событий в России в сторону быстрого вызревания народной революции был замечен членами кружка Н. Г. Чернышевского еще в 1858—1859 гг. Это нашло свое отражение в известной статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (1858). В ней отчетливо поставлен вопрос о том, что в канун революции, который переживала Россия, необходимо понять противоположность целей, тактики и социальной опоры либералов и демократов, своевременно размежеваться с ними.

В другой статье того же года—«Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» — Чернышевский обосновал положение, что «переделка оснований общества» может быть осуществлена не путем реформы, а путем народной революции¹. В «Тюрге» он высмеивал попытки этого крупного французского деятеля предотвратить неизбежную революцию путем реформ сверху, при сохранении прежнего феодально-абсолютистского режима². В январском политическом обзоре 1859 г. Чернышевский подробно обосновывал положение, что быстрый и подлинный прогресс человеческого общества достигается главным образом, если не исключительно, в эпохи народных революций. Одновременно он показал, что в ряде стран Европы замечается начало нового оживления революционного движения³. Отсюда был сделан вывод о необходимости готовиться к революции. На первое место выдвигались задачи пропаганды революционного пути развития, как единственно способного привести русский народ к победе. Другой стороной этой задачи было решительное разоблачение либерализма в теории и на практике, как главной опасности для революционеров в критический период народной революции.

Это убеждение революционных демократов и подлинных патриотов России нашло свое яркое выражение в замечательном документе, несомненно, вышедшем из кружка Н. Г. Чернышевского. Речь идет о «Письме из провинции» «Русского»

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 216.

² Там же, стр. 316—317.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 11—15.

человека», опубликованном в «Колоколе» А. И. Герцена, л. 64, от 1 марта 1860 г. Справедливо, нам представляется, мнение М. В. Нечкиной и Е. Г. Бушканца о том, что наиболее вероятным автором этого документа был Н. А. Добролюбов, составивший его, скорее всего, вместе с Н. Г. Чернышевским¹. От лица представителей этого направления автор документа писал: «...К концу царствования Николая все люди, искренно и глубоко любящие Россию, пришли к убеждению, что только силою можно вырвать у царской власти человеческие права, что только те права прочны, которые завоеваны, и что то, что дается, то легко и отнимается»². С присущей именно Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову и Н. А. Серно-Соловьевичу революционной последовательностью, предпочитавших суровую правду классово-борьбы либеральной дряблости, пассивности и самообману, автор письма «Русского Человека» указывал: «Николай умер, все обрадовались, и энергические мысли заменились сладостными надеждами и поэтому теперь становится жаль Николая. Да я всегда думал, что он скорее довел бы дело до конца, машина давно бы лопнула. Но Николай сам это понимал и при помощи Мандта³ предупредил неизбежную и грозную катастрофу»⁴.

Полемизируя с А. И. Герценом, не утратившим еще к тому времени некоторых надежд на благоразумие правящих кругов в России, на возможность серьезных уступок Александра II в крестьянском вопросе, в вопросах просвещения и даже в предоставлении стране конституции, представитель кружка Чернышевского прежде всего подчеркнул иллюзорность подобных надежд на царя и просвещенных помещиков, равно как и на возможность активной поддержки либералами дела народного освобождения. Напомнив слова Герцена, сказавшего, что «...России при ее пробуждении может предстоять опасность, если либералы и народ непоймут друг друга, разойдутся и что из этого может выдти страшное бедствие—новое торжество царской власти», автор «Письма из провинции» констатировал, что к 1860 г. это расхождение либералов и народа не гипотетическая возможность, а реальный факт. И произошло это потому, что либералы дали себя убаюкать

¹ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации «Исторические записки», т. 10, М., 1941; Е. Г. Бушканец. К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена. — Известия АН СССР, серия истории и философии. 1951, № 2.

² «Колокол», л. 64, стр. 533.

³ Мандт, лейб-медик Николая, дал ему яд по его просьбе, что привело к смерти императора.

⁴ «Колокол», от 1 марта 1860 г., л. 64, стр. 533.

лживыми обещаниями правительства, а народ, крестьяне, не поддались этому. «...С начала царствования Александра II немного распустили ошейник, туго натянутый Николаем, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а после издания рескриптов все очутились в чаду—как будто дело было кончено, крестьяне свободны и с землей; все заговорили об умеренности, обширном прогрессе, забывши, что дело крестьян вручено помещикам, которые охулки не положат на руку свою. Поднялся такой чад от либеральных курений Александру II, что ничего нельзя было разглядеть, но, опустившись к земле (что делают крестьяне во время топки в курных избах), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь в крестьянские толки, можно было с радостью видеть, что народ не увлечет 12 лет рабства под гнетом переходного состояния и что мысль, наделят ли крестьянам землю, у народа была на первом плане»¹. Где же выход? Кто же и каким именно способом может решить вопрос, составляющий коренной интерес большинства народа—вопрос об освобождении крестьян с землей, о свободе от крепостного гнета и самодержавного произвола? Ответ представителя революционно-демократического лагеря был четок и определен. «...Наше положение ужасно, невыносимо,—писал он,—и только топор может нас избавить и никто кроме топора не поможет! Эту мысль уже вам высказывали² и оно удивительно верно, другого выхода нет. Вы все сделали, что можно, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон и пусть ваш Колокол благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь»³.

¹ «Колокол», от 1 марта 1860 г., л. 64, стр. 533.

² Не намек ли это на беседу Н. Г. Чернышевского с А. И. Герценом во время их встречи в Лондоне 1859 г.? или на беседы Герцена с М. И. Михайловым и Н. В. Шелгуновым в том же году? Если это, как можно предполагать, соответствует действительности, то об этом могли знать только люди из кружка Н. Г. Чернышевского. Впрочем, есть еще одно предположение, высказанное Е. Г. Бушканцем, также имеющее под собою серьезное основание. По его мнению, авторы (или автор) «Письма из провинции», вероятно, имели ввиду два письма из России А. И. Герцену в 1858 г., опубликованные последним в лл. 23—24 от 15-IX 1858 г., стр. 188—190, Письмо из Петербурга — (и в л. 25 от 10-X 1858 г., стр. 201—208 («Письмо к редактору»). В них сторонники революционно-демократического направления в России, критикуя А. И. Герцена за появление в «Колоколе» «гимнов властям предрержающим», доказывали, что только путем народной революции, силою «топора» можно свалить самодержавие и крепостничество. (Е. Г. Бушканец. О двух «письмах» в редакцию «Колокола», «Литературное наследство», т. 63, стр. 666).

Однако справедливость требует заметить, что при всей вероятности и этого предположения, его нельзя еще считать бесспорно доказанным.

³ «Колокол», л. 64, от 1 марта 1860 г., стр. 535.

Письмо «Русского человека» А. И. Герцену позволяет сделать вывод о том, что, начиная со второй половины 1858 г. и особенно в период 1859 — 1860 гг., в кружке Н. Г. Чернышевского с полной определенностью и отчетливостью откристиаллизовывалась оценка объективно сложившейся обстановки в России, как кануна крестьянской революции, сложилось твердое убеждение в том, что правительство и помещики готовят под видом освобождения крестьянства его ограбление, а русские либералы играют позорную роль пособников царя и крепостников. Покончить с готовящимся преступлением сможет только сам народ, поднявшись на решительную, революционную борьбу против царя и помещиков, против «допотопного правительства», как назвал крепостной строй и самодержавный режим Н. Г. Чернышевский в своей статье «Суевéria и правила логики».

Развитие событий в 1860—1861 гг., в частности необычайный рост крестьянских выступлений в России и зверские расправы oprичников Дреняжиных, Апраксиных и им подобных, а также пресмыкательство либералов перед царизмом полностью подтвердило прозорливость и правильность мыслей, высказанных в письме «Русского человека». Понятно, что это еще более утвердило членов кружка Н. Г. Чернышевского в правильности оценки сложившейся в стране обстановки, побудив с еще большей энергией и настойчивостью отдаться делу конкретной подготовки к предстоящей революции: определение сроков ее вероятного наступления, развертывание работы по созданию партии, организация революционной пропаганды и т. д.

Как известно, Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях прямо указывал, что в 1861 — начале 1862 гг. он и его ближайшие друзья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, братья Курочкины, А. Н. Энгельгардт и др. считали, что им крайне необходим свой журнал («на случай восстания»). «Мы серьезно считали себя «накануне», — подчеркнул он¹.

Видный деятель шестидесятых годов, один из организаторов и руководителей «Земли и воли» А. А. Слепцов отмечал, что в 1860 — 1861 гг. руководящее ядро революционно-демократического лагеря, группировавшееся вокруг Н. Г. Чернышевского (Н. Обручев, Н. Шелгунов, М. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич и сам А. А. Слепцов), исходило в своей практической деятельности из расчетов на то, что народная крестьянская революция должна была вспыхнуть в 1863 г. Такая оценка обстановки, указывал А. Слепцов, породила неотложно потребность в создании тайной революционной орга-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 34.

низации. Идею необходимости создания нелегальной революционной организации для подготовки и руководства революцией, равно как и различные формы обращения к народу (прокламации, листовки, устная пропаганда, публицистика и т. д.) были в 1860—1861 гг. подсказаны Н. Обручеву, М. Михайлову, Н. Шелгунову, А. Слепцову, Н. Серно-Соловьевичу и др. Н. Г. Чернышевским¹.

Из кружка Н. Г. Чернышевского вышли и первые открытые призывы к революционерам России о скорейшем создании «революционной партии». В известном «Ответе «Великорусу»², опубликованном в «Колоколе», Н. А. Серно-Соловьевич отражал линию основного ядра кружка Чернышевского, четко формулируя осенью 1861 г. задачу скорейшего завершения образования «революционной партии» как главную задачу революционеров. Н. А. Серно-Соловьевич писал: «...Элементы, враждебные бездарному правительству, накаплиются с каждым днем; но они не опасны, пока у них нет ни связи, ни единства, ни доверия к себе. Соединить и возбудить к совокупному действию—вот предстоящее дело, без которого невозможны ни благосостояние, ни свобода, ни правда. Время надежд и ожиданий прошло. Они оказались столь же несостоятельны как и правительство, в пользу которого возбудились. После уродливого решения крестьянского вопроса, выгодного только для чиновничества, а для всего государства гибельного, о них не может быть и речи. Теперь наступила пора борьбы непрерывной, беспощадной, до последнего издыхания враждебной силы»³. Серно-Соловьевич упрекал революционеров России в медлительности, в том, что они слишком робко и несмело идут на соединение с народом и тем невольно позволяют царизму творить черные дела. «Но еще не все потеряно, — подчеркивал он, — ...лжеосвобождение погубит его (самодержавие — Р. Т.). С ребяческим доверием ждет обманутый народ через два года полной воли и найдет свое новое крепостное право. В этот промежуток меньшинство

¹ См. М. К. Лемке. Политические процессы 1860-х гг., II гр. 1923, стр. 79, 318, А. И. Герцен. Собр. соч., т. X, стр. 427 и др., Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 28, 33 и др.

² Этот документ написан, по свидетельству А. А. Слепцова, Н. А. Серно-Соловьевичем (см. А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 72). Пока утверждение Слепцова никем еще документально не опровергнуто. Заявление Н. Н. Новиковой о недостоверности этого утверждения А. А. Слепцова ею не доказано (см. «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 139, примечание).

³ «Колокол», от 15 октября 1861 г., л. 107, стр. 895. «Ответ Великоорусу». Характерна подпись под этой статьей: «Н. Ваш. Один из многих».

(сознательные революционеры по терминологии Н. А. Серно-Соловьевича — Р. Т.) должно сделать *дело*»¹.

Из сказанного следует, что в течение 1861 — 1862 гг. Н. А. Серно-Соловьевич, отражавший направление всего кружка Н. Г. Чернышевского, ставил перед революционными кружками и группами страны труднейшие задачи: создать общероссийскую революционную организацию, тесно связаться с миллионными массами крестьян и солдат и подготовить всенародное восстание против царизма. Он подробно разобрал всевозможные возражения противников создания тайной революционной организации и доказывал их необоснованность. Серно-Соловьевич подчеркнул, что неудачи тайных обществ в прошлом объяснялись не тем, что сами по себе они неподходящее средство для победы. Неудачи явились результатом ошибочности теоретических воззрений и тактики этих обществ. «Для нас, — писал он, — они (тайные революционные общества прошлого — Р. Т.) служат предостережением от двух важных ошибок: от попыток достичь чего-либо силами одного общества без содействия народа и от отвлеченных теорий, не имеющих корня в стране. Такие предостережения — положительные приобретения в нашем деле»². Отбрасывал Н. Серно-Соловьевич как несостоятельные и такие аргументы противников создания революционной организации, как заявления о малочисленности революционеров в России. С созданием организации, утверждал он, число революционеров будет быстро расти, они скоро станут мощной силой, способной повести за собою народ. Он разоблачал трусливые крики либералов о мнимой невозможности сломить самодержавный государственный аппарат насилия и террора. Наоборот, указывал Н. Серно-Соловьевич, царский террор сплотит и закалит ряды организованных бойцов, создаст им ореол мучеников, породит в народе тысячи мстителей за героев, погибших от руки царизма, создаст им опору в «несчетных массах», «...которые, благодаря полутора векам правительственного зверства, распутства, помешательства, иезуитства, террора, представляют градации от апатии до безвыходного отчаяния, которым нечего ждать от этого порядка, нечего терять с ним, а остается только ненавидеть его. На эти массы мы и обопремся»³.

В. И. Ленин высоко ценил революционеров 1860-х гг. за их смелую, мужественную борьбу против царизма в интересах народа, во имя социально-экономического обновления России. Он неоднократно указывал, что, несмотря на малочислен-

¹ «Колокол», от 15 октября 1861 г., л. 107, стр. 896.

² Там же, стр. 896.

³ Там же, л. 107, стр. 896—897.

ность революционеров той эпохи, их недостаточную опытность и организованность, все же именно они были великими деятелями своего времени, а их самоотверженная борьба вынудила царизм пойти на ряд уступок освободительному движению. «...Революционеры, — писал В. И. Ленин, — играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы»¹. В свете высказанных В. И. Лениным мыслей очевидно большое историческое значение призыва деятелей кружка Н. Г. Чернышевского к объединению и организованному действию всех сознательных революционеров страны, их стремление в своей борьбе против царизма и крепостничества опереться на «бесчисленные массы народа».

Обосновав необходимость создания тайной общероссийской революционной организации, опирающейся на широкие массы трудящихся, Н. Серно-Соловьевич конкретизировал пути ее образования через сформирование местных революционных братств, обществ, кружков, групп, с последующим их слиянием в единую общерусскую партию. Одновременно он определил основные практические задачи этой партии и ее местных организаций. «...Круг действия союзов, — писал он, — должен быть так широк, чтобы всякий нашел себе работу. Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайные типографии, распространять печатанное в народе и в войске; обучать крестьян и солдат, заводить братства в полках, сближать солдат с народом; войти в сношения с раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничные издания, привлечь к себе как можно больше военных, извлекать из коронной службы способных людей, давая им другие средства существования, завести торговые и промышленные заведения и готовить денежные и всякие средства»². В приведенном извлечении изложена целая программа действий, рассчитанная на создание общерусской тайной революционной организации.

Но во имя чего должна вестись вся эта политическая, организаторская, пропагандистская работа в массах? На этот вопрос представитель кружка Чернышевского давал четкий ответ. Резко отмежевываясь от либералов и считая недостаточно революционной даже программу «Великорусса», призывавшего для начала подавать царю адреса с требованием консти-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 100.

² «Колокол», от 15 октября 1861 г., л. 107, стр. 897.

туции и во имя этой цели обратиться за поддержкой ко всем слоям общества, Н. Серно-Соловьевич выдвигал иную, значительно более последовательно-революционную программу. «Остается, — писал он, — последний и главный вопрос, — к чему стремиться союзу: к конституции или чему иному? За конституцию стало бы, вероятно, почти все дворянство. Пусть конституция добиваются те, кому она может быть полезна. Пусть они идут своей дорогой, мы своей. Конституция лучше самодержавия тем, что при ней будет больше простора для действия, если она принесет право собрания и свободу печати.. Но мы знаем, что не она цель и последнее слово. Наша цель—*полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей*»¹. В изложенных Н. А. Серно-Соловьевичем целях и задачах складывавшейся революционной организации, плане ее устройства и деятельности, определении сил, на которые она сможет опереться в борьбе за победу народа, отразились не только его личные взгляды, но и мысли по этим вопросам Н. Г. Чернышевского, А. А. Слепцова и ряда других выдающихся руководителей революционно-демократического лагеря в России. Основные идеи «Ответа «Великоруссу» общи всем главным руководителям революционно-демократического лагеря в России, возглавлявшегося Н. Г. Чернышевским. Об этом ярко свидетельствует содержание беседы Н. Г. Чернышевского с А. А. Слепцовым, состоявшейся летом 1861 г. за два месяца до опубликования «Ответа «Великоруссу». Насколько идея создания тайного революционного общества к лету 1861 г. была актуальна и неотложна, видно из того, как быстро беседа перешла к обсуждению именно данной темы. Зная из письма Н. Н. Обручева, многолетнего соратника Чернышевского по «Современнику» и «Военному сборнику», что А. А. Слепцов абсолютно надежный человек, Чернышевский спросил его: «Что же, думаете организовать тайное общество?».—«Тайное общество? Я этого собственно, не предполагал, я полагал только, что так или иначе надо присмотреться к силам и потом организовать их»,—ответил Слепцов. «Чернышевский встрепенулся—рассказывает он в своих воспоминаниях об этой встрече. Видимо, теперь только свидание наше, наконец, получило для него некоторый смысл.—Что же, это—дело,—твердо сказал Чернышевский». Далее собеседники подвергли критике листки «Великорусса», обменялись мнениями о подготовке почвы к объединению различных кружков, о целесообразности подготовки прокламаций, соответствующих их взглядам, коснулись

¹ «Колокол», от 15 октября 1861 г., л. 107, стр. 897. Курсив наш.—Р. Т.

вопроса о вероятных сроках наступления революции. Этим сроком им казался тогда 1863 год. Беседа настолько пришлась Н. Г. Чернышевскому и А. А. Слепцову по душе, что Чернышевский в заключение пообещал на днях зайти к А. А. Слепцову, чтобы «...поговорить пообстоятельнее» по всем затронутым вопросам¹.

Близкие в течение 1859—1861 гг. к Чернышевскому братья Серно-Соловьевичи, бывшие одновременно друзьями А. А. Слепцова и Н. Н. Обручева, как раз в это время вынашивали план организации тайного революционного общества.

О характере же отношений Чернышевского и Добролюбова к Н. Обручеву достаточно красноречиво говорит письмо, датированное 23 февраля 1860 г., т. е. за полтора года до опубликования Н. А. Серно-Соловьевичем «Ответа «Великоруссу». В этом письме Н. Г. Чернышевский, с исключительной теплотой и сердечностью приглашая к себе Н. Н. Обручева, писал: «В четверг я свободен и с радостью воспользуюсь случаем несколько освежить в себе возвышенные стремления, сильно пострадавшие от того, что долго я не виделся с Вами, Николай Николаевич... Добролюбов должен быть также свободен»².

На близость с Чернышевским Н. Н. Обручева, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей в 1861—1862 гг. указывают и данные III Отделения, где, в частности, говорится: «...3. Полковник Обручев. Подозревается в участии составления «Великорусса» и находится в беспрестанных сношениях с Чернышевским. 4. Два брата Серно-Соловьевичей. Тоже». В том же документе и рядом с ними упоминается и Н. В. Шелгунов как лицо, подозреваемое в составлении листков «Великорусса» и других воззваний³.

Все это с достаточной достоверностью позволяет сделать вывод о том, что в выступлении Н. А. Серно-Соловьевича в ответе «Великоруссу» нашли свое выражение не только его личные взгляды, но и воззрения Чернышевского и членов его кружка. Более того: в ходе выработки «Ответа «Великоруссу», по-видимому, происходило дальнейшее сближение инициативного ядра по созданию тайного революционного общества — братьев Серно-Соловьевичей, А. А. Слепцова, Н. Н. Обручева, Н. В. Шелгунова — усилилось их общение с Чернышевским и друг с другом. Об этом свидетельствуют данные полицейского наблюдения за квартирой Н. Г. Чер-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 425—427.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 386.

³ «Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 24.

нышевского¹. В них отмечаются частые посещения Чернышевского, иногда по нескольку раз в день, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, Н. В. Шелгуновым, Н. Н. Обручевым. А что разговоры во время этих встреч шли о важных общественных делах, что осуществлялось именно сплочение основного ядра инициаторов создания будущей революционной организации — об этом мы имеем хотя и косвенные, но весьма важные и притом неоднократные свидетельства самого Н. Г. Чернышевского.

В письме к Н. А. Добролюбову (март 1860 г.), уже тяжело больному в то время, настойчиво упрашивая его беречь себя, не волноваться из-за общественных дел и как можно меньше работать, Н. Г. Чернышевский между прочим замечал: «Да не пишите сами, не горячитесь из-за общественного блага, как Соловьевич, а лучше отдохните»². Чернышевский был весьма огорчен тем, что Добролюбов с некоторым холодком относится к Н. А. Серно-Соловьевичу. Он стремился поскорее сдружить между собою обоих очень близких ему людей. 7/19 февраля 1861 г. он писал Добролюбову, находившемуся в то время на лечении за границей: «Порадуйтесь: я в закадычной дружбе с Ник. Серно-Соловьевичем... Вы сделали бы мне великую радость — полюбили бы Серно-Соловьевича!»³. Идеиные общественно-политические основы дружбы, любви и доверия Н. Г. Чернышевского к Н. А. Серно-Соловьевичу, Н. Н. Обручеву, Н. А. Добролюбову и другим единомышленникам из инициативного ядра зачинателей «Земли и воли» столь определены, что еще множить подобные высказывания (а они имеются) нет необходимости. А ведь февраль 1861 года — дата последнего письма к Добролюбову — это время составления Чернышевским в сотрудничестве с Н. В. Шелгуновым, Н. Обручевым и М. Л. Михайловым прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон!», время согласования вопроса о подготовке и распространении новых прокламаций («К молодому поколению», «К солдатам», «К раскольникам» и т. д.) и осуществления других революционных предприятий.

О наличии такого сговора в январе-феврале 1961 г. сообщили в своих воспоминаниях А. А. Слепцов и Н. В. Шелгунов.

По свидетельству А. А. Слепцова, уже к началу 1861 года в кружке Чернышевского был согласован план организации

¹ А. А. Шилов. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (1861—1862 гг.)—«Красный архив», 1926, т. XIV, стр. 87, 88, 90 и др.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 389.

³ Там же, стр. 423.

революционной работы. «Отдать справедливость, — пишет об этом А. А. Слепцов в своих воспоминаниях, — план был составлен очень удачно, имелось в виду обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники... — здесь три страдающие группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель. Соответственно с этим роли были распределены следующим образом: Чернышевский, как знаток крестьянского вопроса, который он, действительно, знал в совершенной полноте, должен был написать прокламацию к крестьянам; Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам; раскольников поручили Щапову, а потом, не помню по каким обстоятельствам, передали тоже Николаю Гавриловичу; молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов. О таком плане и его выполнении мне сказал вначале 1861 г.¹ сам Чернышевский, знал о нем и Н. Н. Обручев, потом из боязни быть расшифрованным, уклонившийся от участия в общем деле»².

Н. В. Шелгунов подтвердил сообщение А. А. Слепцова о наличии сотрудничества внутри ближайшего окружения Н. Г. Чернышевского к началу 1861 г. в деле создания и распространения первых прокламаций. «В ту же зиму, т. е. в 1861 г., — читаем мы в его воспоминаниях, — я написал прокламацию «К солдатам», а Чернышевский прокламацию «К народу» и вручил их для печатания Костомарову. Разговоров вообще было у нас мало, а о прокламациях тем более. Я переписал прокламацию измененным почерком и, как все переговоры велись Михайловым, то я отдал прокламацию ему, а он передал ее Костомарову. Впрочем, Костомаров знал, что писал я»³.

Отсюда, заметим, кстати, становится понятным, почему Н. В. Шелгунов характеризовал Чернышевского как идейного вождя революционного движения 1860-х гг., специально отметив, что он был по натуре бойцом, «...человеком критического ума с социально-политической подкладкой и революционером мысли. На кафедре, — подчеркивал Шелгунов, — Чернышевский, конечно бы, соскучился, да и время было тогда не такое, хотелось делать, а не говорить»⁴.

Само сближение М. Л. Михайлова, Н. В. Шелгунова, Н. Г. Чернышевского, братьев Серно-Соловьевичей и др. с

¹ Видимо в начале 1862 г., т. к. Слепцов познакомился с Чернышевским и вступил с ним в личное общение летом 1861 г.

² М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 318.

³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 33.

⁴ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 28.

Всеволодом Костомаровым, погубившее многих выдающихся членов этого кружка во главе с Чернышевским, произошло потому, что у этого предателя был печатный станок: Костомаров заявлял о своей готовности активно работать для революционного подполья. «...Костомарову,—указывает в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов,—были даны вперед деньги, Чернышевский дал работу в «Современнике», и вообще его окружили таким участием и вниманием, на которое он едва ли рассчитывал. Больше всего нас, конечно, пленял его станок и готовность печатать—у нас же оказалась готовность писать»¹.

Изложенные здесь данные подтверждают, что Н. Г. Чернышевский, А. и Н. Серно-Соловьевичи, Н. В. Шелгунов, Н. Н. Обручев, безвременно умерший в ноябре 1861 г. Н. А. Добролюбов, а с лета 1861 г. и А. А. Слепцов пришли к выводу, что Россия находилась накануне революции. Поэтому они признали необходимым создание тайной общероссийской революционной организации, вели борьбу «за общественное благо», за «революционное дело», нашедшее столь четкое, конкретное и, как мы стремились показать, коллективное выражение в «Ответе «Великоруссу» Н. А. Серно-Соловьевича.

**
*

К середине 1861 г. взгляды на состояние России и пути освобождения русского народа Герцена и Огарева, с одной стороны, Чернышевского и его единомышленников—с другой, значительно сблизились, хотя различия воззрений по ряду вопросов и не стерлись до конца. Тем самым была создана благоприятная почва для их сотрудничества во имя торжества революционного дела. И хотя сношения с Герценом и Огаревым, находившимися в Лондоне, составляли немалые трудности для сторонников Чернышевского, что породило, при наличии разногласий по ряду вопросов, известный параллелизм и даже разобщенность на первых порах в деятельности обоих центров—Лондонского и Петербургского, тем не менее уже с лета 1861 г. наблюдаются многочисленные факты прямого сотрудничества виднейших деятелей обеих группировок российской революционной демократии.

К середине 1861 г. относятся составленные Н. П. Огаревым при участии А. И. Герцена, а также прибывших из Петербургского революционного центра единомышленников Чернышевского—А. А. Слепцова, Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева и др. известные революционные прокламации

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 33.

«Что нужно народу?», «Что надо делать войску?» и др., открывшие целую серию революционных прокламаций, изданных в Лондоне, распространенных в Петербурге и во всей России. Они явились одним из первых открытых обращений к народу с революционной проповедью зарождавшейся «революционной партии». Прокламация «Что нужно народу?» показала совпадение многих положений этого документа с воззванием Чернышевского «Барским крестьянам...». В ней говорилось: «Пуще всего надо народу сближаться с войском. И отец ли, мать ли снаряжает сына в рекруты—не забывай народной воли, бери с сына клятву, что по народу стрелять не будет, не будет убийцей отцов, матерей и сестер кровных, кто бы ни дал приказ стрелять, хотя бы сам царь, потому что такой приказ, хотя бы и царский, все же приказ окаянный... Когда найдется офицер, который научит солдат, что стрелять по народу грех смертный—знай народ, что это друг его, который стоит за землю мирскую да за волю народную... Шутеть без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую»¹.

Серьезное отличие программных документов, принадлежавших Н. П. Огареву, обычно согласованных им с А. И. Герценом, от воззваний, вышедших из-под пера Н. Г. Чернышевского и его единомышленников в Петербурге, состояло в том, что Н. П. Огарев еще допускал возможность добровольного отказа значительной группы помещиков от своих прав в пользу крестьян (см. его «Что нужно народу?» и «Что нужно помещикам?»), а Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов, Н. В. Шелгунов, Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов полагали, что только народное, крестьянско-солдатское восстание решит дело.

Это разногласие нашло свое отражение в полемике Н. А. Серно-Соловьевича («Ответ «Великоруссу»—«Колокол», 1861 г., л. 107, от 15 сентября) и Н. П. Огарева («Ответ на «Ответ «Великоруссу»—«Колокол», 1861 г., л. 108, от 1 октября).

Н. А. Серно-Соловьевича, воспитанного на идее Чернышевского о крестьянской революции как единственном средстве в борьбе народа за свержение самодержавия и крепост-

¹ «Колокол» от 1 июля 1861 г., л. 102 или Н. П. Огарев. Избр. социально-политические и философские произведения, т. 1, М., 1952, стр. 535—536.

ничества, не удовлетворили в листках «Великорусса» неизжитые еще в значительной степени надежды на возможность уступок «сверху», призыв не к одним только трудящимся классам, а ко всему обществу, т. е. и помещикам и чиновникам также.

Позиция же авторов «Великорусса» в этом вопросе встретила безоговорочное сочувствие редакции «Колокола». Известно, что Н. П. Огарев, приступивший к созданию с согласия А. И. Герцена тайно революционной организации для руководства военно-крестьянской революцией и делавший главную ставку именно на эту революцию, в то же время еще в какой-то степени продолжал надеяться на благоразумие части представителей помещичьего класса, на их способность отказаться (за выкуп) от своей земли в пользу крестьянства и готовых поддержать борьбу народа за установление в России конституционного образа правления.

Из различия в оценке обстановки вытекало и различие подхода к практическим задачам, к тактике революционной организации в России у «Великорусса» и близких к нему редакторов «Колокола» и у той группы, которая спланировалась под руководством Н. Г. Чернышевского и чьи взгляды отразил Н. А. Серно-Соловьевич. Это различие в тактике «Великорусса» и сторонников Чернышевского Н. А. Серно-Соловьевич определил следующими словами: «Великорусс сознает необходимость борьбы; но если он серьезно взялся за дело, ему следует действовать несколько иначе. Надо обращаться не к «Обществу», а к народу и не предлагать вопросов, а прямо отправиться от положительного начала: что жить далее при настоящем порядке невозможно, а лучше быть не может, пока власть в царских руках»¹. Однако необходимо со всей силой подчеркнуть следующую мысль: несмотря на наличие подчас существенных разногласий, кружок Н. Г. Чернышевского, кружок «Великорусса» и редакция «Колокола» являлись представителями единого революционно-демократического направления в России. Ответ Н. П. Огарева на «Ответ «Великоруссу», как показало дальнейшее развитие событий, сыграл огромную роль в сближении точек зрения редакции «Колокола» и инициативной группы сторонников Чернышевского по созданию «революционной партии» в России.

Процесс создания революционной партии после этого ускорился, и через несколько месяцев, в период с июля по сентябрь 1861 г., усилиями круга Чернышевского и руководителей «Колокола» было создано ядро общероссийской революционной партии в лице «Земли и воли». Решение этой за-

¹ «Колокол» от 1 июля 1861 г., л. 107, стр. 895.

дачи облегчилось тем, что широкое распространение в передовых общественных кругах убеждения, что Россия стояла на пороге революции, породило по всей стране стремление к созданию в центре — Петербурге и Москве и на местах (в Харькове, Киеве, Полтаве, Казани, Самаре, Н. Новгороде, Саратове, Астрахани, Петрозаводске, Вологде, Перми и др. городах) революционных кружков, ставивших своей целью непосредственное обращение к народу (крестьянам, солдатам, рабочим) с призывами к активному участию в вооруженном восстании против царя и помещиков. Хотя этой организации и не удалось вобрать в себя все существовавшие тогда революционные кружки, общества, группы, тем не менее именно «Земля и воля» была той силой, которая в 1862—1863 гг. пыталась развернуть организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди студентов, писателей, офицеров, чиновников, солдат, крестьян, ремесленников, рабочих, которая создала (в Петербурге, Рязанской губернии, Мариенгаузене и др.) тайные типографии и развернула издание и распространение прокламаций и т. д. Известны ее усилия по политическому просвещению рабочих, крестьян, солдат («воскресные школы», народные библиотеки-читальни), по подготовке в Поволжье, Польше и Литве солдат и крестьян к восстанию. «Земля и воля» создала крупную офицерскую организацию, имевшую целью обеспечить переход армии на сторону революции, оказать помощь восстанию польских патриотов против царизма, воспрепятствовать царизму в подавлении революционного народа России. В силу ряда исторических причин «Земля и воля» и другие революционные группы не сумели добиться победы народной крестьянской революции. Но их заслуга в том, что они поставили эти задачи в порядок дня, развернули в массах их разъяснение в довольно широких масштабах. Если царизму удалось сорвать выпуск прокламации Чернышевского «Барским крестьянам» и расправиться с ее автором, то листки «Великорусса», прокламации «К молодому поколению», «К солдатам», «К офицерам», «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?» и многие другие были распространены в России в небывалых дотоле масштабах, в тысячах и десятках тысяч экземпляров. Это означало, что «революционная партия» не только возникла и стала реальным фактором, но она, как призывал в своем «Ответе «Великоруссу» Н. Серно-Соловьевич, «перешла от слов к делу». «Революционная партия», преодолевая огромные трудности, неся большие жертвы, буквально истекая кровью, обратилась широким фронтом к прямой революционной работе в массах

во имя их организации, воспитания и сплочения в интересах победоносной народной революции.

*
*

Историческая заслуга кружка Н. Г. Чернышевского состояла в том, что прежде всего в его рядах под руководством главы русских революционеров было собрано и сплочено инициативное ядро организаторов «революционной партии» начала 1860-х гг. («Земли и воли»). Члены этого кружка вместе с редакторами «Колокола» воспитали в революционном духе целое поколение русской молодежи, составившей основной костяк, и активных помощников этой тайной революционной организации.

В кружке Н. Г. Чернышевского получили теоретическое обоснование цели и задачи подготавливаемой революционной партии, организационные принципы ее построения, разработаны основы тактики, задуманы и приведены в исполнение первые крупные обращения к народу. Отсюда наносились удары по либералам, разоблачались попытки их сговора с силами реакции, подвергались критике отходы от последовательно-демократической линии в борьбе, проявления колебаний между либерализмом и демократизмом.

Высокий теоретический уровень наиболее выдающихся членов кружка Н. Г. Чернышевского, накопленный ими в течение ряда лет огромный опыт участия в идейной борьбе, навыки организаторской деятельности в крупном масштабе помогли им и прежде всего братьям Серно-Соловьевичам, Н. Н. Обручеву, А. А. Слепцову, С. С. Рымаренко, Н. И. Утину стать главными руководителями «революционной партии» начала 1860-х гг. («Земли и воли»), в строительстве которой вместе с Н. П. Огаревым и А. И. Герценом они приняли решающее участие.

Е: Г. БУШКАНЕЦ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В БОРЬБЕ ЗА НАСЛЕДИЕ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

(ноябрь 1861 г.—июнь 1862 г.)

В ночь на 17 ноября 1861 года не стало Николая Александровича Добролюбова...

Добролюбов умер в момент исключительного обострения общественно-политической борьбы в стране. Это была невознаградимая потеря для революционной «партии». «О, как он любил тебя, народ,—писал в те дни Н. Г. Чернышевский.— До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем он хотел тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих»¹. Чернышевский верил, что слово Добролюбова будет жить, что оно будет звать к революционному делу новые поколения передовой молодежи.

Смерть Добролюбова вызвала оживленные отклики в печати — газеты и журналы самых различных направлений посвятили Добролюбову некрологи, статьи, заметки.

Важно сразу отметить, что памяти Добролюбова отдали должное не только «Современник», примыкавшая к нему «Искра» и радикальное «Русское Слово», но и, как мы увидим ниже, издания в сущности далекие от революционно-демократического лагеря. В этом проявилось характерное для русской журналистики того времени, но, к сожалению, почти неизученное явление—проникновение литераторов-демократов на страницы самых различных изданий, стремление в какой-то мере использовать их для пропаганды своих взглядов, завоевать их, так сказать, «изнутри».

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 852.

В то же время смерть Добролюбова заставила на некоторое время умолкнуть тот объединенный хор крепостников и либералов, который еще совсем недавно встречал диким воем каждую новую статью Добролюбова. Либералы попытались выразить даже свое сочувствие по поводу «печальной утраты».

Так, «Санкт-Петербургские ведомости», с одной стороны, признали, что в статьях Добролюбова «слышался ум, талант, знания, что мысли, положенные в основу лучших его статей, были всегда мысли сильные, смелые, вызывавшие на сочувствие», хотя, с другой стороны, тут же оправдывали тех, кто выступал против «их направления и характера», кто не соглашался с «воззрениями» Добролюбова¹. В большинстве же откликов из либерального стана Добролюбов изображался даровитым, немного оригинальничавшим в стремлении к популярности, бойким на перо молодым журналистом. Автор некролога в «Русском инвалиде» видел в Добролюбова, прежде всего, человека, «посвящавшего все время усиленным литературным занятиям»². Либералы в своих оценках Добролюбова пытались умалить его роль в общественно-политической и литературной борьбе 1857—1861 годов, вытравить из его наследия революционную суть. Речь шла, по существу, о том, чтобы всячески ограничить идейное воздействие произведений Добролюбова на современников, на последующие поколения.

Чернышевский не имел возможности в условиях разнужданного полицейского и цензурного террора прямо сказать о роли Добролюбова в русском освободительном движении, полностью разъяснить политический смысл его литературной деятельности. Однако он считал необходимым четко определить роль Добролюбова в истории литературы. Отвергая попытки либералов изобразить его даровитым, но едва оперившимся журналистом, Чернышевский подчеркивал, что Добролюбов фактически стоял во главе русской литературы.

Не формулируя; в силу цензурных условий, политическую программу Добролюбова, Чернышевский обращал внимание современников на то, что Добролюбов никогда не замыкался в кругу собственно-литературных интересов, что это был прежде всего *общественный деятель, защитник интересов народа*.

Наконец, Чернышевский считал необходимым показать, что Добролюбов был *прямым продолжателем дела Белин-*

¹ «Санкт-Петербургские ведомости». 1861, № 263, 26 ноября.

² «Русский инвалид», 1861, № 257, 19 ноября.

ского, что в Добролюбове в новых условиях повторился Белинский.

Эти мысли были выражены в написанном Чернышевским для «Современника» некрологе «Н. А. Добролюбов». Но еще до появления некролога в печати они прозвучали публично 20 ноября на Волковом кладбище.

В настоящее время не вызывает сомнений, что редакция «Современника» так подготовила и провела похороны Добролюбова, что они превратились в яркую политическую демонстрацию. Известен ряд описаний этой демонстрации. Мы воспользуемся статьей А. Гиероглифова «Похороны Н. А. Добролюбова», тогда же напечатанной в газете «Русский мир». Она хорошо передает не только самый дух похорон, но и детали, которые другим изданиям вряд ли удалось провести через препоны цензуры, вплоть до указаний на присутствовавших на кладбище полицейских шпиков и на проведенный среди участников похорон сбор в пользу Михайлова. «На похоронах Добролюбова собралось довольно значительное число порядочных жителей из Петербурга, конечно, с весьма немногими исключениями, неизбежными у нас при всяких собраниях. Порядочность присутствующих и сочувствие их к литературным деятелям выразились, между прочим, одним добрым делом: собрано было по подписке около 400 рублей серебром в пользу одного литератора, отправлявшегося из Петербурга...»¹.

Первым над могилою Добролюбова выступил Некрасов. Некрасов утверждал, что общество лишилось «деятеля, едва ли не сильнейшего из всех, кто действует в настоящее время на журнальном поприще», что в Добролюбове, с его глубоким пониманием «истинных потребностей» общества, «справедливо видели «мощного двигателя нашего социального развития». «В Добролюбове,—заявил Некрасов,—во многом повторился Белинский, насколько это возможно было в четыре года: то же энергическое влияние на читающее общество, та же проницательность и сила в оценке явлений жизни, та же деятельность и та же чашотка. Добролюбов изумлял определенностью и законченностью своих воззрений,—и в этом мы видим черту его превосходства».

Чернышевский, выступивший после Некрасова, прочитал несколько отрывков из дневника Добролюбова. «Слова Некрасова,—говорилось в газетном отчете,—извлекали слезы; чтение же дневника потрясло присутствующих; без нервной лихорадки его невозможно было слушать...». Из цепи приводимых

¹ «Русский мир», 1861, № 91,

в дневнике фактов у слушателей складывалась «верная и раздирающая сердце картина той нравственной пытки, тех нравственных оскорблений и мучений, которые свели в могилу сильного и смелого защитника добра и правды...»

Дневник Добролюбова последних месяцев его жизни до нас не дошел. Архивистам, историкам, литературоведам предстоит еще испытать свои силы в поисках этого документа. Известно, что остальные бумаги Добролюбова были изъяты при аресте Чернышевского, а затем возвращены А. Н. Пыпину, у которого и сохранялись до перевода Чернышевского из Сибири в Астрахань в 80-х годах. У нас нет оснований думать, что дневник Добролюбова был уничтожен Пыпиным. Не исключено, хотя и маловероятно предположение, что он привлек внимание следователя и не был возвращен Пыпину. Однако, наиболее вероятным нам представляется то, что к моменту ареста Чернышевского (о котором он был предупрежден и к которому подготовился) дневник этот, в силу своего особого характера, у него уже не находился и был передан на хранение кому-то из заслуживающих доверия лиц.

Круг фактов, получивших отражение в дневнике Добролюбова, предположительно можно восстановить — это разгром крестьянских выступлений в ответ на реформу 19 февраля, подавление «беспорядков» в университетах и свирепая расправа правительства с передовым студенчеством Петербурга и Москвы, арест Михайлова, упорные слухи о предстоящем запрещении «Современника» и аресте его руководителей, усиление цензурного гнета...

Агент III Отделения доносил начальству, что Чернышевский прочитал «статей восемь, приблизительно», касающихся цензурных преследований печати, студенческих «беспорядков», правительственных репрессий. «Вообще вся речь Чернышевского, а также и Некрасова, клонилась, видимо, к тому, чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно, одним словом, что правительство уморило его»¹.

В зачитанных отрывках из дневника Добролюбова имелись, по-видимому, прямые указания на необходимость революционных действий. По крайней мере, ряд современников свидетельствует, что Чернышевский несколько раз прерывал чтение репликами: «А мы что делаем? Ничего, ничего, только болтаем»².

¹ «Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения» — «Красный архив», 1926, № 1(14), стр: 91—92.

² См. А. В. Никитенко. Дневник, т. II, СПб, 1905, стр. 58.

В конце ноября выходит одиннадцатая книжка «Современника» — она открывалась некрологом, написанным Чернышевским. Сопоставление печатного текста с сохранившейся рукописью показывает, что цензура тщательно вытравляла из некролога все, что указывало на общественно-политический характер деятельности Добролюбова, на то, что Добролюбов стоял «во главе всего развития русской мысли», что «его труды могущественно ускоряют ход нашего развития», что «невозградима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он»¹.

В том же ноябрьском номере «Современника» появилась статья И. И. Панаева «По поводу похорон Н. А. Добролюбова»². Советские литературоведы справедливо отвергли несостоятельное представление о Панаеве, как далеко от напряженной идейной борьбы тех лет легкомысленном фельетонисте³. В этом плане очень интересна его статья о похоронах Добролюбова. В ней Панаев стремился показать историческое значение деятельности Белинского, особенно в те последние четыре года, когда великий критик «высвободился от всех посторонних влияний и стал на более твердую почву». Основная мысль статьи — не либералы, пытающиеся изобразить себя наследниками Белинского, а Добролюбов и его соратники выступают настоящими учениками и последователями Белинского. Имея в виду либералов 60-х годов, Панаев указывает, что от таких «друзей» Белинский «бежал бы со страхом и негодованием». Добролюбов, по словам Панаева, «глубоко и верно, просто и здраво» смотрел на явления русской жизни, горячо сочувствовал «нашим насущным общественным потребностям», статьи его были проникнуты «самым искренним и здравым патриотизмом». Добролюбов, подчеркивал Панаев, — наиболее яркий представитель «нового поколения» революционной молодежи 60-х годов. Он его «благороднейший и талантливейший» деятель.

В начале 1862 года появляется статья о Добролюбове

¹ «Современник», 1861, № 11, стр. 1—8 особой пагинации, Н. Г. Чернышевский. Соч., т. 7, стр. 849—854.

² «Современник», 1861, № 11, отд. II, стр. 69—79. Перепечатано в книге — И. И. Панаев, Воспоминания. М., 1950, стр. 316—326.

³ См., например, статью Ф. М. Иоффе «Н. Г. Чернышевский о И. И. Панаеве» («Известия АН СССР, отделение языка и литературы», 1952, вып. 4, стр. 344—359), в которой устанавливается принадлежность перу Чернышевского некролога И. И. Панаева. Определенная близость Панаева к руководителям революционно-демократического лагеря убедительно показана автором статьи на примере ряда произведений Панаева. К сожалению, Ф. М. Иоффе обойдена рассматриваемая статья Панаева о Добролюбове.

И. Пиотровского¹. Пиотровский — активный участник революционных выступлений петербургского студенчества и сотрудник «Современника» — был лично знаком с Добролюбовым². В статье своей он проводит мысль о том, что «Добролюбов был по отношению к нашему времени равнозначен Белинскому. Как один, так и другой были выражением пережитой ими эпохи, тот и другой шли впереди русской литературы... Если бы Белинский жил в наше время, он не мог бы не быть Добролюбовым». Вслед за Чернышевским Пиотровский указывает, что Добролюбов четыре года «стоял во главе русской литературы». Он проводит через цензуру мысль об общественно-политическом характере деятельности Добролюбова, подчеркивая, что именно идеями о путях «разрешения вопросов нашей общественной жизни» Добролюбов особенно дорог молодому поколению. Нетрудно видеть, что основные положения статьи Пиотровского прямо восходят к Чернышевскому. Более того, есть основания предполагать, что, работая над статьей, Пиотровский встречался с Чернышевским и, по-видимому, как и Панаев, советовался с ним. Несомненно, что характеристика дневника Добролюбова (Пиотровский пишет, что он его не читал, но знаком с его содержанием) дана со слов Н. Г. Чернышевского³.

¹ П-ский, Николай Александрович Добролюбов. «Иллюстрация», 1862, № 203, 18 января. Авторство устанавливается собственноручным списком произведений Пиотровского, хранящемся в архиве института русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинского дома). «Иллюстрация» в это время редактировал Николай Курочкин. Интересно отметить, что с приходом Н. Курочкина в «Иллюстрацию» в июне 1861 г., еще при жизни Добролюбова, он в объявлении по подписке на второе полугодие обещал читателям биографию Добролюбова. Н. Курочкин привлек к участию в «Иллюстрации» ряд прогрессивных писателей, но весной 1862 г. был вынужден оставить редакторство.

² Известие о смерти Добролюбова застало Пиотровского вместе с другими участниками революционных выступлений студентов Петербургского университета осенью 1861 г. в крепости, где они находились под арестом. По свидетельству Н. Николадзе, смерть Добролюбова ввергла Пиотровского «в неутешное горе», он оплакивал его, как человека, который с дальнейшим разворачиванием революционных событий «позлек бы нас за собой». Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятых годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 49.

³ Поскольку дневник Добролюбова до нас полностью не дошел, а указанная характеристика его никогда в литературе о Добролюбове не воспроизводилась, позволим ее привести. «Дневник Добролюбова, указывает Пиотровский, — резко распадается на три периода. В первом отделе его большей частью сохранились дела семейные, во втором — отношения литературные, в третьем — явления общественные. И сквозь все эти три периода проходят сетования на неприятности по печатанию статей в «Современнике». До его полного участия в делах «Современника» его не могло более ничего занимать, как положение его семейства. Потом столкновение

Автор другой статьи о Добролюбове — она была напечатана в «Книжном Вестнике» — прямо указывал, что сведения о Добролюбове получены им от одного из ближайших друзей покойного и горячо благодарил за них Н. Г. Ч-ого, т. е. Чернышевского. Называя Добролюбова «борцом русской мысли», он передавал рассказанные ему Чернышевским примеры «изумительной стойкости воззрения» Добролюбова, его презрения к либералам и умения «последовательно проводить свои убеждения»¹.

Таким образом, вслед за Чернышевским и с его помощью писатели-демократы предпринимают попытки рассказать читателям об ушедшем в могилу одном из выдающихся представителей нового поколения революционеров-разночинцев.

Реакционная пресса не замедлила открыть огонь по Чернышевскому и писателям-демократам, выступившим со статьями о Добролюбове; она пыталась оклеветать его память, излить новые потоки лжи по адресу «Современника». Катковский «Русский вестник», например, лицемерно выражал сожаление по поводу преждевременной смерти Добролюбова: «Став повзрослее, он понял бы, что такое его друзья... Увы! И после смерти служит он предметом эксплуатации для своих друзей. Мертвого человека они поставили на ходули, одели в маскарадный костюм вождя русской литературы, заставили его умереть от особого вида чахотки, еще неизвестной в медицине, — от гражданской скорби, и приглашают Россию пилигримствовать на его могилу»².

С особым остервенением ринулась на «Современник» умеренно-либеральная «Библиотека для чтения». В первой книжке этого журнала за 1862 год появилась статья «Небывалые люди» — о романе Достоевского «Униженные и оскорбленные». Но не роман Достоевского волновал автора этой статьи — Зарина. Скрывшись за криптонимом «З-нь», он зубоскалил по поводу того, что Добролюбов ничего не сделал «для бессмертия», что в деятельности его не было и намек на «сокровенную силу, способную на такой размах». Зарин тужился доказывать отсутствие у Добролюбова каких-либо способностей литературного критика. Вся статья была наполнена плоскими выпадами против покойного Добролюбова и его друзей.

с литераторами и с литературным миром, как одного из членов редакции, не могло не преобладать во втором периоде. Таким же образом составилась отличительная черта третьего периода.

¹ Пятковский А. Н. А. Добролюбов (биографический очерк). «Книжный вестник». 1861, № 22, стр. 373.

² «Русский вестник», 1861, № 10, «Современная летопись», стр. 14.

Передовые писатели немедленно выступили в защиту «Современника».

«Искра» отметила, что галиматьи критика «Библиотеки для чтения», стремящегося уронить значение Добролюбова, достаточно «на целую сотню юмористических стихотворений»¹. Минаев в фельетоне «Русского слова» известил, что в «Библиотеке для чтения» родился «еще новый деятель (уж такой урожай на них пошел!)», стремящийся доказать «самым положительным образом, как бесцветна и бесследна была трудовая жизнь Добролюбова и как жалки все друзья покойного, высоко ставившие его дарование». Минаев срывал с Зарина маску. Еще недавно сам Зарин предостерегал либеральные журналы, что в яростной травле Чернышевского они могут нажить себе союзников в лице архиреакционных органов, вроде изданий Н. Ф. Павлова и Аскоченского². Теперь же этот либерал прямо солидаризировался с лагерем оголтелой реакции. Минаев выражал твердую уверенность, что «друзья покойного» (т. е. редакция «Современника» во главе с Чернышевским) сумеют «собрать в целое все эти жемчужины и оценить их по достоинству»³.

Действительно, Чернышевский дал реакционному борзописцу Зарину достойную отповедь. Он напечатал в «Современнике» ответ Зарину⁴, кончавшийся выражением одновременно чувства отвращения к нему и чувства сострадания к его умственной слабости.

Вслед за Чернышевским и поэтами-«искровцами» на «прон-

¹ «Искра», 1862, № 8, 2 марта, стр. 109.

² См. заметку Зарина «Повальное недоразумение», («Библиотека для чтения», 1861, № 8).

³ «Русское слово», 1862, № 2, «Дневник темного человека», стр. 16—24.

⁴ «В изъявление признательности (письмо к г. З-ну)», «Современник», 1862, № 2, отд. II, стр. 389—394; см. также Н. Г. Чернышевский. Соч. т. 10, стр. 117—124. В мартовской книжке «Библиотеки для чтения» разъяренный Зарин ответил на это крикливой руганью по адресу Чернышевского, обвиняя его в «нечестности», «неблагородстве характера», «сознательной клевете», «проституции слова полемическими красками», «содомских грехах человеческого языка», «обмане подписчиков» и т. д. («Лесть живому и поругание над мертвым», «Библиотека для чтения», 1862, № 3, отд. II, стр. 128—152). «Искра» отметила, что «неприличная брань его, разумеется, недостойна серьезной полемики; он принадлежит к числу тех писателей, — замечает «Искра», — которых «мнения мы показываем только как курьезы, когда на нас найдет такой стих, но никогда с ними не спорим» («Искра», 1862, № 14, 20 апреля, стр. 202—203). Что касается выпада Зарина против статьи о Добролюбове в «Книжном вестнике», на которую, по его словам, он смотрит как «на приказное исполнение особого поручения Чернышевского», то ему ответил сам автор статьи Пятковский в № 86 «Русского инвалида» (см. Винер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник», Л., 1950, стр. 67).

зительные, фальшивые голоса», раздающиеся над свежей могилой Добролюбова, писатель-демократ П. Бибииков отвечал книгой «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова». Бибииков подчеркивал, что Добролюбов стоял «во главе молодого поколения», «был лучшим, безукоризненным его представителем»¹. Молодому поколению Добролюбов «дорог как лучший представитель сознания страны, честнейший защитник ее интересов, во все продолжение своей деятельности ни разу не свернувший с прямого честного пути»².

Несомненный интерес представляет ответ Бибиикова на зловгие упреки по адресу передовой молодежи, что она, отвергая авторитеты, сама создает себе авторитеты в лице Чернышевского и Добролюбова. Разоблачая этот «пошлый упрек... в фетишизме относительно их личностей», Бибииков заявляет: «За ними мы видим их дело, которое наше дело. Пусть попробуют изменить ему, мы не задумаемся... сказать им просто: прочь с дороги, не мешайте нам»³.

В своей книге Бибииков стремился показать материалистические убеждения Добролюбова, дальнейшее развитие им материализма Белинского и Герцена. На примере ряда статей Добролюбова он характеризовал его эстетические взгляды, понимание им задач литературы, приводил его оценки творчества крупнейших современных писателей. Далее Бибииков останавливался на борьбе Добролюбова с либерализмом, его отношении к псевдо-обличительной литературе, высказываниях о воспитании и т. д. Сам Бибииков подчеркивал, что книга его выходит в свет в период особого напряжения идеологической борьбы, чтобы «по возможности его (Добролюбова)

¹ Бибииков П. А. О литературной деятельности Н. А. Добролюбова. Издание Н. Серно-Соловьевича, СПб, 1862, стр. 108—109.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 58. Бибииков принадлежал к революционно-настроенной группе офицеров Генерального штаба, испытавших влияние идей революционной демократии. В начале 60-х годов он вышел из армии и посвятил себя целиком литературной и издательской деятельности. Печатался в «Современнике», «Искре», «Книжном Вестнике» и др. журналах. Литературно-эстетические взгляды Бибиикова складывались под влиянием эстетики Чернышевского и Добролюбова. Приветствуя в 1865 г. вышедшее без имени автора новое издание «Эстетических отношений искусства к действительности», он писал, что в этой книге «изложены основания» реальной эстетической критики, обусловливаемой духом нового времени, неумолимо рвущейся в жизнь и устранить которую невозможно, несмотря ни на какие усилия отживающих эстетиков старой школы». Бибииков подчеркивал, что «история нашего развития отметит столько же автора брошюры (имени Чернышевского Бибииков по цензурным условиям в 1865 назвать не мог), сколько покойного Добролюбова, который с необыкновенным талантом приложил основания этой критики к современным литературным художественным произведениям». («Книжный Вестник», 1865, № 9, стр. 183).

словами»¹ ответить на многочисленные злобные выпады, раздающиеся из лагеря реакции в адрес Добролюбова.

Всем было очевидно, однако, что эти злобные выпады не поколеблют авторитет Добролюбова среди передовых читателей, не остановят дальнейшего мощного воздействия его идей на молодое поколение. В лагере противников «Современника» зреет мысль о необходимости более спокойных по тону и основательных по аргументации выступлений с целью «развенчания» Добролюбова. Именно эти цели преследовала появившаяся одновременно с новыми дикими выходками «Северной Пчелы», «Нашего времени», «Библиотеки для чтения» статья о Добролюбове в журнале братьев Достоевских «Время»².

«Время» спешило прежде всего на словах отмежеваться от лагеря оголтелой реакции. В то же время ответственность за «такие странные вспышки страстей» «Время» возлагало целиком на... Чернышевского. «Его (т. е. Добролюбова — Е. Б.) друзья до того странны и скоры,—пишет журнал,—в своих превознесениях, что невольно вызвали отпор»³.

Мы, объявляет «Время», будем говорить «спокойно и прямо». Делая вынужденные признания, что «Современник» был «самым любимым русским журналом»⁴, что «статьи Добролюбова имели очень большое значение для читателей»⁵, «Время» стремится объяснить влияние «Современника» его «общедоступностью» и «отрицательным направлением». Дело, утверждает «Время», не в философских, эстетических, политических взглядах Добролюбова, его сила в его «отрицании». Легкомысленные читатели ухватились за это «отрицание», ибо оно освобождает от «необходимости мыслить». Что же касается литературы, то критическая деятельность Добролюбова не имела для нее особого значения. Статьи Добролюбова — публицистические произведения, для которых разбираемое литературное произведение являлось только поводом. «Литература развивалась помимо этой критики и не находила в ней отзыва и поддержки своим симпатиям, своим думам и

Собственные критические выступления Бибикова не всегда были удачны, особенно это относится к его попыткам защитить от нападков реакционной критики роман Чернышевского «Что делать?». Однако самый факт защиты Чернышевского в изданном в 1865 г. сборнике его статей «Критические этюды» вызвал запрещение сборника и судебное преследование автора.

¹ Бибиков П. А. О литературной деятельности Н. А. Добролюбова, стр. 109.

² «Время», 1862, № 3. Критическое обозрение, стр. 30—54.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 53.

стремлениям. Помимо этой критики являлись таланты, без ее ведома и участия они развивались и приобретали значение...»¹

Едва мартовская книжка «Времени» вышла в свет, Г. Елисеев в специальной статье разоблачил потуги этого журнала на якобы самостоятельную и независимую от уличных листов оценку Добролюбова. Елисеев с иронией отмечает, что статья «Времени» отличается лишь отсутствием «неприличной брани». — «Время» распинается,—пишет он,—хвалит Добролюбова. Преотменный, говорит, был писатель, во главе, говорит, русской литературы стоял, хотя, говорит, был явление и слабое, искаженное, на все смотрел навыворот, даже от мысли человечество отучал и т. п.»²

Елисеев высмеивает утверждения, что «Современник» обязан успехом «отрицательному» направлению. «Современнику» чуждо голое, пустое отрицание. «Современник» и «Свисток» не отрицают ни одной науки, а отрицают непрактичность наук, их абстрактность, в них осмеиваются не науки, а ученые, которые выдают за науку идеалистические бредни. Различие между «Современником» и либеральными журналами состоит в том, что «статьи не смотрят у него так разнохарактерно и разношерстно, как у них, потому что «Современник» имеет идею...». Эта идея пронизывает напечатанные в журнале статьи по различным вопросам и касающиеся различных наук. Сотрудничать в «Современнике»—значит «стать под известное знамя», вступить в ряды определенной «партии». Касаясь вздорного сравнения «Современника» с «Библиотекой для чтения» времен Сенковского, Елисеев отмечает, что последняя обычно не касалась общественных вопросов, но когда все-таки «случалось ей говорить о существующем порядке в обществе, государстве, она оказывалась направления самого положительного. Тогдашнее status quo, и общественное и государственное, представлялось ей превосходнейшим...»³ Тем самым Елисеев давал понять, что «Современник» и его «партия» выступают непримиримыми противниками существующего положения (status quo)—противниками феодализма и самодержавия.

Подробно останавливается Елисеев на вопросе о т. н. публицистичности Добролюбова. Критика Добролюбова была действительно публицистической, но не потому, что, как полагает «Время», Добролюбов не мог ценить литературные явления, не умел точно определить место каждого из них и

1 «Время», 1862, № 3. Критическое обозрение, стр. 53.

2 «Искра», 1862, № 14, стр. 203.

3 Там же, стр. 204.

связь между ними. «Добролюбов признавал достоинство только тех литературных явлений, которые служили для общественных целей», боролся с «искусством для искусства». Добролюбов указывал правильный путь писателям, которые недостаточно чутки к требованиям жизни, убивают свой талант и труды на пустое, ненужное дело.

Сила «Современника», по словам Елисеева, заключается в симпатиях к нему читателей. У «Современника» свой читатель, «сознательный, имеющий требования от журнала, ищущий известного взгляда, известных принципов». «Современник» проводит свое направление и в «Свистке», у него есть «точка опоры для смеха, которую поймут читатели». Заслуга Добролюбова в том, что он все четыре года бился над тем, чтобы проводить в «Современнике» «известную мысль», «известное направление», чтобы русская литература стала действительно полезной для общества, удовлетворяющей его настоящие потребности. Что касается автора статьи о Добролюбове во «Времени», заканчивает ее разбор Елисеев, то он «имеет несостоятельное представление о нашей литературе, а об отношении литературы и журналистики к обществу думает так, как простительно было думать только во времена блаженного Арзамасского общества»¹.

Таким образом, и эта попытка, попытка «спокойного» и «объективного» развенчания Добролюбова, потерпела полный крах. Нельзя не отметить, что цензурные препоны не дали возможности Елисееву в ответ на обвинения Добролюбова в «пустом отрицательстве» более полно изложить его политическую программу. Только намеком он дал понять читателю, что Добролюбов посвятил свою жизнь борьбе с самодержавием и крепостничеством...

Суровый цензурный гнет чувствовали на себе и другие писатели-демократы, писавшие о Добролюбове. В то же время круг органов печати, в которых они могли выступать в защиту наследия Добролюбова, был крайне ограничен. Помяловский, например, мечтал иметь возможность вести в одном из журналов фельетон. «Я первым делом начну с ругани,—писал он в частном письме одному издателю.—которая в последнее время, и особенно в лице Зарина (вот кого обругаю—не встанет), дошла до геркулесовых столбов. Этой вше я не прошу. Терпеть эту вшу я не могу; а если вам это не понравится—мне все одно»². Помяловский так и не получил возможности выступить против Зарина и других реакционных борзописцев, ему подобных.

¹ «Искра», 1862, № 14, стр. 207.

² Помяловский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. 2, 1935, стр. 270...

Показательный факт сообщает в своих воспоминаниях В. Острогорский, только начинавший тогда литературную деятельность. Статью о Добролюбове (которого, по его словам, знал «лично, а сочинения его чуть не наизусть» и которого «после Белинского считал... лучшим своим руководителем») по недостаточной зрелости и опытности он начал писать для... «Библиотеки для чтения». Редакция потребовала представить предварительно подробный конспект. На обсуждении его возражения «приняли прямо боевой характер». «Выходило... так, что я, вместо того, чтобы воздать критику справедливое уважение, едва ли не должен выступить против него походом»¹. Разумеется, Острогорский тут же покинул редакцию «Библиотеки для чтения».

В условиях ожесточенной борьбы вокруг наследия Добролюбова Чернышевский подготавливает и издает собрание его сочинений.

Первый том сочинений Добролюбова вышел в марте 1862 г.² Том открывался предисловием, написанным Чернышевским (оно датировано—9 марта 1862 г.). Важно отметить принципы, которыми руководствовался Чернышевский при подготовке издания и которые он считал нужным объяснить в предисловии. Все издание было рассчитано на пять томов, причем первые четыре тома должны были составить произведения Добролюбова, опубликованные в «Современнике». Произведения в этих томах располагались в хронологическом порядке, за исключением нескольких случаев; когда статьи «имеют между собой такую тесную связь по содержанию, что надобно их поместить рядом, хотя они писаны в разное время» (статьи о журналистике XVIII века, о главном педагогическом институте и др.). Чернышевский сообщал, что 2-й, 3-й и 4-й тома уже подготовлены к печати и что «2-й том явится в свет через месяц, а следующие два в самом непродолжительном времени после него». Действительно, 2-й том вышел в свет в апреле, 3-й—в начале июня. Появление четвертого тома было задержано арестом Черны-

¹ Острогорский В. Из истории моего учительства. СПб, 1895, стр. 259—260.

² В архиве Пушкинского дома находится до сих пор неопубликованная рукопись Н. Г. Чернышевского—список лиц, которым он предполагал разослать в подарок «Сочинения» Добролюбова (шифр 128/1949 VIII С, заглавие рукописи — «Список лиц, которым надобно послать сочинения Н. А. Добролюбова»). Список состоит из двух разделов — в первом («В Петербурге») 21 фамилия, во втором («В провинции») — 13. Среди перечисленных лиц — Некрасов, А. Панаева, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов, М. Михайлов, П. И. Боков, С. П. Боткин, А. Н. Плещеев, М. Воронов, М. Антонович, Н. Д. Новицкий, друзья Добролюбова по педагогическому институту, родные.

шевского—он вышел в свет в начале августа 1862 г. под наблюдением Антоновича. Работу над пятым томом, который должен был включать произведения Добролюбова, напечатанные в «Журнале для воспитания» и «Искре», его письма, материалы для биографии и т. д., Чернышевский не успел завершить до ареста.

Активным помощником Чернышевского в собирании литературного наследия Добролюбова был Некрасов. Он, в частности, опубликовал в «Современнике» ряд оставшихся в рукописях стихотворений Добролюбова. Комментируя эти стихотворения, Некрасов указывал, что основную черту творчества Добролюбова составляло «глубокое чувство гражданского долга». Произведения Добролюбова он определял как «на дело зовущий голос». Добролюбов, подчеркивал Некрасов, не только звал «на дело», но и «готовил себя для дела». Под «делом» — это хорошо понимали читатели «Современника»—Некрасов разумел революционную деятельность. «Вот из какого светлого источника,—воскликнул Некрасов,—вытекала деятельность Добролюбова, вот почему он так спешил работать, так много успел сделать»¹.

С исключительным размахом было начато Чернышевским собирание писем Добролюбова, воспоминаний о нем, материалов для его биографии². Можно смело утверждать, что основная часть дошедшей до нас переписки Добролюбова, большинство известных документов о нем, а также наиболее ценные воспоминания были собраны именно Чернышевским в первой половине 1862 г. В предисловии к первому тому «Сочинений» Добролюбова Чернышевский указывал, что надеется завершить работу по собиранию материалов для пятого тома к концу 1862 г.³ Не дожидаясь завершения этой работы, Чернышевский считал необходимым немедленно опубликовать некоторые материалы.

Выступая в январе 1862 г. в «Современнике» с первым отрывком «Материалов для биографии Добролюбова», Чернышевский стремился провести через цензуру рассказ об его «убеждениях и стремлениях». Он умело подбирал для «Современника» отрывки из студенческого дневника Добролюбова. В них борьба с крепостничеством определялась как «свя-

¹ «Современник», 1862, № 1, отд. 1, стр. 324—325, 348; см. так же Некрасов Н. А. Соч., т. 9, стр. 410—411, 428.

² Некоторое представление о характере и размахе этой работы дают ответные письма к Чернышевскому от лиц, к которым он обратился с просьбой предоставить имеющиеся у них материалы; см. «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению», 1940, стр. 57—84.

³ По неизвестным причинам это предисловие не вошло в «Полное собрание сочинений» Н. Г. Чернышевского.

тое дело», юноша называл себя «отчаянным социалистом», готовым «в случае нужды... явиться свежим и светлым бойцом», в этой борьбе, возможно, придется пожертвовать своей жизнью; но гибель эта не страшна, ибо «перед концом,—записывал Добролюбов,—меня не будет мучить мысль, что вот были у меня силы, да не успел я их высказать»¹.

Опубликование этих отрывков из дневника Добролюбова имело большое значение для воспитания молодого поколения в революционном духе. Дневниковые записи Добролюбова Чернышевский снабжал весьма красноречивыми комментариями. Он подчеркивал, что Добролюбов воспитал в себе «чрезвычайно сильный характер», «удивительную» силу воли, глубокую принципиальность. Чернышевский стремился провести через цензуру мысль о «свойственной Добролюбову жажде революционной деятельности—«деятельности живой, личной, а не книжной, неопределенно-безличной и отвлеченной»².

Любимые мысли Чернышевского о Добролюбове были развернуты и в его выступлении на публичных чтениях в зале Руадзе 2 марта 1862 г. И не случайно либералы со страниц «Библиотеки для чтения», «Северной Пчелы», «Санкт-Петербургских ведомостей» поспешили вновь открыть огонь по Чернышевскому. Они обвинили его в том, что он якобы неприлично вел себя перед публикой; зубоскалили, что в зале сидели нигилистки с грязными шеями и т. д. «Искра» в ответ на крики, что «Чернышевский сделал страшное преступление, осмелившись читать перед публикой о каком-то Добролюбове», предложила надеть на кричащих смиренные рубашки. В. Курочкин поместил в «Искре» сатирические сцены, в которых авторами фельетонов «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» изобразил героев бессмертной комедии Грибоедова—графиню Хрюмину, княжен Тугоуховских, Молчалина и Загорецкого. Фельетониста «Санкт-Петербургских ведомостей» он уничтожающе высмеял в статье «Табунное ржание»³.

Ожесточенное сопротивление либералов встретило и предложение Чернышевского установить общий памятник Белинскому и Добролюбову, похороненным рядом. Либералы начали горячо ратовать за отдельный памятник Белинскому...⁴ Нет сомнения, что только арест Чернышевского и за-

¹ «Современник», 1862, № 1, отд. 1, стр. 310—312; см. также Чернышевский Н. Г. Соч., т. 10, стр: 51—53.

² «Современник», 1862, № 1, отд. 1, стр. 312—317; см. также Чернышевский Н. Г. Соч., т. 10, стр: 51, 58.

³ «Искра», 1862, № 17, стр. 247; № 11, стр. 149—159; № 17, стр. 241—246.

⁴ См. «Литературное наследство», 1941, т. 41—42, стр. 50.

прещение «Современника» помешали осуществлению идеи об общем памятнике.

Подведем некоторые итоги. В условиях ожесточенной борьбы в стране Чернышевский добивается придания похоронам Добролюбова характера революционной демонстрации, в конце 1861—первой половине 1862 годов он издает собрание его сочинений, собирает и частично печатает материалы для его биографии, выступает с речью о Добролюбове на публичных чтениях, борется за установление памятника Белинскому и Добролюбову. Он неутомимо отстаивает наследие Добролюбова от всяческих посягательств со стороны либералов, пытавшихся искаженно изобразить деятельность Добролюбова, предотвратить дальнейшее распространение его революционных идей, всячески ограничить влияние его произведений на русскую молодежь. Борьба вокруг наследия Добролюбова была одним из элементов борьбы между революционной демократией и объединенными силами крепостников и либералов. Поэтому не случайно, что вместе с Чернышевским в защиту наследия Добролюбова выступают Некрасов, В. Курочкин, Елисеев, Минаев, Бибииков, Пиотровский и другие писатели-демократы. Вместе с Чернышевским и под его руководством они в конце 1861—первой половине 1862 годов отстаивали наследие Добролюбова от начатого против него либералами крестового похода.

Но борьба за Добролюбова этим не завершается. С поражением революционного натиска 1861 года, резким усилением правительственного террора, запрещением «Современника», заточением в крепость Чернышевского эта борьба переходит в новый этап—этап, требующий особого, самостоятельного рассмотрения.

М. Г. ЗЕЛЬДОВИЧ

ЗАБЫТЫЙ ЭПИЗОД БОРЬБЫ ВОКРУГ РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

I

В критической литературе о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» есть весьма своеобразное сочинение, которое до сих пор не привлекло к себе заслуживаемого им внимания. Это вышедшая в 1871 г. в Брауншвейге на немецком языке брошюра Д. К. Шедо-Ферроти «Из литературы нигилизма. Критический разбор романа Чернышевского «Что делать?»¹. Правда, в свое время о ней писал М. П. Алексеев в статье «Н. Г. Чернышевский в западно-европейских литературах»². Однако брошюра Шедо-Ферроти, вполне естественно, оценивается в этой работе лишь в связи со спецификой изучаемой автором темы. Иные, и не менее важные, вопросы, для освещения которых брошюра дает интересный материал, оставлены поэтому без внимания. Во-первых, это вопрос об

¹ D. K. Schedo-Ferroti. Aus der Literatur des Nigilismus. Kritische Beleuchtung des Tschernyscheffskyschen Romans «Was tun?». Braunschweig. 1871. 52 стр. Экземпляр брошюры имеется в коллекции Государств. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Наша статья была уже написана, когда появилась работа Вольфа Дювеля (ГДР) «Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868—1889)», в которой сообщается, что Шедо-Ферроти в 1871 г. опубликовал «клеветническую статью» против «Что делать?» в журнале «Глобус» («Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 184). Возможно, что эта публикация представляет собою «первую редакцию» будущей брошюры или просто воспроизведена в ней.

² В сб. «Н. Г. Чернышевский (1889—1939). Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти». Л., 1941, стр. 262—263.

общественно-литературной судьбе романа «Что делать?», о противодействии могучему идейно-воспитательному влиянию его. Во-вторых, это вопрос о некоторых, если можно так выразиться, «необычных», особо изощренных приемах борьбы литературных представителей командующих классов против неугодных им произведений демократических писателей. Строго говоря, это не обособленные друг от друга вопросы, а «две стороны одной медали». Так мы их и постараемся охарактеризовать.

Само имя Шедо-Ферроти (точнее псевдоним, под которым скрывался, как известно, барон Федор Иванович Фиркс) на обложке брошюры было для осведомленного читателя надежным свидетельством, что с разбором «Что делать?» выступил политический враг демократии 60-х годов. Агент русского правительства в Брюсселе, Шедо-Ферроти был связан через министра народного просвещения А. В. Головнина с кликой либеральных бюрократов из окружения великого князя Константина Николаевича («константиновцы»). Хитроумными маневрами, изощренным политиканством под личиной либерализма, частными и второстепенными реформами (из разряда тех, которые Ленин назвал безвредными для самодержавия и эксплуататорских классов¹) пытались они сохранить самодержавие и укрепить свои собственные политические позиции у кормила власти.

Им-то в услужение и поставил свое бойкое перо Шедо-Ферроти. Это он пытался (не более, не менее!) перетянуть Герцена в лагерь монархического либерализма, а когда это не удалось, начал травлю Герцена, не гнушаясь ни бесчестными приемами (к ним мы еще вернемся), ни самой ролью подручного и защитника нравственной чистоты III Отделения. Хорошо известна и та уничтожающая отповедь Шедо-Ферроти и его вдохновителям, которую тогда же дали в своих прокламациях студент П. С. Мошкалов и Д. И. Писарев (его прокламация осталась в рукописи)².

Это он, Шедо-Ферроти, «вдохновленный» Головниным, выступил в 1863 и 1864 гг. с брошюрами в защиту управления в. князя Константина Николаевича в Польше, проводя

¹ См. В. И. Ленин. Гонители земства и аннибалы либерализма. Соч., т. 5, стр. 27.

² Кроме известной книги Мих. Лемке «Политические процессы в России 1860-х годов», изд. 2-е, ГИЗ, 1923, см. новейшую работу П. И. Валескална «Революционный демократ П. Д. Баллод». Рига, 1957, особенно стр. 49—52, 130—132, и статью Я. Е. Эльсберга при публикации письма Герцена к Шедо-Ферроти, «Литературное наследство», т. 61, изд-во АН СССР, М., 1953.

в них все ту же линию рекламного либерализма напоказ для вящего успеха правительственной политики¹.

Наконец, это Шедо-Ферроти вел систематическую травлю «нигилистов», печатая в своей газете «*Echo de la Presse tisse*» (Брюссель) «проблемные» статьи о существовании нигилизма и происхождении его в России, о влиянии Герцена на русское общество, о женщинах-нигилистках и т. п., а затем выпустил в Брюсселе же в 1867 г. объемистую книгу «*Le nihilism in Russie*»².

Таковы лишь некоторые эпизоды кипучей деятельности Шедо-Ферроти, которого «Аугсбургская всеобщая газета» (он был ее активным сотрудником) в некрологе имела основание назвать «отзывчивым на злободневные вопросы времени»³. Но если читатель брошюры Шедо-Ферроти о романе «Что делать?» вспомнил хотя бы о них (да и независимо от этого), он не мог бы не удивиться многому из того, что в ней написано. По крайней мере таково должно было быть его первое впечатление.

Что же поведал «породу и миру» новоявленный критик романа Чернышевского? Композиционно брошюра Шедо-Ферроти подчеркнуто членится на три части: введение, характеристика основных сюжетных линий и персонажей «Что делать?» (разделы 1—5), идейно-политические обобщения и выводы (разделы 6 и 7).

Позиция Шедо-Ферроти, пусть пока еще в общем виде, но достаточно определенно обнаруживается уже во «Введении». В связи с возрастающим интересом к русским общественным делам, он хотел бы познакомить немецкого читателя с наиболее значительным произведением Чернышевского. (Походя Шедо-Ферроти пользуется случаем, чтобы противопоставить роман всему философско-политическому и политико-экономическому наследию Чернышевского, тем са-

¹ И этот эпизод публицистической деятельности Шедо-Ферроти, в связи с развернувшейся вокруг него полемикой и сделанными в ней разоблачениями его содружества с Головинным, приобрел характер общественного скандала. Свидетельства современников—в воспоминаниях Е. М. Феоктистова («За кулисами политики и литературы», «Прибой», 1929, стр. 155), дневниковых записях А. В. Никитенко (Дневник, т. 2, Гослитиздат, 1955, 462—468, 473).

² Эти статьи, а затем и книга вызвали в русской печати обвинения против Шедо-Ферроти в «антирусской интриге», в том, что он отождествляет... нигилизм и патриотизм (см. передовые статьи «Московских ведомостей», 1866, № 265 и «Русского инвалида», 1867, № 142). Однако, и эти обвинения, независимо от их справедливости, не отменяют «антинигилистического» нафоса писаний Шедо-Ферроти.

³ «*Allgemeine Zeitung Augsburg*,—1872, 26 октября, № 300 стр. 4579, «Хроника».

мым безапелляционно—и, разумеется, бездоказательно—при-
нижая это наследие. Когда же несколько позже выяснится,
что и «превозносимый» роман по сути развенчивается Шедо-
Ферроти, станет до конца понятен и этот не слишком ловкий
ход врага революционной демократии. Впрочем, он характе-
рен для «почерка» Шедо-Ферроти, а поэтому его нельзя бы-
ло оставить без внимания). Для этого есть и другая причи-
на: роман превратно толкуют—одни его превозносят, а дру-
гие его опасаются и насмерть воюют с ним. Яростные напад-
ки печати и ссылка автора в Сибирь¹ придали роману не-
свойственную ему значительность в глазах публики, вызва-
ли до сих пор сохранившееся в некоторых кругах уважение
к нему. С похвальной точностью Шедо-Ферроти устанавли-
вает, что к почитателям Чернышевского относится часть
русской молодежи в возрасте 17—23 лет, любопытство ко-
торой искусственно возбуждено и цензурным запретом, и
толками критиков, и судьбой автора романа «Что делать?».

Таким образом, на взгляд Шедо-Ферроти, роман Черны-
шевского сделан опасной книгой неумными действиями
правительства, цензуры и печати. На деле же он представ-
ляет собою не яд, а противоядие от нигилистического неистов-
ства (стр. 8).

Такова «парадоксальная» точка зрения Шедо-Ферроти.
Он уверяет, что все дальнейшие рассуждения должны ее
объяснить и обосновать. Посмотрим, что это за рассуждения
и каковы их подлинные цели. Шедо-Ферроти обращается к
тексту «Что делать?» и «пересказывает» его немецкому чи-
тателю—не только, разумеется, для информации, но и для
вящей убедительности своих выводов из анализа; нет
препарирования книги Чернышевского. Внешне изложение
ведется деловито, с обильным цитированием романа и про-
чими принадлежностями объективного критического разбо-
ра. Но уже и на этих страницах бывает резко ощутима злоб-
ная ирония Шедо-Ферроти. Излагается ли история фиктив-
ного брака Веры Павловны, или мнимого самоубийства Ло-
пухова и второго замужества героини, характеризуется ли
деятельность мастерской Веры Павловны,—все это препод-
носится в оправе пошлых намеков на развращенность ниги-

¹ Князь П. Долгоруков причислял ссылку Чернышевского к деяниям
«константиновцев», которые владычествовали в первой половине 60-х го-
дов. Об этом он заявил на страницах «Колокола» в своем «Письме из
Петербурга» («Колокол», 1867, листы № 235—236 от 1 марта и № 237 от
15 марта; перепечатано в книге: П. Долгоруков. Петербургские очерки.
М., 1934). И если это сграведливо, то каково же лицемерие Шедо-Фер-
роти, возмущающегося арестом Чернышевского, виновников которого он
не мог не знать!

листов, бессмысленность их практических затей. Шедо-Ферроти, несмотря на свои высокомерные отзывы о писаниях врагов романа «Что делать?», не поднимается над их убогим уровнем в этих (и других) своих суждениях.

Однако все это только прелюдия к тому генеральному бою, который Шедо-Ферроти решил дать роману Чернышевского и который он дает в третьей, заключительной части своей брошюры.

Во имя чего же воюет Шедо-Ферроти, что он утверждает? Брошюра дает на эти вопросы неоспоримый ответ. Пафос Шедо-Ферроти даже не в курых либеральных послаблениях, даже не в проповеди «лужения умывальников». Это пафос убежденного консерватора, отбросившего либеральную «ветошь» политического «маскарада» и яростно отстаивающего незыблемость общественных, государственных, философских, этических и всяких иных основ существующего порядка вещей. Это пафос политического охранителя и полицейского стража самодержавной империи, выступившего и перед европейским обществом во славу благоденствующей России царя, помещиков и попов.

Знаменательно в этой связи, что Шедо-Ферроти обрушивается на Чернышевского по всем основным и принципиальным идейно-политическим проблемам, поставленным в романе «Что делать?».

Он приписывает Чернышевскому проповедь «абсолютной свободы» и называет ее «абсолютной бессмыслицей» (стр. 37). А на деле, всем ходом своих рассуждений, обосновывает необходимость уважать существующие общественные порядки, против которых восстает Чернышевский. Он приписывает Чернышевскому разрушение семьи и проповедь «свободной любви» и с благородным негодованием доказывает противоестественность этой программы.

Он считает устаревшими и неосуществимыми мысли Чернышевского по «рабочему вопросу», умалчивая о той решающей роли в предстоящих общественных преобразованиях, которую автор «Что делать?» отводил крестьянской революции. Он опошляет и образ жизни,—сегодня и в будущем,—который Чернышевский рисует как пример, как образец для подражания, как вдохновляющую картину действительно достойного человека бытия. Пение песен, усердное чаевничание—вот все, что смог (или захотел) разглядеть в этой картине европейски образованный Шедо-Ферроти. Он издевается над возможностью построить общество тружеников и товарищей, где каждый, действуя для себя, действует для всех, где эгоизм внутренне преобразован и стал разумным эгоизмом самоотверженных людей, не отделяющих

свое личное счастье от счастья всех. И если в других случаях Шедо-Ферроти явственно перекликается с идеями и фальсификаторскими приемами сочинителей антинигилистических романов, то здесь ему, несомненно, не дают покоя лавры «человека из подполья» Достоевского.

Так высказалась, наконец, сокровенная дума Шедо-Ферроти и его вдохновителей. Но, видимо, и самому Шедо-Ферроти не казалась достаточно действенной та аргументация, которую ему удалось высказать в пользу этой своей сокровенной думы и в посрамление романа Чернышевского. Ведь, в сущности, ничего нового он не придумал, а старые, уже испробованные нападки на «Что делать?», как показал опыт, блистательно провалились. Роман Чернышевского оставался властителем дум молодежи не в меньшей мере, чем в пору его появления в «Современнике».

Тогда Шедо-Ферроти делает, как говорится в таких случаях, хорошую мину при плохой игре. Он предпринимает в отношении романа Чернышевского своеобразный маневр.

Через всю брошюру Шедо-Ферроти лейтмотивом проходит вопрос, опасен ли роман «Что делать?», способен ли он увлечь читателя пропагандируемым в нем идеалом общественного устройства и личного поведения. Этим наш критик, как и его предшественники из охранительного лагеря, озабочен больше всего. Но если предтечи Шедо-Ферроти били тревогу по поводу «развращающего» влияния идей Чернышевского, которые «подрывают основы», прославляют материализм и коммунизм (таков один из типичных отзывов цензуры), то он придерживается (или делает вид, что придерживается) другого взгляда.

Шедо-Ферроти внушает читателю, что роман Чернышевского безусловно аморален, очень часто скучен, подчас грязен, сплошь нелеп, но ни в коем случае не опасен (стр. 37). Шедо-Ферроти пытается даже расчлениить это свое суммарное заключение и обосновать его применительно к тем основным проблемам романа «Что делать?», которые он обсуждает в брошюре (будущее устройство общества, вопросы этики и т. д.).

Но и этого ему мало. Он стремится к доказательности... А для этого надо объяснить, почему же все-таки книга Чернышевского не представляет опасности... Ответ характерен: потому, что Чернышевский довел до абсурда, до самоочевидной нелепости свои исходные принципы, свои руководящие идеи, и его книга является опровержением и теорией самого Чернышевского и его последователей (стр. 51). Прежде всего это касается учения об «отмене законов», свободной любви, прогнозов о социалистическом устройстве общества,

т. е. всего того, что Шедо-Ферроти считал главным в романе Чернышевского.

Оказывается, таким образом, что вождь революционной демократии написал пародию на свое собственное учение. Можно себе представить, что это за вождь и что это за учение... Впрочем, Шедо-Ферроти уже в начале своей брошюры не постеснялся (явно рассчитывая на неосведомленность немецкого читателя) заявить, что авторитет Чернышевского случаен и создан сам собою, в силу благоприятных (!) обстоятельств, а не действительных заслуг (стр. 5).

Итак, «Что делать?» — своего рода невольная автопародия социалиста и материалиста. Может ли она быть опасна для противников социализма и материализма? Отрицательный ответ предreshен. Но и он еще не вполне соответствует политическому замыслу Шедо-Ферроти. Помилуйте, говорит он, пусть меня не считают тайным приверженцем Чернышевского, но его роман не только не вреден, — он полезен и в высшей степени желателен как... противодействие нигилизму. Он служит отрезвляющим холодным душем для нашей молодежи, склонной к политико-философским мечтаниям. Поэтому опасен не роман, а цензурный запрет романа, который лишает молодежь возможности прочесть его внимательно, без спешки, и извлечь из чтения высокополезные уроки, заботливо подсказываемые ей господином Шедо-Ферроти. Полутно он вносит и практические предложения, приняв позу просвещенного либерала с широким кругозором и здравой государственной мыслью: следует снять запрет с романа Чернышевского и сделать его предметом бесед в гимназиях, чтобы молодежь верно (т. е. по Шедо-Ферроти) поняла эту книгу.

Для понимания и оценки маневров Шедо-Ферроти следует вспомнить, что в ряду других демагогических и фальсификаторских приемов он издавна прибегал, с одной стороны — к показным нарочитым демонстрациям идейно-политической мощи самодержавия и казенного либерализма, а с другой, — к заведомому, глумливому унижению противника. Это было одним из любимых средств его тактического арсенала. Шедо-Ферроти применил его, в частности, в борьбе против Герцена в брошюре «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» (вышла в Берлине в 1862 г. на русском и французском языках). История этого сочинения и отклики, вызванные им, хорошо известны и нет надобности здесь о них напоминать, впрочем, за вычетом одной особенности ответного памфлета Писарева, которая как раз для нашей темы весьма интересна и которую поэтому нельзя обминуть...

Д.И. Писарев сорвал маску с «нравственного уroda и умственного паралитика» Шедо-Ферроти и его высокопоставленных покровителей. Он сделал это не только разборom «идей» публициста III Отделения, но и характеристикой его «творческого метода», его провокационных приемов. Писарев разгадал те особенности тактики Шедо-Ферроти, которые он впоследствии применит и к роману Чернышевского. Он пишет: «Брошюра Шедо-Ферроти имеет две цели: 1) доказать, что петербургское правительство не имеет ни надобности, ни желанья убить Герцена, 2) осмеять и обругать при сем удобном случае Герцена как пустого самохвала и как загордившегося выскочку.

Чтобы доказать первое положение, Шедо-Ферроти утверждает, что Герцен вовсе не опасен для русского правительства и что, следовательно, даже III Отделение не решится убить его. Процесс доказательств идет так: убивают только таких людей, от смерти которых может перемениться весь существующий порядок вещей в одном или в нескольких государствах; если Герцен, получая подметные письма о намерениях русского правительства, верит этим письмам, тогда он считает себя особою европейской важности и, следовательно, обнаруживает глупое тщеславие; если же он, не веря этим письмам, подымает гвалт, тогда он пустой и вздорный крикун»¹.

Такова тактика Шедо-Ферроти, такова софистическая логика его вицмундирной мысли, обнаженные Д. И. Писаревым.

Однако в случае с «Что делать?» Шедо-Ферроти действует изощреннее, сочетая—для верности—различные тактические приемы. Вспомним, что Шедо-Ферроти сперва пытается ниспровергнуть роман Чернышевского с помощью критики—какая она уж ни есть—«по существу». Он выдвигает какие-то доводы, спорит,—извращая и подтасовывая, но все-таки «спорит...» И только после этого, исчерпав запасы накопленных к тому времени ходовых «посрамлений» романа Чернышевского, Шедо-Ферроти с демонстративной самоуверенностью заявляет о безвредности романа для командующих классов и превращает его чуть ли не в ...антинигилистическое сочинение, во всяком случае, по его объективному содержанию и общественной роли. Чернышевский в ряду Ключникова, Б. Маркевича, Вс. Крестовского! Это не сказано, но на это намекается...

Было бы наивно полагать, что все эти маневры критика имеют целью только показать несостоятельность «Что де-

¹ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, М., 1955, стр. 122 (Подчеркнуто нами,—М. З.).

«Что делать?» как идейного знамени революционной демократии, или походя как бы перевести роман в разряд антинигилистических и этим еще более наглядно подтвердить крушение замысла Чернышевского, оказавшегося не только плохим писателем, но и плохим политиком («шел в комнату—попал в другую»). Все это, конечно, есть в брошюре Шедо-Ферроти. Но есть в ней и другая, не менее важная для автора «идея».

Книга Чернышевского не страшна не только из-за своей внутренней слабости и неубедительности. Она не страшна потому, что прочны и нерушимы те идейно-этические принципы, незыблем тот общественный строй, на которые покушается главарь нигилистов. Вот ведь что призвана была демонстрировать та поза гордой самоуверенности, которую принял перед европейским читателем Шедо-Ферроти!

2

Брошюра Шедо-Ферроти вызвала отклик в русской печати. «Русский вестник» опубликовал статью под названием «Шедо-Ферроти и немецкий критик о романе «Что делать?»»¹. Статья не оригинальна, она представляет собой перепечатку заметки «Русский нигилизм», в которой берлинский журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes» отозвался о брошюре Шедо-Ферроти². Публикации предшествует краткое введение. В нем говорится, что хотя вопрос «о пресловутом романе Чернышевского» для нас далеко не новый, все же слухи, ходящие о нем в Германии, и взгляд на него немецкого критика «не лишены интереса» (стр. 399).

Обращает на себя внимание уже самый факт появления в журнале Каткова статьи, главное место в которой занимают выписки из брошюры Шедо-Ферроти. Известно, что в 1864 г. Катков вступил в острую полемику с Шедо-Ферроти по поводу его брошюры «Что будет с Польшей?» и раскрыл связи ее автора с Головинным, а в 1867 г. обрушился в «Московских ведомостях», как уже упоминалось, на книгу Шедо-

¹ «Русский вестник», 1872, т. 97, № 1, стр. 399—401.

² Точная ссылка на источник отсутствует в «Русском вестнике». По нашей просьбе сотрудники библиотеки Немецкой Академии Наук в Берлине установили, что заметка «Русский нигилизм» опубликована в № 2 «Magazin»а за 1872 г. (стр. 20—21). Сопоставление текста статьи «Русского вестника» с оригиналом свидетельствует об отсутствии разночтений, которые могли бы представлять интерес для исследователя. За предоставление микрофильма заметки в «Magazin»е выражаем искреннюю признательность директору библиотеки доктору Венигу.

В. Дювель в названной выше работе без достаточных оснований связывает рецензию в «Magazin»е со статьями Шедо-Ферроти в «Глобусе» (стр. 184), даже не упоминая о брошюре.

Ферроти о нигилизме в России. Стоит вспомнить и о травле «Московскими ведомостями» шефа и покровителя Шедо-Ферроти министра народного просвещения Головнина, которого Катков считал вдохновителем либерализма.

Знаменательно и другое—содержание статьи, перепечатанной «Русским вестником». В сущности два основных тезиса образуют это содержание: «протест» против цензурного запрета романа «Что делать?», утверждение его воспитательной благотворности для молодежи и обоснование внутренней несостоятельности романа, в котором принципы «нигилизма» доведены до очевидного абсурда и тем самым разоблачены и обезврежены. Иначе говоря, статья в «Русском вестнике» (ее заемность в данном случае решающего значения не имеет) отражает не только некоторые «мысли» Шедо-Ферроти, но и особенности его тактики.

Однако статья содержала и замечания немецкого критика в связи с брошюрой Шедо-Ферроти. Он «не совсем согласен» с мнением Шедо-Ферроти, как сказано в «Русском вестнике» (стр. 401). «Зрелому, образованному, логически мыслящему человеку он (роман Чернышевского), конечно, не повредит, а явится, напротив, именно в том свете, в каком видит его г. Шедо-Ферроти»,—пишет немецкий критик, соглашаясь в принципе с оценкой романа в брошюре Шедо-Ферроти как несостоятельного. Что же касается способности юношества уразуметь «абсурдность» идей Чернышевского, то тут немецкий критик расходится с Шедо-Ферроти и ратует за более активное противодействие крамольному роману. Это и есть то «неполное» согласие (или частичное несогласие) рецензента с автором брошюры, которое отражено и в публикации «Русского вестника».

М. Катков блюдет объективность. Он воспроизводит и мнение Шедо-Ферроти и мнение рецензента его брошюры. Но при этом оказывается, что в главном они сходятся, а в том, в чем они расходятся—запрещать или не запрещать роман «Что делать?», мнение рецензента тоже может пригодиться «Русскому вестнику», отнюдь не страдавшему попустительством в отношении нигилистов.

Таким образом, Катков включает в общественно-литературную борьбу начала 70-х годов тактические приемы понаторевшего в провокациях Шедо-Ферроти, имевшие целью опорочить и высмеять революционно-демократические идеи, и в то же время оставляет открытым вопрос о цензурном преследовании романа «Что делать?». Ради этого стоило дать место на страницах своего романа даже «ненавистному» Каткову либералишке Шедо-Ферроти.

Тем более, что обстоятельства «требовали» от Каткова

усиления активности в борьбе с революционной демократией, а для этого все средства были хороши.

Реакционная журналистика, которая всегда ретиво воевала против «мальчишек», «свистунов», «нигилистов», после выстрела Каракозова в апреле 1866 г. с новым приливом охранительной энергии взялась за «искоренение зла». «Исследование» причин его, а главное—средств истребления стало одной из ведущих тем не только реакционных, но и «либеральных» публицистов. Уже в 1864 г. Н. Косица (Н. Страхов) в «Заметках летописца» цитирует и обсуждает характерные «определения» нигилизма, предложенные «Отечественными записками», «Днем»¹. Теперь же число подобных «определений» и следующих из них охранительно-истребительских рекомендаций растет, как снежный ком². Покушение Каракозова прямо связывается с нигилистическими теориями, чтобы тем решительнее обрушиться на них. Даже «либеральный» автор записки о нигилизме, поданной Александру II в 1866 г., писал: «Темную сторону настоящей эпохи, имеющей столь много светлых сторон, составляет тот дух материализма и отрицания, который сделался известен под именем «нигилизма» и недавно проявился, во всем ужасе своем, потрясающим событием»³.

Для нашей темы особенно интересно, что вслед за такой оценкой нигилизма в прямую связь с ним ставится роман Чернышевского «Что делать?». Это произведение названо «заветной книгой нигилистов», «бездарным и пошлым сочинени-

¹ «Эпоха» 1864, июль. Перепечатано в книге Н. Страхова «Из истории литературного нигилизма (1861—1865 гг.)», СПб, 1890.

² Назовем из малоизвестных в научной литературе хотя бы такие выступления: В. Шульгин. Откуда взялся нигилизм? «Киевлянин», № 112 (119); А. Никитенко. Молодое поколение. «Домашняя беседа», 1867, № 38, стр. 913—924; М. Погодин. Нигилистам. «Русский», 1868, № 68; его же: К беседе с нигилистами, «Русский», 1868, № 75; В. Сафонов. Краткая история нигилизма, там же, 1868, № 81. Ср. и размышления А. Никитенко над «проблемой нигилизма» в январе 1872 г., т. е. в то самое время, когда «Русский вестник» познакомил своего читателя с мнением Шедо-Ферроти о романе Чернышевского (А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. Гослитиздат, 1956, стр. 229—232, 264 и др.). Любопытно, что в первых набросках планов «Анны Карениной», относящихся, как известно, к началу 70-х годов, Л. Толстой неизменно намечал встречу героини с нигилистами. Дело, разумеется, не только в конкретной художественной цели Толстого, но и в жизненной примечательности для эпохи типа нигилиста. Подробно—в книге В. Жданова «Творческая история «Анны Карениной». М., «Советский писатель», 1957.

³ П. А. Зайончковский. Записка К. Д. Кавелина о нигилизме. «Исторический архив», т. V, 1950, стр. 327. А. Андреев в рецензии на «исторический архив» считает соображения П. Зайончковского об авторстве Кавелина недостаточно доказательными («Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 133).

ем», которое, однако, «с жадностью поглощала русская молодежь»¹.

Новый бурный прилив антинигилистической волны был вызван Нечаевским делом, публично слушавшимся с 1 июля 1871 г. в обстановке громадного общественного интереса к этому первому гласному политическому процессу в России. Печать, за вычетом демократических «Отечественных записок», «Искры», обнаружила холопское единодушие в травле участников тайного общества. Это незамедлительно по живым следам событий показал Щедрин простой—и убийственной для либеральных фрондеров—перепечаткой «избранных» писаний «Московских ведомостей», «С.—Петербургских ведомостей», «Голоса», «Биржевых ведомостей» и «Вестника Европы» с несколькими вводными саркастическими замечаниями самого сатирика². В «нечаевщине», которая была чужда основной линии освободительной борьбы, разумеется, усмотрели все тот же «нигилизм». «Отечественный нигилизм с его практическим и теоретическим развратом» есть «в сущности то же, что и программа Нечаева»,—писал Катков в «Московских ведомостях»³. И опять в связи с Нечаевским делом напомнил о себе роман Чернышевского: некоторые из обвиняемых «распространяли» «Что делать?» (так сказано в Докладе министра юстиции) и вообще обнаружили большой интерес к произведениям Чернышевского⁴.

Бурный 1871-й год, когда прошел Нечаевский процесс, был и годом Парижской Коммуны. В ее грозных отсветах с особой остротой ощущались общественные противоречия и русского общества, опасность для правящих верхов тех идей, которые вдохновляли коммунаров. Тем более, что русское освободительное движение стремилось увязать свою деятельность с наиболее прогрессивными и влиятельными силами Европы, в частности—с руководимым Марксом рабочим Интернационалом, а участники русской секции Интернационала

¹ «Исторический архив», т. V, 1950, стр. 329.

² См. «Так называемое Нечаевское дело и отношение к нему русской журналистики», «Отечественные записки», 1871, сентябрь.

³ «Московские ведомости», 1871 г., № 161. Цитируем по перепечатке в названной статье Щедрина, стр. 9. Показательно, что либеральствовавший Никитенко нашел в этом выступлении Каткова «ум», «талант» и «много дельного и правдивого» (Дневник, т. 3, стр. 211). Отпор Каткову дал Н. Михайловский в «Литературных записках», опубликованных в «Отечественных записках» в одном номере со статьей Щедрина (этот фрагмент под заглавием «Дело Нечаева и «Московские ведомости» перепечатан в X томе Полн. собр. соч., Н. К. Михайловского, изд. 2-е, СПб, 1913).

⁴ См. «Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов». М.—Л., 1931, стр. 28, 44, 52.

явились самоотверженными деятелями Коммуны¹. Не будет излишним также напомнить здесь, что К. Маркс называл Чернышевского учителем русской секции Интернационала.

Как всегда в критические моменты общественной жизни, в яростной травле Коммуны объединились все силы старого мира—от самодержавного правительства до его либеральных «оппонентов». Борьба против Коммуны была также борьбой против русского освободительного движения и его идейной программы. И когда «Московские ведомости» называли Коммуну «безумным мятежом, оргией постыдных и нелепых злодейств опьяневшего своеволия и разнузданных страстей, кровавой мистификацией»², то это было также и оценкой идей и планов отечественных «нигилистов». Даже Ф. М. Достоевский связывал Коммуну с идеями революционного демократа Белинского—эти идеи вели к Коммуне, и никуда иначе³.

Поход против Коммуны имел целью также идеологическое развенчание не только парижских, но и русских революционеров. Поэтому в связи с оценкой событий во Франции делаются чрезвычайно широкие идейно-политические обобщения, нередко претендующие на философскую значительность. Ф. М. Достоевский видит причину падения Коммуны не в каких-то частных обстоятельствах, которых могло и не быть в другом случае, а в ложности—и притом неизбежной ложности—ее политических основ и нравственных идей: «Нравственное основание общества (взятое из позитивизма) не только не дает результатов, но и не может само определить себя, путается в желаниях и в идеалах». Крушение парижского восстания Достоевский пессимистически расценил как крах «мечты пересоздать вновь мир разумом и опытом»⁴.

Об «общем смысле Парижской коммуны» писал и Н. Страхов, к которому обращены приведенные высказывания Достоевского. в обширной статье «Парижская коммуна»⁵.

¹ См. Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. Изд-во АН СССР, М., 1957.

² «Московские ведомости», 1871, 9 марта. Передовая. Цитируем по статье З. С. Ефимовой «Парижская коммуна и орган русской революционной демократии «Искра». «Исторические записки», т. 59, Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 320. Расширенный вариант этой работы—в «Научных записках» Харьковск. педагог. ин-та, т. 26, 1957.

³ См. Ф. М. Достоевский. Письма, т. II, 1928. Письмо Н. Н. Страхову 18 мая 1871 г.

⁴ См. названное письмо Ф. М. Достоевского Н. Н. Страхову 18 мая, 1871 г.

⁵ Н. Страхов. Парижская коммуна. «Заря», 1871, кн. 10—11. Перепечатано в сборнике Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», книжка первая, СПб, 1887, по которому и цитируется здесь.

Два обстоятельства особенно характерны для статьи Страхова. Во-первых, откровенное и подчеркнутое соотнесение опыта Запада с опытом России, в данном случае—опыта Коммуны с идеями и стремлениями русских революционеров. Во-вторых, настойчивое «разоблачение» несостоятельности теории и практики Коммуны: «Подобного бесплодия и растерянности еще мир не являл». «Имя Парижской коммуны есть символ величайшей злобы, отчаяния, стремления к беспредельной мести, но не какой-либо светлой идеи» (стр. 265).

Это была борьба не просто и не только с «Западом». Это была борьба с революционным Западом и русской революцией.

Нет надобности говорить о роли Каткова в общем походе реакции 60-х и начала 70-х годов против «нигилизма»—она достаточно известна. Недаром один из исследователей называет Каткова главным вдохновителем и теоретиком антинигилистического похода, а редакцию «Русского вестника»—главным штабом реакции в литературе¹. Проза, публицистика и даже «поэзия» были мобилизованы для этой цели. «Русский вестник» печатает в 1871 г. вполне определенные по своей идейной направленности романы «Бесы» Ф. Достоевского и «На ножах» Н. Лескова². С реакционных позиций журнал критикует в № 2 «Исторические письма» П. Л. Миртова (Лаврова), обрушивается на А. Н. Пыпина уже за одно то, что он взялся изучать «Общественное движение при Александре I», между тем, как «Русскому вестнику» уже в самом слове «общественное» чудилось нечто противоположаемое правительственному (№ 7). Не забыт и Герцен, ему посвящена специальная статья под обнадеживающим заглавием «Лучше поздно, чем никогда», в которой говорилось о «внутренней лжи, точившей Герцена»³. В следующем номере появляется статья Е. Феоктистова «Уроки истории. Очерки современной Франции», обличающая «чудовищные учения» и не менее возмутительные дела Коммуны 1871 года, а заодно обливающая грязью и славный 1789 год. Наконец, на подмогу призываются стихотворцы. Б. Алмазов печатает в № 11 журнала опус «Ничтожество», где под маской «подражания

¹ В. Г. Базанов. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941, стр. 29.

² О романах «Русского вестника» времен Каткова В. И. Ленин писал, что они изображают «благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров». (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 289).

³ «Русский вестник», 1871, № 8, стр. 289.

восточному» посрамлял и проклинал отечественных «нигилистов и позитивистов»:

«Их нечестивое ученье
Вливает всюду яд растленья
И все мертвит,—и час придет—
Когда огнем святого мшенья
На их главу оно падет»¹.

Борьба с нигилизмом включала в себя и борьбу против сочувственного отражения его в литературе. Катков начал ее в сущности еще в период подготовки к печати в «Русском вестнике» романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» своими попытками воздействовать на автора. Усмотрев в образе Базарова апологию нигилиста, Катков говорил П. В. Анненкову по этому поводу в 1861 г.: «...тут, кроме искусства, припомните, существует еще и политический вопрос. Кто может знать, во что обратился этот тип? Ведь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цветами творчества значит делать борьбу с ним вдвое труднее впоследствии»².

Понятно, какую ненависть вызвал у Каткова роман Чернышевского о «новых людях», роль которого для нигилистов он впоследствии уподоблял роли корана у мусульман. События конца 60-х и начала 70-х гг. давали все новые поводы для борьбы против «Что делать?». В предисловии к женевскому изданию «Что делать?» 1867 г. роман вновь — и в который раз! — был назван «программой деятельности молодого поколения», а практика подтвердила, что эта программа не остается на бумаге...

Между тем, «традиционные» средства борьбы против «Что делать?», применявшиеся критикой со времени публикации романа, оказались малоэффективными и, уж во всяком случае, недостаточными. Они скорее разжигали интерес к роману, чем противодействовали его влиянию. Несостоятельными оказались и попытки «взорвать» роман Чернышевского, так сказать, изнутри, переосмыслив его в целях дискредитации. Имеем в виду, в частности, пьесу Ф. М. Толстого «Нигилисты в домашнем быту» с пространной жанровой характеристикой «Драматические и философские очерки в пяти актах и десяти картинах с эпилогом» и откровенным указанием на источник: «из романа «Что делать?». Впрочем, в этой «откровенности» было и политиканское лукавство: роман Чернышевского явился не столько «источником», сколько «мишенью» Толстого. Недаром в том же 1863 г., когда появилось

¹ «Русский вестник», 1871, № 11, стр. 259.

² П. В. Анненков. Литературные воспоминания, 1909, стр. 550.

«Что делать?» и сочинена его пьеса, он обрушился (под своим обычным псевдонимом «Ростислав») на это произведение во вполне ordinarily-реакционной статье «Лжемудрость героев Чернышевского»¹.

Сочинение Толстого не опубликовано, и мы воспользуемся наблюдениями В. Г. Базанова, который, насколько нам известно, впервые обратил на него внимание. «Следуя за повествованием Чернышевского и сохраняя отдельные эпизоды из его романа,—пишет исследователь,—Ф. М. Толстой в то же самое время стремится перелицевать сюжет на свой лад, меняет отдельные детали, утрирует воспроизводимые им сцены из жизни «новых людей», вносит свои изменения»². Превратив таким образом основных героев Чернышевского в зловещие фигуры «нигилистов», Толстой вдобавок вводит и своего собственного «положительного героя» Платона Петровича Турова, который в пространных обличительно-назидательных речах завершает посрамление их «лжемудрости». «Переосмысление» доведено до предела.

И если Театрально-литературный комитет пьесу Толстого забраковал, то не потому, что ему представилось излишним выступление против «корана нигилистов» хотя бы и с помощью пьески «с переодеванием». Слишком уж слабо было сочинение Толстого, чтобы решиться его (да еще на сцене) публично противопоставить роману «Что делать?».

Правда, были попытки выдать «Что делать?» за произведение вовсе «неопасное» в политическом отношении (дескать, если Чернышевский «нигилист», то нигилист-постепеновец, и его герои «не несут ни огня, ни меча») и «просто смешное» со стороны искусства и художественности³. Но это была игра с огнем. Недаром цензоры с их профессиональной литературно-полицейской изощренностью увидели в «Что делать?» «апологию нигилизма, изложение настоящей его

¹ «Северная пчела», 1863, № 138. Характеристику Ф. М. Толстого дал К. Чуковский в очерке «Ростислав и его письма к Некрасову», включенном в сборник автора «Люди и книги». Гослитиздат, 1958.

² В. Г. Базанов. Из литературной полемики 60-х годов. Петроградск, 1941, стр. 71.

³ Эти утверждения содержала статья Николая Горохова (псевдоним Н. С. Лескова) «Н. Г. Чернышевский в его романе «Что делать?», «Северная пчела», 1863, № 142. Характеристику этой статьи как попытки «обезвредить» «Что делать?» «тончайшим способом» см. в книге Гр. Тамарченко «Романы Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1954, стр. 137—138. «Призраками», война с которыми достойна только Дон-Кихота, самоуверенно объявил нигилистов и Ф. М. Толстой в своем драматизированном переложении романа «Что делать?». См. В. Г. Базанов, назв. работа.

доктрины, с хорошими ее сторонами»¹, «мысль о необходимости преобразовать все русское общество и большую часть по теории социалистов и коммунистов»². И недаром такой критик как Н. Страхов, которому никак нельзя отказать в серьезности и проницательности, отверг «пересмешическое» отношение к «Что делать?», как бы опасаясь недооценки грозящей «опасности». Н. Страхов предрекает скорое забвение прозе «Современника». Однако сразу же делает оговорку: «Но есть одно явление в этом множестве, которое имеет большую прочность. Именно роман «Что делать?», по моему мнению, останется в литературе. Ибо он вовсе не производит смешного впечатления. Как бы кто ни был расположен смеяться, он потеряет свое расположение к смеху, перечитывая эти тридцать печатных листов. Роман написан с таким воодушевлением, что к нему невозможно отнестись хладнокровно и объективно, как это требуется для благодушного и искреннего смеха»³. Но дело не только в этом. Главное то, что роман — лучшее выражение идей целого направления и в этом своем качестве он и не может быть смешным. Н. Страхов не потешается — он «разоблачает» господствующую на его взгляд идею книги — «мысль о счастье»⁴. Таким образом и он встал на тот путь борьбы с «Что делать?», который оказался не только «традиционным», но и несостоятельным.

Большие надежды возлагал охранительный лагерь на «антинигилистический роман» с его лобовыми приемами «доходчивого» и «наглядного» развенчания «новых людей». Развенчивая реальные прототипы героев Чернышевского, воинственно выступая против их идей и дел, «антинигилистический роман» должен был стать и противоядием против революционно-демократической литературы. Но и эти упования не сбылись. Писания «антинигилистов», примитивно-тенденциозные, безжизненно аляповатые и вдобавок обстреливаемые из демократического лагеря («Отечественные записки» и здесь прежде всего, конечно, статьи Щедрина, «Искра», «Дело»), оказались творениями эфемерными, не способными ответить на волновавшие молодежь вопросы и противостоять роману Чернышевского. Это также свидетельство-

¹ Отзыв цензора О. Пржецлавского опубликован в статье Н. А. Бухбиндера «Цензура о «Что делать?» Н. Г. Чернышевского», «Каторга и ссылка», 1928, № 7(44), стр. 44.

² Отзыв цензора К. Александра (1868) опубликован в названной выше книге В. Г. Базанова, стр. 16.

³ Н. Косица. Счастливые люди. Статья первая. Один из наших типов. «Библиотека для чтения», 1865, № 7 и 8, апрель, стр. 145.

⁴ Кстати, аргументы Страхова явственно перекликаются с «Записками из подполья» Достоевского, — но это особая тема.

вало о тактических просчетах Каткова как вдохновителя антинигилистического похода и редактора «Русского вестника»

Знаменательно, что это обстоятельство было замечено и охарактеризовано уже современниками. Д. Минаев (под псевдонимом *L'homme qui rit* — «Человек, который смеется»), выступив против антинигилистических романов, этой «облавы в беллетристической форме», писал в журнале «Дело» как раз накануне появления в «Русском вестнике» заметки о брошюре Шедо-Ферроти: «Чересчур усердные исполнители катковской «системы запугивания» уронили ее кредит до того, что даже самые мнительные люди перестали ей верить, сомнительно покачивая головой и думая: «Нет, тут что-то не ладно! Пересаливаете очень, други любезные!» Но автор этой «системы устрашения» еще не кладет оружия. Назад отступить невозможно, корабли сожжены и волей-неволей приходится играть на той же самой дудочке»¹.

Катков и продолжал «играть на той же самой дудочке»: антинигилистические романы печатались им не только в 1871, но и в последующие годы. Однако он, видимо, был не прочь и обновить тактику, превратить грозного нигилистического «зверя» в набивное домашнее чучело, на которое можно взирать со снисходительной улыбкой уверенного в своем превосходстве политика и публициста. Если роман Чернышевского не смешон — надо попытаться сделать его смешным (не по своеобразно ли истолкованному афоризму «от великого до смешного — один шаг?»). Разумеется, это не логика отдельных людей, а логика целого идейного направления, логика общественной борьбы. Она и способствовала в сложившихся общественных обстоятельствах появлению тех «оригинальных» приемов, которые применил Шедо-Ферроти и которые поставил себе на службу Катков.

У этой истории есть как бы свой эпилог. Притом, и в Германии, где появилась брошюра Шедо-Ферроти, и в России, где она была расчетливо представлена читателю «Русским вестником».

Если немецкий читатель в год выхода критического опуса Шедо-Ферроти вынужден был принимать его утверждения на веру (даже рецензент из «Magazin»'а не читал «Что делать?»), то вскоре он получил возможность познакомиться с романом Чернышевского на родном языке. И это само по себе уже было смертельным ударом по легенде, «творившейся» Шедо-Ферроти. В 1873 г. появляется в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» отзыв К. Маркса о Чернышевском как «о великом русском ученом и

¹ *L'homme qui rit*. Невинные заметки. «Дело», 1871, № 11, стр. 59.

критике». В 1885 г. Август Бебель выступает со специальной работой «Идеалистический роман» («Neue Zeit», № 8), посвященной «Что делать?», а три года спустя Клара Цеткин широко характеризует это произведение в своей статье «Русские студентки» («Neue Zeit», 1888, № 8)¹. Не имея в виду непосредственно легенду Шедо-Ферроти, эти выступления, однако, опрокидывают и ее как нелепый и злостный вымысел. Они утверждали прямо противоположную оценку знаменитого романа Чернышевского. «Книга, — писала Клара Цеткин, — стала альфой и омегой русской молодежи, ее путеводной звездой, за которой следовало целое поколение, самое идейное, самое благородное поколение всех времен»².

В борьбе, продолжавшейся в России вокруг романа «Что делать?», наследников тактики Шедо-Ферроти почти не было. Не только пресловутый П. Цитович, но и Катков предпочли лисьим маневрам Шедо-Ферроти ожесточенную брань, яростное прямое «разоблачение» идей Чернышевского. Однако нам известна, по крайней мере, одна попытка выступить против «Что делать?» а la Шедо-Ферроти (хотя очень возможно, без всякой связи с его брошюрой). Любопытно, что предпринята она на страницах суворинского «Нового времени» известным деятелем «на поприще цинизма» «хитрейшим» (так писал о нем М. Горький) Василием Розановым. В связи с новым изданием «Что делать?» В. Розанов напечатал статью «Когда-то знаменитый роман»³. Недвусмысленное погребальное название соответствует категорическому — и опять снисходительному! — уверению, будто роман Чернышевского, хотя «он написан свежо, ярко, молодо, с верою в дело», был «в сущности и в свое время... уже стар, археологичен, не интересен». Впрочем, это не мешает Розанову ссылаться на «Что делать?» при обосновании своих цинически-декадентских взглядов на любовь и семью...

Попытки Шедо-Ферроти, как впрочем и все другие, закончились позорным провалом. А роман Чернышевского вошел в сознание передовой России как книга, воспитывающая революционеров, дающая «заряд на всю жизнь», по неоспоримой характеристике В. И. Ленина.

**

Книга имеет свою судьбу, — это хорошо известно. Гораздо хуже мы знаем обычно, какова именно эта судьба и как она

¹ Подробно — в статье Н. В. Спичарской «Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском». «Доклады и сообщения филолог. института» Ленинград гос. университета. Вып. I, 1949.

² Цитируем по журналу «Вопросы философии», 1957, № 6, стр. 56.

³ «Новое время», 1905 г., 8 июня.

складывается. А ведь нередко бывает она весьма поучительной, раскрывая в частном общее, в драматической «литературной истории» отдельного произведения—те или иные грани общественно-литературного движения эпохи. С особой наглядностью это проявляется, в частности, тогда, когда художественное произведение вызывает активное противодействие, когда делаются попытки его «обезвредить», нейтрализовать или даже превратить в орудие дискредитации тех идей, которые оно объективно утверждает и пропагандирует.

Для этой цели подчас применяются средства и приемы не совсем обычные, так сказать, «чрезвычайные» и в чрезвычайности своей все-таки характерные и показательные. Достаточно напомнить о так называемых «переделках» (типа «Нигилистов в домашнем быту» Ф. Толстого), «продолжениях» (вроде пьесы Тицианова «Настоящий ревизор» или «Возврата Чацкого в Москву» Ростопчиной, написанных «по следам» гоголевского «Ревизора» и Грибоедовского «Горе от ума»),— порою и те и другие выступают под личиной мистификаций,—наконец, об откровенных пародиях с их недвусмысленной задачей дискредитации противника. Однако не менее богат и разнообразен арсенал «чрезвычайных» приемов и средств полемики в литературной критике. И творческая практика прежде всего Белинского, Чернышевского, Некрасова, Добролюбова, Писарева, Щедрина достаточно веско свидетельствует об их практической действенности.

Но если, скажем, литературным пародиям, мистификациям посвящаются специальные статьи и даже книги, то о приемах и средствах борьбы и полемики, применяемых литературной критикой, пишут лишь эпизодически, от случая к случаю и никогда—специально. Об этом стоит пожалеть хотя бы потому, что конкретно историческое изучение этих приемов и средств в действии может в известной мере помочь воссозданию неповторимых черт и живого колорита литературного процесса, может обогатить и уточнить наши знания о нем. Поэтому мы и стремились не только охарактеризовать примечательный эпизод «литературной истории» романа «Что делать?», но таким образом и вообще привлечь внимание к исследованию приемов и средств литературно-общественной борьбы (на материале революционно-демократической критики этот вопрос уже ставился, прежде всего в работах А. Лаврецкого и Б. Бурсова). Право же, и о них может быть со временем написана увлекательная обобщающая работа. А пока есть необходимость и смысл готовить для нее материал в предварительных частных разысканиях.

А. А. ЛЕБЕДЕВ

ЭМАНСИПАЦИЯ ЧУВСТВ

(К характеристике героя произведения Н. Г. Чернышевского
«Дневник Левицкого»)

Казалось бы, художественное наследие Чернышевского изучено столь досконально, что и строчки тут такой, которая не была бы тщательнейшим образом прокомментирована и всесторонне «разъяснена», не остается.

Действительно, сделано чрезвычайно много. Не говоря уже о таких шедеврах революционной литературы как «Что делать?» и «Пролог», даже значительно более поздние, сложно зашифрованные произведения великого революционера, даже такие его произведения, убедительное истолкование которых представляется, очевидно, чрезмерно трудным, — буквально все, вышедшее из-под пера этого оригинального художника, составляет предмет неустанныго внимания наших исследователей.

И все-таки приходится признать, что значительная часть, целый пласт в самом содержании художественного наследия Чернышевского еще не освоен. За пределами кропотливейших изысканий в той области, которая может быть названа «историей написания» художественного произведения или шире — «творческой лабораторией» художника, зачастую остается раскрытие важнейших сторон самого объективного содержания произведений, реального смысла и общественно-исторического содержания его.

Существенным препятствием на пути к преодолению подобной односторонности оказывается и то исключительное внимание к проблеме «прототипичности» героев Чернышевского, которое в некоторых трудах составляет главный, если не единственный пафос исследования. А когда все оттенки про-

тотипического сходства и различия героев оказываются достаточно или даже более чем достаточно выяснены, дальнейшая работа почему-то приостанавливается. Реальный анализ объективного содержания данного произведения, как правило, заменяется слишком общими рассуждениями.

Особенно не повезло в этом отношении такому, исключительно, на наш взгляд, интересному произведению Чернышевского как «Дневник Левицкого», непосредственно примыкающему к замечательному роману «Пролог». А ведь «Дневник Левицкого», издаваясь вместе с «Прологом» большими тиражами, имеет достаточно широкий круг читателей, для многих из которых он не может не представить своего рода загадки. Некоторых же, прежде всего, конечно, школьников-подростков, имеющих строго определенное программой представление о революционно-демократической идеологии, это произведение, несомненно, смутит. Иногда кажется, что «Дневник Левицкого» смутил и не только школьников—такое впечатление может создаться при чтении некоторых, если не большинства работ, посвященных литературно-художественному наследию Чернышевского.

Между тем и анализ «Пролога» был бы явно неполон без «Дневника Левицкого», без обращения к фигуре героя совершенно нового, почти неожиданно нового для художника, совершенно нового и неповторенного в своих существенных чертах во всей русской, и не только русской литературе.

1

После крепких, почти скульптурно четких контуров фигуры легендарного Рахметова, героическая «чудовищность» которого способна вызвать в памяти титанов Микеланджело, охлажденное пламя и какая-то горьковатая ясность волгинской иронии звучит, как вопрос художника к жизни и к самому себе. Рахметов не раздумывает, не колеблется, не иронизирует над собой, не оглядывается на других и на себя, он целен в своем порыве, он весь — призывный клич, знамя, стремление, страсть. Ему совершенно чужды, внутренне враждебны любые проявления психологического гамлетизма, идейной озадаченности. В Волгине эта озадаченность совершенно очевидна. В нем видно глубокое раздумье, стремление осмотреться, не торопиться... Многие и многие годы минули со времени написания «Что делать?»; революционный порыв мощно всколыхнувший огромную массу русских простолюдинов, породивший в лучших людях тогдашнего общества тот самозабвенный оптимизм, те романтические иллюзии, которые столь характерны и для мирозерцания Чернышевского пе-

риода создания им Рахметова,—все это отошло в прошлое. Настало время подумать над причинами неудачи, осмыслить ту великую историческую трагедию, которая потрясла все русское общество и бросила очень мрачные тени на судьбу самого Чернышевского.

В «Прологе» Чернышевский попытался дать некоторые ответы, попытался пересмотреть кое-что, как-то преодолеть на новой уже основе былую романтичность своего восприятия русской действительности. Он попытался так же подойти и к новым, более объективным позициям в оценке исторических судеб и революционных возможностей русского народа. Волгин в этом отношении—не только дополняет Рахметова, но, объективно, и полемизирует с ним. Волгин отражает действительное углубление реализма Чернышевского-художника, действительное движение, пусть и отягченное условиями тюремной изоляции, Чернышевского-мыслителя.

Эволюция Чернышевского-художника представляет, несомненно, огромный интерес. Ибо эта эволюция есть путь от утопического социализма, революционно-демократического миропонимания к социализму научному, к марксизму. Путь, на который Чернышевский вступил, по которому он шел от произведения к произведению, от героя—к герою, от образа—к образу, и который не был завершен им уже не по его вине: общественная изоляция, глухая ссылка, отсутствие всякой питательной среды сковывали, душили и задушили, наконец, даже эту титаническую натуру, истощили даже эту гигантскую волю.

И тем не менее, невнимание нашего литературоведения, нашей исторической науки к указанной эволюции, более того: принципиальный отказ некоторых исследователей от всякой попытки обращения к ней, всякой оценки ее—дело странное и печальное¹.

Мы называем великих русских революционных демократов предшественниками русских марксистов. Это верно. Но ведь сама революционно-демократическая идеология не есть нечто статичное, раз возникшее и в таком виде застывшее! Революционно-демократическая идеология возникла в обстановке кризиса исторически изжившей себя к этому времени революционности дворянской. «Примирительный период» Белинско-

¹ Попытку более детального рассмотрения указанной эволюции автор предпринял в статье «Некоторые особенности художественного метода Чернышевского. О революционной романтике «Что делать?»». (В сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, материалы, исследования». Саратов, 1958) и в статье «От Рахметова к Волгину. К проблеме эстетического своеобразия Чернышевского-художника». («Русская литература», № 4, 1958).

го окажется совершенно необъяснимым, если не учесть этого кризисного состояния русской революционной мысли в тот момент. Кризис же революционно-демократической идеологии после поражения освободительного движения 60-х годов был чреват обращением лучших людей России, передовых сил русского общества к марксизму. Такова, думается, линия развития русской освободительной мысли, действительная традиция русского освободительного движения.

И зачем пугаться этого слова: «кризис»? Да, кризис: Он неизбежен, когда ограниченность прежних взглядов, идеалов и убеждений становится все более и более ясна, а выработка или усвоение новой теории еще не дается. Так было и с Чернышевским. В этом и причины той трагической интонации, которая явственно звучит в его поздних произведениях и которую трудно не заметить каждому объективному наблюдателю.

К поздним, волгинского типа, героям Чернышевского очень идут слова, сказанные некогда А. В. Луначарским в его блестящей статье «Философские поэмы в красках и мраморе» (1909 г.) о персонажах великого Поликлета: «Герои дела в раздумье»¹.

Низко наклонив голову, чуть ссутулясь и опустив отяжелевшие плечи, стоит перед нами этот герой, глубоко задумавшись о чем-то огромном, непомерно для него значительном. И кажется, что дума эта, тяжело и грозно легшая на него, вдруг подчинила себе всего этого человека, напрягла каждый мускул замершего в скрытом напряжении тела, и только резкие шрамы морщин на окаменевшем лице выдают гигантскую

¹ См. «А. В. Луначарский. Статьи об искусстве». М., 1941, стр. 137, «Не хотел ли крикнуть Поликлет... — писал в этой статье Луначарский, — «О, человечество, богато одаренное силами, стремлениями и трудолюбием, склонись своею маленькой головкой на могучую грудь и подумай, не тщетны ли твои усилия, не стараешься ли ты ради небытия, не идешь ли неправильной дорогой?» Трагическим скептицизмом, — заключает критик, — веет от Геркулеса, последним скептицизмом, сомнением в плодотворности всякого усилия». И тут нет уже аналогии с фигурой «задумавшегося Чернышевского» или «героя Чернышевского». Вернее: аналогия тут становится лишь внешней. Да, и его дума тяжела, и его сомнение трагично, и его усилие непомерно. Но это — не «последний скептицизм», не «сомнение в плодотворности всякого усилия», а чудовищное напряжение в страстных поисках новых сил, способных, наконец, решить ту колоссальную историческую задачу, которую так и не удалось решить даже титанам шестидесятых годов. И скепсис Чернышевского этой поры очень близок тому роду скепсиса, о котором не кто иной, как Маркс писал, что это «неустанно работающая философская гильотина», которая, «обезглавливая авторитеты», ищет и находит путь к народной революции. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. 2, 1957 г., стр. 201).

внутреннюю работу пытающегося найти какую-то разгадку сознания этого великана...

Нет, мы не сгущаем краски.

...Говоря об исторических судьбах освободительного движения в России, говоря даже о шестидесятих годах и «шестидесятниках», у нас почему-то не сразу и не часто вспоминают (если вообще вспоминают) об одном документе, тем не менее широко известном и в свое время нашедшем в русском обществе, среди самой передовой части его весьма острый отклик: о письме, направленном, было, К. Марксом в ноябре 1877 года в редакцию «Отечественных записок». О том самом письме, которое так трагически потрясло многих лучших людей тогдашней России и довольно долго еще потом продолжало болезненно волновать их совести.

В письме этом К. Маркс, в частности, писал о Чернышевском, что вопрос, который тревожил «великого русского ученого и критика» и на который он пытался ответить своим творчеством — это вопрос о том, «Должна ли Россия, как того хотят,— добавляет Маркс,— ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он, — заключает К. Маркс,— высказывается в смысле этого последнего решения». И затем К. Маркс, желая, чтобы и его позиция в решении этого вопроса не оставляла «места для догадок», говорит, по его словам, «без обиняков»: «Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»¹. Прочитав эти строки, Г. Успенский

¹ «Итак,— пишет в этом же письме К. Маркс,— что же мог извлечь мой критик (речь идет о статье Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского» —А. Л.) из этого исторического очерка (т. е. из «Капитала» —А. Л.) в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении,—она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе (т. е. «Капитал» —А. Л.) в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для

сказал в 1888 г., что «это смертный приговор». «Вот тут-то и было,—замечает он,—наше дело—да сплыло!»¹. И Успенский воспринял это письмо, найденное уже после смерти К. Маркса в бумагах умершего, как «грозный и горький упрек в том великом грехе, который русское общество совершает против самого же себя», упрек как бы посланный К. Марксом уж «из-за могилы»².

Как знать, может быть, и Чернышевского в те времена, когда перед его внутренним взором стояла уже фигура Волгина, начинала посещать мысль о «деле», как любил выражаться и он сам, имея в виду дело «коренного переустройства русского общества»,—«деле», в котором была вся его жизнь, все его надежды и вся его гордость за свой народ и свою родину, о «деле», которое к тому времени все больше и больше (в том виде, в каком понимал его Чернышевский) становилось уже прошедшим днем истории?

Совершенно несправедливо было бы расценивать те ноты и те черты глубокого трагизма, которые несут в себе герои последнего замечательного художественного произведения Чернышевского, как лишь отражение личной драмы писателя. В трагизме Волгина есть уже многое от ощущения той подвальной атмосферы, в которую после огненных зорь 61-го года все глубже и глубже вплзала несчастная Россия. И тяжкие сомнения этого героя уже сродни тому «грустному раздумью», которое Н. К. Михайловский назовет потом уже «обыкновенным осадком, остающимся на душе читателя сочинений Успенского»³. В глухой волгинской ожесточенности, в сдавленной боли его иронической усмешки слышатся порой отзвуки трагического хохота Щедрина...

Но такова была исполинская натура Чернышевского, такова была мощь умственной силы этого человека, что даже в условиях полного общественного одиночества, уже догадываясь о бесперспективности всех своих личных надежд на скорую революцию, этот человек не дал тоске и отчаянию убить свое сердце... Путь Чернышевского не оборвался траги-

того, чтобы придти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня». (См. К. Маркс, Ф. Энгельс. «Избранные письма». М. 1948 г., стр. 314—315).

¹ См. Г. И. Успенский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9 М., 1957, стр. 520.

² См. там же, стр. 166.

³ См. Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи М., 1957, стр. 343.

ческим падением к подножию памятника своим собственным романтически-прекрасным иллюзиям...¹

Образ Левицкого — новый шаг по трудной дороге писателя к своему, все уходящему вперед герою. Новый шаг к будущему людей, к тому эстетическому идеалу, который, если речь идет о подлинном художнике, не может не отражать, пусть еще далеких и неясных, контуров и очертаний, к которым с каждым шагом ближе и ближе подходит этот художник в своем творчестве и которые с каждым его шагом все дальше и дальше отступают от него в утреннее туманное завтра человечества...

¹ Примечательные в этой связи следующие строки из воспоминаний В. Г. Короленко о Чернышевском. Приведа в своих воспоминаниях известную с тех пор притчу о Шамиле и казненном им прорицателе, В. Г. Короленко пишет, что у Чернышевского такого рода иронические нападки на прошлое, иногда высказываемые в очень резкой форме самообличения, не отзывались ни унылым разочарованием, ни слабодушным покаянием в прошлых «грехах». Наоборот, после таких выходов Чернышевский встряхивал своими густыми волосами, глядел исподлобья улыбающимся взглядом и прибавлял:

— А ведь все-таки, сказать правду: не все же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошего, да, не мало.

Указанием на это обстоятельство, — подчеркивает Короленко, — я отклоняю вместе с тем упрек в кажущемся противоречии, которое можно бы, пожалуй, усмотреть в том, что я говорил... о Чернышевском, оставшемся прежним Чернышевским шестидесятих годов, — с его насмешками над своим прошлым. Нет, он не смеялся над прошлым и остался в основных своих взглядах тем же революционером в области мысли, со своими прежними приемами умственной борьбы. Он смеялся только над своими попытками практической деятельности и, пожалуй, не верил в близость и плодотворность общественного катаклизма.

Это, — заключает Короленко, — факт, и, как таковой, я привожу его для характеристики этого крупного человека в последний период его жизни» (См. «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», том II, Саратов, 1959 г., стр. 319).

Процесс осознания иллюзорности тех приемов и принципов революционной борьбы, на которые такие большие надежды возлагались «шестидесятниками», означал для Чернышевского не утрату всякой веры в революционную перспективу, а начало поисков новой революционной теории, свободной от романтического утопизма. В мемуарах А. А. Токарского, в той их части, которая относится к Чернышевскому, полемически направленных против целого ряда оценок и характеристик, имеющих в короленковских воспоминаниях о великом демократе, тем не менее так же отмечается и неудовлетворенность Чернышевского своими былыми взглядами и поиски им новых философских и политических концепций. (См. там же, стр. 344). П. Ф. Николаев так характеризует политическое кредо Чернышевского в период ссылки: «Всякому сильному и здоровому уму присущ здоровый скептицизм. Николай Гаврилович не верил в близость катастрофы, хотя и желал ее... Я, — говорит мемуарист, — взял бы на себя смелость характеризовать политические взгляды Чернышевского в таких немногих словах: катастрофа вскоре немислима, но долг мыслящего и последовательного человека — стремиться к ней и делать все возможное для ее приближения». (См. там же, стр. 164).

С первых же страниц «Дневника Левицкого» мы попадаем в атмосферу тех мыслей, раздумий и сомнений, которые так хорошо знакомы нам по «Прологу». Здесь эти мысли и сомнения представлены даже более ярко, остро. Это, действительно, дневник, и там, где Волгин, обращаясь к другим (в «Прологе» почти совсем нет внутренних монологов и совсем нет никакого качественного отличия внутреннего монолога от обращения героя к другим персонажам романа), говорит уже нечто взвешенное, продуманное, в значительной мере «отстоявшееся» в его разуме и душе, Левицкий записывает свою мысль такую, какой она зародилась или еще зарождается в его сознании. Мысль Волгина как бы подчеркнута, рационалистична, потому-то в ней всегда возможен оттенок иронии. Мысль Левицкого всегда эмоциональна, горяча, страсть и боль в ней наружи, она еще не оценивает самую себя, и импульсивность дневниковой записи хорошо передает ее непосредственный и личный характер.

«...Незачем жить. Невыносимо глупо жить. Нет надежды быть полезным. Невозможно приносить пользу людям. Они не способны улучшить свою жалкую судьбу». (XIII, 216). Мысль как бы развивается перед нами под пером героя, развивается буквально на наших глазах.

«Я презирал злобу и подлость. И не ошибался, презирая. Их сила не велика. Ее нетрудно бы одолеть. Масса людей—люди честные и добрые. Интерес ее прямо противоположен всему дурному, совершенно совпадает с требованиями справедливости. Она может понять их, потому что они очень просты, а она не глупа. Она не может не желать их осуществления, понявши их, потому что без их осуществления она несчастна. Она может смело ринуться в борьбу за них и биться геройски, потому что она благородна. В этих мыслях я не ошибался. Но я слишком надеялся на рассудительность добрых и честных людей, составляющих ее. Я слишком мало думал о том, как велико легковерие и легкомыслие громадного большинства их. С этою силою невозможна успешная борьба» (XIII—216).

Мысль Левицкого очень ясна: у него нет разочарования в народе, в народе вообще, в его возможностях и будущем. У него также нет и тени сомнения в правильности своих стремлений, в том, что эти стремления отвечают интересам народа, самым главным, коренным его интересам. Он «лишь» недооценил неразвитости народа, его политического «легковерия», общественной инертности. А без поддержки народа всякая деятельность в интересах народа—абсурд. Не только абсурд (абсурд — с точки зрения исторической), с точки же зрения личной — непоправимая трагедия, катастрофа...

Люди вышли биться с врагами народа, а народ не поддержал этих людей, у него еще недостаточно сил, его обманули враги. И люди, вышедшие биться с его врагами, должны погибнуть, и они знают об этом. Вот и все. Все очень ясно и очень логично. «Но тяжело. Подавляет. Нет силы на работу... Будто дряхлость...

И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя...

Вечная история: выходит работник, набирает помощников. Зовут людей к дружной работе на их благо. Собралась масса, готова работать. Является плут, начинает шарлатанить, интриговать,— разинули рты, слушают — и пошла толпа за ним. Он ведет их в болото,— они тонут в грязи, восклицая: «Сердца наши чисты!»—Сердца их чисты; жаль только, что они со своими чистыми сердцами потонут в болоте.

А у работника осталось мало товарищей,— труд не под силу немногим, они надрываются, стараясь заменить недостаток рук чрезмерными усилиями, — надорвутся и пропадут...

И не того жаль, что пропадут они,— а того, что дело останется не сделано...

И хотя бы только осталось не сделано. Нет, хуже того: стало компрометировано. Выходят мерзавцы и кричат: «Вот, они хотели, но не могли; значит нельзя».—«Нельзя,—повторяет нация.—Правда, очевидно: нельзя. Только пропадешь. Лучше же будем смирны, останемся жить по-прежнему, слушаясь людей, которые дают нам такой благоразумный совет».— И забирают власть люди хуже прежних» (XIII, 218). Есть во всем этом, по мнению Левицкого, какая-то глубокая историческая закономерность: «От Гракхов до Бабефа одна и та же история... И после все она же... Этот жалкий 1848 год...

Потому не лучше ли было бы умереть?» (там же).

Дневник отражает импульсивное движение мысли Левицкого все дальше и дальше, в одном направлении: «И какие великолепные оправдания для пошлого малодушия!—«Незачем жить, потому что не для чего работать: люди глупы и легкомысленны».— Конечно, не очень рассудительны. Но потому-то необходимо работать над улучшением их судьбы. Если бы они были не глупы и не легкомысленны, то и не о чем было бы хлопотать: давным-давно жизнь их была бы устроена превосходно». (XIII, 219).

Но это, по видимости, резонное соображение неожиданно наталкивается на самые решительные возражения Волгина.

Мысль Волгина, его несогласие с точкой зрения Левицкого выражены вполне четко, ясно. И над этой мыслью Левиц-

кий, конечно, не может не задуматься. Он знает, что Волгин— «это человек, преданный народу» (XIII, 246), он знает, что каждое решительное слово Волгина выверено интересами народных масс, что эти интересы определяют всю линию поведения Волгина, все его устремления. А Волгин говорит вот что: Вы, Левицкий, хотите приносить пользу, хотите заниматься литературной деятельностью, просвещать общество, показывать ему события в их подлинном свете, готовить общество к будущим потрясениям. Пусть так. Но дело-то в том, что «общество не хочет думать ни о чем, кроме пустяков. Общество не может допустить литературы, которая была бы противна его расположению... Оно не может допустить, чтобы литература занималась не пустяками, когда оно хочет заниматься только пустяками. Пока настроение общества не изменится, литература обречена оставаться пустою, мелочною, презрительною, как теперь. Он сам,—(то есть Волгин—А. Л.) пишет только вздор, и я, (то есть Левицкий—А. Л.)—стал бы писать только о пустяках. А между тем мой голос звучал бы диссонансом в усадительном концерте русских либералов. Общее мнение нашло бы, что я мешаю концерту. Оно было бы совершенно право. Я мешал бы. Прочь того, кто мешает. Я буду чужой, ненавистный; прочь негодяя.—Эта перспектива, думает он, (то есть Волгин—А. Л.) — не страшна мне (Левицкому—А. Л.). Молодые люди безрассудны и воображают свое безрассудство гражданскою доблестью. Оно глупость, больше ничего» (XIII, 243). Но то, что говорит Волгин, кажется Левицкому «слишком мрачно,—слишком безнадежно», Левицкий не может примириться с «его глубоким презрением к настоящему и ко всякой деятельности в настоящем» (XIII, 240). Но вновь и вновь, терпеливо, настойчиво, почти по-отечески убежденно и мягко Волгин внушает Левицкому все ту же мысль: «Какую пользу принесу я, начав писать? Что выскажу, что разъясню?—Невозможно ясно писать о том, что ненавистно обществу. Всякая серьезная мысль ненавистна ему. Как я ни бейся, как ни изворачивайся, я буду писать только темные мелочи о мелочах. Умно ли мне губить себя из-за такого вздора? Позволяет ли ему совесть допустить, чтобы я губил себя из-за такого вздора?» (XIII, 243).

Не надо губить себя на мелочах. Они не важны для судеб народа, они могут быть даже вредны для народа: они отвлекают от действительного понимания хода событий. А от мелочей ничто никогда не переменается в делах серьезных. А твоя жизнь, Левицкий, еще пригодится для народа. В таком случае сгубить себя на мелочах — значит не помочь, а помешать народу в его будущем большом «деле». Надо ждать! Затаиться и ждать. Ждать «серьезного времени». Его не ускоришь

никакими искусственными мерами. Оно само придет, когда ему выйдет срок, и вот тогда, ты, Левицкий, потребуешься. А впадать в экзальтацию до того, как «придет серьезное время»—глупо, мальчишество и вредно—может погубить человека, нужного в будущем народу. Вот мысль Волгина. «Придет серьезное время. Когда?—Я молод, потому для вопроса обо мне все равно, когда оно придет: во всяком случае, оно застанет меня еще в полном цвете сил, если я сберегу себя.—Как придет?—Как пришла маленькая передряга Крымской войны;—без наших забот, пусть не хлопочу: никакими хлопотами ни оттянешь, ни ускоришь вскрытие Невы. Как придет?—Мы говорим о времени силы,—сильна только сила природы:

По воздуху вихорь свободно шумит;
Кто знает, откуда и как он летит?

...Но так или иначе, придет серьезное время. Почему это несомненно? Потому, что связи наши с Европою становятся все теснее, а мы слишком отстали от нее. Так или иначе, она подтянет нас вперед к себе.

Придет серьезное время,—настойчиво повторяет Волгин,—пойдут вопросы о благе народа. Нужно будет кому-нибудь говорить во имя народа. Я должен буду приберечь себя к тому времени» (XIII, 243—244).

И характерно, что желание Левицкого делать сейчас же то, что можно сейчас уже делать, его в этом смысле «энтузиазм», не встречают ни малейшей иронии со стороны Волгина, хотя, логически, Волгин и должен был бы отнестись к такого рода порывам с иронией. Но в его голосе—только тревога, живая забота о друге, тепло и какая-то беспокойная, тревожная ласка: «он обнял меня и сказал: «Подумайте еще, мой упрямый, мой милый,—подумайте. Я не отстану, пока не уговорю вас. До завтра...» (XIII, 244).

Что-то не дает Левицкому согласиться со своеобразным историческим фатализмом Волгина. Молодость? Но разве только с точки зрения незрелой и «неостывшей» молодости исторической фатализм кажется слишком холодной и слишком тяжелой теорией, не оставляющей места для сознательной энергии человеческого творчества? «Он не верит в народ,—говорит Левицкий о Волгине.—По его мнению народ так же плох и пошл, как общество... Он слишком холодно советует терпеть» (XIII, 245). И Левицкий все больше утверждает в мысли: «никакое положение дел не оправдывает бездействия; всегда можно делать что-нибудь не совершенно бесполезное; всегда надобно делать все, что можно. Об это, — замечает Левицкий, — разбивались все его (то есть Волгина)

насмешки над его собственной деятельностью, которая кажется ему пустою, и над моими стремлениями хоть к такой же работе, положим, и действительно мелкой, жалкой. «Ну, подумайте еще; я не отстану».—«Не отставайте, пока надоест; я останусь при своем: хочу работать» (XIII, 247).

Может быть, неожиданное отсутствие обычной волгинской иронии в разговорах с Левицким, его неожиданная и полная серьезность в отношении к, надо полагать, «романтическим», с точки зрения Волгина, «экзальтациям» и порывам Левицкого — проявление внутренней тревоги самого Волгина, его неуверенности в собственной теории пассивного «ожидания неминуемого времени»? Ведь он-то сам не живет по этой теории. Он-то сам занимается и не может не заниматься «мелочами»...

Но Волгин прав: мелочи, «малые дела» ничего не решают, а в некоторых условиях, например, в условиях временной потери непосредственной революционной перспективы, «малые дела» даже способны повредить движению, бесцельно перемалывая лучшие силы общества. И может быть разногласия между Левицким и Волгиным очень глубоки, возможно, что они своеобразно отражают все те же поиски, сомнения, отчаяние и надежды, в которые ход истории вверг передовую мысль того времени, отражают кризис освободительного движения и революционной мысли в предмарксистский период в России.

По крайней мере, вряд ли можно сказать, что, изображая разногласия Волгина и Левицкого, сам Чернышевский имел «про себя» уже готовое решение их спора. Во всяком случае материал произведения без применения «текстологических вымогательств» оснований для такого допущения не дает, и это вполне естественно, ибо и в самой жизни в тот период еще не было материала для выяснения волновавшего Волгина и Чернышевского вопроса.

Высота Чернышевского-художника проявилась не в том, что он предложил бы какое-то решение вопроса, а в том, что он поставил этот вопрос, на который ему самому так и не суждено было дать ответа.

На основании отрывка из произведения, в котором мысль автора еще не развита вполне последовательно и цельно, в котором развитие образов оборвано на полпути, трудно, конечно, судить о всей полноте значения описываемых Чернышевским разногласий и о его собственной точке зрения на позиции своих героев. С точки зрения субъективной, с точки зрения авторского замысла (но не с точки зрения объективной, исторической) не вполне может быть ясно, имели ли эти разногласия в представлении самого Чернышевского в тот пе-

риод лишь тактический характер, как к тому склоняется часть наших исследований, отражали ли они вместе с тем эмоциональную неуравновешенность юноши—Левицкого, процесс формирования всей его натуры—обо всем этом судить на основании лишь отрывка из «Дневника» крайне трудно, если не соблазниться методами «логического» домысла и упрощения проблемы¹.

Теория же «прототипического» расследования не дает в этом случае для уяснения существа дела уже равным счетом ничего, хотя именно в данном случае мы и располагаем очень богатым материалом для прослеживания той «обработки», которой Чернышевский подверг в своем художественном произведении, так сказать, «первичный прототипический» материал. Однако, сопоставляя «Дневник» самого Н. А. Добролюбова (он ведь, как известно, считается ближайшим прототипом Левицкого) с «Материалами для биографии Н. А. Добролюбова», составленными Чернышевским, наконец, с текстом «Дневника Левицкого», мы можем лишь прийти и к без того бесспорному выводу о соответствии героя художественного произведения характеру передового человека—революционера того времени. Но ничего существенного для выяснения позиции Чернышевского в споре с Волгиным такое сопоставление, естественно, не дает и, понятно, дать не может, ибо содержание «Дневника Левицкого» отражает проблематику развития революционного движения в стране в более поздний период.

В работах наших исследователей Чернышевского проблема «спора» Волгина с Левицким заняла уже довольно значительное место. Однако очевидная незавершенность «Дневника Левицкого», примыкающего к также дошедшему до нас лишь в отрывке «Прологу», ставят решительный предел попыткам «окончательного» выяснения существа данного «спора». В то же время этот «спор», поглощая почти все внимание исследователей, когда дело у них доходит до «Дневника Левицкого», как бы вычленяется ими из всего богатства образной структуры этого произведения. Легко создается впечатление,

¹ Так, без всякой аргументации, В. Н. Шульгин приписывает Левицкому либеральные иллюзии, «сомнение в существовании антагонистических отношений в обществе» (Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, стр. 224) и, в соответствии с подобной версией, болезнь Левицкого, данную в произведении в чисто бытовом плане и с бытовыми подробностями, неожиданно истолковывает как эзоповское иносказание (Левицкий был-де болен либеральными иллюзиями, Волгин послал его в деревню, после чего герой выздоровел. См. там же, стр. 236—237). Понятно, что при таком подходе к тексту можно «доказать» уже буквально все, что только угодно будет доказать исследователю, роль же писателя будет сведена к минимуму.

что и сама фигура Левицкого «введена» лишь для выполнения определенной, рационалистически заданной ей функции в продемонстрированном писателем «споре по тактическим вопросам» революционного движения той поры.

Мы не будем и в этом случае ссылаться на соответствующие работы наших литературоведов. Приведенная концепция «Дневника Левицкого» столь ныне общепринята, что дает нам полную возможность отослать интересующихся к едва ли не любому источнику из числа современных книг, в которых как-либо затрагивается данное произведение Чернышевского.

Между тем, за спорами о «проблеме спора» фигура главного героя данного произведения—самого Левицкого остается в ряду своих весьма существенных, на наш взгляд, черт совершенно недостаточно освещенной, и сам спор о «споре» рискует вследствие этого обрести некоторые свойства схоластического препирательства по поводу различных толкований одних и тех же, уже хорошо всем известных мест одного и того же произведения².

Что же за человек этот Левицкий? Каков его характер? Ограничивается ли его несходство с другими героями Чернышевского лишь некоторыми особенностями в понимании некоторых «тактических вопросов» революционного движения и в этом ли именно прежде всего его несходство? Каков, наконец, внутренний мир этого человека во всем богатстве своего содержания? И, конечно, чем вызвано обращение Чернышевского в данном случае к такой принципиально интимной форме литературного повествования, как дневник?

Вдумываясь во все эти вопросы, следует, как нам представляется, обратить внимание и на то, что образ Левицкого—это прежде всего не результат непосредственного наблюдения ссыльного Чернышевского, а так сказать, его воспоминание. Левицкий несет в себе еще все те черты революционно-романтической «самозабвенности», которые столь ярко характеризуют передовых деятелей России эпохи революционной ситуации—героев. «Что делать?» А Волгин—это «шестидесятник», уже переживший крах надежд на скорую революцию, уже ищущий новых путей и новых идей. В «Дневнике Левицкого» таким образом непосредственно сталкиваются два мировосприятия, два типа «политического настроения»—революционный романтизм Левицкого и волгинское раздумье, волгинская ирония, волгинский скепсис и поиски иных путей.

Так, после «Что делать?», перейдя к волгинскому мировосприятию в «Прологе», Чернышевский как бы вновь обращается к своим былым романтическим идеалам. Но он не повторяет их. Романтизм Левицкого—не романтизм Рахметова.

Волгин уже поведал Левицкому о том, что он сам-то теперь так хорошо «знает». В отличие от Рахметова для Левицкого трагическая перспектива — не тайна. И тем не менее, Левицкий сохраняет свое восприятие действительности. Но это уже какой-то **трагический романтизм**—принципиально новая черта в героях Чернышевского, принципиально новая черта в общественном характере передового человека России того периода. Это уже скорее типическая черта мировосприятия революционера (домарксистского периода освободительного движения) не эпохи революционного подъема и всеобщего брожения, а эпохи общественного упадка и всеобщего разброда. Это—романтика героя-одиночки, трагическая романтика того, кто, несмотря ни на что, и «один в поле воин». И может быть (если не выходить из пределов истории русской литературы и русского общественного движения), очень тонкие, но прочные нити связывают в этом смысле фигуру Левицкого с фигурой лирического героя некоторых произведений позднего Щедрина.

Что же, в самом деле, за фигура—Левицкий? «Перед нами,—писал в свое время А. В. Луначарский,—выдающийся по своим способностям студент, страстная и благородная натура, с целым рядом тех черточек прямоты, некоторой косолапости и беспредрассудочности, за которыми, в сущности говоря, скрывается огромная сердечность, нежность, которая вновь и вновь роднит Левицкого с тургеневским Базаровым...»¹

И действительно, в характере Левицкого, при первом же взгляде на манеру поведения, на манеру мышления и чувств этого человека, на его, столь мало свойственную другим героям Чернышевского, манеру «морального самообнажения» сразу же находится немало черт, роднящих его с Базаровым, как в тургеневском Инсарове есть, несомненно, известное сходство с характером Рахметова, Инсаров и Базаров и, соответственно, Рахметов и Левицкий—люди одного общественного склада, в принципе, т. е. — революционеры, социалисты, демократы, но это люди разных этапов в развитии одного общественного движения. Рахметов и Инсаров объективно ближе (и по времени своего появления в литературе и по своим индивидуально художественным чертам) той группе деятелей революционно-демократического движения, которая связывается в истории непосредственно с периодом подъема революционного брожения в стране. Это все фигуры эпохи революционной ситуации. Базаров же в значительной мере предвосхищает, а Левицкий объективно продолжает литературную традицию того типа передовых русских людей, которая, может быть, наиболее полно и ярко

¹ А. В. Луначарский. Русская литература. ГИХЛ, М., 1947, стр. 196.

представлена уже не в деятельности Чернышевского или даже Добролюбова, а фигурой «демократического радикала» (используем этот, не вполне определенный, но почти общепотребимый термин) Писарева. Случайно ли в этой связи, что Писарев так и не смог понять Инсарова (Добролюбов, как известно, понял его лучше, нежели сам Тургенев в то время), но очень тепло принял новый роман писателя, вызвавший столь неоправданные и тенденциозные нападки из лагеря «Современника» (впрочем, мы так и не знаем отношения к позиции в данном вопросе Антоновича со стороны самого Чернышевского), без труда в то же время увидев все то, что действительно роднит главного героя этого тургеневского произведения с великими героями Чернышевского?

Раскрывая свое понимание романа «Накануне», Тургенев писал о том, что в основе этого произведения лежит мысль «о необходимости *сознательно-героических* натур». (Соб. соч. М., 1949, т. II, стр. 194). Говоря же о Базарове, писатель отмечал прежде всего, что это—«лицо трагическое», «трагическая фигура». «Мне мечталось,—замечает Тургенев,—фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная—и все-таки обреченная на гибель...» (там же, стр. 213—215).

Для лучшего уяснения меры сходства, так сказать, «личного» Инсарова и Рахметова, с одной стороны, и Базарова и Левицкого — с другой, может оказаться полезным воспоминание об определенных морально-бытовых качествах этих героев.

Инсаров недалеко ушел от рахметовского «ригоризма» в вопросах своей личной, интимной жизни. Его долго бушуют всякого рода сомнения. «...Не грешно ли, не безумно ли,—говорит он Елене, — мне, мне, бездомному, одинокому увлечь тебя с собою...»—«Жены не идут на войну...» Правда и то, что Рахметов отвергает любовь по той причине, что она ему мешает, Инсаров заботится тут о ней. Но и он говорит или проговаривается о каких-то «несокрушимых цепях», которые-де накладывает на него Елена. Так или иначе, но первым движением Инсарова, лишь только он понимает, что за чувство связывает его с Еленой, было уехать из ее дома. Даже болезнь свою (без вмешательства которой, кстати сказать, не так-то легко было бы представить, каким образом закончатся отношения героя с Еленой) он полусхотел склонен воспринять как своего рода мистическую кару за личное счастье¹. Тургенев непрестанно подчеркивает, сколь свято целомудрен его герой.

¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., в 12 тт., ГИХЛ, М., 1954, т. 3, стр. 114, 109, 125.

Базаров демонстративно нигилистичен в сфере морали. (Ведь и само слово «нигилизм» появилось у Тургенева в связи именно с этим образом, к Инсарову, тем более к Рахметову, оно как-то слишком явно не шло). Всю чистоту своего тропательного и, по правде-то, довольно-таки романтического чувства к Одинцовой он стремился заключить в одну знаменитую свою фразу: «Этакое богатое тело!.. Первый сорт...» Но дело в том, что фраза эта очень во многом внешняя у Базарова. Она рождена головной полемикой с «романтическим» отношением к жизни, с экзальтированностью Аркадия, а не сердцем. Моральный «нигилизм» Базарова не выдерживает чар Одинцовой, он куда больше мог бы питаться сомнительной женственностью Кукшиной. И тенденциозность Тургенева, может быть, наиболее ярко проявилась именно в том, что он «подсунул» своему герою такую героиню, которую Базаров по складу натуры своей вероятнее всего должен был бы обойти стороной. Однако аристократизм писателя не дал ему возможности «унизить» (Тургенев, вероятно, увидел бы в этом недопустимую тенденциозность) своего героя романом с «какой-нибудь там» Фенечкой. Однако действительная тенденциозность Тургенева неизбежно и сказалась как раз в том именно факте, что он не смог допустить столь «неравной партии» для своего несколько болезненно любимого, но все-таки очень чужого ему Базарова. Тургенев старательно украсил Одинцову всеми «прелестями» блестящего аристократизма. Он поминутно говорит о «свежести» и «чистоте» героини, о ее шуришащем шелковом платье, о ее холеном теле и холодном сердце, о ее всяческой изысканности и чарующем блеске физических совершенств высоко-породистого существа. Сводя Базарова с этакой красавицей, Тургенев как бы приподнял своего героя до необходимого, на свой взгляд, каждому порядочному человеку уровня в любви. Но тут-то он его и принижил. Любовь воинствующего демократа Базарова к Одинцовой—человеку совсем «из другой оперы»—своего рода несчастный случай, но этот-то «случай» и оказался Тургеневу совершенно необходим в силу его уважения к герою. Тенденциозность вызвана была стремлением избежать ее.

«Базаров,—по словам Тургенева,—был великий охотник до женской красоты, но любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительною дурью, считал рыцарские чувства чем-то вроде уродства или болезни... «Нравится тебе женщина,—говаривал он,—старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клином сошлась» (См. там же, стр 256).

Мудрено ли, что столь примитивно понятый Тургеневым «моральный кодекс» его благородного героя оказался пустой

болтовней, едва только дело у героя дошло до настоящего чувства?

Но Тургенев оказался и по-художнически очень неглубок, выставив пустой и примитивно грубой бравадой, которую «на практике» никто и не собирается-де применять, всю «философию любви» новых людей того времени.

И все-таки Тургенев дотронулся в своем Базарове до какой-то такой черты, которая, действительно, была в самом характере людей базаровского типа. «Моральный нигилизм» Левицкого несомненен.

Возможно, что здесь прощупывается определенная закономерность такого развития характера передового человека того времени, когда сфера деятельности героя по необходимости суживается, и энергия его начинает переноситься на проблемы уже не непосредственно политические, но все же очень тесно с ними связанные.

Хотя при подобной, чисто логической, группировке фактов неизбежно возникает и угроза известной схематизации литературного процесса, мы, тем не менее, склонны считать, что нельзя и дальше продолжать обходить именно ту часть «Дневника Левицкого», которая почти целиком посвящена Чернышевским раскрытию морального кредо своего героя. Да и с точки зрения эстетического своеобразия Чернышевского-художника пренебрежение именно данной частью его произведения не может быть оправдано.

3

«...О, как невыразимо прелестен может быть стан женщины» (XIII, 213)... И, начиная с этой строки, исследователи один за другим отводят глаза от «Дневника Левицкого», иногда произнося при этом очень глубокомысленную, хотя и несколько неопределенную фразу: да, Левицкий не был «сухарем» (в чем обвиняли передовых людей того времени всякого рода консерваторы—добавляется при этом).

Левицкий «сухарем» не был. Это верно. Но что сказать о людях, которые опускают взор перед подобными строчками?

«Левицкому было совершенно чуждо всякое ханжество»,— можем мы прочесть во многих работах о Чернышевском-художнике. И это так. Но перелистнем еще одну страничку дневника героя: «...Перед моим восхищенным взглядом сияла ее дивный стан, трепетал, прижимался ко мне...» И союзники Левицкого по борьбе с ханжеством не выдерживают: нет, это уже слишком. Не мог автор, воспевавший бестелесную прелесть «Светлой Красавицы», «докатиться» до описания подобных сцен! От Светлой Красавицы до каких-то Аннушек и

Настенек. Это недоразумение. Все это только пачкает героя. Этого просто нельзя допустить... И не допустили бы. Если б можно было только, готовы были б не допустить, если б на то воля их была¹. Да и как в самом деле допустить такого рода описания: «Я вижу ее,—я вижу ее. Она разметалась, руки закинута за подушку, одна ножка протянута, другая несколько согнута,—она вся перед моими глазами, сияющая белизною.

Она вздохнула и повернулась,—опять грудью вверх, прямо,—обе ножки протягиваются, левая тихо закидывается за правую,—опять опускается, обе ножки лежат протянутые.—левая остается протянута, правая сгибается под ее колено,—еще, еще, правая ручка ложится на согнутое колено, левая закинулась на подушку—правая поднимается выше по ножкам, скользит по корпусу...» (XIII, 227). Да и действительно: ну какая же во всем этом связь с революционными идеями писателя и его героя?

В известной статье «Непостижимая странность», рассказывающей о том, «как это так неаполитанский народ порешил с бурбонской династией?!» и носящей безобидный и предупредительный подзаголовок: «Из неаполитанской истории»², Добролюбов писал, между прочим, о правлении Бурбонов в Италии: «Духовенство, цензура, полиция, сам король—заботились совокупно о том, чтобы содержать народ в строжайшем порядке и чистейшей нравственности. Известно, что Фердинанд входил во все мелочи управления, и цензурная часть, в самом обширном смысле, была не последнею его заботою. Много раз приводили анекдоты о его стараниях относительно нравственности в искусствах: он, например, велел закрыть в Бурбонском музее картины и статуи, изображавшие нагое тело; он приказал поместить Венеру Каллипигию в особом кабинете, куда запрещен был вход публике; он сам определял длину юбок театральных танцовщиц и издал повеление, чтобы трико, в которое они одеваются, было зеленого цвета, так как это менее может раздражать воображение... Все это собственно,—замечает автор статьи,—не имело ни малейшего политического значения; но понятно, что, привыкши к такому режиму, общество ни в чем другом уже не осмеливалось

¹ В. Н. Шульгин (Очерки жизни и творчества Чернышевского. ГИХЛ. М. 1956, стр. 188) так и пишет, что по его мнению «эпизоды» с Аннушкой и Настенькой вообще совершенно не нужны для замысла Чернышевского и затем сводит все содержание «Дневника Левицкого» к обсуждению вопросов тактики революционной борьбы, «целомудренно» умалчивая о прочем.

² См. Н. А. Добролюбов. Собр. соч. ГИХЛ, М., 1952, т. 3, стр. 221.

вольничать или предъявлять те или другие требования, а терпеливо ожидало, что ему прикажут. Таким образом Фердинанд постоянно сохранял полный произвол в своих действиях и в течение своего царствования успел привести к молчанию даже смелых и говорливых, остальные же, по-видимому, потеряли даже и мысль о том, чтобы затевать что-нибудь в противность существующему порядку.

Да и напрасно было бы затевать: затеи эти всегда кончались плохо».

Политические противники Чернышевского в царской России прекрасно почувствовали связь морального кодекса героев «Что делать?» с общей революционной направленностью произведения, обвинив Чернышевского в проповеди разврата, в провозглашении «эмансипации плоти». «Нет ничего нелепее и лицемернее этого обвинения,—писал Плеханов.—Возьмите любой роман из великосветской жизни, припомните любовные похождения дворянства и буржуазии во всех странах и у всех народов, — и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповедывать давно уже совершившуюся эмансипацию плоти» (т. V, стр. 117).

Но что бы закричали блюстители официальной нравственности—попади им в руки «Дневник Левицкого»!

А. В. Луначарскому принадлежит термин «философия любви» у Чернышевского. Чернышевский очень близок,—писал А. В. Луначарский,—к учителям социализма,—К. Марксу и Ф. Энгельсу—по взглядам на любовь и брак»¹.

При поверхностном прочтении «Что делать?» и «Пролога» с подобным утверждением, пожалуй, никто бы не стал спорить. Но «Дневник Левицкого»—иное дело. Тут, действительно, «попахивает эмансипацией плоти»...

Однако, уж так ли разительно отличие выраженных в этом произведении взглядов автора на мораль, нравственность, «приличие» от тех его взглядов, которые мы встречаем в более ранних его произведениях? В чем существо его «философии любви?».

«Невинно,—говорит Левицкий,—влечение молодой и энергичной натуры пошалить, поповесничать,—хоть бы немножко и слишком поповесничать, что за бесчестье?.. Дурно не то: дурно слишком рассудительно рассчитывать выгоды». Дурно, иными словами, скажем мы, относиться к естественному влечению натуры, здоровой натуры с точки зрения корыстных соображений, дурно извлекать выгоду из этого влечения, дурно, безнравственно превращать естественное и чистое влече-

¹ А. В. Луначарский. Русская литература. ГИХЛ, М., 1947, стр. 188, 168.

ние в товар. Вспомним «павшую Жюли» из «Что делать?»: «Не тем я развращена,—поворит Жюли Вере Павловне,—за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною... а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других...»

В человеке, самом по себе, в его натуре нет и не может быть ничего грязного, ничего позорного, презренного. Человек—вершина природы. И все естественные стремления и потребности его здоровы и прекрасны. А что может быть выше наслаждения любовью? Само по себе это наслаждение прекрасно, красиво, ослепительно и чисто, да—чисто, как рождение младенца, как его первая улыбка, как первый поцелуй влюбленных. И все, что следует за этим поцелуем (а если на этом поцелуе все и кончается, то это может быть пригодно для поэзии, но для жизни, действительно, вещь несколько болезненная, дикая и совсем не нормальная) — все, что идет дальше—так же чисто и естественно и человечно. Но все это—и улыбка младенца, и страсть и восторг любви могут быть опаскужены обществом, могут принять нечеловеческий, неестественный, вещный характер—могут стать товаром. И вот тогда людям понадобятся уже ложь и ханжество, лицемерие официальной морали: не для того, чтобы прикрыть свои естественные влечения—их не надо прикрывать, в них нет постыдного, юни—лучшее в человеке, а для того, чтобы прикрыть опошление этого лучшего, огрязнение этих естественно чистых стремлений и потребностей в счастье и радости.

Такова, в общем, точка зрения Чернышевского. В ней, конечно, многое от антропологического противопоставления «естественных влечений нормальной природы человека» «противоестественным условиям общества, «искажающим» эту природу и ее влечения. В самом выражении этой точки зрения у Чернышевского чувствуется могучее веяние его времени, времени революционного натиска и предчувствия грядущей бури, когда уже все существующее и устоявшееся берется под сомнение иногда только потому, что это—существующее и устоявшееся. (В воспоминаниях Короленко, Шаганова, Пыпина есть, например, свидетельства о занимавшей одно время Чернышевского идее произведения, в котором бы описывалась совместная интимная жизнь трех любящих людей, которые находят в подобной жизни свое счастье, но терпят всякого рода притеснения от властей. Идея «жизни втроем», как рационального способа разрешить «страдания ревности», встречается и в словах Рахметова, обращенных к Вере Павловне). Но в приведенной выше точке зрения многое, действительно, близко к подлинно марксистскому пониманию проблем любви и брака.

Чернышевский любил повторять, что человек всегда «целен в самых различных проявлениях своего характера», а потому, рассматривая то или иное отдельно взятое проявление его «натуры», мы, согласно этой точке зрения, по необходимости должны будем говорить и о его «натуре» в целом. С этой же точки зрения и такое яркое проявление «натуры», как любовь, любовные отношения людей и их отношения к вопросам любви оказывались весьма «существенным проявлением «натуры» данного человека или данного представителя какой-то общественной «породы» людей в целом.

Общественные отношения людей с точки зрения их непосредственно политического выражения не всегда в прошлом могли стать непосредственным объектом изучения или художественного отображения в искусстве. Отчасти это вызывалось цензурными обстоятельствами, отчасти же это происходило потому, что сами эти отношения, их подлинная сущность тщательнейшим образом маскировались разного рода официальными и бдительно охраняемыми доктринами. Следует также прибавить, что далеко не всегда общественные отношения выступали в завершенном виде междуклассовых отношений. Значительно чаще художник или исследователь мог непосредственно наблюдать их частные, отдельные, косвенные, сложно опосредованные индивидуальными особенностями людей проявления, весьма мирные и вполне обыденные по своим формам. Не случайно Маркс употребляет такое выражение, как «тайна» общественных отношений. И с этой точки зрения «тайна отношения между человеком и человеком находит свое *недвузначное, решительное, открытое, явное выражение в отношении между мужчиной и женщиной...* Отношение мужчины к женщине,—говорит Маркс,—*есть естественнейшее отношение человека к человеку, следовательно, в нем обнаруживается насколько естественное поведение человека стало человеческим...* В этом отношении обнаруживается также, насколько *потребность* человека стала *человеческой потребностью*, т. е. насколько *другой* человек стал для него, как человек, потребностью; в нем обнаруживается, насколько человек в своем индивидуальном бытии является в то же время общественным существом»¹.

И если в буржуазном, эксплуататорском обществе, по словам Маркса, «...на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств—чувство *обладания*», то коммунизм есть в этом смысле «возвращение к са-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 620—621.

мому себе», и «упразднение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств»¹.

И, конечно же, не «эмансипация плоти», а «эмансипация всех человеческих чувств и свойств» лежит в основе того эстетического и этического идеала, который вдохновлял художника при создании образа Левицкого.

Интересно в указанной связи отметить, что в статье, посвященной разбору стихотворений Н. П. Огарева, раскрывая общественный смысл творчества этого поэта-революционера, указывая на то, что в его произведениях воплощены лучшие чувства и думы лучших людей той эпохи, которая «проложила» и «очистила» дорогу для выступления нового поколения революционеров, Чернышевский опирается в своих рассуждениях главным образом на материал «чисто лирической», а не собственно «гражданской» поэзии Огарева. (Исключением может в этом смысле явиться лишь стихотворение «Друзьям», которое, однако, очевидно, по цензурным причинам, не получает в рецензии сколько-нибудь детального рассмотрения).

Характерен также и один из тех выводов, к которым приходит Чернышевский в результате своего анализа «личности автора в лирической поэзии» Огарева, как мы теперь сказали бы—лирического героя этой поэзии: «даже любовь,—замечает критик,—под которою чаще всего скрывается себялюбие, у него чиста от эгоистического оттенка...» (III, 564). Что может быть «прекраснее всего на свете», как не любовь человека!—говорит Чернышевский (II, 83). Но, если именно под любовью «чаще всего скрывается себялюбие», то только истинно человеческая любовь истинно прекрасна.

Не говоря уже о таком шедевре революционно-демократической критики, как известный и многожды анализирувавшийся нашими исследователями разбор Чернышевским тургеневской «Аси», в целом ряде других статей Чернышевского и Добролюбова развенчание «фальшивой идеализации» жизни в тех или иных произведениях искусства происходит именно на материале анализа «любовных отношений» героев.

Так, анализируя «любовные переживания» героя романа Евгении Тур «Три поры жизни»—некоего Валентина, «вялую и дрянную» фигуру которого писательница старается обрисовать «самыми поэтическими красками», Чернышевский говорит, что то впечатление, которое производят «любовные томления» героев этого произведения, «могла бы произвести разве картина жеманной влюбленности беззубого старика (так стар-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Госполитиздат, М., 1956, стр. 592, 588, 592.

чески вял и бессилён Валентин) и жеманно-стыдливой, нервной, плаксивой 45-летней девы, в бальном платье, с набеленными щеками и плечами...» (II, 228). Не случайно, что такого рода «любовь» возникает у человека, который «вырос под влиянием доброй, но слабой матери и,—что конечно, значительно более существенно,—сотни мамок и нянек; потому,—заключает Чернышевский,—остается жалким на всю жизнь» (II, 224).

Надо отметить, что этот вывод Чернышевского, неоднократно повторенный и в статьях Добролюбова, вытекает из того основного заключения, к которому подводили Чернышевского весь опыт его политической борьбы, вся картина общественной жизни тогдашней России: «Как развитием всех хороших своих качеств человек бывает обязан обществу, точно так и развитием всех своих дурных качеств» (IV, 640). Теоретическая отвлеченность антропологических абстракций довольно часто отступала на задний план под давлением непосредственных данных конкретного анализа произведений искусства. Вот почему было бы неверным видеть, скажем, в разборе Чернышевским тургеневской «Аси» своего рода политическую спекуляцию, а само обращение критика к данному произведению рассматривать, как более или менее удачно выбранный им предлог для публицистического выступления. Нет, и в этом случае Чернышевский вполне оставался критиком. А все дело заключалось как раз в том, что герой Тургенева и не был никаким «Ромео». «Любовь» этого человека оказалась подобием любви, а его стремление к «чистой и свежей, — по уверению художника,—красоте» — только привычной позой, рассчитанной на внешний эффект. И из этой субъективной черты героя критик сделал вполне определенный вывод относительно его объективной сущности—сущности его общественной «породы», его либерализма: «Он обманул нас, — говорит Чернышевский,—обманул автора. Да, поэт сделал слишком грубую ошибку, вообразив, что рассказывает нам о человеке порядочном. Этот человек дряннее отъявленного негодяя» (V, 1958)—Такому человеку нельзя довериться ни в большом, ни в малом: он обманет в любви и предаст в политике. Он един во всех проявлениях своей «натуры», потому что «чуждо ему все человеческое».

Так «тайна отношения между человеком и человеком», не прикрытая более безличной маской официального положения, находит свое «недвусмысленное выражение» в отношениях между мужчиной и женщиной...

«...В отношении к женщине, как к добыче и объекту, служащему для удовлетворения общественной похоти, выражена, — как говорил Маркс,—бесконечная деградация человека,

когда он существует сам для себя» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 620). Блестяще выразил эту мысль Добролюбов в статье о сочинениях некоего Николая Семенова—одного из бесчисленных в то время восхвалителей «дворянских доблестей» на ниве «любовных битв и утех».

Ясно, что герою этого бездарного писаки весьма далеко было даже до тургеневского «Ромео». И не только потому, что «поэтические потуги» его автора ни в малой мере не могли быть, конечно, сравнимаемы с чудесным талантом создателя «Аси» (определенная публицистическая заданность в подходе Чернышевского к этому замечательному произведению сказалась, может быть, именно в явно недостаточном его внимании к героине повести), но и потому, что действует этот герой весьма решительно и прямолинейно. В этом отношении он—прямая, можно сказать, противоположность тургеневскому «Ромео». Но вместе с тем герой Николая Семенова—скорее все-таки не карикатура на «нашего Ромео», а всего лишь своего рода «дружеский шарж».

Поскольку скандальное «rendez vous» этого «русского турка», по выражению Добролюбова, происходит в Париже, постольку и приговор «любовным достоинствам» этого «офранцузившегося ловеласа» Добролюбов произносит от имени «французенки», т. е., если перевести с подцензурного языка этот откровенно условный термин,—человека «действительно современного образа мыслей», считающего, в частности, что «женщина не собственность, а в настоящем смысле подруга мужчины»¹.

И вот что говорит эта «французенка» о поведении и чувствах некоторых «передовых» (вспомним, что «Ромео»—тоже, по иронической характеристике Чернышевского, «передовой») русских людей того времени: «Вероятно,—говорит она,—у вас есть люди, которые, ничего не делая, считают себя вправе пользоваться всем, чем другие, и даже больше? Это должно быть так, судя по вашим воззрениям на любовь». «Вы смотрите на женщину, как на вещь, которая должна принадлежать мужчине...»².

5

Чувство собственника разрушает в человеке все человеческое, оно «воссоздает» в нем дикаря, истинного «недочеловека», не способного ни любить, ни наслаждаться красотой, если только предмет его «любви» и красота не принадлежат ему, как вещь, как собственность его. Это—мертвое «чувство».

¹ См. Н. А. Добролюбов. Собр. соч., М., 1952, т. 3, стр. 619.

² См. там же, стр. 617, 618.

Левицкий совершенно свободен от всякого подобия «овеществления» своих чувств. Он человечен в любом своем «увлечении» и всегда искренен. И тогда, когда смотрит на какую-то Анюту сквозь призму своих иллюзорных намерений «в корне реформировать» ее душу, и когда, отбросив всяческие иллюзии, пускается в «рискованный» роман с какой-нибудь Настенькой, «по простодушию задирающей ножки выше, нежели одобряется обществом» и тем исчерпывающей едва ли не все свои достоинства, и тогда, наконец, когда серьезно и, действительно, дружески заинтересовывается судьбой Мери—женщины незаурядной, но целиком обратившей всю свою человеческую силу, страсть и красоту на стремление к «кружевам и экипажам»...

Не случайно, конечно, что все «романы» Левицкого цепь разочарований. Он разочаровывается именно потому, что ищет в своих подругах не только «физических достоинств»—это во всякое время не редкость для здорового вкуса. Но ведь человек с истинно «здоровым» вкусом не может отвлечься, если бы и хотел (по крайней мере на долгое время) от стремления найти в своей любовнице любимую, найти в ней товарища и друга, иначе и физическая близость не даст ему глубокого и стойкого удовлетворения: человеческая плоть—одухотворенная плоть, в этом ее подлинная красота. «Можно ли любить женщину,—спрашивает Левицкий,—которая пассивно позволяет любовнику ласкаться, а сама думает в это время, какое платье шить себе: атласе или баржевое? Можно. Но долго ли можно?—Смотря по тому, каков сам тот, кто любит...» (XIII, 251). Отсюда в одно и то же время и искренность и относительная мимолетность «увлечений» Левицкого: ведь он молод и не скажешь же себе—подожду, мол, идеала. Чувства обманывают разум, и страсть молодости придает блеск мимолетному «увлечению».

Действительно, кое-что в речах Левицкого разительно иной раз напоминает базаровскую браваду морального нигилизма: «я не любитель трудных побед,—говорит он Зинаиде Никаноровне—сентиментальной и жеманичающей даме, любовнице Илатонцева,—и хлопотливых интимностей. Если хотите, это—цинизм: стыжусь, но держусь правила: не употреблять на волокитство более пяти минут,—на шестой, если еще не обнят, говорю: «Она может быть очень хороша, но не в моем вкусе». Для меня нет ничего противнее мысли об отношениях, в которых все объяснения не ограничивались бы словами: «Иди сюда».—«Теперь можешь уйти, больше не нужна мне». Это не галантерейно, зато очень удобно» (XIII, 286).

Но все дело в том, кому говорит это Левицкий. Он говорит все это женщине, которой вообще нечего говорить о люб-

ви, о страсти, об увлечении красотой. Да, Зинаида Никаноровна любила Виктора Львовича Илатонцева (к характеристике этого лющенного аристократа и вольтерьянца следует отнести тот факт, что и он не обошелся без ее услуг).

«Как она любила его! Чем она пожертвовала для него! — Я,—говорит Левицкий,—не без интереса узнал, что, кроме всего, чем женщины обыкновенно жертвуют для любимого человека, она пожертвовала для Виктора Львовича губернским преподавателем,—вот это, точно очень редкое доказательство любви: многие ли жены мелкопоместных дворян могут похвалиться, что бросали губернских предводителей для других, еще более возвышенных привязанностей? Мне следовало бы плакать от умиления с разинутым ртом от удивления, тем больше следовало, что губернский предводитель был очень благороден: в два года он прикупил к ее родным тридцати душам еще пятьдесят в этой же деревне и еще соседнюю деревню в семьдесят с лишком душ,—и она вполне убеждена, что через год, много через полтора он купил бы ей еще Енотаевку,—она уговорила владельца, оставалось только действовать на губернского предводителя; а в Енотаевке больше полутора ста душ, — и сколько лугов! Восемьсот шестьдесят десятин превосходных лугов! В здешних местах это клад, это золотой рудник...

Действительно, она принесла Виктору Львовичу очень большую жертву...» (XIII, 283—284). Да и то еще надо учесть, что сильно при этом рисковала: кто знает наперед, более ли выгодная партия Виктор Львович, а с губернским-то предводителем дело было верное, проверенное... Да, есть и такие, много таких: «Противная тварь, неспособная находить наслаждение в том, что заставляет даже животных забывать о пище,—тебе енотаевские луга милее потребностей твоей человеческой природы; в тебе и нервные конвульсии возбуждаются только подлым угодничеством,—корова и овца не унижаются до того, чтобы впадать в них по раболепству» (XIII, 285). Так как же можно с таким существом говорить о любви? Это было бы прямым святотатством. И Левицкий разговаривает с этой дамой в особом ключе, который раскрывает и условный «нигилизм» его морального кредо: «Даю вам честное слово, Зинаида Никаноровна, что не считаю вас женщиною, которая увлекалась бы чувственностью. Физическое наслаждение любовью не в вашем темпераменте,—и скажу более: ничтожно для вас сравнительно с другими,—высшими, — побуждениями привязываться к человеку» (XIII, 284).

История Мери—трагическая история. Характер героини—трагический характер. С детства в ней было воспитано такое

представление о счастье, которое неразрывно соединялось с представлением о богатстве. Личное счастье—счастье только тогда, когда оно средство к богатству,—говорили ей. «Во всем этом еще не было ровно ничего своего,—не только от своего сердца, даже из своей головы. Все это были чужие мысли, чужие стремления, вбитые в голову Мери разговорами и вздохами нравственных людей...» (XIII, 344):

Пришла пора, «голова разгорелась» и сердце стало трепетать, и его трепет был так приятен...» И естественное чувство здоровой натуры пришло в неизбежный и неразрешимый конфликт со всем тем, что было вдолблено в голову девушки: «Девушка обольстилась кружевными платьями, а теперь становились привлекательны ей самые сцены. Милее, нежели о брильянтах, стало мечтать ей о самом любовнике. Прижаться грудью к его груди—какое, должно быть, это наслаждение, когда и от мыслей так приятно бьется сердце! О, какое это будет блаженство обнимать его!..» (XIII, 344). «Влюбившись, позабыла думать о бронзе и экипажах. Но любовник был выбран по моим прежним,—исповедуете Мери Левицкому,—надобностям, по бездушным ребяческим мыслям о кружевах и брильянтах. Он был очень богатый человек. И я говорю вам, совершенно честный. Вот почему и отверг мою любовь» (XIII, 353).

И вот вывод, к которому в результате всех своих терзаний приходит героиня: «Искренне любить—это плохо...» (XIII, 354): А она любила искренне, но потом взяла себя в руки, переломила себя. И это ей удалось, но на это ушло слишком много сил. Силы еще остались, только вот «сердце состарилось» (XIII, 355). Но остались не только силы, осталось еще и понимание своего несчастья, своей непоправимой беды. Это ставит Мери несоизмеримо выше всяких Анют, Настенок и Зинаид Никаноровен. И поэтому Левицкий с ней прост, искренен, грустен и в его обращении с ней нет и тени нигилистической бравады: она была бы здесь так же неуместна, как искренность и теплота в обращении с Зинаидой Никаноровной. И может быть впервые в восприятии Левицким внешне-го облика этой женщины соединяются, пусть еще не без доли наивного рационализма, черты человечески обаятельной красоты: «Она блондинка с золотистыми волосами. У нее продолговатое лицо. Оно несколько худощаво. Но на щеках довольно густой румянец; а бюст ее безукоризненно хорош... Но что за прелесть превосходно развитый лоб! Сколько ума в светло-карих глазах!» (XIII, 254—255).

Все, что видит Левицкий вокруг, приводит его к одной и той же мысли: «Плохо дело наследственных принципов морали, как дошло до вопроса: да так ли на самом деле?—Лишь взду-

мал взглянуть, с первого взгляда видишь: не так. Эта мораль—нескладница и ложь» (XIII, 339). Люди считают почему-то постыдным восхищаться женской грудью или «станом», считают постыдным искать в любви наслаждения телом того, кого любишь, но не считают постыдным покупать и эту грудь и этот «стан» и это наслаждение так, как покупают они любую вещь. Левицкому нечего стыдиться и нечего скрывать в своих чувствах: его наслаждение чисто, его чувство человечески, естественно. И потому образ Левицкого—вызов официальной морали, вызов всему тому ханжеству и лицемерию, которое накапливалось человечеством тысячелетиями для того, чтобы засвидетельствовать перед последующими поколениями ту безмерную нравственную деградацию его, которая на протяжении тысячелетий оказывалась неотделима от его исторического прогресса.

Ханжество — это предательская язва на припудренном и подурмяненном личике официально благопристойной морали. Картина, изображающая обнаженную женщину, покажется постыдной только тому, кто не может взглянуть на нее без слюноотечения. Прязь лежит в основе того эстетического идеала, согласно которому естественное чувство человека греховно, а женская грудь—порнография. Ханжество официальной морали—всегда симптом и свидетельство надругательства над человеческим чувством, над человеком, над красотой и свободой его. И вот почему моральный «нигилизм» и базаровщина Левицкого—прямой отблеск того ослепительного идеала человеческой любви, который грезился еще Вере Павловне в образе Светлой Красавицы: «До меня не знали полного наслаждения чувства, потому что без свободного влечения обоих любящих ни один из них не имеет светлого упоения. До меня не знали полного наслаждения созерцанием красоты, потому что, если красота открывается не по свободному влечению, нет светлого упоения ее созерцанием. Без свободного влечения и наслаждение, и восхищение мрачны перед тем, каковы они во мне». (XI, 276).

«Эмансипация чувств и свойств» свободного человека или человека, борющегося за свободу, продемонстрированная Чернышевским в «Дневнике Левицкого»—отнюдь не неожиданность в творчестве этого замечательного писателя, несмотря на всю очевидную несхожесть в данном отношении героя этого произведения с героями более ранних его вещей. Идея подобной «эмансипации» и осознание ее закономерности для данного характера тесно связана со всей системой политических, этических и эстетических воззрений великого мыслителя и в известном смысле отражают определенную эволюцию этих воззрений в сторону их большей жизненности.

глубины и, если угодно, человечности, т. е. истинности. С такой точки зрения «Дневник Левицкого», несмотря на недостаточность содержащегося в нем в силу его незавершенности материала для более или менее окончательных выводов, представляет возможность указать на несомненный новый шаг вперед в творчестве Чернышевского-писателя в осознании им гармоничности развития человека, утверждающего свою действительную человеческую сущность в своей действительной борьбе за свободу и «равноправность» людей, за свободу и равноправность русских «простолудинов»¹.

6

В «Дневнике Левицкого» Чернышевский, действительно, очень близко подошел к пониманию того, что Ленин называл «объективной логикой классовых отношений в делах любви»². Но именно подошел. Не более. Иного, впрочем, и странно было бы ждать. И та «философия любви», которую проповедует художник в данном своем произведении, несет в себе все черты силы и ограниченности революционно-демократической идеологии вообще. Эта «философия» (как и эта идеология), естественно, не может быть нами принята целиком, безоговорочно, как некий этический эталон.

Общая конкретно-историческая ограниченность революционно-демократической позиции, своеобразно преломленная тут в антропологически-схематичном истолковании «натуры» человека, в противопоставлении в ней «здорового» и «естественного» — «нездоровому» и «искусственному», — эта объективно обусловленная ограниченность наложила свою печать и на этическую теорию Чернышевского, ярко отразилась в таком его произведении, как «Дневник Левицкого». И если с основанием можно сказать о том, что Левицкий во многом «чело-

¹ Может быть, интересно в этой связи, как трансформируются в новых условиях, на новой идейно-политической и философской основе некоторые этические принципы Чернышевского. Так, опираясь на нормы теории «разумного эгоизма», Луначарский в 1906 году пишет следующее: «Человек должно (это — нельзя, а это — можно) — это мещанин, он человек обычаев, приличий, угрызений совести и прочих этических прелестей. Буржуа по существу своему этичен, то есть главная масса буржуазии — мещанство; и то, что мещанин всегда, когда это можно, нарушает свою мораль вполне этично, ибо этика, как и Христос, существует в мире для грешных, а не для праведных. Сознательный пролетарий — человек безусловной свободы, для него нет ничего должного. Если он поступает определенным образом, то не потому, что он должен так поступить, а потому, что он *хочет* так поступить, потому что находит это целесообразным». (См. «Вестник жизни», № 6, 1906, стр. 18—19). Автор приведенных строк не считает излишним заметить после сказанного, что в данном случае он «стоит целиком на точке зрения большевиков» (См. там же, стр. 22).

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 138.

вечнее», свободнее Рахметова, если угодно: «естественнее» Рахметова с его ригоризмом и каким-то этическим спартапством, то, в свою очередь, и Левицкий не несет нам убедительного решения той проблемы, которую Рахметов счел за благо просто отбросить или, по крайней мере, отложить до какого-то неопределенно отдаленного времени.

Всегда, когда речь заходит об этической программе, этической теории Чернышевского или о революционно-демократической философии вообще, никак нельзя забывать о том, что принципиальным образом отделяет эту программу и теорию и эту философию от марксизма, от последовательно научного взгляда на проблемы общественной жизни.

«Основное нововведение, внесенное философией практики (то есть марксистской философией—А. Л.) в политическую и историческую науку,—писал Антонио Грамши,—сводится к доказательству того, что не существует абстрактной «человеческой природы», постоянной и неизменной (источками противоположной концепции является, конечно, религиозное мышление и идеи трансцендентализма), к утверждению того, что человеческая природа представляет собой совокупность исторически определенных социальных отношений, то есть является историческим фактом...»¹.

Действительно, раскрыв несостоятельность идеалистических и вульгарно-материалистических представлений о «человеческой природе» как некоей абстрактной извечно существующей сущности, и Маркс и Энгельс старались затем не упускать ни одного подходящего случая, чтобы не отметить еще и еще раз всю абсурдность и весь комизм подобного подхода к человеку. (Как увидим далее, такое внимание их к данному вопросу было продиктовано не только их философской позицией, но и их политической программой и взглядами).

Вспомним хотя бы в этой связи то место в черновике письма Энгельса Паулю Эрнсту, где он, обращаясь к проблематике статьи австрийского писателя Г. Бара «Эпигоны марксизма», высмеивает абстрактно-биологическую трактовку последним так называемого «женского вопроса» как извечной «проблемы пола». «Возвращаясь снова к тому, с чего я начал, т. е. к г. Бару,—пишет Энгельс,—я должен сказать, что меня удивляет, до чего в Германии люди ужасно торжественно относятся друг к другу. Остроумие и юмор, по-видимому, запрещены более строго, чем когда бы то ни было, скука сделалась гражданским долгом. Иначе Вы, несомненно, несколько внимательнее рассмотрев «Женщину» г. Бара, увидели бы,

¹ А. Грамши. Соч., т. 3, стр. 118.

что она лишена всех «исторически развившихся» черт... Что же остается, если отнять у нее... все исторически сложившееся? Перед нами предстанет женщина как таковая? Просто-напросто *anthroporhithesa* (самка обезьяночеловека—А. Л.); пусть г. Бар берет ее—«легко осязаемую и прозрачную»—к себе в постель вместе с ее «естественными инстинктами»¹.

Шутливо-саркастическая интонация Энгельса вызвана здесь не предметом обсуждения, а претенциозностью формы у Бара. Что же касается самой проблемы, то она представлялась основоположникам марксизма достаточно серьезной. И, может быть, прежде всего с точки зрения политических интересов освободительного движения, перспектив этого движения.

Позиция, которую занимали в этом случае Маркс и Энгельс, в корне отлична от позиции Чернышевского.

Нельзя сказать, что Чернышевский в отличие от Маркса и Энгельса не связывал проблемы «эмансипации всех человеческих чувств и свойств» с задачей коренного революционно-преобразования общества. Связывал. И только в этой связи и видел смысл самой постановки проблемы эмансипации личности. Но, поскольку Чернышевский стоял на позициях метафизического антропологизма, постольку эмансипацию личности он представлял как *высвобождение* в процессе революционного переустройства общества всех «здоровых» свойств, «естественно» *присущих* «человеческой натуре». Поскольку же Маркс и Энгельс стояли на позициях исторического материализма, постольку эмансипация человеческих чувств и свойств понималась ими прежде всего и именно как задача революционного воспитания этих чувств и свойств человека и человечества. Этика Чернышевского предполагала эмансипацию современника со всем тем в нем, что уже воспитало в нем общество и внедрила история (отсюда, кстати сказать, и не лишнее некоторой сентиментальности упование Чернышевского на то, что все люди в основе своей—люди «добрые», только «обстоятельства» вынуждают их не проявлять этой доброты). Маркс и Энгельс имели в виду рождение *нового человека*. Таким образом, если для Чернышевского эмансипация личности в известном смысле являлась предпосылкой построения нового общества, то для основоположников марксизма построение нового общества являлось единственной исторической возможностью прядущей подлинной «эмансипации» человечества.

«В пределах коммунистического общества,—читаем мы в «Немецкой идеологии»,—единственного общества, где само-бытное и свободное развитие индивидов перестает быть фра-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 222.

вой,—это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимости солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил. Дело идет здесь, следовательно, об индивидах на определенной исторической ступени развития, а отнюдь не о любых случайных индивидах, не говоря уже о неизбежной коммунистической революции, которая сама есть общее условие их свободного развития. Сознание своих возможностей также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *dévoûement*, ни эгоизмом»¹. Как писал Маркс в «Капитале», лишь «по ту сторону» царства необходимости «начнется развитие человеческой силы, которая является самоцелью»².

Таким образом, Чернышевский, говоря об эмансипации человека в процессе революционизации человечества, имел в виду врожденную способность. Но «врожденная способность» в этом смысле, как и сама «здоровая, естественная» натура—псевдоним конкретно-исторических черт данного общественного характера. Отсюда у Чернышевского (в том числе и у Чернышевского-художника)—элемент слишком «добродушного», некритического (а у Чернышевского-художника необъективного) отношения ко всем способностям, всем свойствам и чувствам современного человека. Эти чувства и свойства, согласно Чернышевскому, обретают этически положительное содержание *уже в силу одного того*, что могут проявляться *свободно*. Истинное же, исторически конкретное их содержание при этом отступает на второй план (если вообще принимается в расчет). Оно оказывается, таким образом, этически нейтральным, ибо оно «врождено». Но достаточно поставить всю эту проблему конкретно-исторически и неубедительность подобного ее решения делается совершенно очевидной. Вспомним очень скептическую и вполне трезвую оценку самим Чернышевским не только политического, но и морального, нравственного облика современного ему российского общества: сверху до низу—все рабы. Эмансипируйте обывателя—и вы получите нечто чудовищное.

Маркс и Энгельс «допускают» лишь возможность исторического развития истинно человеческих чувств и свойств. «Лишь тогда,—пишет Маркс,—когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 3, стр. 441.

² К. Маркс. Капитал. М., 1950, т. 111, стр. 833.

эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом* лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация»¹. Согласно Марксу и Энгельсу «эмансипация» человеческих чувств и свойств— есть «не более», как развитие «известной индивидуальной производительной силы»², есть *воспитание* «способности наслаждаться»³. В известном смыс-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 1, стр. 406.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1957, т. 1, стр. 263.

³ См. там же. В этой связи следует вспомнить интересные рассуждения А. В. Луначарского о соотношении биологического и социального моментов в процессе исторического становления человечества. «Я хотел бы, — говорит Луначарский, — выдвинуть два (по-моему, вряд ли могущих быть оспоренными) закона: один закон биологический, другой закон социологический. Мы имеем приблизительное, а может быть даже полное равенство дарований в каждом поколении. Нет решительно никакой причины, по которой мы могли бы сказать: одно поколение от природы даровито, а другое поколение не даровито. Можно, конечно, сказать (пока гипотетически, потом можно будет проверить это в научном порядке; — тема для работы большого коллектива), что бывают в общем талантливые эпохи и эпохи бездарные. Но талантливая эпоха — это та, в которой человек находит себе пути, а бездарная — это такая, в которую человек этих путей себе не находит. В каждое время количество материала человеческого, в смысле даровитости, одинаково. Именно это позволило Марксу утверждать, что в нужное время всегда найдется нужный человек. Это может быть не так в отдельных случаях. Коммуне нужен был вождь, а Бланки сидел в тюрьме,— значит нужный человек иногда как будто бы не находится на месте. Но не может быть, чтобы какое-нибудь историческое событие широкого социального, фундаментального характера изменилось потому, что данное поколение было бездарным. Если бы это было так, то пришлось бы сказать: самая биологическая ткань истории, — т. е. люди, — изменяющаяся постоянно в каждую эпоху имеет какой-то таинственный узор, и уже поверх этого узора налагается социальными обстоятельствами другой узор, который мы называем историей. Это было бы громадным ударом по всему марксизму, который принудил бы нас стать эклектиками и говорить: историческое развитие определяют, с одной стороны, биологические причины, а с другой стороны — социальные. Мы с этим не можем согласиться. Мы, напротив, утверждаем, что биологическая материя человеческой истории, ряд биологический, анатомио-физиологический, равен себе во всяком поколении. А что из этого выходит всякий раз нечто другое, что на этой одинаковой ткани всякий раз бывает другой узор — это целиком зависит от социальных условий, только от них» («Вестник Коммунистической Академии», кн. 37—38, 1930, стр. 49—50). Итак, если, по Чернышевскому, врожденные свойства человеческой природы априорно «хороши», то, по Луначарскому, именно биологическая подоснова человеческого характера абсолютно нейтральна, исторически безразлична. Луначарский любил говорить, что человечество—вся масса людей, живущих, живших и тех, что будут жить после нас — гигантская клавиатура, содержащая в себе «все октавы и все тона». История — пианист. Иногда история, вяло и несмело перебирая лишь часть клавишей, вызывает к жизни только ка-

ле можно сказать, что, оставаясь на позициях антропологического понимания «натуры» человека, Чернышевский представлял всемирно-историческую задачу всего человечества, как социально-бытовую проблему. Но Чернышевский был тысячу раз прав, чувствуя, что для революционного преобразования общества необходимо наличие морально обновленных людей, сбросивших с себя хлам официальной морали и житейских предрассудков. Он был прав, ибо «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹. Чернышевский был тысячу раз прав, увидя именно в революционере истинного ниспровергателя отжившей морали. Он несомненно чувствовал, что «внедрение новой морали влечет за собой целую философскую реформу»².

Левицкий—*весь* в полемике с официальной моралью и неофициальными предрассудками тогдашнего общества. В этом его сила. Но в этом же и его ограниченность и слабость.

Иное, конечно, дело, что художественное произведение, каким является «Дневник Левицкого», ни в коем случае нельзя расценивать с позиции тех запросов, какие могут быть предъявлены к публицистическому выступлению или теоретическому трактату. Вспомним в этой связи известное письмо Ленина Инессе Арманд. «Если брат,—писал он,—тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи,—эту тему надо разрабатывать в романе (ибо тут весь *гвоздь* в *индивидуальной* обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных* типов)»³. В известном смысле можно сказать, что «Дневник Левицкого» разрабатывает именно такую тему—«казус». И во всем, что касается этого «казуса»—индивидуального случая—материал, представлен-

кие-то очень бедные созвучия, тотчас же угасающие в сонных полутонах. Так проходят «бездарные» эпохи обывательского смирения перед сущим. Но когда гениальный музыкант в неудержимом порыве, в творческом экстазе революционного вдохновения заставляет напряженно вибрировать все струны чудесного инструмента, тогда мощные и яркие аккорды потрясают мир, далеко во времени разнося гордые и дерзкие звуки гнева и ликования. Так рождаются «эпохи гениев». «Поведение» истории определяет народ...».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. второе, т. 3, стр. 70.

² Антонио Грамши. Соч., т. 3, стр. 59.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 141.

ный Чернышевским-художником, ценен, значителен и исключительно важен для правильной характеристики революционно-демократической идеологии в целом, ее эволюции и, конечно, прежде всего—для характеристики того типа, того общественного характера, который связывается писателем с образом Левицкого.

Что же касается самих *принципов* той «философской любви», которые утверждаются Чернышевским в произведении, то мы, вне всякого сомнения, должны принять очень многое и из них. Прежде всего нас не может не привлечь та, почти ренессансная мощь и широта, с которой Чернышевский провозглашает свой лозунг «эмансипации чувств» свободного человека. Это нам, конечно, очень близко, и именно этот мотив произведения, как мы постарались выше показать, тесно связан с революционной направленностью всего творчества нашего великого предшественника. Но в то же время мы не должны забывать и об определенной ограниченности всего миросозерцания героев Чернышевского. И в этой связи следует еще раз вспомнить о том, что писал Ленин Арманд по поводу теории так называемой «свободной любви».

«Даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете: говорит Ленин, обращаясь к Арманд. — Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы: поцелуи с *любовью*? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не *любовь*?)—выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры,—подчеркивает Ленин,—не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский... пошлый и грязный брак без любви—пролетарскому гражданскому браку с *любовью* (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая). У Вас вышло противопоставление не классовых *типов*, а что-то вроде «казуса», который возможен, конечно. Но разве в казусах дело?»¹ И далее Ленин пишет о той принципиальной разнице, которая открывается при сравнении теоретически-публицистического истолкования данного вопроса с художественной его интерпретацией, скажем, в романе. Но разница эта, конечно, заключена отнюдь не в том, что художественное произведение берет какой-либо частный случай, какой-либо личный «казус» как таковой, не обобщая

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 140—141.

его, не ведя своего читателя ни к каким принципиальным выводам. Разница тут, очевидно, заключается в том, что, если в художественном произведении сама «индивидуальная обстановка», «характеры и психика данных типов» призваны объективно обосновать меру действительного правдоподобия и закономерности «казуса» (то есть соответствие этого «казуса» самой сущности изображаемого характера), то в теоретическом или публицистическом выступлении «казус» толкуется как норма, не требующая уже специального, психологически-личного оправдания и обоснования¹.

Можем ли мы теперь сказать, что та «философия любви», которую столь рьяно исповедует Левицкий у Чернышевского, не свойственна внутренне существу его характера, облику этого героя, его общему отношению к жизни, людям? Нет, конечно же; этого сказать будет никак нельзя. Фигура Левицкого в целом очень крепко спаяна и в общем своем облике вполне реалистически убедительна.

¹ Остается, конечно, лишь сожалеть о том, что в позднейшей и современной марксистской специальной литературе этические проблемы, в частности, и проблема пола не получили убедительного и развернутого освещения, хотя работы классиков марксизма представляют для того необходимую основу. Исключением тут являются, пожалуй, лишь некоторые исследования крупнейшего итальянского философа-ленинца Антонио Грамши (См. «Тюремные тетради», раздел третий: «Проблемы истории и политики», 11—«Американизм и фордизм», «Некоторые аспекты полового вопроса», «Животная природа» и индивидуализм). Несомненно, указанные разделы в трудах Грамши должны стать предметом специального подробного рассмотрения (равно, как, естественно, и все творческое наследие Грамши в целом). Однако уяснение общей концепции философа в данном случае не представляет какой-либо исключительной трудности. Грамши отмечает, что «половые инстинкты—это инстинкты, которые претерпели и наибольшее давление со стороны развивающегося общества, их «регламентирование» представляется самым что ни на есть «противоестественным» делом ввиду противоречий, которые оно порождает, и извращений, которые ему приписываются; отсюда,—заключает Грамши,—и призывы к «природе», которые нигде не раздаются так часто, как в этой области» (Т. 3, стр. 431). Указав далее на ту очень прочную связь, которая (в лицемерно маскируемом буржуазным обществом виде) существует между развитием производства и официально утверждаемой моралью, и разоблачая в этой связи проповедь всякого рода «пуританства», Грамши затем переходит к обсуждению и тех этических задач, которые встают перед человеком в обществе, освобожденном от эксплуатации и классового антагонизма. И тут он в совершенном согласии с ленинской точкой зрения, очень сурово отзываясь о попытках какой бы то ни было «проповеди распущенности, распространяемой классами, тесно не связанными с производительным трудом». Опасность, по мнению Грамши, заключается в том, что «может сложиться ситуация «с двойным дном», возникнуть внутренний конфликт между «устной» идеологией, признающей новые требования, и реальной «животной» практикой, которая препятствует чисто физическому приобретению новых навыков. Ситуацию, которая создается в этом случае, — замечает Грамши,—можно назвать ситуацией всеобщего социального лицемерия» (См. там же, стр. 436).

Можем ли мы, далее, не согласиться с тем, что эта фигура, действительно, в своем роде «казус», исключение в ряду огромной массы представителей норм той ходячей морали, которая и была наиболее характерна для данного времени? И это мы, естественно, не можем не увидеть.

Но мы обязаны вместе со всем тем попытаться понять и природу, именно социальную природу самой подобной исключительности Левицкого, должны попытаться увидеть реальную основу объективной закономерности продемонстрированного художником «казуса». И тут мы отметим сразу же то, что с нашей теперешней точки зрения составит «силу» (страстный, до дерзости страстный вызов всей официальной, традиционной в условиях эксплуататорского общества ханжеской морали) и «слабость» (в позитивном решении «проблемы любви») героя Чернышевского. Вспомним, опять-таки, что, действительно, вся цепь «любовных походов» Левицкого — цепь разочарований и неудач. Мы отметим, таким образом, определенную и очень *глубокую противоречивость* этического кредо Левицкого.

Да, мораль героев Чернышевского противоречива. И эта противоречивость заключает в себе огромный социально-исторический смысл. Мы видим, что Чернышевский-художник очень серьезно и в то же время очень круто, почти дерзко поставил вопрос, который в силах были бы решить лишь некоторые последующие поколения. Лишь социалистическое общество создает те реальные предпосылки, которые коммунистическая действительность раскроет как подлинную возможность истинной эмансипации всех человеческих чувств и свойств.

Б. И. ЛАЗЕРСОН

ПАРАБОЛА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Парабола занимает значительное место в системе иносказаний публицистики Чернышевского¹.

Парабола или притча — дидактическое повествование аллегорического характера, сводящееся к развернутому сравнению. Она передает абстрактное понятие в виде конкретного индивидуального случая. Являясь вместе с тем обобщением в своем аллегорическом повествовании, парабола может быть применима к другим аналогичным случаям, и потому она так же, как аллегория—иносказание, которое могло быть использовано как средство конспиративного высказывания.

Имея в виду именно параболу, Чернышевский единственный раз назвал свой эзоповский способ объяснения *иносказательным*².

Параболическая манера повествования была вообще свойственна Чернышевскому. Он сам признавался в этом: «У меня страсть к примерам... иногда пристрастие к ним делает

¹ А. Ф. Ефремов. Язык Н. Г. Чернышевского. Ученые записки Саратов. гос. пединститута, вып. XIV, Кафедра русского языка, 1951, стр. 12; А. Ф. Ефремов. Приемы эзоповской речи в произведениях Н. Г. Чернышевского. Ученые записки Саратов. гос. пединститута, вып. XVII. Кафедра русской и зарубежной литературы. Кафедра русского языка, 1955, стр. 299—300; Г. А. Шелюто. Пропаганда революции в иносказаниях публицистики Н. Г. Чернышевского. Известия Воронежского госпединститута, т. XX, 1956, стр. 40—48; Б. И. Лазерсон. Ирония в публицистике Н. Г. Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», Саратов, 1958, стр. 281—282.

² Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», Саратов, 1958, стр. 275.

мои статьи растянутыми...»¹ Это объяснялось не только тем, что для него парабола являлась средством популяризации сложных идей и отвлеченных мыслей для широкого круга читателя, но и в особенности тем, что она была очень удобна для проведения через цензуру опасных, противоправительственных идей.

подавляющее большинство созданных Чернышевским парабол использовано им именно в целях подцензурного выражения революционных воззрений.

Будучи с первого взгляда самостоятельным повествованием, вводным в общее изложение и формально с ним не связанным, парабола растягивала изложение, делала его многословным, неровным, прерванным многочисленными отступлениями. Однако, это многословие было вынужденным, а неровность была лишь внешней, кажущейся, так как скрытый смысл параболических отклонений не только органически связывался с общим содержанием, но и являлся наиболее ответственным в нем. Главная мысль, которую Чернышевский хотел выразить иносказательно, находила себе развитие и до конца высказывалась именно в параболе, хотя в самом общем виде была заявлена и вне ее, в контексте, формально отличным от вводного аллегорического эпизода.

Чернышевский стремился глубоко завуалировать истинную целенаправленность такого способа изложения. Имея в виду основное свойство этого иносказания, его внешнюю несвязность со всем повествованием, Чернышевский часто сопровождал парабола ироническими комментариями, в которых определял эту несвязность как свойственную ему манеру изложения. Так в статье «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) он говорил о своем желании «как можно дальше уклоняться от настоящего предмета речи, чтобы наговорить как можно больше не идущего к делу...» (VII, 247). Там же Чернышевский называет свои параболические отступления «не идущими к делу рассуждениями», несвязными частями рассуждения (VII, 246).

Парабола была удобным «обманным» средством потому, что в иносказательной форме несла в себе запретное содержание, а сам характер параболического изложения уводил цензора от основной нити повествования, рассеивал его бдительное внимание, запутывал его и вводил в заблуждение. Об этой особенности изложения Чернышевского и вместе с тем об эффективности его указывалось в составленной во время процес-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., ГИХЛ, М., 1940—1953, т. VII, стр. 767. В дальнейшем ссылки на это издание (с указанием тома и страницы) приводятся непосредственно в тексте.

са Чернышевского «Записке» о его литературной деятельности: «В главную цепь суждений и умозаключений он вставляет обыкновенно слова и фразы из обыденной жизни, из сведений пошлых, впрочем, несколько идущих к делу, и вслед затем опять продолжает главную свою мысль и опять прерывает подобною болтовнею и пошлыми речами... У него должно читать буквально между строками, отделенными одна от другой пустою болтовней. Это его главный, преобладающий тон. Колорит резкий стерт с мысли перерывами, очевидно, нелепыми... и послушная фаланга читателей поневоле вчитывается, размышляет, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль»¹.

Цензор большей частью не давал себе труда вникать в тайный смысл параболических отступлений Чернышевского и не связывал их с содержанием всей статьи. Он читал статью формально: его интересовал только первый ее смысл, основная нить повествования, которая многократно перебивалась «перерывами очевидно нелепыми», не учитываемыми цензором именно по «пошлости» и «нелепости» своего первого, явного смысла. Тем самым Чернышевский во многих случаях достигал цели, которую преследовал, вводя параболы в текст. Статья, насыщенная горячим революционным содержанием, проходила через цензуру и появлялась в печати. Другое дело, что после времени, уже сделавшись достоянием читателя, она иногда подвергалась нареканию и официальной и неофициальной цензуры.

Признавая за собой склонность к многократному использованию парабол, Чернышевский вместе с тем подчеркивал вынужденность его. Известно, что этот прием иносказания Чернышевский иронически назвал «любимым» (V, 360). В действительности же, в течение многих лет публицистической деятельности, испытывая на себе постоянный цензурный гнет, ощущая сильную потребность говорить во весь голос, минуя всякие, даже «излюбленные» двусмысленные формы выражения (в частности параболы), Чернышевский с горечью писал о том, что русские писатели «не должны ограничиваться теми жалкими безыменными анекдотами и повествовательными выдумками, которые до сих пор составляли нашу жалкую гласность» (V, 766).

Материалом для парабол Чернышевскому служили различные бытовые явления, явления из мира природы, животных и т. п.—то, что он сам называл примерами «из нашей обыденной жизни» (VII, 888). Другим источником, откуда Чернышев-

¹ Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Сароблгиз, 1939, стр. 264.

ский черпал сюжеты для своих вставных эпизодов, были исторические события России и других стран.

Рассмотрим сначала параболы, построенные на материале «обыденной жизни».

Такие параболы придавали публицистическому повествованию образную, конкретную форму, которая делала сложное содержание доступным широкому читателю.

Чернышевский по-разному связывал параболу с окружающим ее текстом. От того, какой характер носили замечания Чернышевского, предваряющие или заключающие вводные параболические повествования, зависела большая или меньшая степень вуалировки его мысли, содержащейся в этих эпизодах. Используя для конспирации параболу и в 1857 и в 1858 году, и в более поздние годы, Чернышевский усугублял свое иносказание с помощью специальных иронических комментариев именно в годы революционной ситуации.

Более открытым для восприятия иносказанием являлась та параболы, которая сопровождалась кратким выводом, логически следующим из ее смысла. Но этот вывод или тезис, в котором осторожно в абстрактной форме выражена идея, зашифрованная в параболе, носил уже не переносный, а прямой характер.

В обоих случаях, которые мы приводим в качестве примера использования Чернышевским параболы в статье о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина (1857 г.), она имела своей целью довести до читателя мысль Чернышевского о том, что преступные действия отдельных чиновников или купцов, ставшие привычкой, вызываются общими условиями издавна установившейся жизни. Либеральные обличения отдельных лиц и их поступков делу не помогут, необходимо изменить сами условия жизни.

В первом из этих случаев параболы предваряется отвлеченным тезисом, основанном на выводах автора из приведенных выше фактов — эпизодов из «Губернских очерков»: «Как скоро житейский вопрос имеет хотя малейший хороший или дурной смысл, общее привычное решение его бывает непременно основано на каких-нибудь важных житейских фактах» (IV, 271). Этот отвлеченный тезис, который сам по себе еще не выражает всей идеи автора, находит дальнейшее развитие и конкретизацию, но уже в форме иносказания, в параболе о путнике, вынужденном из-за плохих дорог брать с собой в путь множество провизии и терпеть из-за этого всяческие неудобства, которые можно устранить устройством на дорогах гостиниц (IV, 271). Повествование параболы здесь и в последующих случаях построено таким образом, что помогает читателю установить аналогию между описываемыми в ней яв-

лениями и тем, о чем идет речь в общем изложении. Так, о пустословии либералов и бесплодности их мелочного обличительства говорят слова параболы о том, что путник сам понимал все неудобства, которые ему приходилось терпеть на неблагоустроенных дорогах, о том, что он смеялся над охотой доказывать и раскрывать неудобства, и без того всем известные, и т. д.

Чернышевский не ограничился иносказательным заключением о необходимости коренных изменений русской жизни; в пределах этой же параболы он пошел дальше, ответив на вопрос, как должны произойти эти изменения. Далее парабола продолжается таким образом: «Можно прибавить еще одно замечание. Гостиницы не везде возникли по щучьему веленью, по Иванову прошенью: во многих местах они заведены мудрою предусмотрительностью администрации, и благое содействие, ею оказанное, было основанием всех улучшений в способах и привычках наших разъездов по родине» (IV, 271). Так как речь шла не об устройствах гостиниц на дорогах, а о преобразовании действительности, то приведенный отрывок параболы читатель должен был понять примерно так: это изменение произойдет не само собой, а должно быть совершено действием. У нас нет оснований предполагать, что слова «мудрою предусмотрительностью администрации» употреблены Чернышевским не в прямом, а в переносном смысле. Видимо, как это следует из текста, в 1857 году, во время написания этой статьи, Чернышевский возлагал известные надежды на первоначальную преобразовательную роль правительства. За параболой следует самый общий вывод, который может быть понят только при условии раскрытия тайной мысли предшествующего ему повествования: «...нельзя не сказать, что так называемые люди без предрассудков не всегда с достаточной внимательностью рассматривают основания, из которых возник обычай, кажущийся предрассудком» (IV, 271).

Таким образом, основная мысль рассмотренного отрывка статьи нашла свое развитие и до конца выражена Чернышевским именно в параболе, хотя в самом общем виде высказывалась и вне ее. Характерно, что в рукописи за этой параболой сначала следовал вывод, довольно откровенно сближавший ее с идеей рецензии: «Из последнего замечания можно вывести благоразумное правило. Не каждому его общественным положением даны средства приниматься за какое-нибудь полезное преобразование с надеждой достичь успеха. И как, например, не заслуживал осуждения ваш дед, когда, отправляясь из Казани или из Харькова в Москву, набивал свой тарантас всевозможными съестными снадобьями, точно так же

не заслуживает осуждения и подъячий, служивший во время вашей молодости, за то, что сообразовался с привычками, существовавшими в прошлые времена. Надобно полагать, что в те времена, когда путешествовал ваш дед и когда служил этот подъячий, неудобно было, а быть может и невозможно было поступать не так, как поступали они» (IV, 928)¹. Именно потому, что мысль, аллегорически выраженная в параболе, здесь открывалась, цензор исключил этот отрывок, и он не вошел в текст «Современника».

Другая параболa этой статьи является иносказанием той же мысли, но уже в отношении купечества и его злоупотреблений (IV, 283). Показательно и здесь то обстоятельство, что тезис, который предварял эту параболу², был вычеркнут карандашом цензора, в то время как сама параболa, имевшая адекватное с ним содержание, оставлена в тексте «Современника» только благодаря своей конспиративной форме. Это еще раз говорит об эффективности использования такого способа иносказания.

Подобное же употребление параболы, сопровождаемой общим выводом, до конца понятным только при распознавании ее скрытого смысла, находим мы и в конце статьи «Русский человек на rendez—vous» (1858 г.), где как раз сосредоточена ее основная идея.

Аллегорическим смыслом этой параболы, основанной на таком явлении общественного быта, как тяжба двух издавна поссорившихся противников, Чернышевский требовал от русских либералов, пока еще не поздно, удовлетворить насущные нужды народа, предупреждая их о приближающейся возможности революционного взрыва. И в этом случае параболa построена таким образом, что самый ход повествования наталкивал читателя на суждения об аналогичных явлениях, связанных с содержанием всей статьи (V, 173). Образ «совершенно правого» противника, привыкшего к несправедливости судьбы и не верившего в возможность дождаться решения давней тяжбы, вызывал представление о народе, который терял надежду на освобождение доброй волей помещиков. Представление о многолетней тяжбе двух противников ассоциировалось с вековым противоречием между помещиками и крестьянами, а упоминание суда связывалось с представлением о народном суде. Предупреждение судьи о вероятности проигрыша дела: не только потери имущества, но и появления

¹ ЦГАЛИ. ф. № 1, оп. № 1, ед. хр. 130, л. 5 об.

² «Не оттого держатся они неправильных привычек в коммерческих делах, что привычки эти приятны им, но оттого, что подобный образ действия налагается на них силою обстоятельств, не зависящей от личной воли» (IV, 283).

обстоятельств «гораздо худших», было намеком на возможное в недалеком будущем революционное восстание крестьян, которое не ограничится решением экономической стороны дела, а пойдет дальше. Такое раскрытие содержания параболы возможно было только в сопоставлении с текстом всей статьи. с ее идейной направленностью. Парабола заканчивается рядом вопросов: «Что мне теперь делать... умно ли будет мне поспешить к моему противнику для заключения мировой? Или умно будет пролежать на своем диване единственный остающийся мне день? Или умно будет накинуться с грубыми ругательствами на благоприятствующего мне судью..?» (V, 173—174). В этой форме Чернышевский указывал на все возможные варианты тактики русских либералов в годы назревания революционных событий в русской жизни.

Всем содержанием статьи Чернышевский подводил читателя к решению основного тактического вопроса, поставленного перед современниками логикой событий: «Разве трудно бывает сказать, что требует благоразумие в каждом данном случае?» (V, 173). Этот вопрос иносказательно разрешается, во-первых, аллегорическим повествованием рассмотренной параболы и, во-вторых, той цитатой из Евангелия, внешне не связанной с предыдущим текстом, которой заканчивается статья.

Аналогичный сюжет о тягбе использует Чернышевский в статье «Труден ли выкуп земли?» (1859 г.), отстаивая по существу мысль не о минимальном выкупе, а о бесплатном наделении крестьян землей. Парабола также является здесь завуалированным высказыванием Чернышевского об отношениях помещиков и крестьян в ходе подготовки реформы: «Мы желали бы,—пишет Чернышевский,—чтобы помещики получили как можно больше выкупа; но заметим тут слово *можно*. Когда я с бедного человека буду требовать по очень сомнительному векселю десятки тысяч рублей, то самое выгодное для меня, что может случиться, это—то, что бедняк окончательно разорится... А если бы я соразмерил свое требование с его средствами, я все-таки что-нибудь получил бы... может быть, даже больше, нежели мне следует.., потому что вексель очень сомнительного качества, и бедняк признает себя моим должником собственно потому, что не любит тягаться по уездным и всяким другим судам» (V, 545—546). Характерно повторяющееся выражение параболы: «вексель очень сомнительного качества», которое говорило читателю о незаконных претензиях помещиков в отношении крестьян, являющихся действительными собственниками земли.

В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858 г.) мы также встречаем параболу

с бытовым сюжетом. По словам самого Чернышевского, эта парабола является иносказательным способом объяснения причины его «стыда» за ту «безвременную самоуверенность», с которой поднял он «вопрос об общинном владении» (V, 358).

Защищая в статьях 1957 года общинный принцип владения землей, Чернышевский тогда уже предполагал принадлежность земли крестьянам, причем принадлежность безвозмездную: «На предположении этих двух условий была основана та горячность, с какою я выставлял общинное владение необходимым довершением гарантий благосостояния» (V, 360).

Однако, пропагандируя социалистическое общественное устройство, с которым была связана защита общинного принципа, Чернышевский в 1857 году не соединял с этим указание на обязательную предварительность революционного восстания крестьянства, обеспечивающего безвозмездное наделение его землей, хотя уже тогда революционная перспектива преобразования русской жизни была для Чернышевского несомненна.

В чем же приходилось раскаиваться Чернышевскому в статье 1858 года, и почему он вынужден был иносказательно объяснять причину своего «стыда»?

С изменением общественной обстановки, когда в ходе осуществления реформы выяснилось, что крестьяне не получают земли, а если и получают жалкие наделы, то за огромный непосильный для них денежный выкуп, для Чернышевского борьба за самый принцип общинного владения потеряла актуальный политический смысл. Мало этого, вопрос об общине мог теперь заслонить от общественного внимания более важный вопрос о революционном ниспровержении самодержавия и крепостничества — единственной гарантии благосостояния народа. На этом новом этапе борьбы Чернышевский должен был изменить тактику, что и сказалось в его самокритичном выступлении в рассматриваемой статье. И Чернышевский раскаивался в том, что своими первоначальными выступлениями об общине он мог способствовать забвению обществом вопроса первостепенной важности — вопроса о революционном изменении общественного устройства.

Конечно, эту мысль Чернышевский не мог высказать открыто и, сетуя на то, что ему «трудно объяснить причину... стыда» (V, 360), он прибегает к параболическому способу иносказания, логика повествования которого и в данном случае соответствует логике его подцензурной мысли: «Предположим,—пишет Чернышевский,—что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед... моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготавли-

емый из нее обед здоров и выгоден для вас» (V, 360—361).

Эта часть параболы говорила о том, что пропаганда общинного землевладения предполагала у Чернышевского идею безвозмездной принадлежности земли крестьянам.

«Представьте же себе мои чувства, — продолжает он, — когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовляемый из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед, но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения» (V, 361). Здесь Чернышевский намекал читателю на грабительский характер подготовляемой реформы, когда стало видно, что даже за ничтожные наделы земли с крестьян предполагается взять огромный денежный выкуп.

А далее в пределах той же параболы Чернышевский говорил об изменении своей тактики в этих новых исторических условиях: «Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. первая мысль... относится ко мне самому: «Как был я глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто, кроме глупца, может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись прежде, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?». Вторая моя мысль—о вас, предмете моих забот, и о том деле, одним из обстоятельств которого я так интересовался: «Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, приносящее вам только разорение!». Досада за вас, стыд за свою глупость—вот мои чувства» (V, 361).

Таким образом, эта параболка является иносказательным выражением очень важной для характеристики мировоззрения Чернышевского идеи, свидетельствующей об изменении его тактических устремлений при неизменной революционной настроенности.

В связи с приведенным примером параболического повествования Чернышевского нельзя не отметить следующее. Вызывает крайнее недоумение приведенное в примечании к этой статье в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского (V, 1950 г.) утверждение К. Н. Журавлева о том, что «Чернышевский решал крестьянский вопрос всегда последовательно в духе своих революционно-демократических воззрений. Поэтому никаких действительных поводов для «самораскаяния» у него не было. Это «самораскаяние», как явствует из содержания настоящего произведения и из прямых объяснений Чернышевского, имеет лишь дипломатическое и ироническое значение. Ложное преувеличение («ложная параболка») является одной из его подцензурных литературных «эффектив-

ных манер», которую он неоднократно применял и в других своих произведениях» (V, 936).

Это утверждение К. Н. Журавлева никак не аргументируется и построено, видимо, на чисто умозрительном заключении о статичности воззрений Чернышевского, раз и навсегда сложившихся, на заключении, исключающем всякую попытку представить мировоззрение Чернышевского в развитии и изменение его тактики в связи с изменяющимися историческими условиями. Только в связи с таким утверждением К. Н. Журавлеву можно было сделать вывод о том, что «самораскаяние» Чернышевского, выраженное в параболе, «имеет лишь дипломатическое и ироническое значение», в то время как анализ текста Чернышевского не дает, как мы видели, никакого повода к такому заключению. Сожаления Чернышевского искренни, так как находят себе объяснение и в прямом значении текста статьи и, в особенности, в иносказании параболы, органически связанной со всем текстом. К. Н. Журавлев неправильно толкует термин параболы, называя ее преувеличением, в то время как параболы—аллегорическое повествование и никакого отношения к гиперболе (преувеличению) не имеет. В связи с этим роль иронической гиперболы, приписываемая К. Н. Журавлевым параболы, которую он называет «ложной», ошибочна. Ироническая (или «ложная») гипербола действительно являлась одним из способов подцензурного иносказания Чернышевского¹, но в разбираемом отрывке статьи им не использовалась. Парабола в данном случае приведена Чернышевским, как об этом уже говорилось, для зашифрованного высказывания не иронической, а искренней мысли об изменении тактического приема борьбы.

Параболу, основанную на таком явлении общественного быта, как защита собственности и безопасности граждан от нападения разбойников на больших дорогах, мы находим в нескольких статьях Чернышевского, где он выступает в защиту идеи о необходимости наделения крестьян землей и в защиту прав народа на революционную борьбу за свое освобождение.

Так в статье «Чичерин как публицист» (1859 г.), используя параболу с таким сюжетом, Чернышевский выступил против буржуазного реформизма Б. Н. Чичерина: «Человека душил разбойник, и по рецепту г. Чичерина этот человек в то самое время, когда старается отбиться от разбойника, должен спокойно рассуждать о том, что разбойник возникает из исторической необходимости, имеет историческое право существо-

¹ См. Б. И. Лазерсон. Ирония в публицистике Н. Г. Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. I», Саратов, 1958, стр. 272—335.

вания; что великая Римская империя была основана разбойниками...— помилуйте, до того ли человеку, чтобы помнить обо всех этих прекрасных вещах!» (V, 650—651).

Как и в предыдущих случаях, внешне, по своей форме эта парабола мало связана с повествованием всей статьи, является вводным эпизодом. Но логика законспирированного в ней содержания не только органически связана с содержанием всей статьи, она выражает собой именно ту ее главную мысль, которую Чернышевский менее всего мог высказать открыто, не прибегая к шифру.

Еще более с первого взгляда оторвана от своего контекста аналогичная по сюжету парабола в статье «Труден ли выкуп земли?» (1859 г.) там, где Чернышевский доказывал справедливость принятия на себя государством всей суммы выкупа (V, 980).

Или, наконец, в статье «О новых условиях сельского быта» (1858 г.), отстаивая необходимость отмены крепостного права, Чернышевский писал: «Правительство имеет не только право, оно, по требованию всех экономистов, имеет прямую обязанность удалять от народной жизни все препятствия действию экономических принципов. Например, когда в государстве мало безопасности на дорогах, это препятствует развитию экономических принципов, и потому государство не только может, но прямым образом обязано водворить безопасность на дорогах» (V, 106).

Иногда Чернышевский использовал для иносказания не одну параболу, а целый ряд парабол, из которых одна дополняла и продолжала другую, создавая цепь логически связанных между собой заключений, хотя по сюжету эти параболические повествования, казалось бы, и не были связаны. Этот прием еще более вводил цензора в заблуждение.

К нему Чернышевский обращается в статье «Откупная система» (1858 г.) для выражения идеи о необходимости ликвидации откупов путем уничтожения всего существующего крепостнического самодержавного строя. Высказав общий тезис на эту тему, Чернышевский приводит ряд парабол, которые не только конкретизируют его общую мысль, но и являются ее иносказанием, «успешнее действующим на мысль», чем «теоретические соображения» хотя открыто, но отвлеченно высказанные. Сюжет приведенных здесь парабол разный, но смысл их один (V, 331—334).

Заключение статьи о необходимости изучения тех условий общественной жизни, которыми вызывался откуп, по форме ничего общего ни с одной из предшествующих парабол не имело. По содержанию же оно не только естественно их про-

должало, но приобретало глубокое идейное значение, именно при учете тайного смысла этих вставных эпизодов.

Образцом искусного и разнообразного по форме использования параболы в целях подцензурного иносказания является статья Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861) о рассказах Н. В. Успенского. В этой статье Чернышевский выдвинул важную задачу правдивого изображения жизни русского народа для того, чтобы разбудить в нем самом желание изменить свою судьбу революционным путем и чтобы «знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива» (VII, 863).

Основная идея статьи выражена иносказательными приемами, главным образом, параболическим повествованием, которое введено в основной текст там, где высказывалась наиболее ответственная мысль автора.

По форме, по характеру своего сюжета и здесь параболические способы выражения «выпадают» из общего изложения статьи, «растягивают» его и как бы уводят в сторону мысль читателя. Причем в ряде случаев, усиливая и углубляя шифр, Чернышевский сопровождал параболы своими ироническими комментариями, внешне усугубляющими кажущуюся ненужность их введения в текст и, следовательно, «пустоту» их содержания.

Параболы этой статьи построены не только на сюжетах «обыденной жизни», но и на событиях из истории России и других стран. Исторический сюжет вставных повествований, введенных в совершенно, с первого взгляда, не связанный с ними текст, также способствовал зашифровке главной мысли.

Уже в начале статьи Чернышевский выражает ее общую идею в параболе о человеке, которого только жалеют, если положение его «представляется безнадежным» или, напротив, вскрывают его недостатки и слабости, когда полагают, что «беда, тяготеющая над человеком, может быть отстранена, если захочет он сам и помогут ему близкие к нему по чувству» (VII, 857). Читатель мог понять, что поскольку в статье речь шла о народе, а не об отдельном человеке, то эта параболла разъясняла причину того особенного значения, которое придавал Чернышевский изменению описания жизни народа русскими беллетристами.

Анализируя на примере рассказа Н. В. Успенского «Проезжий» поразительную забитость и униженность ямщиков, которых без причины бьет всякий проезжий и которые все-таки принимают у него чаевые, Чернышевский говорил о причинах этого состояния народа и его дальнейшей судьбе. Так как Чернышевский считал, что подобное состояние народного духа вызвано тысячелетним угнетением и бедностью, обуслов-

ленными установившимся порядком всей русской жизни, и что это состояние народа не исключает в нем не только недовольства своей судьбой, но и способности к революционному ее изменению,—то он, естественно, должен был эти свои мысли облечь в иносказательную форму.

При издавна существующем порядке произвола «человек получает удары как будто бы от роковой силы, от случайных улыбок которой нельзя и отказываться, если нельзя выйти из-под ее влияния» (VII, 869)¹. Это общее положение Чернышевский конкретизирует и развивает, пользуясь конспиративным языком, в следующей затем параболе (VII, 869). Тайная мысль этой параболы о скверном петербургском климате, который приходится терпеть жителям Петербурга, что, однако, не означает довольства им или примирения с ним, могла быть понята читателем в контексте статьи. Эту параболу Чернышевский сам назвал метафорой.

Развивая свою идею дальше, Чернышевский вновь выдвигает общий тезис, поддерживая его в другой параболе о ветвях дерева, которые немилосердно бьют прохожих (VII, 869—870). Из того, что приходится пользоваться тенью этого же дерева, «не следует еще заключить,—пишет Чернышевский,—что вам не был неприятен удар его ветви и не чувствуете вы надобности сломать ее, чтобы не повторяла она над вами такой же проделки» (VII, 870). Аллегория этих следующих друг за другом парабол приводила читателя к заключению: угнетение народа, доведившее его до состояния, изображаемого в рассказах Н. В. Успенского, осуществлялось всей государственной системой. Эта мысль, высказанная Чернышевским очень осторожно и абстрактно в тезисах, была вполне выражена только в параболическом иносказательном повествовании. Именно в этих параболах Чернышевский имел возможность указать на «ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которая заставляет дюжинных людей в народе безответно переносить страдания и неприятности...» (VII, 870).

В другом месте статьи, говоря о революционных возможностях, которые живут в русском народе, Чернышевский намекает на восстание, которое только одно и может вывести народ из состояния нищеты, подавленности и несправия. Эта важная идея выражена также в ряде параболических отступ-

¹ Характерно, что в рукописи сначала мысль параболы была выражена более откровенно и резко: «...от роковой силы, на которую напрасно сердиться, когда нельзя сломать ее» (ЦГАЛИ, ф. № 1, оп. №1, ед. кр. 205, л. 8. Подчеркнуто нами. —Б. Л.). Затем Чернышевский смягчил выражение.

лений. Ввиду особой остроты поставленного им вопроса о народе и революции, Чернышевский усложняет иносказание параболы дополнительными ироническими замечаниями.

Как и в рассмотренных выше примерах, Чернышевский сначала осторожно высказывает мысль: «...в жизни каждого дюжинного человека бывают минуты, когда нельзя его узнать, так он изменяется или порывом благородного чувства, или мимолетным влиянием чрезвычайных обстоятельств, или просто, наконец, тем, что не может же навек хватить ему силы холодно держаться в неприятном положении» (VII, 881). Затем следует иносказательная конкретизация и дальнейшее образное развитие мысли в следующей параболе: «Это все равно, что смиренная лошадь (если позволите такое сравнение). Ездит, ездит лошадь смиренно и благоразумно—и вдруг встанет на дыбы... и понесет; отчего это с ней приключилось, кто ее разберет... Разумеется, эта экстренная деятельность смиренной лошади протянется недолго... Но все-таки без нескольких таких выходов не обойдется смиренная деятельность самой кроткой лошади» (VII, 881—882).

Не случайно, конечно, Чернышевский ввел сюда параболу с сюжетом о смиренной лошади, которая иной раз встает на дыбы и понесет. Эта аллегория являлась очень искусным иносказанием о вековой угнетенности русского крестьянства, доведенного до скотоподобного состояния не только тяжким физическим трудом и нищетой, но и вековым угнетением духа. Самим построением параболы выражалась важная идея о том, что несмотря на такое состояние народа, в нем живет стремление к свободе, которое проявляется в стихийных восстаниях. В пределах этого же сюжета Чернышевский намекал также на то, что стихийное восстание может стать организованным и иметь успех в зависимости от умелого руководства. И напротив, восстание может кончиться поражением народа и породить в нем апатию и усталость, если оно останется без руководства или будет плохо организовано (VII, 882). К таким выводам мог придти читатель, сопоставляя логику аллегорического повествования параболы с содержанием ближайшего к ней текста статьи.

Однако сам Чернышевский в данном случае помогал читателю делать нужные ему заключения, сближая повествование параболы не прямо с содержанием статьи, а через посредство другой параболы, характер сюжета которой давал возможность более легко провести параллель между ее иносказанием и смыслом статьи.

Эта промежуточная параболы построена на историческом материале. «Чтобы не заблудились мы относительно приложений, какие мы имеем в виду,—писал Чернышевский,—укажем

достопауный пример из отечественной истории, именно незапаенный 1812 год, когда были такие удивительные морозы» (VII, 882). Чернышевский приводит здесь 1812 год именно как «пример великости прекрасных результатов, совершаемых народным одушевлением при надлежащем его направлении» (VII, 882).

Но поаогая понять мысль параболы о возможности пробуждения в народе живой инициативы и поставить ее в связь с содержанием статьи, Чернышевский в то же время принимает меры для вуалировки этой промежуточной параболы о 1812 годе. Средством дополнительного шифра и здесь служили иронические оговорки и замечания.

Так, ссылаясь на 1812 год, который сразу вызывал у читателя ассоциации с мыслью о народном движении большого масштаба, Чернышевский спешит обратить внимание на второстепенный элемент в приводимом факте: рядом с определениями 1812 года «достопауный» и «запаенный» намеренно указывается такой незначительный признак его, как «удивительные морозы». Мало того. В параболе Чернышевский говорил о том, что в 1812 году «весь русский народ одушевился необыкновенным патриотическим энтузиазмом» и что «мудрыми руководителями... было дано этому энтузиазму самое приятное и прекрасное удовлетворение», в результате чего «Россия возвысилась до такого грозного могущества, о котором никто не мог и мечтать прежде». Если же при таком самочувствии народа войны бы не произошло, «поднялся бы ропот и произошли бы взаимные неприятности между самими русскими, потому что возбужденное чувство, не имея возможности устремиться к правильной цели, выразилось бы горячими действиями для достижения целей неправильных» (VII, 882). При этом Чернышевский иронически заявлял, что высказанное здесь мнение ему не принадлежит, что он позаимствовал его из «красноречивых трудов» военного историка А. И. Михайловского-Данилевского и профессора Петербургского университета Н. Г. Устрялова, указавших ему «в жизни русского народа эпоху одушевления» (VII, 883). Чтобы подчеркнуть это и демонстративно указать на свою полную солидарность с теми, к кому, в действительности, он относил свое соображение, позже в работе над рукописью статьи Чернышевский приписал к имени Устрялова и Михайловского-Данилевского хвалебные иронические эпитеты «нелицеприятный» и «правдивый» и вставил ироническое замечание «по свидетельству тех же историков»¹. Этой иронической ссылкой он «подкреплял» свою мысль политически непогрешимым авторитетом

¹ ЦГАЛИ, ф. № 1. оп. № 1, ед. хр. 205, л. 13 об.

официальных историков. Вывод, который Чернышевский делал вслед за параболой: «Следовательно, невозможного ничего нет... если же будущее есть только повторение прошедшего, то прошедшие обстоятельства могут повторяться в будущем» (VII, 883)—наводил читателя на мысль о возможности в будущем повторения в жизни народа «эпохи одушевления». Тем более, что ниже шло уже прямое, хоть и отвлеченное заявление Чернышевского на эту же «прозаическую» тему: «минуты одушевления возможны в жизни массы, обыкновенно занятой самыми мелкими и пошлыми обыденными дрязгами» (V, 883).

Иносказание сопровождается ироническим указанием Чернышевского на то, что он имел только в виду возможность устремления на Москву новых «полчищ двенадцати язык, влекомых кичливыми галлами», а затем ироническим же замечанием о ненужности приведенных парабол: «Но едва ли мы не слишком уже заговорились, одушевившись поэтическими воспоминаниями... мы напичкали в середину своей статьи столько разной поэзии, что с трудом вспомнит теперь читатель, о чем говорилось в начале статьи» (VII, 883).

Аналогичное использование параболы, сопровождаемой ироническими замечаниями, углубляющими шифр, мы находим и дальше в этой статье, где, развивая ее основную идею, Чернышевский выдвигает положение о неизбежности народного восстания.

Иносказательное выражение и развитие деталей этой мысли начинается с иронического заявления о ненужности приводимой далее параболы, в которой эта мысль конспирируется, о несвязанности ее с содержанием контекста: «предадимся теперь отвлеченным психологическим размышлениям, которые, конечно, будут иметь очень мало связи с рассказами г. Успенского, а с жизнью русского народа не будут уже иметь никакой связи» (VII, 884). Затем следует «общее» утверждение, что первой причиной, побуждающей массу «дюжинных людей, лишенных внутренней инициативы» к восстанию, являются «бесцельные побуждения, проистекающие из ограниченности человеческого терпения, которое никак не может считаться бесконечным» (VII, 884—885).

Эта идея также развивается и конкретизируется в следующей параболе о «машинальных действиях человека, погруженного в глубокий сон», когда сонный человек бессознательно переворачивается с одного бока на другой «оттого, что стало ему, наконец, неудобно лежать на прежнем боку, и развилась в нем потребность изменить свое положение» и т. д. (VII, 885).

Таким же образом Чернышевский писал далее о ходе и результате восстания народа, когда народ сам пришел к необхо-

димости борьбы за освобождение, и когда народ, неподготовленный к восстанию, поднимают на борьбу политические деятели, не учитывающие потребностей и состояния массы: «Но сон имеет свой конец...» и т. д. (VII, 885—886).

Для иносказательного выражения той же мысли о возможности стихийного восстания Чернышевский вводит здесь же в текст и другую параболу об изобретении немцами бутербродов без всякого сознания полезности этого изобретения (VII, 886).

Высказав необходимую идею при помощи парабол, Чернышевский осторожно указывает читателю на тайный смысл, заключенный в этом иносказательном повествовании, и на его связь с содержанием всей статьи: «Мы приводили примеры мелочные; но для науки мелочные факты приобретают иногда очень важное значение, служа ключом к разъяснению важных явлений исторической жизни... Почему же нам не заниматься размышлениями о бутербродах и мухах, и назовет ли читатель опрометчивым самохвальством, если мы скажем, что из этих наблюдений извлекаются два вывода, важные для исторической психологии: во-первых, летаргическое состояние умственной жизни не мешает физическим действиям для удовлетворения физиологических нужд; во-вторых, можно получить склонность к предмету, не имея отчетливого сознания о нем» (VII, 886).

Выйдя затем за пределы иносказания, Чернышевский преподносит читателю уже прямое заключение о стремлении народа к улучшению своей жизни (VII, 886—887). Это заключение служило смысловым мостиком, соединяющим мораль параболы с содержанием всей статьи.

Однако здесь же Чернышевский зашифровывает это прямо высказанное признание. Он с иронией пишет о том, что под улучшением жизни народа им разумеется только «грамотность, без которой ничего хорошего быть не может, как доказывают почти все приверженцы народных школ...» (VII, 887). С иронией он говорит и о напрасном приведении в тексте парабол («Быть может, напрасно шли мы таким длинным путем извилистых рассуждений»), «отрицая» их надобность для доказательства такой простой истины, как нужда народа в элементарном образовании (VII, 887).

И, наконец, в заключении статьи Чернышевский вновь использует параболическое повествование.

Мысль, которую облекает он здесь в форму параболы, состоит в том, что восстание следует готовить, когда складывается для этого удобное стечение обстоятельств в общественной жизни, и в том, что только при созревании определенного исторического момента появляется и тот обществен-

ный деятель, который способен действовать целенаправленно с учетом сложившихся обстоятельств.

И в этом случае идея сначала выражается в отвлеченном тезисе, а затем в аллегорическом повествовании ряда парабол и на темы «из нашей обыденной жизни»¹, и с историческим сюжетом².

Эти вводные эпизоды также сопровождаются ироническим комментарием Чернышевского, в котором он подчеркивает их «несвязанность» с основной темой статьи. Он называет эти параболы «приятными ему психологическими изысканиями», служащими «отвлеченной науке», и пишет о том, что вторая половина статьи, где они особенно часто приводятся, «слишком мало занимается» книгою Н. Успенского (VII, 889). Между тем именно во второй части статьи Чернышевский высказывался по поводу изображенного писателем со всей правдивостью быта русского народа, по вопросу о неизбежной крестьянской революции в России и обо всем том, что было связано с этой основной проблемой русской жизни периода революционной ситуации.

**

Наряду с параболами, построенными на фактах «обыденной жизни», мы уже встречали параболы с историческим сюжетом. В основу их сюжета Чернышевский брал события из исторического прошлого России и других стран.

Исторический сюжет параболы был внешне также вводным повествованием. Но внутренняя логика исторического события, составлявшего параболу, конечный вывод, который делал Чернышевский в ее пределах, или который сам запрашивался у читателя, был тесно связан с идеей статьи или ее отрывка.

Исторический сюжет параболы, с одной стороны, являлся образной конкретизацией и развитием отвлеченной идеи, с другой стороны, ее иносказанием, так как из исторического явления или факта всегда следовал логический вывод, мораль, которые могли быть подведены под аналогичное жизненное явление современности. Этим и пользовался Чернышевский,

¹ «Пока не предвидится вакансии, нет и кандидатов на должность. Но не было еще примера, чтобы порядочная должность оставалась не занятою по недостатку кандидата» (VII, 888); «Неужели запрягают волов в плуг раньше, чем приходит пора пахать?» (VII, 889).

² «Неужели вы полагаете, что Нельсон был знаменитым адмиралом, когда Англия еще не начинала войн, потребовавших адмирала вроде Нельсона...» (VII, 888); «Руссо успел стать пожилым человеком и не был никому известен, пока не потребовались обстоятельствами сочинения в том роде, в каком способен был писать Руссо» (VII, 888—889).

употребляя и параболу с историческим сюжетом как способ подцензурного иносказания.

Для сюжета исторической параболы он отбирал именно то историческое событие, характер которого имел сходство с содержанием статьи, а логика—соответствовала мысли, подлежащей иносказательному выражению.

В статье о «Губернских очерках» Н. Щедрина (1857 г.), выдвигая мысль о бесплодности борьбы с отдельными дурными проявлениями существующего общественно-политического строя, который нуждается в коренном преобразовании, Чернышевский в конце статьи для выражения этой мысли использовал параболу с сюжетом из римской истории.

Содержание параболы сводится к следующему: источником злоупотреблений пропретора Верреса являются господствующие в Сицилии нравы и общий политический режим, исключаяющий представление о законности и честности. Цицерон, «ровно ничего не понимающий в историческом ходе событий своего времени», обвиняет Верреса на основе буквы закона, т. е. на основе легальности, не учитывая невозможности следовать законам при существующем порядке в Сицилии. Юлий Цезарь—«государственный человек», понимает, что для уничтожения злоупотреблений и исправления нравов следует изменить обстоятельства, т. е. политический строй в Сицилии (IV, 294—298).

Как видно, сюжет параболы ничего общего со статьей не имеет, но смысл описываемых в параболе исторических событий тесно связан с идеей всей статьи и является в соответствующем контексте иносказательным выражением запретной мысли.

Как уже указывалось, в статье «Не начало ли перемены?» (1861 г.) также встречаются параболы с сюжетом из истории жизни других стран. И здесь в параболах развивается и завуалированно высказывается то, что перед тем дается Чернышевским в виде отвлеченного текста (VII, 877). Содержание следующих парабол заключается в том, что во французской и немецкой истории бывали эпохи, когда народ действовал «очень энергически», несмотря на то, что апатия и рутина так же отличала французских и немецких поселян, как русских и всяких других (VII, 877). Здесь же Чернышевский упоминает о крестьянской войне в Германии XVI века, об одушевлении, «которым увлекались было немецкие поселяне..., когда вслед за Лютером явился Фома Мюнцер...» (VII, 877).

Напоминание известных читателю событий революционного характера из всеобщей истории имело целью вызвать у него ассоциации с русской современностью и таким образом понять идею статьи, в которой ставилась проблема народного

восстания, аналогичная теме вводного исторического сюжета.

В данном случае иносказание дополнительно усугублялось иронической оговоркой, «снявшей» какую бы то ни было значимость приводимой параболы для восприятия идеи статьи: «Мы обратились ко всеобщей истории затем, чтобы была хотя одна страница несколько солидного содержания в нашей статье, наполненной обыденными дрызгами. Но мы вперед соглашаемся, что сделали эту вставку совершенно некстати и что она не имеет ничего общего с рассказами г. Успенского, главным предметом которых служат совершенно вздорные вещи...» (VII, 878).

И параболы «из нашей обыденной жизни», и параболы, построенные на историческом сюжете, часто выполняли конспиративную роль, вносили вместе с тем в публицистический стиль Чернышевского образную конкретизацию и метафорическую выразительность. Параболическое повествование придавало философским, экономическим, социологическим и другим статьям Чернышевского на отвлеченные темы популярный, доступный характер. Это делалось иной раз, действительно, за счет некоторой растянутости и неровности изложения благодаря сменяющим друг друга различным элементам стиля. Но только таким образом в условиях тяготеющего над русскими журналами цензурного гнета можно было поднимать к научным знаниям и передовым идеям нового читателя из разночинческих кругов, еще недостаточно подготовленного к подобной литературе, и тем самым осуществлять революционную пропаганду.

В. А. БОЧКАРЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ДРАМЫ В ОСВЕЩЕНИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1

Взгляды представителей русской революционно-демократической критики на драму, ее теорию и историю, до сих пор не были предметом специального рассмотрения. Авторы книг, статей, диссертаций касались отдельных сторон этой проблемы в применении к тому или иному критику¹ или группе критиков². Между тем только целенаправленный анализ всех важнейших высказываний о драме Белинского и других великих русских критиков позволит выявить совершенно оригинальную, выходящую по своему значению за пределы отдельной страны, революционно-демократическую теорию драмы и, что особенно важно, проследить развитие этой теории, тесно связанной с развертыванием революционного движения русского народа.

Характернейшей чертой передовой русской теории драмы является ее критический революционный пафос. Свои суждения о драме представители русской революционно-демократической критики высказывали обычно в порядке опровержения догм, установленных идеалистической эстетикой. Так, от-

¹ См. например, статью М. Кургинян, «Понятие трагического у Белинского», напечатанную в книге «Белинский—историк и теоретик литературы». Сб. статей Института мировой литературы им. А. М. Горького Акад. наук СССР, М., 1949, стр. 210—232.

² См. замечания о трагическом у революционных демократов в книгах А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм», М., 1941, стр. 36, 224—226 и Б. И. Бурсова «Вопросы реализма в эстетике революционных демократов», М., 1953, стр. 164—165.

крывая цикл задуманных им статей по эстетике, характерно озаглавленной статьей — «Критический взгляд на современные эстетические понятия», Чернышевский писал, что целью этих статей является «отвержение многих из ныне господствующих в эстетике понятий и замещение их новыми»¹.

Такой подход к изложению вопросов эстетики типичен не только для автора знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» и его великого соратника Н. А. Добролюбова, но и для Белинского, в статьях и письмах которого содержится немало полемических выступлений против идеалистической эстетики.

Вполне понятно, что эта последняя характеризуется в статьях наших великих критиков прежде всего с негативной стороны. Тем более важно подчеркнуть, что при всем глубоком расхождении с представителями идеалистической эстетики в трактовке коренных вопросов этой науки русские революционные демократы отнюдь не склонны были отрицать достижения существовавшей до них эстетической мысли, вершиной которой была эстетика Гегеля. Недаром Чернышевский, говоря о господствовавших в его время эстетических понятиях, отмечал, что «при всей своей односторонности, они стоят того, чтобы с ними познакомиться, потому что в них *очень много верного*»². Что касается идеалистического понятия о трагическом, то о нем Чернышевский писал, что оно «составлено с чрезвычайным диалектическим глубокомыслием»³.

Революционно-демократическая теория драмы неотделима от той борьбы за реализм, которую вели русские критики, опираясь на передовой опыт русской и зарубежной литературы. Эта теория своеобразно отразила новаторский характер, глубину идейного содержания и совершенство формы русской классической драматургии.

Немалую роль сыграло и внимательное изучение представителями русской критики величайших произведений зарубежных и отечественных драматургов. Обобщая опыт Шекспира, Шиллера, Гете, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островского, корифеи русской революционно-демократической критики рассматривали совокупность относящихся к драме вопросов с позиций реалистической эстетики.

Если теории драмы классицизма и романтизма были раз-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 127.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 127. Подчеркнуто нами — В. Б.

³ Там же, стр. 24. Эстетические отношения искусства к действительности.

работаны главным образом зарубежными теоретиками и писателями, то в разработку реалистической теории драмы внесли очень значительный вклад великие русские мыслители и критики—Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Этим определяется значение их трудов в данной области. Последовательную защиту самого передового искусства — искусства реализма — они сочетали с пропагандой своих революционных и социалистических идей. Опираясь на опыт мировой эстетики и драматургии, великие русские критики-демократы создали теорию драмы, являющуюся высшим достижением эстетической мысли домарковского периода.

Исключительно важное место в развитии русской и мировой эстетической мысли занимают работы Н. Г. Чернышевского. Известно, что Чернышевский считал себя учеником Белинского, относясь с «глубоким уважением и сочувствием» ко всему «тому, что было благородного, справедливого и полезного в русской литературе и критике» эпохи Белинского.¹ Г. В. Плеханов справедливо указал, что диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» являлась *дальнейшим развитием тех взглядов на искусство, к которым пришел Белинский в последние годы своей литературной деятельности*².

В учении о драме и «трагическом» Чернышевский также шел по стопам Белинского. Вместе с тем Чернышевский с необычайной ясностью и глубиной наметил эстетические принципы, получившие реализацию в произведениях русского демократического искусства середины и второй половины XIX века.

2

Центральным вопросом теории драмы является вопрос о драматическом конфликте. Глубина, достигнутая при его решении той или иной философско-эстетической школой, может служить мериллом для определения теоретического уровня данной школы, данного теоретика. Вместе с тем вопрос о драматическом конфликте принадлежит к числу тех эстетических проблем, при разрешении которых с наибольшей яркостью обнаруживается политическая позиция исследователя. Вполне понятно поэтому, что именно в учении наших великих критиков о драматическом конфликте сильнее всего сказался но-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 8. Очерки гоголевского периода русской литературы.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М.—Л., 1925, изд. 2-е, стр. 251.

ваторский, революционно-демократический характер их теории драмы.

Однако наши великие критики не могли не считаться с идеалистическим понятием о трагическом, составленным, по приведенному выше отзыву Чернышевского, с чрезвычайным диалектическим глубокомыслием. Начав в лице Белинского с освоения и пропаганды взгляда Гегеля на трагическое, русская эстетическая мысль перешла (в работах того же Белинского и его последователей) к решительной критике тех сторон этого взгляда, которые противоречили революционно-демократическому мировоззрению.

Прежде всего следует иметь в виду, что по Гегелю искусство в целом, а следовательно и драматическая поэзия, является орудием утверждения действительности, а отнюдь не ее критики.

По словам Гегеля, «коллизия нарушает... гармонию истинно действительного и нравственного и заставляет единый в себе идеал перейти в состояние разлада и антагонизма»¹.

Рассматривая коллизии как нарушение героем произведения чего-то святого и высокого, Гегель необходимо приходит к признанию трагической вины.

Субъективные стремления героя, его страсти и совершаемые под влиянием последних поступки неизбежно приводят при известных условиях, в силу своей исключительности, к нарушению мировой гармонии и оскорбляют нравственный закон. Отсюда — трагическая вина (*Die Schuld*) героя, оскорбившего этот закон.

Борьба героя, утверждающего или отстаивающего в той или иной форме свою индивидуальность, свои особые, «субъективные» цели, необходимо должна закончиться, по Гегелю, гибелью героя или его отказом от дальнейшей борьбы. Мы примиряемся с этой гибелью потому, что таким путем происходит восстановление нарушенной героем гармонии. Гегель не только показал необходимость драматической борьбы и действия, вскрыв, так сказать, механизм возникновения коллизии, антагонизма, что, безусловно, составляет сильную сторону его эстетического учения, но и подчеркнул необходимость примирения, что является, несомненно, слабой стороной его эстетики и его диалектической философии вообще.

Примирение Гегель считал столь же необходимым в драме, как необходима и неизбежна в драматическом произведении развязка. Собственно, в употреблении автора «Лекций

¹ Гегель. Соч., т. XII, М., 1938, стр. 209.

по эстетике» слова «развязка» и «примирение» являются почти синонимическими.

Требование обязательного примирения с действительностью решительно отвергалось Чернышевским. Он высказался по этому вопросу в связи с разбором критических отзывов о произведениях Тургенева. Представитель так называемой «эстетической критики» С. С. Дудышкин выступил в «Отечественных записках» с большой статьей о Тургеневе, в которой заявил, что идеал писателя, выраженный в образе героя, должен гармонировать с обстановкой, т. е. с окружающим обществом. Чернышевский не согласился с этим требованием. «Почему же идеал необходимо должен представляться примиренным с действительностью?—спрашивал он.—Этого примирения в таком смысле, как понимается оно обыкновенно людьми, требующими его, нет даже у Шекспира, не только величайшего, но и спокойнейшего из всех поэтов. Ни один из его идеалов не умеет устроить свои дела так, чтобы жить да поживать в довольстве и благополучии. Гамлет и Офелия, Отелло и Дездемона, — все они наделали много хлопот и горя и себе и другим, ни одного из них Шекспир не мог поставить «в гармонию с обстановкою». Зачем же налагать на русского писателя обязанность, которой не исполнял сам, этот невозмутимо спокойный, гений Шекспира?»¹. По убеждению Чернышевского, на протяжении всей прошлой истории человечества не существовало условий, при которых действительно могло бы совершиться «примирение». К числу писателей, идеалы которых не примирялись с действительностью, он относил, кроме Шекспира, Лопе де Вега, Гете, Корнеля, Байрона и Софокла².

«Нам кажется,— писал Чернышевский,—что г. Дудышкин не совсем прав, приготовляясь выражать неодобрение современному писателю, у которого не найдет «гармонии идеала с обстановкою», ни у какого писателя, никакой нации и эпохи не найдет он этой гармонии; или поголовно осудит он всех поэтов, от Гомера по 1857 год включительно?»³.

Требование Дудышкиным «гармонии» и «примирения» с действительностью являлось вульгаризацией положений эстетики Гегеля, на одностороннем и некритическом восприятии которых основывались принципы «эстетической школы».

Благодаря вульгаризации исчезла глубина гегелевской мысли, исчез и сам трагизм! Не искажение ли мысли Гегеля

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М, 1948, стр. 697.

² Там же, стр. 700.

³ Там же, стр. 697.

имел в виду Чернышевский, когда он, воспроизводя убогую, бессодержательную схему Дудышкина, заключал: «Вот до каких результатов доводит даже умного человека желание построить систему на основании непонятой им мысли»¹.

3

Огромной заслугой Чернышевского перед мировой эстетической мыслью является последовательно проведенная им глубокая критика идеалистического учения о трагическом. Эта критика содержится, как известно, прежде всего в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» и произведениях, непосредственно примыкающих к ней, в «Авторецензии» на диссертацию и в неоконченной статье «Возвышенное и комическое». Важные суждения о драме содержатся в работе Чернышевского «Лессинг» и особенно в замечательной статье «О поэзии, Сочинение Аристотеля». Если Лессинг в «Гамбургской драматургии» использовал «Поэтику» Аристотеля в своей борьбе против эстетики французского классицизма, то Чернышевский воспользовался целым рядом положений, содержащихся в той же самой «Поэтике», борясь с идеалистической эстетикой Гегеля и его последователей.

Излагая воззрения Аристотеля на трагическое, Чернышевский отмечает, что этот «замечательный мыслитель, которому понятие «рока» было гораздо ближе, нежели нам, ничего не говорит о вмешательстве судьбы в участь героев трагедии»². Между тем, новейшая идеалистическая эстетика связывает неразрывными узами понятие трагического с понятием судьбы. Чернышевский разоблачает с позиций материализма и атеизма мистическую основу идеалистического учения о трагическом. Он вскрывает несостоятельность попыток связать понятие судьбы с «нашими научными понятиями», «в сущности ему противоречащими»³.

Чернышевский излагает идеалистическую теорию трагического, придерживаясь курса эстетики гегельянца Фишера. Не свободна от мистицизма и сама эстетика Гегеля, хотя последний понимал «судьбу» древних греков не как слепой злой рок, а как «разумную необходимость» и был противником «внешних развязок», *deus ex machina*. Он, собственно, потому и выступал против подобных развязок, что они мешали свободно-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948; стр. 701.

² Там же, т. II, стр. 282. О поэзии, сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил В. Ордынский, М., 1954.

³ Там же, стр. 24.

му выявлению «необходимости», т. е., по Гегелю, божественных мирозидательных сил, действующих в самих предметах. По словам Гегеля, в трагедии «подлинным содержанием, действительно всепроникающим началом оказываются вечные силы, в себе и для себя нравственное, боги живой действительности, вообще—божественное и истинное». «Божественное» выступает в эстетике Гегеля «как содержание и цель человеческой индивидуальности». Поэтому Гегель полагал, что «развязка течения и исхода осложнений и конфликтов не может сосредоточиться в отдельных индивидах, друг другу противостоящих, но относится к самой божественной сфере...» Драма, говорит Гегель, «должна нам выявить живое действие в себе самой покоящейся необходимости, разрешающей всякую борьбу и противоречие»¹.

Чернышевский решительно отверг в учении о трагическом идею мистически понятой необходимости, очистив тем самым это учение «от трансцендентальной примеси»². Гибель великих людей, говорил Чернышевский, совсем не является необходимостью. Борьба человека с обстоятельствами может иметь и счастливый исход. Чернышевский противопоставил свое гуманное жизнеутверждающее воззрение мрачному воззрению идеалистов, так или иначе превращавших человека в раба «судьбы». Близость этого воззрения великого революционного демократа к взглядам марксистов-ленинцев отчетливо видна из следующих слов И. В. Сталина, сказанных им в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Большевики, марксисты в «судьбу» не верят. Само понятие судьбы, понятие «шикзалья» — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей»³. Именно к этим религиозным представлениям древних греков и свел Чернышевский учение идеалистов о господстве «судьбы» или «божественного» в трагедии.

Чернышевский признавал, что во многих трагедиях гибель действующих лиц является неизбежной. Например, «участь Макбета и леди Макбет» необходимо вытекает, по его словам, «из их положения и дел». Но такое воззрение на судьбу трагических героев, сложившееся у многих авторов под влиянием идеалистической теории трагического, не отражает положения дел в самой действительности. Да и в искусстве да-

¹ Гегель, Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 333—334.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 115. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. Н. Чернышевского, СПб, 1855 (Авторецензия).

³ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 120.

леко не все явления могут быть подведены под эту теорию. Чернышевский говорит, что «очень часто только по привычке доискиваться во всяком великом произведении искусства «необходимого сцепления обстоятельств», «необходимого развития действия из сущности самого действия» мы находим с грехом пополам «необходимость в ходе событий» и там, где ее вовсе нет, например, в большей части трагедий Шекспира»¹.

Г. В. Плеханов понял эти слова в том смысле, что Чернышевский «отказывается признать неизбежным, необходимым все то зло и все те человеческие страдания, которые находят свое выражение у Шекспира»². Вряд ли такое понимание этих слов является правильным. У Чернышевского не было никаких причин отрицать все то злое и отрицательное, что существовало в истории вообще и в истории Англии в частности. Скорее Чернышевский мог сомневаться в том, что Шекспир приводил в силу необходимости всех злодеев к раскаянию и заканчивал все свои драмы торжеством нравственного закона³.

Отвергая идею «судьбы» в понятии трагического, Чернышевский выдвигал против нее доводы не только философского, но и эстетического характера. Он считал, что введение «судьбы» в трагедию приносит последней прямой «эстетический вред». Выступая в трагедии как «внешняя, посторонняя сила», «судьба» «ослабляет внутреннюю связь событий, придавая им направление, не вытекающее из сущности действия»⁴. Нетрудно видеть, что Чернышевский здесь, как и во многом другом, был полностью солидарен со своим предшественником В. Г. Белинским. Достаточно напомнить отзывы последнего о «Мессинской невесте» Шиллера и развязке «Каменного гостя» Пушкина. Белинский, как позднее и Чернышевский, восставал против введения в трагедию «судьбы» и сопутствующих ей «внешних развязок».

Но Чернышевский, восстав против мистически понятой необходимости, не сумел противопоставить ей идею необходимости, заключенную в развитии самого общества и борьбе

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 80, 80—81.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М.—Л., 1925, стр. 274.

³ Свой тезис о том, что «необходимость в ходе событий» отсутствует «в большей части трагедий Шекспира» Чернышевский оставил неразъясненным. В рукописи диссертации говорится, что эта мысль «требует обширного развития». Чернышевский оставлял за собой «право доказать ее в другом месте», но не вернулся к ней. См. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 879.

⁴ Там же, стр. 282.

составляющих его классов и лиц. Трагическое он рассматривал главным образом в рамках жизни отдельного человека, находя, что несчастье постигает человека чаще всего случайно. Свое понимание трагического он выразил в формуле: «трагическое есть ужасное в человеческой жизни»¹. Эта формула и связанный с ней круг рассуждений Чернышевского несомненно отражают ограниченность его философско-исторических взглядов, отчетливо выступающую при сравнении их с марксистским подходом к этим проблемам. Еще Г. В. Плеханов заметил слабость позиции Чернышевского в данном вопросе. «Конечно,—писал он,—мы не можем представлять себе необходимость в виде греческого *рока*. Но ведь ее можно приписать себе совсем иначе. В наше время вряд ли кто станет приписывать, например, гибель Гракхов воле «рока», силе «судьбы» и т. д. Всякий, или почти всякий, согласится с тем, что она была подготовлена *ходом развития римской общественной жизни*. Но если этот ход развития был необходим, то ясно, что и знаменитые народные трибуны погибли в силу «необходимого сцепления обстоятельств»².

После опубликования переписки К. Маркса и Ф. Энгельса с Ф. Лассалем по поводу трагедии последнего «Франц фон Зикинген» стало еще более заметно, насколько марксистское понимание трагического глубже и содержательнее той трактовки этого понятия, какую мог дать великий русский просветитель. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают трагические конфликты в неразрывной связи с эпохой, с выражаемой этими конфликтами борьбой общественных классов. Правильно выбранный конфликт должен соответствовать, по их мнению, определенному соотношению общественных сил, борющихся в данной стране, в данное время³.

Конечно, Чернышевский не мог возвыситься до такого историзма⁴. Но неверно было бы думать, что Чернышевскому был совершенно чужд общественно-исторический подход к проблеме трагического. То, что в своей диссертации он не касается этой стороны вопроса, еще не дает, как нам кажется, оснований делать подобное заключение.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1949, стр. 30.

² Г. В. Плеханов. Соч. т. XI, М.—Л., 1925, стр. 274. Н. Г. Чернышевский (книга вторая).

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, М., 1934, стр. 250—253, 257—262.

⁴ О слабости воззрения Чернышевского на трагическое в сравнении со взглядами на трагическое К. Маркса и Ф. Энгельса см. в книге А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм». М., 1941, стр. 224—226. Ср. Б. Бурсов «Вопросы реализма в эстетике революционных демократов». М., 1953, стр. 164—165.

Большое значение для развития эстетической мысли имеет критика Чернышевским идеалистического учения о так называемой «вине» трагических героев. В этом учении нашли наиболее яркое выражение самые реакционные черты идеалистической эстетики.

Чернышевский восстал против попыток объявить преступником человека, стремящегося к свободной и счастливой жизни и гибнущего в борьбе за свое счастье. «Неужели,—спрашивал Чернышевский,—Ромео и Джульетта сами были причиной своей гибели? Конечно, если мы захотим непременно в каждом погибающем видеть преступника, то можем обвинить всех: Дездемона виновата тем, что была невинна душою и, следовательно, не могла предвидеть клеветы; Ромео и Джульетта виноваты тем, что любят друг друга»¹. В последних словах Чернышевского нет никакой утрировки. Гегель писал о любви Ромео и Джульетты: «Для этого нежного цветка не подходит та почва, на которую он был посажен, и нам ничего не остается, как оплакивать вызывающую грусть мимолетность такой прекрасной любви; она подобно нежной розе в долине этой случайной жизни гибнет от грозной бури и непогоды и бессильных расчетов благородной, благосклонной мудрости. Но эта охватывающая нас боль представляет собой лишь скорбное примирение, злополучное блаженство в несчастье»².

Оплакивание «прекрасной любви» Ромео и Джульетты не помешало Гегелю возбудить вопрос об известном «нарушении» ими семейных «устоев». «Джульетта и Ромео, например, любят друг друга,—рассуждает Гегель.—В любви, взятой сама по себе, нет никакого нарушения, но они знают, что их семьи живут во вражде и ненавидят друг друга, что родители никогда не согласятся на их брак, и попадают в коллизию благодаря этой известной заранее почве разлада»³. Еще дальше пошел по пути обвинения Ромео и Джульетты гегельянец Ульрици. По его мнению, в «Ромео и Джульетте» дан «трагический конфликт права и долга». «С одной стороны, здесь выступает любовь Ромео и Юлии», «их брак, как необходимое требование этой любви, как не только субъективная, но объективная *моральная* необходимость»; с другой стороны, выступает «такое же полноценное право родителей, священная область семейного союза». «Правое и неправое так перепле-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 29.

² Гегель. Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 394.

³ Там же, т. XII, М., 1938, стр. 219—220.

тено здесь, что право любящих одновременно фигурирует и как их несправедливость»; «их тайный брачный союз» является «одновременно и моральным и аморальным поступком»¹.

«Мысль видеть в каждом погибающем виноватого,—говорил Чернышевский,—мысль натянутая и жестокая»². Он видел в истории и современной жизни множество примеров, когда люди погибали совершенно безвинно.

В рукописи диссертации содержалась выразительная ссылка на басню Крылова «Волк и ягненок». «Ягненок в басне, пьющий воду из одного ручья с волком, также виноват: зачем он шел к ручью, где мог встретиться с волком? А главное, зачем не запасся он такими зубами, чтобы самому съесть волка?»³.

Если далеко не каждый погибающий виноват, то, с другой стороны, далеко не каждый действительный преступник уличается в его преступлениях и терпит наказание.

Идеалистическая эстетика делала упор на мучениях совести и раскаянии преступного героя. По этому поводу Чернышевский говорит, что совесть может и не проснуться, если преступные деяния не заклеймит общественное мнение. Но, во-первых, общественное мнение преследует далеко не все нравственные преступления, а во-вторых, общество само может разделять взгляды, которые мы считаем преступными и безнравственными. В незаконченной статье «Возвышенное и комическое» Чернышевский ссылается в качестве примера на «те гнусности, которые терпело общественное мнение у греков и римлян». Он указывает на зверское обращение спартанцев со всеми неспартанцами, на распространенный у спартанцев обычай убивать детей, родившихся хилыми и т. д. и т. п. Из этих примеров Чернышевский делает тот естественный вывод, что «если общественное мнение прежде было так не строго противу многих пороков и гнусностей, то мы вправе думать, что и теперь оно не так строго, как требует чистый закон нравственности»⁴.

В рукописи диссертации содержалось исключенное потом указание на терпимое отношение современного общества к

¹ Hermann Ulrici, Shakspeare's dramatische Kunst. Geschichte und charakteristik des Shakspeareschen Dramas. Zweite umgearbeitete Auflage. Sweite Abtheilung Leipzig, 1847, S. 349.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. т. II, М., 1949, стр. 29.

³ Там же, стр. 879. Примечания. Это место было исключено из диссертации, по-видимому, по настоянию проф. А. В. Никитенко, которому Чернышевский давал свою диссертацию на цензурный просмотр. О том, что у Чернышевского не было внутренних побуждений исключить это место, может свидетельствовать наличие этой же самой ссылки на басню Крылова в незаконченной статье «Возвышенное и комическое». См. там же, стр. 181.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 182, 182—183.

одной из таких преступно-порочных черт. «Так, например, нарушение нравственной чистоты общество (наше) считает позором только для женщины, а не для мужчины. По мнению большинства, мужчине даже не мешает покутить, даже советно не покутить в молодости»¹.

В связи со всем только что изложенным интересно остановиться на выдвинутом Чернышевским особом виде трагического—так называемом трагическом злого. Чернышевский несомненно придавал этому виду трагического большое значение. Он подробно останавливается на «трагическом злого» в своей диссертации², а также в статье «Возвышенное и комическое».

Рассуждения Чернышевского о «трагическом злого» наглядно показывают, что теорию драматического искусства он пытался основать на глубоком изучении самой действительности, а не на умозрительных положениях и выводах философии. Под трагическим злого Чернышевский подразумевал такого рода порочного героя, действия которого пагубны «не для отдельных лиц», а для «общества, заражаемого, оскверняемого им». Этот герой кажется милым и безобидным человеком. «Он не прибегнет к насилию и тому подобным уголовным мерам». Будучи человеком состоятельным, он ведет эпикурейский образ жизни: «проживает свои огромные доходы на удовлетворение своей страсти к чувственному наслаждению». Рисуя сатирический портрет этого героя, Чернышевский едва сдерживает свой гнев демократа. Он представил этого героя в виде «английского лорда», но ничто не мешает вообразить себе в качестве такого героя русского барина. «Трудно удержаться,—пишет Чернышевский,—от негодующего отвращения при изображении подобной личности и не отместить такому человеку за страшный вред, им приносимый». Трагичность этого героя Чернышевский объясняет тем, что «зло, когда оно сильно, действует трагически»³. Чернышевский говорит, что в истории было много таких личностей. Одной из них был кардинал Дюбуа⁴.

Через все рассуждения Чернышевского о трагическом красной нитью проходит одна мысль, диаметрально противоположная утверждениям идеалистической эстетики. Идеалистическая эстетика стремилась оправдать существующую действительность, представить ее в виде чего-то недостижимо высокого, нравственного и святого. Одновременно она старалась

¹ И. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 879. Примечания.

² Это место было вычеркнуто и не попало в печатный текст диссертации.

³ Там же, стр. 879, 880.

⁴ Там же, стр. 184. На «трагическом злого» останавливается и Гегель.

унизить человеческую личность, поставить ее на колени перед существующим, объявить преступным и незаконным стремление личности к счастью и свободе. Чернышевский, наоборот, взял под защиту человеческую личность, объявил разумным и законным ее стремление к счастью, и восстал против неразумной и рабской действительности, против несправедливого общественного строя, препятствующего осуществлению этого стремления. Здесь, как и во многом другом, Чернышевский был продолжателем Белинского, горячо выдвигавшего идею «личности» в статьях и письмах 40-х годов. В эпоху Чернышевского и, особенно, после крестьянской реформы, эта проповедь приобрела еще более актуальное значение. По словам В. И. Ленина, «именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства»¹.

Восставая против попытки идеалистической эстетики возложить всю вину и ответственность на отдельного человека, Чернышевский обвинял, прежде всего, общество, требуя изменения последнего на разумных и справедливых началах. «Для нас теперь ясно,—писал он,—что все зависит от общественных привычек и от обстоятельств, т. е. в окончательном результате все зависит исключительно от обстоятельств, потому что и общественные привычки произошли в свою очередь также из обстоятельств. Вы вините человека,—вспомните прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, вспомните хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его. Рассуждая о других, мы слишком склонны всякую беду считать виною,—в этом истинная беда для практической жизни, потому что вина и беда—вещи совершенно различные и требуют обращения с собою одна вовсе не такого, как другая. Вина вызывает порицание или даже наказание против лица. Беда требует помощи лицу через устранение обстоятельств более сильных, нежели его воля»².

5

Неотъемлемой частью теории драмы революционных де-

в своей эстетике, не употребляя, правда, этого термина. Он высказывается против предоставления сколько-нибудь значительного места этого рода явлениям. «В идеальном изображении действия,—пишет он,—чисто отрицательное не должно находить себе места в качестве существенного основания для необходимой реакции»... «Злое скудно и бессодержательно в самом себе, ибо из него ничего другого не получается, кроме отрицательного, разрушений и бедствий, между тем как подлинное искусство должно доставлять нам зрелище внутренней гармонии». Гегель, Соч., т. XII, М., 1938, стр. 226. Лекции по эстетике. Книга первая.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 394.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 165.

мократов является их учение о типическом характере в драме.

В этом учении, пожалуй, с большей силой, чем в других разделах передовой русской эстетики, сказался революционный гуманизм наших великих демократов. Ведь в учении о характерах речь идет об основных принципах изображения человека, человеческой личности. Между тем человек является истинным центром русской материалистической эстетики. С точки зрения человека, его понятия о красоте, его стремлений и интересов рассматривает она все основные проблемы, относящиеся к этой области знания. Недаром Чернышевский писал, что, например, «красотою в царстве животных кажется человеку то, в чем выражается по человекообразным понятиям жизнь свежая, полная здоровья и сил»¹.

Чернышевский не только сам руководствовался этими понятиями, но и сумел обнаружить подобные же принципы в эстетике Гегеля, скрывающиеся за оболочкой идеализма. «Проводить в подробности,—писал он,—по различным царствам природы мысль, что прекрасное есть жизнь, и ближайшим образом, жизнь, напоминающая о человеке и о человеческой жизни, я считаю излишним потому, что и Гегель и Фишер постоянно говорят о том, что красоту в природе составляет то, что напоминает человека (или, выражаясь гегелевским термином, предвещает личность), что прекрасное в природе имеет значение прекрасного только как намек на человека. Великая мысль, глубокая! О, как хороша была бы гегелевская эстетика, если бы эта мысль, прекрасно развитая в ней, была поставлена основною мыслью, вместо фантастического отыскивания полностью проявляемой идеи!»... «Можно даже вообще сказать,—продолжает Чернышевский,—что, читая в эстетике Гегеля те места, где говорится о том, что прекрасно в действительности, приходишь к мысли, что бессознательно принимал он прекрасным в природе говорящее нам о жизни, между тем как сознательно поставлял красоту в полноте проявления идеи»².

Проблему характера, как и другие проблемы эстетики, русские революционные демократы решали с позиций последовательного реализма. Они обобщили богатейший опыт писателей-реалистов, создавших яркие типические характеры. Немалое значение имели и прямые высказывания великих драматургов-реалистов о путях и способах создания человеческих образов-типов.

Опираясь на этот опыт, Чернышевский и его единомыш-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

ленники смело отвергли схоластические требования к драме, предъявлявшиеся прежними литературными направлениями, и создали материалистическое учение о «пьесах жизни».

В своей юношеской статье о «Бригадире» Фонвизина, написанной под несомненным влиянием Белинского¹, Чернышевский оспаривает требование классицистической эстетики, согласно которому одно из действующих лиц драмы обязательно должно было являться главным лицом. Возражая против этого требования, Чернышевский говорит, что единство идеи, которое действительно должно наличествовать в произведении, не тождественно с единством лица. Он убедительно опровергает мнение, будто наличие не одного, а нескольких главных лиц портит произведение в художественном отношении. Он ссылается на примеры, заимствованные из произведений лучших писателей—Пушкина, Вальтера Скотта. «Не должно, например, в Борисе Годунове Пушкина,—пишет он,—считать недостатком того, что там два главных лица—Борис и Дмитрий Самозванец: с появлением Самозванца вы не забываете о Борисе, напротив, тут-то именно всего более и начинаете вы интересоваться им»².

По глубоко справедливому мнению Чернышевского, вопрос о том, «должно ли быть в произведении одно главное лицо, или должно их быть несколько», решается «не теорией, а характером идеи и конструкцией известного произведения». Но всего интереснее рассуждение Чернышевского о том, как следует понимать идею в художественном произведении. Старому формальному пониманию идеи Чернышевский противопоставляет новое, реалистическое ее толкование. И тут оказывается, что все выведенные Фонвизиным в «Бригадире» лица—необходимы. Но приведем это любопытное рассуждение Чернышевского.

«Если нам кажется, будто бы в Бригадире нет главного лица, нам кажется так потому только, что и основной идеею этого произведения кажется нам не та идея, которую положил в основание его Фонвизин. Мы думаем, что он хотел представить нам в Бригадире картину быта и понятий известного класса людей в его время (вроде того, как Гоголь представляет картину быта известного класса в каком-нибудь своем произведении): если так, действительно все лица в Бригадире равно важны для достижения этой цели. Но внимательнее вникнувши в ход действия Бригадира,... сообразивши все, что известно нам о мнениях Фонвизина, мы придем к

¹ Это влияние отмечено Г. В. Плехановым в его работе о Чернышевском. Г. В. Плеханов. Соч., т. V, ГИЗ, М., стр. 148.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 795.

заклучению, что в Бригадире хотел он развить и доказать свои мысли о нелепости и вреде тогдашней французомании, о нелепости и пагубности тогдашней системы воспитания у знатных и тянувшихся вслед за знатными... Если согласиться с этим мнением, то будет ясно, что по плану самого Фонвизина главным лицом Бригадира должен быть Иван, сын Бригадира»¹. Таким образом, реалистическое понимание идеи произведения требует признания необходимости лиц, не связанных с формально понятыми интригой и идеей, но крайне важных для характеристики изображаемого в пьесе общества, а значит, и для мотивировки поступков, совершаемых ее персонажами. Отсюда—прямой переход к аналогичному по смыслу рассуждению Добролюбова в статье «Луч света в темном царстве». Добролюбов решительно не соглашается с «теоретиками», которые полагают, «что автор должен совершенствовать действительность, отбрасывая из нее все ненужное и выбирая только то, что специально требуется для развития интриги и для развязки произведения»... «Мы никак не решаемся,—писал Добролюбов,—считать ненужными те лица пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге. С нашей точки зрения, эти лица столько же необходимы для пьесы, как и главные: они показывают нам ту обстановку, в которой совершается действие, рисуют положение, которым определяется смысл деятельности главных персонажей пьесы». Говоря о драме «Гроза», критик замечает, что в ней «особенно видна необходимость так называемых «ненужных» лиц: без них мы не можем понять лица героини и легко можем исказить смысл всей пьесы»².

Требую от искусства максимального приближения к жизни, революционные демократы подчас дерзновенно отвергали с этих позиций эстетические положения, казалось бы, совершенно бесспорные. Никому, например, не приходило в голову сомневаться в том, что действия персонажа должны находиться в гармонии с его характером. Белинский, вслед за Пушкиным, требовал, чтобы поступки героев не противоречили их характерам и обстоятельствам, высмеивая авторов, скажем, сочинителей мелодрам, игнорировавших это требование³. На таких же позициях стоял и Чернышевский в статье о «Бригадире» Фонвизина, где требовал, «чтобы всякое лицо было живым человеком и, главное, действовало так, как дол-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 795—796.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в шести томах, т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 322, 334, 335.

³ На позиции признания этого требования стоял и Гегель, для которого действие персонажа выступало «как действительное выполнение внутренних намерений и целей», в реальности которых «субъект замыкается как в самом себе». Гегель. Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 332.

жно действовать по своей натуре, а не так, как заблагорассудится автору»¹. Но в своей диссертации Чернышевский уже считал соблюдение всеми писателями требования о гармонии между характерами и поступками персонажей не достоинством, а недостатком, ведущим к неестественности и однообразию. «...Поэзия,—говорил он,—чаще, нежели действительность, двигателями и участниками событий выставляет людей, которых существенный характер совершенно соответствует духу событий. В действительности очень часто мелкие по характеру люди являются двигателями трагических, драматических и т. д. событий, ничтожный повеса, в сущности даже вовсе не дурной человек, может наделать много ужасных дел; человек, которого нисколько нельзя назвать дурным, может погубить счастье многих людей и наделать несчастий гораздо более, нежели Яго или Мефистофель»... «Вследствие постоянного приспособления характера людей к значению событий,—продолжает Чернышевский,—является в поэзии монотонность, однообразны делаются лица и даже самые события»²...

Интересное пояснение к этому суждению содержится в первоначальном тексте диссертации. Говоря о поэтических произведениях, Чернышевский писал: «В них почти всегда все делается на один лад: влюбляются, ревнуют, изменяют, недоумевают, удивляются, приходят в отчаяние всегда одинаково, по общему правилу, потому что влюбляется всегда пылкий молодой человек, ревнует—мнительный человек, изменяет—слабая сердцем женщина и т. д. Одно и то же делает всегда один и тот же характер, наиболее гармонирующий с приписываемым ему действием»³. Какой глубокий смысл заключен в этих словах! Какое раскрепощение от стеснительных правил, обычаев, предрассудков, губительной литературщины нес с собой художнику этот призыв с доверием относиться к жизни, учиться у нее, воспроизводить ее явления во всем их богатстве и разнообразии.

6

Одной из замечательных особенностей русской реалистической теории драмы является настойчиво защищавшееся нашими лучшими писателями и критиками положение о народности драмы. Они неустанно доказывали, что драматическое искусство глубоко народно по своему происхождению и назначению. Будучи детищем простого народа, драма должна восстановить свою связь с ним, нарушенную благодаря стараниям господствующих классов, сделать искусство исключительным достоянием «избранных».

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 798.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 887.

Пушкин упорно выдвигал мысль о демократическом происхождении драматического искусства, родившегося, по словам великого поэта, «на площади для народного увеселения»¹. Он утверждал, что в ряде европейских стран (за исключением Франции) появлению гениальных писателей предшествовало существование народной поэзии и народной драмы: «были поэмы прежде Ариостова Орландо, были трагедии прежде созданий de Uega и Кальдерона»².

Мысль о народности драматического искусства, его демократическом происхождении настойчиво выдвигал и Белинский.

Всенародным характером греческого искусства, богатством общественной жизни греков он объяснял важнейшие особенности греческой трагедии. Последняя, по мнению Белинского, отличается возвышенностью и величавостью своего содержания, важностью своей тематики, затрагивающей жизнь всего народа. Это был «род религиозно-государственного представления, героем которого была национальная жизнь. Посему их трагедия могла сосредоточивать свой пафос и свою главную идею на полубогах, героях, царях и народе (который, в виде хора, изъявлял свое мнение о созерцаемом им зрелище)»³.

Мысли Пушкина и Белинского о народном характере и происхождении драматического искусства получили свое развитие у Чернышевского и Добролюбова. Чернышевский в работе о «Бригадире» Фонвизина, коснувшись вопроса о происхождении французской комедии, писал: «Французская комедия XVII века произошла из итальянских комических представлений, которые часто импровизировались самими актерами но слегка только набросанному эскизу общего хода комедии». «К итальянскому элементу присоединилось сильное влияние классической греко-римской комедии, как она дошла до нас в переделках Плавта и Теренция». «Что же такое были эти итальянские комические представления?—спрашивает Чернышевский.—Они произошли опять из двух элементов: простонародных комических представлений, принадлежащих уже самому итальянскому народу (это главный элемент) и подражания (впрочем, довольно слабого) все тем же знаменитым Плавту и Теренцию. Итальянские простонародные представления, продолжает Чернышевский,—...были то же самое, что наши балаганные представления с паяцами.. ..Итальянские представления об Арлекине—про-

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11, Изд. АН СССР, 1949, стр. 418, раздел: Другие редакции, планы и варианты.

² Там же, стр. 38.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 627.

изведение самого народа, и, как все, что производит народ, имеют в Италии значение и смысл; представляют чисто народные нравы, очень часто чрезвычайно живы и остроумны»¹.

Вопроса о происхождении театра касался в своих статьях и Добролюбов. Возражая критику Н. Ф. Павлову, назвавшему «Грозу» А. Н. Островского «балаганным представлением», Добролюбов замечает: «Относительно роли балагана в истории театра и в деле народного развития мы еще с вами поспорим». Добролюбов сильно сомневается в том, что «всякая прилизанная драма, даже хоть бы в ней три единства соблюдены были, лучше всякого балаганного представления». Добролюбов ссылается на П. В. Анненкова, говоря, что даже этот сторонник теории «искусства для искусства» считает необходимым «возвратиться к балагану и сызнова начинать путь драматического развития»². Нетрудно заметить, что в этом вопросе Добролюбов развивал мысли, высказанные до него А. С. Пушкиным и В. Г. Белинским. Вслед за Пушкиным и Белинским он считал, что на ранней стадии своего развития театр был детищем народа и непосредственно отражал мировоззрение и вкусы этого последнего. Вместе с тем высказывание Добролюбова о роли «балаганных представлений» весьма похоже на приведенное выше суждение по этому вопросу Н. Г. Чернышевского.

7

Чернышевский не только отвергал требование, чтобы в комедии (и вообще в драматическом произведении) выступало «одно главное лицо», но и отрицал необходимость единства действия, понимаемого в смысле единства изображаемого в пьесе события. Чернышевский требовал от драматического произведения только лишь одного «единства»—*единства идеи*. Если для осуществления идеи произведения может потребоваться не одно, а несколько главных действующих лиц, то подобным же образом может встать вопрос и об изображаемых в пьесе событиях. Согласившись с мнением критиков, что в «Бригадире» Фонвизина ход пьесы «произволен, прерывается ненужными отступлени-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 802.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в шести томах, т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 319. В статье, озаглавленной: «О бурной рецензии на «Грозу» г. Островского, о народности, образованности и о прочем» П. В. Анненков писал: «Мы призываем от всей души появление самостоятельного русского балагана, как лучшего способа поддержать и укрепить возникающую драматическую литературу нашу». «Библиотека для чтения», 1860, март. Современная летопись, стр. 7.

ями», Чернышевский замечает: «Впрочем, я не ставлю этого слишком большим недостатком: очень часто основная идея художественного произведения может быть выполнена просто рядом отдельных сцен или картин; что за нужда, вытекает ли одна сцена из другой, если все они вытекают из идеи произведения?, а идея может потребовать для своего осуществления несколько событий, идущих параллельно без большой связи друг с другом»¹.

Чернышевский порицал авторов комедий, стремившихся «главную пружину действия сделать любовную интригу». Но критик не ограничился этим порицанием. Он дал любопытное историческое объяснение того, почему в комедиях решительно преобладала любовная интрига. Как уже говорилось выше, Чернышевский вел происхождение французской комедии от комедии древних греков, с одной стороны, и от итальянской комедии — с другой. Следование обоим этим источникам приводило к культивированию любовной интриги. «В греческом обществе,—пишет Чернышевский,— как теперь на Востоке,—мужчина проводил свое время вне дома; и там и здесь это происходило от унижительного положения женщины в семействе». «Как турки и арабы проводят все свое время с утра до ночи в кофейных, так грек проводил его в кругу гетер. А отношения к гетерам должны были быть всегда одного рода—любовь, разврат, назовите это как угодно, но это и составляло частную жизнь грека. Когда комедия вместо политической жизни должна была изображать частную, она должна была взяться за эти отношения, потому что, кроме их, у грека ничего не было; поэтому она вращается в кругу гетер, содержанием ее должны были быть непременно любовные интриги и одни только они» В свою очередь, «простонародные итальянские представления», повлиявшие на складывание итальянской комедии—также «были основаны всегда на любви, потому что в итальянской жизни она играла важную роль». Наконец, немалое значение имело и то обстоятельство, что любовное «содержание итальянской комедии пришлось очень по вкусу французам XVII века, которые только и думали о волокитстве».

Подобным же образом, т. е. путем нисхождения к историческим прототипам комедии нового времени, Чернышевский объясняет и такую традиционную ее черту, как стремление «смешить и острить во что бы то ни стало», черту, которую Чернышевский называет еще «фарсерством»².

Мы потому столь подробно остановились на этих рас-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 805.

² Там же, стр. 805, 802.
стр. 805, 802.

суждениях Чернышевского, что видим в них не только образец исторического подхода к объяснению особенностей данного поэтического вида, но и попытку материалистически подойти к пониманию избираемых драматургами сюжетных схем и сфер.

Такой же материалистический подход мы находим у Добролюбова, который для объяснения разрабатываемых Островским комедийных сюжетов смело обращается к отображаемой драматургом действительности. «Деятельность общественная мало затронута в комедии Островского,—пишет Добролюбов,—и это без сомнения потому, что сама гражданская жизнь наша, изобилующая формальностями всякого рода, почти не представляет примеров настоящей деятельности, в которой свободно и широко мог бы выразиться человек. Зато у Островского чрезвычайно полно и рельефно выставлены два рода отношений, к которым человек еще может у нас приложить душу свою,—отношения *семейные* и отношения *по имуществу*. Немудрено поэтому, что сюжеты и самые названия его пьес вертятся около семьи, жениха, невесты, богатства и бедности»¹.

8

Большим своеобразием отличаются высказывания революционных демократов и особенно Чернышевского по вопросу об отношении драмы к эпосу и лирике.

Белинский, следуя в этом вопросе за Гегелем, считал, что драма находится между эпосом и лирикой, является «примирением эпоса с лирою». «Драма,—поясняет Белинский свою мысль,—не есть отдельно ни то, ни другое, но образует собою особенную органическую целостность»².

Белинский проводил резкое разграничение между драмой и эпосом, подчеркивая абстрактность («простоту») драмы, сосредоточенность ее действия и интереса на одном лице и т. д. и т. п. Впрочем, он делает оговорку, указывая, что «все это относится более к высшему роду драмы — к *трагедии*»³.

В своей критической практике Белинский чем дальше, тем больше отступал от исходных теоретических положений. Он отмечал наличие, а нередко и преобладание эпического элемента в большом числе драматических произведений. Белинский относил к числу эпических драм не только древне-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., в шести томах, т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 53.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, М, 1954, стр. 52.

Разделение поэзии на роды и виды.

³ Там же, стр. 53.

греческие трагедии, которые считал эпическими и Гегель, но и драмы собственно исторического содержания. Говоря об эпической драме, Белинский указывал, что, «несмотря на эпический характер» ее, форма этой драмы «должна быть в высшей степени драматическою»¹. Отсюда явствует, что критик находил возможным совмещение эпического элемента с драматическим.

Еще дальше Белинского по пути сближения драмы с эпосом пошел Чернышевский. Если Гегель считал, что трагическое действие, покоящееся на самоопределении характера, не должно иметь своей предпосылкой эпическую почву полного, всесторонне охватывающего действительность мировоззрения², то Чернышевский с самого начала своей деятельности придерживался по этому вопросу иной точки зрения. Разумеется, он не игнорировал специфику драмы, но и не склонен был ее переоценивать.

Чернышевский решительно отрицал необходимость противопоставлять драму другим видам поэзии по содержанию, говоря, что оно может быть у драмы особенным, но может и совпасть с содержанием эпических и лирических произведений. Эту мысль Чернышевский развивает в своей работе о «Поэтике» Аристотеля. «Наши эстетики полагают слишком глубокое различие, по содержанию, между эпическою и драматическою поэзию, которые у греков, очевидно, различались одна от другой более формою, нежели содержанием». По словам Чернышевского, Аристотель видел различие «между гомеровыми эпопеями и позднейшими трагедиями» «только в том, что «Илиада» и «Одиссея» гораздо длиннее трагедий и не имеют такого строгого единства действия, какое необходимо для трагедий: эпизоды в трагедиях неуместны, в эпопее не вредят красоте целого. Но различия по направлению, по духу, по характеру содержания между трагедиями и гомеровыми поэмами Аристотель не замечает никакого (различие в способе изложения, конечно, он видит очень хорошо). Напротив, он, очевидно, предполагает существенную тождественность эпического и трагического содержания, говоря, что из «Илиады»

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 62.

² Гегель считал, что в драме действие «сосредоточивается в простом определенном обстоятельстве, среди которых субъект определяет себя в своей цели и ее проводит». Соответственно и сам этот драматический субъект, как подчеркивает Гегель, вовсе не должен выступать перед нами «в полном составе своих национальных эпических свойств». Гегель. Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 333.

или «Одиссеи» можно сделать по нескольку трагедий»¹. Чернышевский считал, что «если многие сюжеты повестей и романов не годятся для драмы, то едва ли есть драматическое произведение, сюжет которого не мог бы так же хорошо (или еще лучше) быть рассказан в эпической форме»². Затруднительность переделки в драму некоторых повестей и романов Чернышевский объяснил наличием в последних «лишних эпизодов и разглагольствований, что, конечно, нельзя считать достоинством и в эпическом произведении»³. Однако, Чернышевский полагал, что, например, из «Ламмермурской невесты» «трагедию сделать так же легко, как и либретто»⁴.

Как определялась нашими писателями и критиками эстетическая ценность драматических произведений по сравнению, например, с эпическими произведениями? По этому вопросу в среде наших писателей и критиков не было полного единомыслия. Вернее сказать, здесь имела место эволюция взглядов, отделившая точку зрения людей 20—40-х годов от позиции, занятой «шестидесятниками».

Романтическая эстетика ставила выше всех искусств музыку, а из всех видов поэзии отдавала предпочтение драме. Представление о драме как высшем виде словесного творчества пользовалось широким распространением. Его укрепили своим авторитетом Гегель, который полагал, что драматическому искусству «дано изображать прекрасное в его самом полном и самом глубоком развитии»⁵.

Мысль о том, что драма стоит выше других видов поэтического творчества, разделялась и поддерживалась Пушкиным.

Эту же мысль высказывал и Белинский, он утверждал в статье «Разделение поэзии на роды и виды», что «драматическая поэзия есть высшая ступень развития поэзии и венце искусства»⁶. В той же статье, как бы подтверждая эту мысль, он заявлял, что «великие художники большею частию начинают с эпических произведений, продолжают лирикою, а оканчивают драмою»⁷.

Однако расцвет русской реалистической прозы заставил Белинского в конце его деятельности со всей силой подчеркнуть первенствующее значение повести и романа. В своем по-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 283, 282. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский, М., 1854.

² Там же, стр. 283.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 159.

⁵ Гегель. Соч., т. XII, М., 1938, стр. 209.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 57.

⁷ Там же, стр. 59.

следнем годовом обзоре — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он писал: «Роман и повесть стали теперь во главе всех других родов поэзии». Белинский подчеркивал в это время широту и синтетичность романа и повести, их способность вобрать в себя и своеобразно выразить черты, присущие другим видам поэзии. «Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии; в нем талант чувствует себя безгранично свободным. В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика, как изливание чувств по поводу описываемого им события, и драматизм, как более яркий и рельефный способ заставлять высказываться данные характеры»¹.

В этих словах Белинского намечен переход к точке зрения «шестидесятников», великолепно выраженной Чернышевским. Еще в статье о «Поэтике» Аристотеля Чернышевский выступил против предубеждения «эстетиков», заявив, что «наши эстетики явно пристрастны к драматической форме, «высочайшей форме поэзии»². В таком преувеличении роли драматической поэзии Чернышевский обвинял Пушкина. Приведем слова последнего о том, что порядок опубликования глав «Евгения Онегина» не имеет значения для литературы, тогда как неуспех «Бориса Годунова» огорчил бы поэта, замедлив преобразование нашего театра, Чернышевский пишет: «Колоссальны или нет достоинства этой драмы, но она до сих пор не оказала большого влияния ни на писателей, ни на читателей наших, и главы «Евгения Онегина», о которых сравнительно с нею так презрительно отзывается Пушкин, были гораздо важнее ее для нашей литературы. Как бы то ни было, мы не будем удивляться, что Пушкин, обыкновенно столь проницательный, не совсем беспристрастно смотрел на литературную важность своих произведений: «Евгений Онегин» писался легко, а «Борис Годунов» стоил автору многих трудов: кроме того, Пушкин считал драму высочайшею формою искусства»³.

Чернышевский не соглашался с этим мнением. Он признавал, правда, что «сценическое представление» есть «нечто высшее, нежели читаемая поэзия». Однако, говорил Чернышевский, пьеса является только одним из элементов, составляющих театральное представление. Необходимость приспособления ее к условиям сцены неблагоприятно сказывается на ее эстетической стороне. Если мы сравним напечатанную драму с повестью или романом, «то будем поражены оборванностью, угловатостью, бледностью, натянутостью этой не-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 315, 316.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, М., 1949, стр. 283.

³ Там же, стр. 460.

счастной печатной драмы. Сценическое искусство, принимая в себя словесный текст, страшно обрезывает и уродует его, чтобы втиснуть в рамку диалога все моменты жизни. Театр безжалостен к поэту». Немаловажным обстоятельством, заставлявшим Чернышевского отдавать предпочтение книге перед театром, являлось то, что «театр существует для немногих городов», а книга проникает повсюду¹. В этих словах нетрудно увидеть «мужицкий демократизм» Чернышевского.

Интересно, что свой отход от традиционного мнения о превосходстве драмы над другими видами поэзии Чернышевский оправдывал ссылкой на эстетическую теорию Лессинга. «По теории Лессинга, форма рассказа, воспроизводящая все элементы действия полнее и свободнее, нежели односторонняя диалогическая форма драматических сочинений, есть самая совершенная из поэтических форм.

В ней более истинного драматизма, нежели в взкой диалогической форме»². Эти слова Чернышевского очень близко напоминают приведенную выше характеристику повести и романа из статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

Изучение взглядов революционных демократов на драму имеет большое теоретическое значение. Можно сказать, что революционные демократы произвели в этой области переворот. Они положили конец господству нормативной или умозрительной поэтики драмы, приведя относящиеся к этой области теоретические положения в полное соответствие с художественной практикой лучших драматургов-реалистов. Эта работа, проделанная великими предшественниками, должна быть продолжена советскими театроведами и эстетиками, перед которыми стоит благородная задача — обобщить опыт, накопленный нашими драматургами.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 158, 159.

² Там же, стр. 152.

II. Сообщения и материалы

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Первое полное издание «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» было выпущено Гослитиздатом в 1953 г. В настоящее время это издание не может считаться удовлетворительным. Одновременно с «Летописью» в юбилейном 1953 г. и в последующие годы появились новые монографии, статьи и публикации документов о Чернышевском.

Поэтому нами подготовлено новое издание «Летописи», значительно исправленное и дополненное по сравнению с изданием 1953 г.

Для этого издания были изучены неизвестные ранее материалы, из которых только печатных источников насчитывается свыше ста.

Публикации архивных документов были заново проверены по микрофильмам и фотоснимкам, полученным Домом-музеем Н. Г. Чернышевского из московских и ленинградских хранилищ (Центральный Государственный Исторический архив в Москве и его филиал в Ленинграде (ЦГИАМ и ЦГИАЛ), Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ), Центральный Государственный Военно-исторический архив в Ленинграде, Пушкинский дом и др.). Заново пересмотрен архив Н. Г. Чернышевского в ЦГАЛИ и в фондах Саратовского Дома-музея.

В результате обработки новых печатных и архивных источников в «Летописи» исправлены прежние неточности, введены новые даты и факты из личной, литературной и политической биографии Н. Г. Чернышевского всех периодов его жизни; внесено несколько сот уточнений, вставок и дополне-

ний источников. За недостатком места в настоящей статье приводится лишь часть нового материала¹.

Основная задача, поставленная составителем «Летописи» при подготовке нового издания,— усиление документации. В связи с этим пересмотрены ранее принятые установки принципиального характера и, прежде всего, принцип отдачи таких фактов, которые в настоящее время значительно пополнились полемической источниковедческой литературой и относятся к области спорных вопросов в биографии Чернышевского. Издание «Летописи» 1953 г. не касалось разноречий в источниках.

Этой же задаче подчинена переработка тех разделов «Летописи», которые прежде опирались на печатные публикации устаревших ныне изданий. Эти издания пересмотрены заново и проверены по архивным источникам.

Кроме того, составителем «Летописи» проверены некоторые архивные дела современников Чернышевского и даны критические замечания в аннотациях.

Что можно поставить эпиграфом к такой работе, как «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского?» Невольно приходят на память слова Константина Александровича Федина из одного его письма:

«Чернышевский принадлежит к немногим людям, жизнь которых составляет изумительное единство с их делом. У таких людей, как он, нельзя отделить биографию от творчества, личную судьбу от мировоззрения, семейный быт от общественной деятельности, нравственные понятия от политического поведения. Частная жизнь этих людей как бы входит в состав их идейных убеждений. Поэтому, узнавая в тончайших подробностях историю жизни Чернышевского, мы, в сущности, продолжаем углубляться в идейный мир его творений. Личность его воплощает в себе самую душу его учения, самое зерно его мысли...».

**
*

Переработка «Летописи» для нового издания охватывает все периоды жизни Чернышевского.

К первому разделу книги — «Детство и учебные годы в Саратове» — пересмотрено и заново введено свыше тридцати дат.

По материалам ЦГАЛИ и ЦГИАМ уточнены ссылки на документальные источники: послужной список отца Н. Г. Чернышевского Гаврилы Ивановича; метрические свидетельства

¹ Это относится, например, к обработке для «Летописи» новых публикаций в № 67 «Литературного наследства», М., 1959.

отца, сына Николая и будущей жены писателя Ольги Сократовны Васильевой. Впервые введены документальные данные о происхождении ее от героя Отечественной войны 1812 года генерала-лейтенанта Ф. К. Козачковского по материнской линии¹. Были заново пересмотрены и прокомментированы мемуары троюродного племянника Н. Г. Чернышевского Александра Федоровича Раева. Для «Летописи» отсюда были извлечены ценные генеалогические сведения, дополняющие как «родословное древо» в «Автобиографии» Чернышевского, так и ту родословную, которая более сорока лет тому назад была составлена Верой Александровной Пыпиной совместно с Михаилом Николаевичем Чернышевским².

Однако до сих пор родословной Чернышевских не хватает исчерпывающей полноты, например, отсутствуют данные о брате отца Чернышевского Фотии Ивановиче и его сыне Иване Фотиевиче, имя которого беспрестанно упоминается в переписке Николая Гавриловича Чернышевского с отцом. Но все же известный шаг вперед в этом направлении сделан. Из воспоминаний А. Ф. Раева извлечены даты о переписке с ним родителей Н. Г. Чернышевского, относящейся к поступлению сына в Петербургский университет. Эти сведения уже имелись в прежнем издании «Летописи», но содержали ссылку на устаревший печатный источник, который теперь заменен документальными данными³.

В последние годы (1953—55) в Москве производилась расшифровка Николаем Александровичем Алексеевым лекций «Записки на метафизику Ф. А. Голубинского», записанных рукою семинариста Чернышевского. Они содержат материал, который не входил в курс семинарии и, по-видимому, записывался дома по рукописи, хранившейся у отца Чернышевского. Составителем «Летописи» были просмотрены все программы и списки учебных пособий Саратовской семинарии. Выяснено, что о «Записках» Голубинского там не имеется упоминаний. Изучение метафизики Голубинского, по-видимому, должно было содействовать расширению богословских и философских знаний юного Чернышевского. Материал введен в «Летопись».

¹ См. Формулярный список за 1816 год. В кн. А. А. Голомбиевский. Военная галерея 1812 года, т. 1, СПб, 1912, стр. 104—105. Сведения были любезно сообщены В. Э. Бопрадом: Музеем получен также формулярный список в копии из ЦГВИАЛ.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 566—567 и 578. В. Пыпина. Любовь в жизни Н. Г. Чернышевского. Изд. «Прибой», П., 1923, приложение к книге.

³ Записки А. Ф. Раева. Основной фонд Дома-музея Н. Г. Чернышевского, ед. хр. № 603.

В «Летопись» вновь включены документы Н. Г. Чернышевского об увольнении из семинарии, а также его семинарские сочинения, опубликованные в 1952 и 1953 гг., научное значение которых признано советскими исследователями. «Семинарские сочинения Чернышевского представляют большой интерес, ибо они хотя и писались на заданные темы, но тем не менее свидетельствуют о громадной пытливости юноши Чернышевского, свидетельствуют о его попытках самостоятельных поисков ответов на поставленные вопросы, об отходе его от той схоластики, дидактики и риторики, которые господствовали в тогдашнем школьном преподавании духовных семинарий»¹.

До сих пор считалось, что первой научной работой будущего писателя был «Обзор топографических названий в Саратовской губернии татарского происхождения», о котором говорит А. Н. Пыпин².

В 1953 г. директором Научно-исследовательского института языка и литературы Татарстана М. Х. Гайнуллиным вместе с бригадой научных работников была предпринята поездка в Москву из Казани с целью специального изучения татарских рукописей Н. Г. Чернышевского. В результате исследования учебного архива Н. Г. Чернышевского в ЦГАЛИ был открыт новый самостоятельный труд 15-летнего юноши по составлению грамматики татарско-русского языка³.

В июне 1958 года в Дом-музей Чернышевского поступила рукопись саратовского краеведа Флегонта Васильевича Духовникова «Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове». Музей выписал ее в виде фотокопий из Института Русской Литературы, где она хранится⁴. Рукопись содержит новый материал для разработки темы «Чернышевский в Саратове», дает ряд штрихов для характеристики раннего Чернышевского, не вошедших в публикацию 1890 г.⁵ и в сборник воспоминаний о Чернышевском. По сравнению с журнальной статьей 1890 г. здесь имеется гораздо более пол-

¹ В. Евграфов. О вновь найденных текстах Н. Г. Чернышевского. В кн. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1953, т. XVI, стр. XXXIV. Речь идет о таких семинарских сочинениях, как «О следствиях книгопечатания», «О следствиях феодальной системы», «Смерть есть понятие относительное», «Обманывают ли нас чувственные органы?», «Образование человечества зависит от образования молодого поколения» и др.

² А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 20—21.

³ Гайнуллин М. Х. Н. Г. Чернышевский и его рукопись на татарском языке. Известия Казанского филиала Академии Наук СССР. Серия гуманитарных наук, Вып. 1. Таткиноздат, Казань, 1955, стр. 96—100.

⁴ Архив ИРЛИ, ед. хр. 7231, илл. 1—61 (145—206).

⁵ «Русская старина», 1890, № 9, стр. 531—568.

ное перечисление имен мемуаристов. В «Летопись жизни» из рукописи Духовникова внесены новые факты: участие Чернышевского в кулачных боях, мечты об окончании Духовной Академии со степенью бакалавра, чтение газеты «Московские ведомости», дата изучения немецкого языка.

Годы учения Н. Г. Чернышевского в Петербургском университете были изучены для «Летописи» в основном по его дневнику 1848—1850 гг., переписке с отцом и рукописному собранию записей университетских лекций. Все эти материалы первоначально расшифровывались, описывались и были подготовлены к печати в Доме-музее Н. Г. Чернышевского до передачи их в ЦГАЛИ. В результате этой работы в «Летопись» введены документы, относящиеся к таким фактам, как подача прошения в университет, наем первой квартиры, получение кандидатского диплома, зачисление преподавателем во 2-ой кадетский корпус по окончании университета перед отъездом в Саратов.

Благодаря выходу в свет Описи документов Н. Г. Чернышевского, хранящихся в ЦГАЛИ, «Летопись» смогла включить систематизированный материал по курсам наук, читавшимся в петербургском университете, и записям этих лекций, составленным Н. Г. Чернышевским. Этот материал за последние годы был тщательно обработан, заново расшифрован Н. А. Алексеевым и подготовлен к печати под редакцией такого опытного и требовательного к публикациям ученого, как Б. П. Козьмин. Самым последним вкладом в «Летопись» являются только что расшифрованные Н. А. Алексеевым рукописи лекций по русской словесности, которые молодой Чернышевский записывал за А. В. Никитенко и П. А. Плетневым.

Введены новые данные о занятиях Н. Г. Чернышевского в Публичной библиотеке над Лаврентьевской летописью по заданию И. И. Срезневского¹.

Ценным пособием оказалась книга С. А. Рейсера по уточнению пяти петербургских адресов Чернышевского-студента². Заметим, однако, что в указании первой квартиры, нанятой матерью Н. Г. Чернышевского для себя с сыном, в этом издании допущена ошибка. «Прожив первые дни у троюродного племянника Александра Федоровича Раева, Евгения Егоровна уже к 28 июня сняла на время отдельную квартиру где-то совсем недалеко от Раева»,—пишет С. А. Рейсер. В его книге имеется еще общий список петербургских адресов Н. Г. Чернышевского, и об этой первой квартире

¹ Сообщение профессора И. И. Корель в письме к составителю «Летописи» от 17 декабря 1953 г.

² С. А. Рейсер. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957, стр. 84—87 и 163—164.

там отмечено: «Адресных сведений нет»¹. Между тем, уже из письма Н. Г. Чернышевского к отцу от 21 июня 1846 г. известно, что к этому времени отдельная от Раеза квартира была нанята матерью². Один из самых ранних биографов Н. Г. Чернышевского указывает точный адрес: в Спасском переулке у Каменного моста в доме Прилуцкого, одна комната в третьем этаже³.

Проверенные сведения о первой квартире включены в новую редакцию «Летописи».

В ряду фактов, впервые введенных в «Летопись» для нового издания, особое место занимает факт знакомства Н. Г. Чернышевского с таким историческим документом, как письмо Белинского к Гоголю. В студенческие годы складывалось революционно-демократическое мировоззрение Чернышевского. Литературно-политические события русской жизни были важным фактором роста его революционного самосознания. Письмо Белинского к Гоголю широко расходилось в списках по рукам передовой молодежи, было известно членам кружка И. И. Введенского. Был ли знаком с ним Чернышевский? Этот вопрос впервые был поставлен проф. Оксманом в 1948 г. на научной конференции Дома-музея Н. Г. Чернышевского⁴. Его поддержал в своей монографии проф. Е. И. Покусаев⁵. Наконец, детальный анализ литературно-политических взаимосвязей и отношений Н. Г. Чернышевского в кружке И. И. Введенского был дан в исследовании А. П. Медведева, который пришел к выводу, что Н. Г. Чернышевский не мог не знать письма Белинского к Гоголю⁶. Составителем «Летописи» за это же время были привлечены беглые, но значительные упоминания А. Н. Пыпина, которо-

¹ С. А. Рейсер. Революционные демократы в Петербурге. Л. 1957, стр. 164.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 19.

³ Е. А. Ляцкий. Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет. «Современный мир», 1908, № 6, стр. 58. Ляцкий основывается на письме Евгении Егоровны Чернышевской от 20 июня 1846 г. Этого письма мы не нашли в архиве Н. Г. Чернышевского в ЦГАЛИ. В этом архиве первое и единственное указание адреса имеется в письме Е. Е. Чернышевской к мужу от 13 июля 1846 г. (Опись ЦГАЛИ, стр. 63, № 416.)

⁴ «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ». Доклад представлял собой извлечение из общей работы под тем же названием, опубликованной в 1952 г. См. «Ученые записки Саратовского госуниверситета», т. XXXI, стр. 111—204.

⁵ Е. Покусаев. Н. Г. Чернышевский (Критико-биографический очерк). Второе, дополненное издание. 1955, стр. 18. См. также первое издание. Саратов, 1953, стр. 18.

⁶ А. П. Медведев. Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского «Н. Г. Чернышевский». Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1958, стр. 42—104.

го Н. Г. Чернышевский ввел в кружок Введенского и который был и собеседником, и свидетелем политических бесед Н. Г. Чернышевского с другими лицами, например, с М. И. Михайловым в 1850 году. А. Н. Пыпин упоминает о письме Белинского к Гоголю как о хорошо знакомом документе¹. В результате изучения этого вопроса целым кругом литературоведов, создавших убедительную аргументацию, факт вошел в «Летопись».

Период преподавательской деятельности Н. Г. Чернышевского в саратовской гимназии и во 2-м кадетском корпусе представлен в новой редакции «Летописи» значительно полнее. Официальные документы (переписка, приказы, аттестаты и проч.) вошли сюда уже не по устаревшим печатным источникам, вроде статьи П. Л. Юдина, как это было в прежнем издании, а проверены по архивным собраниям ЦГАЛИ и ЦГИАМ.

Глава «Годы преподавания в саратовской гимназии» значительно обогатилась новыми датами и интересными фактами после выхода в свет ценных работ Г. Н. Вульфсона и Е. Г. Бушканца, много потрудившихся над изучением новых архивных материалов в Москве, Ленинграде, Казани и Саратове.

Опубликование Е. Г. Бушканцем списков учеников Чернышевского, участвовавших в «литературных беседах», позволило заполнить конкретным содержанием общие упоминания о деятельности Н. Г. Чернышевского и выявить, насколько многообразны и прогрессивны были задания, поставленные перед молодежью революционно-настроенным учителем². Е. Г. Бушканцу удалось раскрыть тематику двадцати литературных бесед.

Работы, вышедшие в Казани, дали возможность установить, как много сделал Чернышевский в Саратове для революционного воспитания своих учеников. В главу «Летописи» введены аннотации со ссылками на революционное движение 60-х годов, в котором приняли участие саратовские ученики Чернышевского.

«Значительную роль в ознакомлении студенчества Казани с идеями Чернышевского сыграли его ученики — воспитанники Саратовской гимназии, поступившие в Казанский университет, — Пишут Г. Вульфсон и Е. Бушканец. — Мы не

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 85—86.

² Бушканец Е. Новые материалы о педагогической деятельности Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии. «Новая Волга». Книга 21. Саратов; 1954, стр. 143—144.

располагаем данными о всех таких студентах, но фамилии двадцати двух из них установлены... Лучшие ученики Чернышевского, поступив в университет, явились там проводниками его идей. Они, объединившись со студентами-сибиряками, составили ядро одного из тайных революционных кружков, вели оживленные разговоры о политике, о свободе»¹.

В недавнее время доцентом Саратовского университета П. А. Бугаенко были обнаружены новые документы о Н. Г. Чернышевском, относящиеся к периоду его преподавания в саратовской гимназии и кадетском корпусе². Этот интересный материал также войдет в новую редакцию «Летописи».

Установлен факт личного знакомства Н. Г. Чернышевского с будущим членом общества «Земля и воля» 60-х годов Павлом Аполлоновичем Ровинским. По записи М. Н. Чернышевского на его личном экземпляре книги Ровинского со слов последнего оставлено указание: «С Николаем Гавриловичем познакомился в 1850 г., когда тот приехал в Саратов по окончании университета»³.

Наиболее полной переработке подверглись те разделы книги, которые относятся к личной, литературной и политической биографии Н. Г. Чернышевского, начиная с 60-х годов прошлого века.

В тексте книги включены даты общественно-политических событий. Крымская война, крестьянские волнения 1854 и 1855 гг. с аннотацией об участии в них двоюродного брата Н. Г. Чернышевского; выход «Полярной звезды» Герцена, эмиграция Огарева, Парижский мир; коронация Александра II и амнистия декабристов, петрашевцев и поляков, особый комитет по крестьянскому делу, первый лист «Колокола», рескрипты 20 ноября и 5 декабря 1857 года, восстание в Бездне и др.

Заново проверены личные документы Н. Г. Чернышевского, относящиеся к его педагогической деятельности с 1853 по 1855 гг., к зачислению канцелярским чиновником в петер-

¹ Г. Вульфсон и Е. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах, Таткнигоиздат, 1955, стр. 23.

² «Дело о предоставлении отпуска учителю саратовской гимназии Н. Г. Чернышевскому для сдачи магистерских экзаменов в Петербургском университете и о переводе его учителем во 2-й кадетский корпус» (ЦГИАЛ, ф., 733, оп. 46, ед. хр. 156, 1853 г., 21 лл). См. стр. 4.

³ Ровинский П. А. Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871—72 гг. Оттиск, Запись вклеена на стр. 572. Здесь налицо неточность памяти П. А. Ровинского: Н. Г. Чернышевский приехал в Саратов по окончании университета не сразу, а через год, в 1851 году. Оттиск статьи с записью М. Н. Чернышевского хранится в фондах Дома-музея. Заметим, что семья Ровинских несколько лет снимала квартиру в саратовском доме Чернышевских в годы ссылки Н. Г. Чернышевского.

бургское губернское правление, к утверждению в степени магистра. К этим документам даны новые ссылки на источники по описи ЦГАЛИ.

Пересмотрены все даты переезда на петербургские квартиры. Первоначально (в изданиях 1933 и 1953 гг.) они давались на основании писем Н. Г. Чернышевского к отцу за 1853—1861 годы. Это были неполноценные сведения: Чернышевский, по обычаю своего времени, указывал только название улицы и домовладельца. В 1953 году от 21 июля газеты «Ленинградская правда» появилась статья Е. Бусыревой «Чернышевский в Петербурге». Это была первая попытка уточнения адресов Чернышевского: указаны улицы с их переименованием после революции, номера домов и те факты литературной и политической биографии писателя, которые входили в соответствующие хронологические рамки адресов. Составителем «Летописи» эти данные были использованы с некоторыми поправками от себя.

Однако после выхода в свет книги С. А. Рейсера «Революционные демократы в Петербурге» (1957 г.) пришлось отказаться от материала Е. Бусыревой, как недостаточно проверенного и иногда бездоказательного. Из книги С. А. Рейсера для «Летописи» использованы данные об 11 домах, где находились квартиры Н. Г. Чернышевского. За 1846—1862 гг. введены точные адреса, относящиеся как к тому времени, когда там жил Н. Г. Чернышевский, так и современные. В аннотациях даны сведения о сохранившихся домах.

Уточнены и расширены даты совместного проживания Чернышевского с семьей Пыпиных. Это важно, так как в период революционной ситуации все Пыпины были гораздо более связаны с общественным движением, чем, например, Ольга Сократовна: Полина Николаевна была невестой В. А. Обручева, пострадавшего за распространение «Великорусса», Евгения—близкой подругой Антонины Блюммер, вскоре сосланной в Воронеж; обе сестры посещали университет и изучали математику. Сергей служил в книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича, куда его рекомендовал Н. Г. Чернышевский. Александр выполнял за границей поручения «Современника». Из квартиры Чернышевских Пыпины переписывались с родителями, жившими в Саратове, и делились с ними как семейными, так и литературными новостями. В этом отношении особенно интересно письмо Полины Пыпиной 1859 г., из которого впервые стало известно о личном знакомстве Н. Г. Чернышевского с Шевченко¹. В неизданных

¹ Дмитрий Косарик. Життя и діяльність Т. Шевченко. Літературна хроніка, Київ, 1955, стр. 218. Перводра. Маріятта Шагинян. Тарас Шевченко. М., 1941, стр. 246.

письмах, хранящихся в ЦГАЛИ, Пыпины перечисляют, с кем все они встречали новый год; этими сообщениями определялся круг близких к Н. Г. Чернышевскому лиц¹.

В связи с изучением книги С. А. Рейсера проверено указание В. А. Пыпиной о том, что «весною 1853 года, в самый разгар экзаменов Пыпина, приехал из Саратова с молодой женой Николай Гаврилович и после временной остановки у Терсинского, незадолго перед тем овдовевшего, поселился под Петербургом на островах. Пыпин стал жить с ними»².

Труд С. А. Рейсера послужил исправлению адреса, указанного В. А. Пыпиной. Чернышевские и Пыпин поселились не на островах, а на Ждановской набережной близ Тучкова моста в бывшей квартире И. И. Введенского. Вероятно, Верой Александровной было использовано выражение «где-то на островах», бытовавшее в семейном кругу Чернышевских и Пыпиных по припоминаниям второго поколения, когда уже никого из старших не осталось в живых. Но и это первоначальное упоминание В. А. Пыпиной не лишено основания: Ждановская набережная находилась прямо против Петровского острова, где Чернышевские летом снимали дачу.

По архивным материалам ЦГАЛИ заново пересмотрены, в целях уточнения, даты поездок Чернышевского в Саратов в 1859—1861 годах.

Дата приезда в Саратов в 1859 г. уточнена по рукописи воспоминаний Екатерины Николаевны Пыпиной, записанных составителем «Летописи» и хранящихся в Доме-музее. Там имеется дата месяца, но ошибочно указан год: 1858 вместо 1859 г. В «Летописи» использованы числа месяца, но внесена поправка в дату года.

Отъезд из Саратова в 1859 году, датированный в «Летописи» 1953 г. ориентировочно, теперь указан совершенно точно по письму Александры Егоровны Пыпиной к сыну А. Н. Пыпину от 23 августа: «Сегодня провожаем Николая Гавриловича, Сережу и Полиньку в Петербург, все плачут...»³.

Насколько можно, т. е. с точностью до 2-х дней, установлена дата отъезда Чернышевского из Саратова в 1861 году. Как известно, в это время к отцу Чернышевского в Саратове приезжал полицмейстер с просьбой о том, чтобы Николай Гаврилович взял с собой на пароход в попутчики его сына, который также должен был ехать в Петербург. Николай Гав-

¹ Так, в письме Евгении Ник. Пыпиной от 1 января 1862 года рассказывается о встрече нового года с П. И. Боковым и его женой, А. П. Блюммер, М. А. Антоновичем, двумя братьями Вороновыми, А. В. Захарьиным и другими (ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 107, л. 5).

² «К биографии А. Н. Пыпина». Рукопись, л. 101 (частное собрание).

³ ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 332. л. 76.

рилович отклонил эту просьбу под предлогом поездки в Вольск к своему однофамильцу Александру Гавриловичу. Из письма последнего к Гавриле Ивановичу Чернышевскому (своему крестному отцу) видно, что Чернышевский мог выехать из Саратова в Вольск только 14 сентября, а из Вольска в Петербург только 16 сентября¹. В прежнем издании отъезд датировался ориентировочно как 14 или 15 сентября на основании письма к Добролюбову от 5 сентября, где эти числа приводятся как предположительный срок отъезда.

Итинерарий Чернышевского конца 50-х и начала 60-х годов пополнился новыми датами и уточнением прежних источников. Так, при изучении архива Пыпиных в ЦГАЛИ, в 1956 году удалось обнаружить письмо Николая Дмитриевича Пыпина к сыну Александру Николаевичу в Париж — о поездке туда Николая Гавриловича². Об этой поездке (конечно, по пути в Лондон к Герцену) в Доме-музее сохраняется вещественное доказательство: веер Ольги Сократовны, привезенный ей в подарок Чернышевским с этикеткой парижской фирмы. До сих пор в литературе этот факт не упоминался: речь шла обычно только о Лондоне, только о Герцене. Нет сомнений, что от Пыпина Чернышевский не скрыл цели своего путешествия к Герцену.

Новые архивные находки Б. П. Козьмина подтверждают факт поездки Н. Г. Чернышевского к А. Н. Пыпину в Париж по пути в Лондон к Герцену. Исследователь любезно сообщил нам, что «редакции» «Лит. наследства» удалось найти письма А. Н. Пыпина из Парижа в 1859 г. к Б. И. Утину в Лондон. В них говорится о поездке Н. Г. в Лондон. Упоминается, что на обратном пути Н. Г. писал Пыпину о своих впечатлениях в Лондоне. Письмо было написано из Штеттина. Очевидно, оно не сохранилось. Из письма Пыпина к Утину видно, что оно было написано «в весьма разочарованном духе»³. А немного спустя Б. П. Козьмин привел новые основания: «По дороге в Лондон Н. Г. заехал в Париж, где пробыл два дня. Даты его пребывания в Париже можно установить на основании письма Спасовича к Кавелину. 16 июля Спасович писал из Парижа: «Чернышевского нет уже в Париже»⁴.

¹ Письмо от 17 сентября 1861 г. (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 30, лл. 1—3).

² «Я очень был рад, что Николая ездил в Париж и привез нам весточку о тебе,—говорится в приписке Н. Д. Пыпина к письму А. Е. Пыпиной к А. Н. Пыпину от 23 августа 1859 г. (ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 332, л. 76 об.).

³ Письмо Б. П. Козьмина от 19 сентября 1955 г. См. также его статью «К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон» («Лит. наследство», т. 67, М., 1959, стр. 125—126).

⁴ Письмо Б. П. Козьмина от 14 ноября 1955 г.

Большой интерес представляют ново-найденные письма К. Д. Кавелина к П. Л. Лаврову и Е. П. Ковалевскому 1865 г. в связи с предполагавшимся обсуждением в Литературном фонде предложения облегчить судьбу сосланного Н. Г. Чернышевского¹.

Важное значение имеет вопрос об уточнении даты портрета Н. Г. Чернышевского, исполненного в фотографии В. Лауфферта в 1859 году. Точных данных об этом ни в литературе, ни в переписке, ни в мемуарах современников не содержится. Первоначально предполагалось, что этот фото-портрет мог быть выполнен перед отъездом Н. Г. Чернышевского в Лондон. Это предположение опиралось на некоторые свойства характера Ольги Сократовны, которая любила отмечать подобным образом разные семейные события, а здесь это было налицо: заграничная поездка, долгая разлука.

Но в 1957 году возникли другие соображения. В первом издании летописи жизни Шевченко на украинском языке находится материал о праздновании юбилея артиста А. Е. Мартынова, о поднесении ему альбома с фотокарточками и личными подписями всех виднейших писателей эпохи 60-х годов. Имя Чернышевского указано в их числе². Д. М. Косарик нашел также адрес, поднесенный артисту Мартынову 10 марта 1859 г. Там есть и подпись Н. Г. Чернышевского. Нет ничего удивительного, если для этого юбилея Чернышевского сфотографировали.

В результате в новое издание «Летописи» входит аннотация к дате юбилея Мартынова с новой предположительной датировкой портрета Н. Г. Чернышевского.

Гораздо счастливее обстоит дело с другим портретом Н. Г. Чернышевского, а именно с фотографией учредителей Литературного Фонда, среди которых был сфотографирован и он.

До сих пор эта группа датировалась 1859 годом в разных изданиях. Под этой датировкой она вошла и в иконографические фонды наших литературных музеев. Однако в последнее время установлена другая и совершенно точная дата: 27 марта 1860 г. Именно в этот день А. В. Никитенко записал в своем дневнике, после собрания в Литературном Фон-

¹ Эти письма опубликованы Ш. М. Левиным в статье «Предложение Лаврова Литературному фонду ходатайствовать о Чернышевском» (Лит. наследство, № 67, М., 1959).

² Дмитро Косарик. Життя і діяльність т. Шевченка, Київ, 1957, стр. 200. Ср. «Библиотека для чтения» 1859, т. 154, март, отд. «Современная русская летопись» стр. 56—59. См. также «Очерки истории Ленинграда», т. 2. Период капитализма. Вторая половина XIX века. Изд. АН СССР, М.-Л., 1957, стр. 423.

де: «...члены Комитета пошли к фотографу Кучаеву, который просил у нас позволения снять с нас портреты в группе»¹.

Н. А. Алексеевым была просмотрена переписка отца Н. Г. Чернышевского с сыном с 1859 по 1861 г. Обмен письмами шел аккуратно, обычно писали друг другу раз в неделю. По ответным письмам отца было установлено наличие и количество писем самого Н. Г. Чернышевского. Сличение этого количества с той перепиской, которая опубликована Гослитиздатом в XIV томе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, приводит к выводу, что многие письма писателя до нас не дошли. По-видимому, они погибли во время саратовского пожара в 1866 году. Н. А. Алексеевым была составлена подробная хронологическая таблица этих писем, давшая возможность ввести в «Летопись» под каждой годовой датой регистрацию несохранившихся писем. Так, в 1854 году их насчитывается двадцать восемь, а в 1855 г.—семнадцать, в 1856—тридцать четыре, в 1857 г. сорок восемь, в 1858—тридцать одно, в 1859 г. — двадцать восемь².

Перейдем кличным связям и знакомствам Николая Гавриловича. Из личных встреч и знакомств Чернышевского 50—60-х годов уточнена дата знакомства с Добролюбовым: около апреля 1856 г. Как известно, в литературе существуют противоречивые данные об этом факте, и точной даты до сих пор никому не удалось установить. Составитель «Летописи» счел возможным солидаризироваться с составителем «Летописи» Н. А. Добролюбова С. А. Рейсером³.

В прежнем издании «Летописи» Чернышевского датой знакомства Чернышевского и Добролюбова считалась также приблизительная, но более далекая дата: «До 19 июля 1856 г.».

Пересмотрены прежние и изучены новые публикации, касающиеся встречи и беседы Н. Г. Чернышевского с казахским ученым Чоканом Валихановым. Необходимо было уточнить источник, где впервые была опубликована запись из дневника Валиханова 1861 г. об этой беседе.

Печатный первоисточник был обнаружен в статье Х. Бекхожина, где к дневниковой записи Ч. Валиханова о встрече с

¹ А. В. Никитенко. Дневник. В трех томах. Т. 2, 1858—1865. Гослитиздат М., 1955, стр. 113. Эти сведения были обнаружены и сообщены нам зав. фондами ИРЛИ Е. А. Ковалевской и научной сотрудницей А. П. Холиной 13 ноября 1958 г. в Ленинграде.

² Таблица, составленная Н. А. Алексеевым, была любезно прислана им в целях использования для «Летописи» в 1955 г.

³ С. А. Рейсер. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова М., 1953, стр. 124—125.

Н. Г. Чернышевским дается ссылка на газету «Казахстанская правда» от 23 октября 1952 г.¹

По новому источнику введена в «Летопись» дата встречи Чернышевского с Дмитрием Ивановичем Менделеевым: 17 января 1862 г.

В прежнем издании «Летописи» об этой встрече рассказано по присланной Дому-музею выписке из расшифрованного дневника Менделеева его бывшим личным секретарем Алексеем Васильевичем Скворцовым². Печатного источника тогда не существовало. В 1957 г. составитель «Летописи» вновь обратился к А. В. Скворцову по этому вопросу, в результате было получено библиографическое указание и, в соответствии с ним, была использована новая печатная редакция дневника. В этой новой редакции раскрыт политический портрет Н. Г. Чернышевского. Менделеев обратился к последнему по вопросу об условиях записи в члены Шахматного клуба. «Спросил я его, чтобы слышать, как говорит и как относится к незнакомому человеку этот вождь целой партии»,—отмечает Менделеев³.

Интересные данные для «Летописи» были обнаружены в юбилейной заметке 1953 года, принадлежащей А. Н. Инджикяну. Это—весьма меткое предположение о личном знакомстве Чернышевского с армянским революционным демократом Микаэлом Налбандяном, фамилия которого обычно искажалась в агентурных донесениях: Баландин, Налбандов и т. п. Предположение А. Н. Инджикяна введено в «Летопись» как удачное и весьма близкое к действительности⁴.

Наиболее значительные изменения в «Летописи» касаются литературной биографии Н. Г. Чернышевского. Важнейшей частью этого раздела является творчество писателя. В задачу составителя «Летописи» входит установление основного корпуса литературной продукции со всеми ее ответвлениями: начиная с творческих замыслов и кончая незавершенными отрывками.

За истекший период выявилась необходимость, с одной

¹ Х. Бекхожин. Влияние Н. Г. Чернышевского на формирование общественно-политических взглядов Ч. Валиханова. — «Ученые записки Казахского гос. университета им. С. М. Кирова», т. 19, 1955, стр. 77. Там же имеется расплывчатое указание на «архивные источники», видимо, автору неизвестные.

² Письмо хранителя Менделеевского музея при Всесоюзном научно-исследовательском институте Метрологии А. В. Скворцова Дому-музею от 7 июля 1950 г.

³ Д. И. Менделеев. Научное наследство. Естественно-научная серия, г. 2, изд. АН СССР, М., 1951, стр. 222.

⁴ Инджикян, А. Н. Чернышевский и М. Налбандян. «Коммунист», (Ереван), 1953, № 172.

стороны — пополнения «Летописи» новыми данными, с другой — исключения из нее таких сведений, которые, в соответствии с дальнейшим развитием нашей науки и с открытием новых документальных источников, следует признать ошибочными.

В. Э. Боград составил подробную роспись помещенных в «Современнике» статей и рецензий. В основу этой работы положено исследование конторских книг и гонорарных ведомостей, хранящихся в Институте Русской Литературы АН СССР и архивных материалов Гос. Публичной библиотеки имени Щедрина в Ленинграде. Таким образом, продолжена и расширена работа С. А. Рейсера и Ю. Н. Масанова, впервые выступивших в этом направлении¹.

Результаты научных изысканий В. Э. Богграда обобщены в его книге «Журнал «Современник» 1847—1866. Указатель содержания» (Л. 1959). Оказалось возможным уточнение дат выхода книжек «Современника» за 1855—1862 гг. в семидесяти четырех случаях. Для «Заметок о журналах» в аннотации к датам внесены данные о соавторстве Н. Г. Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым, А. Н. Пылиным, Е. Колбасиным и др. Если в «Летопись» 1953 г. были включены только даты, относящиеся к личному переводу Н. Г. Чернышевским книги Т. Маколея «Рассказы из истории Англии», то теперь вводятся не только переводы Н. Г. Чернышевского, но и переводы других лиц, отредактированных Н. Г. Чернышевским, по его собственному указанию, в собственноручном списке статей, составленном в 1861 г.: «Мною переведено, остальное все отмечено к переводу и пересмотрено, что делало хлопот немногим меньше перевода»².

Уточнено соавторство Н. Г. Чернышевского с Жеромским и Орловым в составлении «Сведений о числе подписчиков на «Современник» за 1860, 1861 и 1862 гг. Вставлены «Заметки от редакции» журнала «Современник», например, о предстоящем печатании перевода «Политической экономии» Милля, которую мог составить только Н. Г. Чернышевский. Некролог И. И. Панаева, принадлежность которого Н. Г. Чернышевскому вызывала сомнения у некоторых литературоведов (и потому в «Летописи» был снабжен аннотацией о предположительном авторстве), теперь занял полноправное место после обнаружения его в списке статей Н. Г. Чернышевского, находя-

¹ См. Гонорарные ведомости «Современника». Вступительная статья и примечания С. Рейсера — «Лит. наследство», т. 53—54, М., 1949, стр. 229—288 и «Современник» 1847—1866 гг. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов с раскрытием их авторства. Сост. Ю. Масанов. Там же, стр. 435—513.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI, М., 1953, стр. 638.

щемся в архиве П. А. Ефремова. На основании списка статей А. Н. Пыпина, составленного им самим, из «Летописи» Н. Г. Чернышевского изъята рецензия на «Записки Сибирского отдела императорского русского Географического общества» в октябрьской книжке «Современника» 1856 г. Числящиеся как Divia пять рецензий в той же книжке В. Э. Боград безоговорочно относит также к А. Н. Пыпину и на основании личного его указания на упомянутую статью, и после анализа записи в гонорарных ведомостях «Современника», хранящихся в архиве ИРЛИ.

Все эти и некоторые другие сведения, добытые В. Э. Боградом, уточнили в «Летописи» факты литературной биографии Н. Г. Чернышевского¹.

С большим удовлетворением в «Летописи» отмечается работа профессора Саратовского педагогического института А. Ф. Ефремова о принадлежности Чернышевскому рецензии на книгу Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего»².

Если с одной стороны новое издание «Летописи» нуждается в пополнении ново-открытыми работами Чернышевского, то с другой стороны, в связи с дальнейшей разработкой литературных материалов, выявилась необходимость изъять из текста «Летописи» то, что не принадлежит Чернышевскому. Это относится прежде всего к рецензии на стихотворения Плещеева в мартовской книжке «Современника» за 1861 г., которая приписывалась Чернышевскому. После опубликования письма А. Н. Плещеева к М. И. Михайлову от 3 апреля 1861 года, стало известно, что эта рецензия принадлежит Михайлову³.

В ряду вопросов, имеющих отношение к литературной биографии Чернышевского за истекший период, видное место занимал вопрос о принадлежности рукописи «История французских крестьян»; В. Баскаков безоговорочно считает автором Чернышевского. Б. П. Козьмин, которому была послана на отзыв работа Баскакова, вскрыл эту ошибку. С. Покровский в своей книге «Правовые и политические взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова» повторил версию о принадлежности «Истории французских крестьян» Н. Г. Чер-

¹ См. также статью В. Э. Бограда «Чернышевский в С. Петербургских ведомостях» («Лит. наследство» т. 67, М., 1959, стр. 80).

² А. Ф. Ефремов. К вопросу об авторстве безымянной рецензии на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». — «Н. Г. Чернышевский» (статьи, исследования, материалы), Саратов, 1958, стр. 479—493.

³ А. Ф. Захаркин. Новые материалы о поэте-революционере М. Л. Михайлове. — Известия Академии Наук СССР, отд. литературы и языка, 1953, т. XII, вып. 5. Сентябрь—октябрь, стр. 435.

нышевскому. Н. А. Алексеевым было произведено сличение текста рукописи с книгой Ш. Бонмера, в результате исследователь установил, что в архиве Чернышевского хранится не самостоятельный труд русского революционного демократа, а предпринятый по его инициативе перевод книги французского историка. Составителю «Летописи» еще с 1936 г. известны данные гонорарных ведомостей Пушкинского Дома о том, что перевод этот был оплачен, но не пропущен цензурой к печати.

В научный оборот Дома-музея Чернышевского поступило собрание микрофильмов, включающее материалы о Чернышевском в архивах его современников. Здесь, по указанию Е. Г. Бушканца, были использованы неизданные воспоминания одного из сотрудников журнала «Современник» Д. Л. Михаловского под названием «Начало моего знакомства с Николаем Алексеевичем Некрасовым и Николаем Гавриловичем Чернышевским».

В этих мемуарах прямо рассказывается о том, как по предложению Н. Г. Чернышевского Михаловский принял на себя и выполнил перевод книги Бонмера¹.

Это — лучший комментарий к эпизоду, который был фальсифицирован В. Баскаковым и С. Покровским.

В литературной биографии Чернышевского большое место занимает цензурная судьба его произведений и цензурная судьба «Современника» вообще. В этом отношении «Летопись» пополнилась новыми интересными материалами, которые были извлечены из недавно появившихся в печати статей А. Гаркави и М. Львовой. Статья А. Гаркави «Чернышевский и царская цензура» знакомит нас с рапортами чиновника особых поручений Н. Родзянко на имя министра народного просвещения о работах молодого Чернышевского: «Очерки Гоголевского периода русской литературы», «Лессинг», «Заметки о журналах» и др. В этих рапортах обращается внимание на выступления Чернышевского против крепостного права, на его высокую оценку деятельности Белинского, на политическую неблагонамеренность монографии о Лессинге². Автор статьи, однако, допускает в одном месте неточность, исправленную в книге В.Э. Богграда: Чернышевскому приписывается авторство статьи «Русское разномыслие»³, которая в действительности была написана Н. В. Шелгуновым.

¹ Опись ЦГАЛИ, стр. 92 (ф. № 309, оп. 1, ед. хр. лл: 21 об и 3).

² А. М. Гаркави. Н. Г. Чернышевский и царская цензура. — Ученые записки Калининградского Гос. Педагогического института, вып. 2. Калининград, 1956, стр. 13—23.

³ Там же, стр. 24.

В статье М. Львовой использованы документы 1862 года из архива ЦГИАЛ, ЦГИАМ и ГПБ¹. В них подробно освещены деятельность министра просвещения Головнина, его правила 12 мая, «направленные «против социализма и коммунизма». Эти документы придали больший вес соответствующим датам «Летописи».

Для нового издания «Летописи» шире привлечен материал об отношениях Чернышевского и Шевченко.

Теперь этот материал ведет свое начало от семейных саратовских воспоминаний о приезде великого кобзаря на родину Чернышевского и рассказов об этом в доме Чернышевских. Даты встреч Чернышевского и Шевченко в Петербурге уточнены благодаря исследовательской работе, проведенной Д. Косариком для хроники Шевченко. Самые же встречи зафиксированы по материалам Дома-музея Чернышевского.

Благодаря указанию Б. И. Лазерсон, удалось найти интересные данные в забытом сборнике 1880 года о художнике А. А. Иванове². До сих пор взаимоотношения выдающегося художника с Чернышевским были известны по статье Николая Гавриловича³.

Сборник 1880 года послужил для «Летописи» ценным источником, раскрывшим в переписке художника целый ряд подробностей, которые обогатили прежние сведения, уточнили и освежили их. Так, из письма от 22 июня 1858 г. художника к Чернышевскому мы узнаем, что А. А. Иванов обращался к Николаю Гавриловичу с просьбой «о переводе с немецкого несколько строк», т. е. книги Штрауса «Жизнь Иисуса». Затем происходит встреча, описанная в статье Н. Г. Чернышевского и в следующем письме А. А. Иванова к брату. Выясняется присутствие обоих на литературных обедах 6 и 7 июня 1858 г. В центре внимания—картина Иванова «Явление Христа народу» как попытка произвести реформу в живописи. Материал, введенный в «Летопись», связан с последним периодом жизни художника, когда под влиянием Штрауса и Фейербаха он переживал глубокий внутренний перелом.

Необходимо остановиться еще на одном имени, которое особенно живо интересует сейчас научные круги и о котором до сих пор было так мало фактических сведений. Это Иван Михайлович Сеченов. Был ли он лично знаком с Чернышев-

¹ М. В. Львова. Как подготовлялось закрытие «Современника» в 1862 г. — «Исторические записки» АН СССР, 1954, № 46, стр. 308—320.

² «Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка», 1806 — 1858. СПб, 1880, стр. 341 и 348.

³ «Заметки по поводу предыдущей статьи» (П. Кулиша). Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 337—340.

ским? Когда об этом думают и говорят советские ученые, они невольно приходят к выводу, что в этом не может быть сомнений.

Между тем, несмотря на многолетние розыски, на этот вопрос еще не существует положительного ответа.

Правда, некоторые авторы заметок о Чернышевском и Сеченове идут по линии наименьшего сопротивления и прямо считают основным документом, подтверждающим личную связь обоих ученых, ту визитную карточку, на которой написано приглашение на вечер по случаю сдачи экзаменов Марией Александровной Боковой. Но экзамены были сданы ею после ареста Чернышевского, следовательно, в приглашении «Александра Николаевича Пыпина и Чернышевского» не может идти речь о Николае Гавриловиче¹. Здесь, конечно, имеется в виду старший сын Чернышевского Александр.

В печати однажды промелькнуло упоминание о том, что Чернышевский бывал в имении Сеченова Клипенино Ржевского уезда².

Но ни в семейном архиве, ни в мемуарной литературе нет никаких сведений о поездках туда Николая Гавриловича Чернышевского, и опять-таки существуют письма о поездке в Клипенино сына Чернышевского Александра в годы ссылки отца³.

В некоторых научных публикациях последнего времени в категорической форме отмечается недостоверный факт: наличие личных взаимоотношений Чернышевского и Сеченова на основании дружеской записки Сеченова опять-таки к сыну Чернышевского Александру. Записка относится к тому времени, когда Чернышевский находился в ссылке⁴.

Еще хуже обстоит дело с попытками доказать личное знакомство Чернышевского и Сеченова на основании идейных созвучий⁵.

¹ См. С. В. Пантелеева. Из Петербурга в Цюрих. В кн. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Гослитиздат, 1958, стр. 685. Здесь говорится о том, что «на медицинском факультете выдержала экзамен Н. П. Суслова в 1867 г., за нею — М. А. Бокова».

² См. Бычинский С. О пребывании Чернышевского в Ржевском уезде. — «Литературный листок» (беспл. прилож. к № 144 газ. «Ржевская правда») 1928, № 4, 2 декабря, стр. 3.

³ См., например, письмо Александра Чернышевского к А. Н. Пыпину от 20 июня 1875 (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 369, л. 2).

⁴ М. Рабинович. Неопубликованное письмо И. М. Сеченова к А. Н. Чернышевскому. — «Физиологический журнал имени И. М. Сеченова», 1954, т. 40, № 1, стр. 128.

⁵ В. Е. Гурвич. Еще одно доказательство личной и идейной близости И. М. Сеченова и Н. Г. Чернышевского. — «Труды института истории, естествознания и техники», изд. АН СССР, т. 4 1955.

Ни записка самого Сеченова, ни опубликованная переписка Марии Александровны Боковой-Сеченовой, ни воспоминания о ней наших современников, беседовавших с ней о Чернышевском, не дают материала для утверждения о личном знакомстве Чернышевского и Сеченова.

**
*

Центральными, узловыми вопросами политической биографии Н. Г. Чернышевского в «Летописи» являются те моменты революционной деятельности Чернышевского, которые за истекший период послужили предметом обсуждений, споров и полемик. Это, прежде всего, поездка Чернышевского в Лондон к Герцену, письмо к Герцену в «Колоколе» за подписью «Русский человек» и воззвание «К Барским крестьянам».

В прежнем издании «Летописи» поездка Чернышевского в Лондон датировалась по статьям М. В. Нечкиной «Чернышевский в годы революционной ситуации» 1841 г. и «Огарев в годы революционной ситуации» 1847 годом.

Полемика между М. В. Нечкиной и Б. П. Козьминым, посвященная выяснению точных целей поездки Чернышевского в Лондон, развернулась уже после опубликования «Летописи». Теперь эти полемические выступления вводятся в «Летопись» в виде библиографической справки, в основном же тексте оставляются только личные высказывания самого Чернышевского (рассказ Стахевичу, примечание к «Материалам для биографии Добролюбова», т. 1, М., 1890, с. 439 и письмо К. Т. Солдатенкову от декабря 1888 г.)

Письмо «Русского человека» к Герцену в прежнем издании было аннотировано в соответствии с предположениями М. В. Нечкиной о принадлежности его Добролюбову. В новом издании аннотация к этому документу содержит указания на противоречивость исследователей по вопросу его авторства. Приведены мнения Б. П. Козьмина, М. В. Нечкиной, Е. Г. Бушканца, С. А. Рейсера и других.

Поскольку в полемике между М. В. Нечкиной и Б. П. Козьминым был заново поднят вопрос об авторстве и времени составления прокламации «Барским крестьянам», составитель «Летописи» счел необходимым заново пересмотреть источники. Теперь на первое место в качестве источника поставлена публикация 1923 г.¹, где впервые после Октябрьской революции Чернышевский был признан автором прокла-

¹ Политические процессы 60-х годов. Под ред. Б. П. Козьмина. М.-Пг., 1923.

мации со стороны одного из крупнейших советских историков. Второе место занимает тщательно прокомментированный М. В. Нечкиной текст, вышедший в 1928 г.¹

Большим событием в истории изучения шестидесятых годов явился выход в свет «Росписи» «Колокола», составленной сотрудниками Всесоюзной книжной палаты под редакцией Б. П. Козьмина. Этот капитальный труд нельзя было не учесть при подготовке нового издания «Летописи» Чернышевского. Вся «Летопись», начиная с первой до последней даты выхода «Колокола» с материалами о Чернышевском, была заново пересмотрена и проверена.

В издании «Летописи» 1953 г. не были в достаточной мере разработаны материалы для точной датировки участия Н. Г. Чернышевского в организации тайного общества «Земля и воля» 60-х годов. Все еще находилось под сомнением существование тетрадей с записями А. А. Слепцова. В настоящее время В. Э. Бограду удалось обнаружить копии, снятые М. К. Лемке и М. Н. Чернышевским с рукописей Слепцова, полученных ими во временное пользование от М. Н. Слепцовой².

Интересным источником для «Летописи» послужило также новое исследование М. В. Нечкиной «Земли и воли» 1860-х годов (по следственным материалам)³.

Одной из ответственных задач «Летописи» как справочника, опирающегося на проверенные источники, является своего рода учет тех лиц, которые будучи участниками революционного движения 60-х годов, входили в личное общение с Чернышевским. Как обстоит дело в этом отношении, если сравнить издание 1953 г. с теми данными, которые обнаружены теперь?

Такие соратники Чернышевского, как Шелгунов, братья Серно-Соловьевичи, А. Слепцов, П. Л. Лавров и другие вошли в «Летопись» 1953 г. Теперь их список пополнился именами учеников Чернышевского по Саратовской гимназии: Мосолов, Шатилов, Песков, Умновы и другие, благодаря исследованиям в архиве Казанского университета, Вульфсона и Е. Г. Бушканца⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. I, М.-Л., 1928.

² См. «Лит. наследство», т. 67., М., 1959, стр. 676—682.

³ «История СССР», № 1. 1957. Изд. АН СССР.

⁴ «Проникновение идей революционной демократии в Казанский университет накануне падения крепостного права в России». — «Ученые записки Казанского гос. университета, 1954, т. 114, кн. 9 и «Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах». Казань, 1955.

Из нескольких уст за это время прозвучала поправка к описанию диспута Чернышевского 10 мая 1855 года. Все мы знаем великолепное описание этого дня, данное Н. В. Шелгуновым в его воспоминаниях. Мы с увлечением читали о том, как держал себя С. И. Сераковский на этом диспуте:

«Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах. Я тоже был в числе этих, а рядом со мной стоял Сераковский (офицер генерального штаба, впоследствии принявший участие в польском восстании и повешенный Муравьевым). Во время диспута Сераковский приходил в самый шумливый восторг и увлекался до невозможности (Сераковский был горячий и увлекающийся человек)»¹.

Однако ныне выяснилось, что память изменила славному шестидесятнику. Сераковский не присутствовал на защите диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Впервые это стало ясно из хроники жизни и деятельности Шевченко, составленной Д. М. Косариком (1955). К новоизученным источникам относится, в первую очередь, переписка Т. Г. Шевченко с С. И. Сераковским².

Сопоставив содержание писем С. И. Сераковского и Бренислава Залесского от конца мая по 18 сентября 1856 г. с письмом Н. Г. Чернышевского к Некрасову от 5 октября того же года, Д. М. Косарик делает не допускающий возражений вывод, что Сераковский мог быть в Петербурге только между июнем и августом. Датировка пока еще растянутая, но заслуживают внимания сами выводы³.

Такая же картина наблюдается и в области установления личных взаимосвязей с общественно-политическими деятелями эпохи 60-годов. Здесь нужна тщательная проверка источников и потребует не один год коллективного исследования богатейших архивных собраний.

Необходимо на основании документов более тщательно огривать лиц, которые действительно были деятелями революции в отличие от попутчиков и случайных помощников. Невозможно на одну доску ставить А. В. Захарьина и Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Потебню и В. И. Рычкова.

Так, Александр Васильевич Захарьин, семья которого в течение многих десятков лет был знакома и дружна с не-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.-Л., 1923, стр. 163—164.

² Твори Т. Шевченко, т. III, стр. 271 и след.

³ В монографии А. Ф. Смирнова «Сигизмунд Сераковский» — (М. 1959) обобщен и расширен материал о связи Н. Г. Чернышевского с Сераковским с привлечением новых данных, напр., о близком знакомстве Николая Гавриловича в 1856 г. с бывшим членом «Союза молодежи» И. Ф. Савицким. Эти данные заслуживают внимания и требуют включения их в «Летопись».

сколькими поколениями семьи Н. Г. Чернышевского, настолько известен, что автор этих строк берется с полным правом утверждать: не может быть и речи о его прикосновенности к революционному движению шестидесятых годов. Другое дело — его побочное родство с семьей Ольги Сократовны (он был незаконным сыном ее отца) и чисто родственная отзывчивость в трудные минуты жизни. После работы в парходном обществе в начале 60-х годов Захарьин нажил на промыслах в Сибири крупное состояние, стал «дельцом» капиталистического склада и имел легкий доступ в высшие сферы. Он сделал много добра Н. Г. Чернышевскому в последние годы его жизни, подобно тому, как впоследствии жена Захарьина Елена Васильевна материально помогала сыну Чернышевского Михаилу Николаевичу в период издания им сочинений отца. Но говорить об А. В. Захарьине как о руководителе революционного подполья в Нижнем Новгороде и об одном из руководителей тайной организации «Земля и воля» наряду с Утиным, Слепцовым, Сераковским можно только в том случае, если бы были обнаружены солидные документальные аргументы. Основываться на случайных агентурных донесениях нельзя, они обычно проверялись и подтверждались судебным следствием. Дела о Захарьине как революционере не обнаружено.

Такое же легкое отношение допускается к характеристике двоюродного брата О. С. Чернышевской Вениамина Ивановича Рычкова, проживавшего на квартире у Чернышевских в начале 60-годов и бывшего свидетелем ареста Николая Гавриловича. Вот что пишет В. Баскаков:

«Офицер Н. И. Рычков (заметим, что В. Г. Баскаков оставляет ошибку агента, доносившего в III отделение о Ниле Ивановиче, а не Вениамине.—*Н. Черн.*), талантливый организатор, находился в постоянных тайных сношениях с Чернышевским и по его заданию в 1860—1862 гг. проводил подпольную революционную работу в воинских частях Кавказского военного округа». При этом Баскаков ссылается на архивный источник: «ЦГИА. О штабс-капитане Рычкове. Ф. III, отд. 1. эксп., ед. хр. 230, ч. 33, 1862». Однако при проверке этого источника сведений, приводимых В. Баскаковым, не оказалось. Там находятся всего два письма—переписка военного начальства в лице Корсакова с управляющим III Отделением по вопросу о возможности прикомандировать Рычкова к Константиновскому училищу. III Отделение не советует этого делать из осторожности, основываясь на секретных данных. На приложенном листке (по-видимому, это и есть секретное агентурное донесение) указано, что Рычков жил на квартире Чернышевского. О Константиновском училище упоминается и в

агентурных донесениях, приводимых В. Баскаковым. Но революционная пропаганда на Кавказе—домысел автора книги¹.

В другом месте В. Баскаков прямо ставит Рычкова на одну доску с Н. Н. Обручевым, Н. В. Шелгуновым, С. И. Сераковским, П. Л. Лавровым, А. А. Потемней и другими выдающимися деятелями революционного движения 60-х годов².

Было бы весьма интересно отметить в новом издании «Летописи» деятельность революционера Рычкова на Кавказе по заданию Чернышевского. Но, проверив источник, составитель должен был отказать себе в этом.

О революционере 60-х годов полковнике Савицком у В. Баскакова сказано: «В начале 1862 г. Савицкий вел широкую пропаганду революционных идей среди русских войск, находившихся в Курске»³.

Сноска дана на дело «О находившемся в Курске полковнике генерального штаба Савицком». (ЦГИА, ф. III, отд. 1, эксп., ед. хр. 276, 1862).

Это дело также было нами проверено. Оно содержит переписку III Отделения о том, что Савицкий высказывал противоправительственные идеи в обществе офицеров. Это не широкая пропаганда в войсках, т. е. среди нижних чинов. Говоря дальше о Савицком и приводя извлечения о нем из агентурных донесений, В. Баскаков не делает никаких исправлений к искаженным фамилиям. Так, он проходит мимо «Ивана Федоровича Новицкого», о приезде которого к Н. Г. Чернышевскому агент доносит 16 ноября 1861 г. А ведь это и есть Савицкий⁴. В другом случае В. Баскаков безоговорочно цитирует то место из донесения агентов III отделения, где спутан Савицкий с полковником Рехневским⁵.

Очень трудно было использовать для «Летописи» данные об активном революционере 60-х годов полковнике И. Савицком, так как источники о нем у В. Баскакова приводятся без соблюдения точности. В результате—недоверие к толкованию и других источников.

Нетправильное толкование дано в книге Баскакова и тому кружку офицеров, который собирался у Чернышевского и состоял из профессоров военной академии Генерального штаба—подполковника В. М. Аничкова, А. И. Макшеева, А. И. Бернса, а также Галахова, Бларамберга и Н. Д. Новицкого. «Организатором и руководителем кружка был Чернышевский, на

¹ В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского. М., 1956, стр. 197;

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 196.

⁴ Там же, стр. 197.

⁵ Там же, стр. 195. Ссылка на «Красный архив», т. XIV, стр. 114.

его квартире происходили и собрания этого подпольного кружка», — пишет В. Баскаков¹.

Называть подпольщиками-революционерами всех, кто был связан с Н. Г. Чернышевским работой в «Военном сборнике», а особенно основываться на воспоминаниях Н. Д. Новицкого, который, будучи человеком прогрессивным и горячо любившим Н. Г. Чернышевского, никогда никакой революционной работы не вел, значит до бесконечности расширять в своей книге понятие революционного деятеля по своему произволу без всяких документальных доказательств.

Есть еще одно имя, близко связанное с народно-освободительным движением рассматриваемой эпохи, которое хотелось бы ввести в «Летопись» как имя человека, лично знавшего и встречавшегося с Н. Г. Чернышевским. Это Андрей Афанасьевич Потеня, создатель тайной революционной организации русских офицеров в Польше, убитый во время польского восстания 1863 г. «Не знала русская пуля, сразившая Потеню, — писал о нем «Колокол», — какую жизнь она остановила на первых шагах ее. Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищенная Россия не могла принести на пылающем алтаре польского освобождения»². Не может быть никакого сомнения в том, что Потеня слышал и знал о Чернышевском, в свою очередь, Чернышевскому было известно это славное имя. Но когда речь идет о личном знакомстве, когда именно этот факт должен быть зафиксирован в «Летописи», приходится, на основании изучения исторических материалов, на настоящий день признать, что о личном знакомстве Чернышевского с Потеней нам пока неизвестно. Между тем, в прежней «Летописи» это имя введено в круг близких Чернышевскому лиц.

Составителю «Летописи» пришлось произвести разыскание по книжной полке Чернышевского во Всесоюзной Библиотеке им. Ленина. По просьбе библиографического отдела библиотеки была просмотрена подготовленная к печати аннотированная рукопись главы о Чернышевском из книги «Русские революционные демократы. Библиографический указатель». Помимо критических замечаний общего характера, посланных Библиотеке и принятых ею специально в разрезе задач «Летописи», автором этих строк были отмечены для изучения те издания, в аннотациях к которым указывалось наличное знакомство Чернышевского с разными деятелями его эпохи. По ознакомлении *de visu* с этими работами оказалось, что авторы их не опираются ни на какие документальные источники (Да-

¹ В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского, М., 1956, стр. 190—191.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, изд. АН СССР, т. XVII, стр. 209.

ронян о Налбандяне, А. Ф. Смирнов о Звирждовском) или же смешивают Чернышевского с его сыном Александром (см. выше о Сеченове).

Главы «Летописи», посвященные процессу и периоду сибирской ссылки Чернышевского, подверглись особенно тщательному пересмотру. Еще в начале Октябрьской революции следственные дела были скопированы рукой сына Чернышевского Михаила Николаевича и использованы для прежних изданий «Летописи» (1933 и 1953 годов). Теперь представилась возможность подробно изучить самые документы по микрофильмам и, благодаря этому, уточнить «Летопись», внести исправления и устранить неясности и ошибки.

Проверены документы, опубликованные М. К. Лемке, П. Е. Щеголевым, Ю. М. Стекловым с 1923 по 1928 годы, такие, как производства следственной комиссии, дела департамента полиции, дела III Отделения, дела особого присутствия правительствующего сената, отчеты шефа жандармов, отдельные дела о разных лицах. Всего просмотрено более 7 тысяч кадров. Это же относится и к документам Главного Управления по делам печати и С.-Петербургского Цензурного комитета. Раньше эти материалы были использованы по машинописным копиям, оставленным музеем покойным Константином Михайловичем Федоровым. Теперь даты уточнены, названия библиотек и изъятых книг Чернышевского также уточнены и дополнены.

Несомненный интерес представляют недавно найденные ведомости под названием «Выписки из домовых книг по дому Г. Есауловой лицам, проживающим в квартире г. Чернышевского...». Ведомости подписаны надзирателем Мадьяновым, участником ареста писателя. В них содержатся данные о 19 лицах, проживавших с Н. Г. Чернышевским в его квартире № 4 в 1861 и 1862 гг¹. Кроме семьи Н. Г. Чернышевского и его родственников (брата О. С. Чернышевской гимназиста Николая Васильева, ее двоюродного брата штабс-капитана 21 артиллерийской бригады Вениамина Ив. Рычкова, отставного коллежского секретаря Сергея Ник. Пыпина и бывшего вольнослушателя С.-Петербургского университета Алексея Студенского), мы впервые встречаем здесь имена чернорабо-

¹ Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии об отставном титулярном советнике Николае Чернышевском, рядовом из дворян Всеволоде Костомарове и Московском мещанине Петре Яковлеве. Нач. 9 мая 1862 г., конч. 20 августа 1874 г. — ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1862 г. ед. хр. 28, лл. 11—18. Ведомости были препровождены из III Отделения Потаповым в следственную комиссию 9 августа 1862 г.

чих, дворовых девушек и мещан, которые различным образом были связаны с последним периодом пребывания Чернышевского на свободе. Теперь нам известна та горничная, которая «заливалась слезами» после того, как казенная карета увезла Николая Гавриловича в Петропавловскую крепость: это — Лариса Исаева, временно обязанная дворовая девушка помещика Батюшкова Новгородской губ., она жила по «билету помещика» с 18 октября 1861 г. Здесь и «няня старуха», как отмечает полиция — петербургскую мещанку Ефимию Филатовну, которая осталась «до приискания места» после отъезда Ольги Сократовны в Саратов. Тут помечены два кучера: Никита Тимофеев, временнообязанный крестьянин Тверской губ., «которому Студенский давал книгу» (помета полиции). После ареста Н. Г. Чернышевского он остался «при квартире с лошадьми, которые еще не проданы». Второй — Федор Михеев, дворовый человек при имении барона Рокоссовского Витебской губ: Полицейская помета так характеризует его: «(Кучер, которому М-те Ч. давала прятать книги в конюшню)». Этот кучер был рассчитан Ольгой Сократовной за пьянство и грубость. Его показания могли носить провокаторский характер. Наконец, в домово́й книге значится подкупленная III Отделением жена швейцара Матрена Баранова, которая, как известно, специально была направлена в квартиру № 4 для слежки за Н. Г. Чернышевским и торжественно доставила в III Отделение не имеющие значения бумаги из его сорной корзины. О Барановой указано: «Живет в доме Эсаулова при муже швейцаре дома». Швейцар был рядовым Лейб-гвардии Волынского полка, уволенным в бессрочный отпуск. В ведомости отмечены документы, на основании которых все эти лица проживали в доме Эсауловой, их предыдущие адреса и те адреса, куда они выехали. Н. Г. Чернышевский был прописан по аттестату СПб. губернского правления от 15 июля 1859 г. как отставной титулярный советник.

Из новых разысканий, явившихся результатом настойчивой работы в Якутском Государственном архиве Ивана Михайловича Романова, следует отметить документ о приезде к Чернышевскому в Вилюйск жандармского есаула Винникова с предложением подписать привезенное им прошение о помиловании, от чего, как известно, Чернышевский отказался. До сих пор эта поездка Винникова датировалась 1874-м годом на основании воспоминаний Г. В. Винникова, записанных врачом В. Я. Кокосовым¹. Однако документ, обнаруженный недавно И. М. Романовым², с полной ясностью свидетельствует, что ко-

¹ В. Кокосов. Рассказы о Карийской каторге. СПб, 1907, стр. 311—316.

² Из ЦГА ЯАССР, ф. Вилюйского окружного политического управления.

мандировка Винникову была дана в начале 1875, а не 1874 г.¹

В «Летопись» было внесено соответствующее исправление, поскольку налицо оказалось часто встречающееся явление: ошибка памяти мемуариста.

Вместе с тем «Летопись» решительно отвергает такой комментарий И. М. Романова к письму Чернышевского от 25 января 1875 г., из которого будто бы явствует, что Чернышевский желал и предписывал революционерам, чтобы кто-нибудь приехал к нему, переодетым в жандармский мундир, с подложными официальными документами для перевоза его в другой город².

При изучении периода ссылки Чернышевского пришлось встретиться с рядом вопросов, которые вызывают необходимость серьезной и тщательной проверки.

Сюда, например, относится такой факт, как поездка жены Чернышевского Ольги Сократовны в Кадаю в 1866 году. По мнению некоторых авторов, эта поездка имела целью освобождение Чернышевского из ссылки. В данном случае опираются на воспоминания купца Пестерева, посетившего Герцена в 1865 году в Лондоне и записавшего разговор с ним, во время которого Герцен сказал: «Почему не освобождаете Чернышевского? Я передал бы ему свой станок». После этого Пестерев посетил жену Чернышевского и содействовал тому, чтобы с нею в Сибирь к Чернышевскому поехал доктор Евгений Михайлович Павлинов, связанный с революционным движением в Сибири. Попытка не удалась, но когда Ольга Сократовна через 6 лет (1872 г.) опять встретилась с доктором Павлиновым, они якобы не случайно вспоминали старину, а вынашивали новые планы поездки на этот раз в Якутию³.

Сын Чернышевского Михаил Николаевич неоднократно беседовал со своей матерью о прошлом. Он опубликовал свои воспоминания о поездке к отцу в Сибирь в 1866 году и много раз возвращался к этому большому событию в своей жизни. И каждый раз, когда он касался этого путешествия, он указывал, что никакой попытки освобождения со стороны его мате-

¹ «Чернышевский в виллюйском заточении», Якутск, 1957, стр. 137.

² Там же, стр. 123.

³ Все эти разрозненные сведения, сплетенные в связный рассказ, в целом не имеют никаких реальных и документальных обоснований, продолжая оставаться в сфере вымыслов, домыслов, догадок и пожеланий. См. В. Шульгин, Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, стр. 144, 145 сл. То же повторяется в двух книгах, редактором которых является В. Шульгин, В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского, стр. 122, 152 и И. М. Романов. Н. Г. Чернышевский в виллюйском заточении, стр. 95, 123. Вызывает удивление рецензия на книгу В. Шульгина (см. «Октябрь» 1958, кн. 8, стр. 220—222) В. Замятнина, который превратил свою статью в панегирик, не дав себе труда отнестись критически к рецензируемой книге и проверить источники.

ри не было. Ольгу Сократовну задержали с ребенком в Иркутске, опасаясь этой попытки, а она была непричастна к ней. Зачем было отцу лгать своим детям, если действительно попытка была, хотя и закончилась неудачно? Таких печальных рассказов немало сохранилось в семье Чернышевского, прибавился бы еще один.

«Летопись» жизни Чернышевского, не разделяя существующие домыслы, фиксирует самый факт поездки Ольги Сократовны, опираясь на новые документальные источники, в том числе и на дорожную записную книжку Ольги Сократовны.

Изучение документальных источников расширило по сравнению с прежним изданием «Летописи» сведения о таком эпизоде, как хлопоты об освобождении Чернышевского из ссылки перед генерал-губернатором Суворовым в 1881 г. со стороны группы лиц, куда входили Николай Дементьевич Новицкий, знавший Чернышевского еще студентом, историк Н. И. Костомаров и Александр Николаевич Пыпин. Посредником между ними был сын Чернышевского Михаил Николаевич.

Заслуживает внимания письмо Александра Пыпина к А. А. Суворову с напоминанием о старом письме 1863 года, в котором Пыпин, на основании личных бесед с Чернышевским в Петропавловской крепости, разоблачал перед правительством подлог и провокацию в деле Чернышевского. Через весь период заключения, каторги, ссылки и поднадзорного существования последних лет жизни Чернышевского проходит эта основная линия борьбы Пыпина в защиту Чернышевского. Во всех прошениях, поданных от лица семьи Чернышевского правительству, Пыпин проводил эту линию и делал это не за границей, а в самом Петербурге, недалеко от Зимнего дворца, на Васильевском острове. Так было в 1863 году после опубликования приговора Чернышевскому, так было в 1879 году, когда Пыпин хлопотал через Репинского об издании сочинений сосланного Чернышевского, так было в 1882 году, когда Николадзе запросил у Пыпина материал для переговоров с правительством, наконец, так было составлено прошение сыновей о помиловании отца и прошение сына Михаила Николаевича о разрешении отцу повсеместного в России жительства в 1885 году. Не закрывая глаза на либеральные стороны мировоззрения Пыпина, «Летопись» не может пройти мимо таких фактов, которые рисуют его душевное благородство и гражданское мужество. В этом отношении чрезвычайно характерно письмо, опубликованное сибирским краеведом Е. Д. Петряевым в книге «Люди и судьбы». В 1865 году иркутский врач Н. А. Белоголовый писал своему брату из Петербурга в Кяхту: «Я здесь имел свидание с доктором Боковым и Пыпиным по поводу Чернышевского,—это люди, боготворящие пос-

леднего и готовые решиться для него на последнюю крайность»¹.

Книга Е. Д. Петряева использована для «Летописи». В ней опубликованы письма не только Белоголового, но и нерчинско-заводского служащего Ф. М. Чернова, заметки «Нерчинско-заводского наблюдателя», дневник архитектора И. В. Багашева, рассказы со слов старожилов врача Н. Н. Макарова о библиотеке Чернышевского и др. Е. Д. Петряев ставит вопрос о необходимости новых поисков материала о Чернышевском, называя лица и города. Это следует поставить на очередь биографам Н. Г. Чернышевского.

Поскольку к периоду ссылки относится знакомство К. Маркса с сочинениями Чернышевского, его беседы с Лопатиным об огромном значении экономических трудов писателя, а также обширная переписка Маркса и Энгельса—все эти материалы входят в соответствующую главу «Летописи», причем в некоторых случаях возникла необходимость присоединить к письмам аннотации разъяснительного характера. Остановимся на той из них, которая комментирует письмо Н. Даниэльсона к Марксу от 16 января 1873 г. В этом письме содержится указание на то, что друг юности Н. Г. Чернышевского предал сожжению его роман «Старина»². Это утверждение, постоянно повторяемое в печати, подлежит пересмотру. Несмотря на подлинно научное отношение к этому факту редакторов Института Маркса—Энгельса—Ленина, не упомянувших имени Пыпина в примечании и высказавших только осторожное предположение о том, что здесь речь идет о «Старине», «рукопись которой не сохранилась»³, многие биографы, приняв на веру слова Даниэльсона, питавшегося вообще слухами (напр., в том же письме он передает слух о том, что Чернышевский сошел с ума, и считает его правдоподобным), повторяют в печати друг за другом, что «Старину» сжег именно А. Н. Пыпин⁴. А товарищ Н. Г. Чернышевского по ссылке И. Г. Жуков прямо называет не А. Н. Пыпина, а М. А. Анто-

¹ Е. Д. Петряев. Люди и судьбы. Чита, 1957, стр. 47.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Издание второе. Госполитиздат, 1951, стр. 92.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Особенно настаивает на этом, не имея никаких доказательств, В. Шульгин в своей книге «Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского», стр. 180 и 183. Под сильным его влиянием говорит о том же И. М. Романов (Н. Г. Чернышевский в вилюйском заточении, стр. 41). См. также Г. Е. Тамарченко. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1954, стр. 161—162.

новича, сжегшего роман «Старые годы»¹. Со стороны А. Н. Пыпина такой поступок сомнителен и потому, что Пыпин хранил у себя в доме весь архив Н. Г. Чернышевского периода его работы в «Современнике», т. е. рукописи, содержавшие бесчисленные тексты, вычеркнутые царской цензурой; и этот архив «государственного преступника» находился у Пыпина в период ссылки Чернышевского, когда был написан и роман «Старина».

Благодаря А. Н. Пыпину мы сейчас располагаем богатейшим архивом великого революционного демократа, перешедшим непосредственно к его сыну, от последнего—в Академию Наук, из Академии наук—в Дом-музей, из музея—в ЦГАЛИ. В своем письме Н. Даниэльсон упоминает также «другого друга» Чернышевского, обещавшего собрать о нем биографические сведения. Здесь тоже неясность. Эти сведения могли быть собраны только у А. Н. Пыпина, как самого близкого лица к Чернышевскому с детских лет. Ни П. И. Боков, ни А. В. Захарьин, ни М. А. Антонович не были так хорошо осведомлены в этой области, как А. Н. Пыпин, впоследствии оставивший нам в своей книге обширный и достоверный биографический материал².

Архивные материалы Дома-музея Чернышевского также подверглись пересмотру для нового издания «Летописи». Это касается, прежде всего, фонда основателя музея Михаила Николаевича Чернышевского, получившего во многих случаях значение ценного первоисточника в связи с неотысканием в других архивах таких материалов, которые были еще до революции скопированы Михаилом Николаевичем. Сюда относятся, например, выписки из записных книжек Александра Николаевича Пыпина с датами получения писем Чернышевского из ссылки и некоторыми заметками, например, о попытке Мышкина, ставшей известной Пыпину от И. Г. Терсинского, на имя которого приходили письма Чернышевского через III Отделение. Именно оттуда вышла первая версия о неправильно одетом аксельбанте. После внимательных розысков в Ленинградских и Московских архивах (ЦГАЛИ, ИРЛИ, ПБЛ, АН СССР) нам пришлось констатировать, что записные книжки А. Н. Пыпина там отсутствуют.

До сих пор никогда не был опубликован список журналов («Вестник Европы» и «Отечественные записки»), которые находились у Чернышевского в Вилуйске и были переданы

¹ См. рукопись «Записки шестидесятника» — осн. ф. Дома-музея, ед. хр. 13025, л. 44.

² А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910.

прокурору Меликову через Кокшарского в 1883 году, незадолго до его отъезда из Вилюйска. Теперь этот список, хранящийся в ЦГАЛИ, введен в новое издание «Летописи» как документ справочного характера, позволяющий определить круг чтения Чернышевского за много лет не по отрывочным данным жандармских расписок, а в систематическом порядке. Список этих журналов, охватывающих время с 1872 по 1882 гг. занесен под датой отправки их Меликову (9 мая 1883 г.)¹.

Весьма ценным вкладом в «Летопись» является тщательно подобранная библиография статей о Н. Г. Чернышевском в газетах, выходивших в Германии за 1865—1888 гг., в том числе под редакцией друга Маркса и Энгельса Л. Боркгейма. Эти сведения вошли в статью Вольфа Дювеля «Чернышевский в немецкой рабочей печати»².

Официальная история переговоров об освобождении Чернышевского, участие в котором принимал Николай Яковлевич Николадзе, давно рассказана им в его брошюрах и статьях. В настоящее время разработку архива Николадзе продолжает А. Николадзе, опубликовавшая новые документы³.

Из книги А. Николадзе можно документально удостовериться в том, что к кругу лиц, принимавших вместе с А. Н. Пыпиным деятельное участие в хлопотах об освобождении Чернышевского, принадлежал крупный ученый Иван Романович Тарханов (Тарханишвили), ученик И. М. Сеченова, близко знавший старшего сына Чернышевских Александра.

В очерке И. Месхи впервые рассказывается об отношении к этому делу М. А. Антоновича⁴.

Среди архивных дел, упомянутых еще Ю. Стекловым в его монографии о Н. Г. Чернышевском (М., 1928), но до сих пор еще никем не раскрытых, составителю «Летописи» встретилось одно, заслуживающее особого внимания⁵. В этом деле содержатся документы, из которых видно, что Иосиф Ямонт, сосланный за участие в восстании 1863 г., был секретарем и ближайшим помощником знаменитого литовского воеводы Константина Калиновского, а сестра Иосифа Мария, 19-летняя

¹ Копия М. Н. Чернышевского. (Осн. ф. Дома-музея, л. 926—IV).

² «Лит. наследство» № 67, М., 1957, стр. 164—186. До этой статьи в «Летопись» были введены данные о работах А. Бебеля и Клары Цеткин по статье Н. В. Слижарской «Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском» — «Доклады и сообщения филологического института Ленинградского гос. университета», вып. 1, Л., 1949, стр. 94—95.

³ «Заря Востока», 1954, от 25 июля. Перепечат. в книге «Русско-грузинские литературные связи», Тбилиси, 1958.

⁴ «Человек своего времени». «Пискарки» (Заря), 1957, ноябрь, № 6.

⁵ ЦГИАМ, ф. III, отд. 1 эксп. он. 1866. е.д. хр. 217, ч. 2. О намерении злоумышленников освободить из каторжной работы политического преступника Чернышевского. О семье Ямонта и других.

девушка, вместе со всем их обширным семейством в 8 человек была арестована за то, что следственная комиссия, учрежденная в Омске Муравьевым-вешателем, обнаружила у каракозовца Худякова письмо к Марии, подготовленное для передачи ей через Страндена, который должен был поехать в Сибирь для освобождения Чернышевского. В этом письме Мария характеризуется как энергичный человек и надежный товарищ. Вместе с тем следственная комиссия раздобыла материал о том, что Мария выполняла революционные поручения предводителя восстания в Литве и Белоруссии Константина Калиновского. Эти факты введены в «Летопись».

Перейдем к последним годам жизни Чернышевского.

В прежнем издании «Летописи» документы астраханского губернского жанд. отделения почти отсутствовали или были приведены по книге К. Ерымовского «Чернышевский в Астрахани».

Теперь, благодаря микрофильмам, полученным из Москвы, оказалось возможным изучить эти дела вместе с делами департамента полиции (ед. хр. 904 и 3892). По материалам архивного фонда Дома-музея составлены аннотации к астраханским адресам Чернышевского. Здесь на помощь пришло собрание выписок из семейных писем, выполненное Михаилом Николаевичем Чернышевским.

Исправлены и уточнены даты таких фактов, как приезд артиста М. И. Писарева к Чернышевскому (по записной книжке Ольги Сократовны, хранящейся в ЦГАЛИ) и срок работы у Чернышевского в качестве секретаря М. П. Краснова.

В недавнее время личная библиотека Н. Г. Чернышевского, хранящаяся в Доме-музее, обогатилась ценными находками: шестью томами «Эдинбургского обозрения» на английском языке за 1857—1860 гг. После смерти Н. Г. Чернышевского эти книги были переданы его сыном М. Н. Чернышевским в Саратовскую публичную библиотеку. Теперь они были обнаружены старейшим работником Областной библиотеки Е. И. Кобяковой. Таким образом, пополнились списки книг Н. Г. Чернышевского в его «Летописи».

Самым волнующим документом, введенным в новое издание «Летописи», является посланное, но не дошедшее по адресу и, по-видимому, погибшее письмо молодого Ленина к Чернышевскому за год до смерти писателя. Об этом факте красноречиво и убедительно рассказывается в воспоминаниях Воробьего¹.

¹ Из книги Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным». Вступительная статья Б. Рюрикова — «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 131—134.

Беседа В. И. Ленина о значении литературных, исторических, политико-экономических, публицистических и философских работ Чернышевского для развития мировоззрения Ленина в молодые годы введена в «Летопись», как завершающий аккорд, как итог великой жизни предшественника нашей эпохи¹.

¹ Из книги Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным. Вступительная статья Б. Рюрикова — «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 131—134.

М. РЕЙТЕ, Ж. ЗОЛЬДХЕИН

ПЕРВЫЙ ВЕНГЕРСКИЙ ПЕРЕВОД РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

В венгерских историко-литературных журналах опубликовано уже несколько работ о распространении произведений отдельных русских писателей и поэтов в Венгрии. Например, появились статьи о том, как воспринимала Пушкина венгерская критика XIX века¹, есть работа о распространении произведений Гоголя², но до сих пор не обратили внимания на восприятие романа Чернышевского «Что делать?». Даже как-то было принято считать, что его совсем не знали в Венгрии до 1945 года. А между тем есть данные, позволяющие сделать иные выводы. В настоящей работе авторы хотят выяснить, что знали о Чернышевском в Венгрии в прошлом столетии, сравнить текст венгерского перевода романа «Что делать?», опубликованного в 1877 году, с оригиналом и ответить на вопрос: как отзывалась дворянско-либеральная критика, с одной стороны, и рабочая печать, с другой, о творчестве русского писателя-революционера.

Имя Чернышевского появляется в венгерской печати в начале 1860-х годов. Первое упоминание о нем мы встречаем в статье венгерского критика Севера Ревички. В обзоре русской литературы он останавливается на деятельности ре-

¹ Г. Матэ — Хаунт. Пушкин и венгерская литература. Irodalomtörténet (История литературы), 1949, № 1, стр. 59—77; А. Комлош. Пушкин в венгерской литературе. Filológiai közlöny (Филологический вестник), 1955, стр. 333—352.

² А. Комлош. Путь Гоголя в венгерской литературе. Ежегодник мировой литературы, 1953, стр. 5—26.

волюционных демократов, которые, по словам Ревизики, «являются представителями отчаянного критического духа»¹.

Через четыре года в литературной газете либерального направления *Fővárosi Lapok* (Столичные листы) появляется сообщение о пражданской казни Чернышевского (очень возможно, что в конечном счете статья восходит к сообщению Герцена о Чернышевском). Приводим полный текст этого сообщения: «Месяц тому назад закончился процесс русского писателя Чернышевского. Его обвиняли в том, что он участвовал в сочинении и распространении прокламаций, направленных на свержение правительства, а также в том, что он принимал участие в поджогах 1862 года. 31 мая, вернее 19 мая, был прочитан перед ним приговор на Мытнинской площади—его приговорили на 6 лет каторжной работы в рудниках, на пожизненную ссылку в Сибирь и также лишили дворянского звания. Это было осуществлено символически: меч—как символ дворянства—сломали на его плечах. Несмотря на дождь и на ранний утренний час, многие из его почитателей появились на названной площади, чтобы еще раз увидеть его; и даже нашлись дамы, которые бросили писателю, стоящему у позорного столба, букеты. Одну из них арестовали, но через несколько дней выпустили»².

Следующее известие о Чернышевском уже целиком опирается на работу Герцена. Мы имеем в виду статью Миклоша Сеги, источником которой является работа Герцена («*Novelle phase de la littérature russe*»)³. Автор точно передает статью Герцена, и лишь когда речь заходит о Чернышевском, он несколько отходит от герценовского текста и собственными словами объясняет причины ареста Чернышевского. Но затем снова возвращается к герценовскому тексту и уже словами Герцена описывает, как был произнесен приговор над Чернышевским⁴.

Эти сообщения о Чернышевском, отделенные друг от друга большим промежутком времени, появляются не как самостоятельные статьи, а как части статей, поэтому они не особенно обратили на себя внимание читателей.

¹ Север Ревизики. Новейшее направление русского романа и произведения Писемского. Budapesti Hir'ar, 1860, № 180.

² Процесс русского писателя Чернышевского, «*Fővárosi Lapok*» 1864, 22 июня, № 141.

³ См. Ж. Зольдхейи. Несколько следов произведений Герцена в Венгрии в эпоху абсолютизма. *Filológiai Közlöny* (Филологический вестник), 1956, стр. 475.

⁴ М. Сеги. Новейшая русская литература. Budapesti Szemle 1807, т. VIII, стр. 253.

После разгрома революции 1848—49 гг. Венгрия жила под политическим и духовным гнетом Австрии. В годы абсолютизма стремление венгерских писателей к независимости проявилось, между прочим, и в том, что они сообщили своим читателям об оппозиционности русских писателей—главным образом Пушкина, Лермонтова—к царскому правительству. Можно полагать, что именно с такой целью была напечатана и весть об аресте Чернышевского. Но тут же надо заметить, что то же венгерское среднее дворянство, которое воспользовалось в своих национальных интересах борьбой русских писателей против царской власти, все-таки старалось обойти резкую общественную критику в произведениях русских авторов. Так, «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя до 1875 года не были переведены на венгерский язык. «Онегин» Пушкина появился в Венгрии впервые в 1866 году, и переводчик значительно смягчил критический подход поэта к действительности.

Имя Чернышевского после сообщения 1864 года было упомянуто лишь в 1876 году уже в иных общественных и политических условиях. Венгерское среднее дворянство, заключившее в 1867 году соглашение с австрийской буржуазией, в середине 70-х годов, в целях укрепления своей власти, решительно выступило против сил прогресса, противников соглашения с Австрией. Этим объясняется, что в дворянско-либеральной газете «Pesti Naplo» («Пештский дневник») в октябре 1876 года была напечатана большая статья под заглавием, сразу обращающим на себя внимания: «Роман нигилизма». Неизвестный автор рассматривает роман Чернышевского как устрашающий пример нигилизма. Сам автор объясняет, что он подразумевает под словом нигилизм и почему он считает роман Чернышевского романом нигилизма: «...в более образованных людях, которые не верят вместе с крестьянами, что когда гром гремит, то Илья-пророк катится в колеснице, — в этих людях пробуждается инстинкт коммунизма и общественного новаторства;.. религиозный фанатизм угасает, мистическое томление иссякает и их место занимает самое безотрадное отрицание—нигилизм»¹.

В венгерской политической литературе русские радикальные демократы нередко отождествляются с нигилистами. Так, работа немецкого автора Артура Туна о русских революционных движениях переводится в 1884 году под заглавием «Нигилизм». Переводчик книги Деже Сентдьердьи-Вереш в

¹ «Роман нигилизма», «Pesti Naplo», 1867, 31 октября.

предисловии пишет следующее: «Название данного труда, однако, не соответствует полностью движениям, анализируемым здесь, оно соответствует только одной части русских революционных движений, которое за границей было перенесено... на все движение в целом. Заглавие книги основано на этом распространенном понятии, но автор подразумевает под словом «нигилизм» все русские революционные движения в целом»¹. Слово «нигилизм» употреблялось не только в таком политическом смысле, оно имело и другие значения².

Автор статьи «Роман нигилизма» следующим образом объясняет условия создания «Что делать?»: «Тургенев выбрал главным героем своего романа «Отцы и дети» нигилиста, но, по мнению нигилистов, он создал такую клеветническую карикатуру, что они должны были принять вызов и оправдать Базарова. Так возник роман «Что делать?»... Это—роман нигилизма, и его автор, Чернышевский—один из наиболее решительных нигилистов»³.

Прежде чем рассказать о романе, автор коротко останавливается на мерах царского правительства против Чернышевского. Он сообщает, что роман был написан в тюрьме, и добавляет, что «во всяком случае у Чернышевского была сильная душа, он мог забыть свою судьбу, чтобы служить делу литературы, и чтобы пером защищать свои принципы. У романа много недостатков, но нет в нем ни трусливого отчаяния, ни жалобы»⁴. При анализе романа он подробно раскрывает прежде всего его сюжетную линию. Получается такое представление, как будто самое важное в романе—любви́нный треугольник. Автор бегло упоминает и о Рахметове и замечает: «В нем мы видим воплощение будущего нигилизма»⁵.

Таким образом, первая венгерская статья о романе «Что делать?» прошла мимо эстетических, философских и политических идей романа. Создается впечатление, что ее автор так же плохо понимает суть произведения, как и «проницательный читатель», с которым с такой иронией полемизирует Чернышевский.

Через полгода после выхода названной статьи в «Pesti Napló» от 30 января 1877 года было помещено объявление о том, что в вечерней серии газеты начинается печататься «Что

¹ А. Тун. Нигилисты. История русских революционных движений, Будапешт, 1884.

² В Большом Академическом словаре мы находим еще такие толкования слова нигилизм: «отрицание авторитетов», нигилизм — синоним наглости и т. д.

³ «Роман нигилизма», «Pesti Napló», 1876. 31 окт.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

делать?». Переводчик романа Армии Шашвари, сотрудник газеты, был уже довольно известен своими переводами английских и французских романов. В послесловии к роману он пишет, что перевод сделан с русского оригинала с некоторыми сокращениями. Но ничто не доказывает, что он владел русским языком, это—его единственный перевод русского произведения. Подавляющее большинство русских произведений переводилось до середины 80-х годов, до выступления переводчика Андрея Сабо, не с русского, а чаще всего с немецкого, иногда с французского языков. Более правдоподобно, что Шашвари перевел с французского текста: он сам в одном месте ссылается на французское издание романа.

Роман «Что делать?» появился не только в газете «Pesti Naplo», в том же году он вышел отдельной книгой. Тексты двух изданий целиком совпадают. Мы сравнили венгерский текст с одним из доступных для нас изданий романа.

Выяснилось, что сокращения в венгерском переводе не так уж незначительны, как это утверждает автор. Одно дело, если перевод, по нашим сегодняшним понятиям, является не совсем точным—ведь к тому времени еще не установились те строгие правила, которых придерживаются современные переводчики. Но здесь отклонения от оригинала совсем другого порядка. Мы не останавливаемся на стилистических шероховатостях и небольших расхождениях венгерского текста с оригиналом—их огромное количество. Мы ставили себе целью лишь определить, верно ли отражаются в венгерском тексте главные идеи Чернышевского? Поэтому мы коснемся здесь лишь сокращений и искажений, связанных с существенными идеями романа.

Прежде всего, получили ли венгерские читатели полное представление о положительных героях, играющих столь значительную роль в романе?

При характеристике Лопухова и Кирсанова в венгерском тексте пропущены строки о происхождении героев, об их юности, развитии, хотя эти данные очень важны для понимания этих двух образов.

В результате венгерский читатель не узнал о Лопухове и Кирсанове, что они не из дворянских семей, что с раннего возраста работали, что «оба грудью, без связей, без знакомств пролагали себе дорогу»¹, что это люди железной воли, они защищают свое независимое положение, не дают себя в обиду, не терпят унижений.

Также пропускается мысль Чернышевского о том, что Ло-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. М., 1939, т.: XI, стр. 142.

духов и Кирсанов — представители типа, настолько отличающегося от мещан, что мещане даже не замечают разницы между Лопуховым и Кирсановым: «Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого: китайцы во всех видят одно, что они «красноволосые варвары, не знающие церемоний».. Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа»¹.

Образ Веры Павловны дается сравнительно полно, сохраняются ее важнейшие черты. Правда, и тут есть сокращения, например то место, где Вера Павловна описывается дома, когда она долго причесывается, одевается, утром немножко нежится в постели, то есть такие детали, цель которых показать, что обыкновенные новые люди любят жить, что для того, чтобы бороться за новую жизнь, не нужно становиться аскетами.

Что же узнал венгерский читатель об особенном человеке, о профессиональном революционере, о котором с таким пафосом пишет Чернышевский: «Велика масса честных людей, а таких людей мало; но они в ней—теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»². О Рахметове почти ничего нельзя было узнать по этому переводу, так как он появляется только в сцене разговора с Верой Павловной, выполняя лишь функцию, необходимую для развертывания сюжета (передает письмо Лопухова). В искаженном плане приводится объяснение Чернышевского, что Рахметов особенный человек, тогда как Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна—обыкновенные люди. Хотя сравнение лачужки и дворца у Чернышевского ясно выражает именно эту идею, в венгерском тексте мы читаем такие строки: «Большинство публики считает Веру Павловну, Кирсанова, Лопухова людьми высшего порядка, идеальными людьми, или даже думает, что нет людей, способных мыслить так благородно. Это—неправильный взгляд, уважаемый читатель. Не они стоят высоко, а ты стоишь низко. Вот—Рахметов, более обыденный человек; тихий поток его жизни не нарушается страстями; он—обыкновенный человек. И он мыслит так же, как наши герои. До такого уровня моральной ценности может подняться любой из вас, который развивает свои духовные умственные способности»³. На такие места перевода мы не можем не смотреть, как на сознательное искажение. Так, в венгерском переводе образ

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. М., 1939, т. XI, стр. 144.

² Там же, стр. 144, 210.

³ Mit tegyünk? (Что делать?), Budapest, 1877, стр. 54—55.

Рахметова стал незначительным и случайным, а тем самым искажалась одна из важнейших идей романа.

Вообще можно сказать, что большинство сокращений касается идейного содержания произведения, идет в ущерб революционности романа. Очень сокращенно дается описание швейной мастерской Веры Павловны. Совершенно теряет свое значение разговор об изменении названия мастерской (au bon travail), в венгерском тексте весь разговор сводится к тому, что один очень милый человек советует изменить название мастерской так, чтобы в него было включено имя Веры Павловны. Весьма характерно, что в венгерском переводе полностью пропущен четвертый сон Веры Павловны, эта утопическая картина будущего общества, этот страстный гимн равноправию женщин и красоте освобожденного человека. Все это долгое время оставалось неизвестным венгерским читателям. Они не могли ознакомиться с призывом писателя бороться за прекрасное будущее и перенести из него в настоящее столько, сколько возможно.

Также бросается в глаза, что переводчик сильно сокращает те части, в которых Чернышевский полемизирует с проницательным читателем, например, в начале романа пародия на приключенческие сюжеты, объяснение, почему Чернышевский начал свой роман с выстрела. Также пропускаются слова автора о читателях нового типа, о новых людях и обращение автора к ним: «Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами; но вас уже немало и быстро становится все больше»¹. Опущено и размышление Чернышевского о том, почему не следует оправдывать поступок Лопухова: «Потому что любители прекрасных идей и защитники возвышенных стремлений, объявившие материалистов людьми низкими и безнравственными, в последнее время так отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, в глазах всех порядочных людей, материалистов или не материалистов, что защищать кого-нибудь от их порицаний стало делом излишним, а обращать внимание на их слова стало делом неприличным»².

В переводе Шашвари внешний ход событий—первое замужество, второе замужество Веры Павловны, — сохраняются, но чаще всего пропускаются части, характерные для своеобразной композиции романа. В романе Чернышевского важные идеи часто выражаются в отступлениях от прямой повествовательной линии. И вот эти отступления беспощадно сокраща-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. М., 1939, т. XI, стр. 11,

² Там же, стр. 71.

ются и пропускаются переводчиком. Таким образом, роман лишается не только политической, эстетической значимости, но и внутренней логики.

«Что делать?» — без Рахметова, без четвертого сна Веры Павловны, без значительной части рассуждений автора—это искаженное, местами просто непонятное и странное произведение в течение ряда лет трактовалось в венгерской печати, как типичный пример «романа нигилизма». Даже в связи с кончиной Чернышевского мы читаем в литературной газете «Fővárosi Lapok» следующие строки: «Роман Чернышевского «Что делать?» есть и в венгерском переводе. В этом произведении так же, как и во многих своих экономических и публицистических работах, он с сильным убеждением проповедывал идеи нигилизма, возмущившие в 70-е годы русское общество. Он был первым, кто придавал этому опасному учению приятную форму»¹.

Одновременно с искажающими творчество Чернышевского статьями либеральной прессы его имя появляется и в развивающейся рабочей печати. Опубликованные в органах рабочего класса статьи и сообщения о Чернышевском правильностью своих данных, конкретностью сообщений о его революционной деятельности далеко превосходят статьи либеральных газет.

В 1880 году, когда распространялась ложная весть о смерти Чернышевского, в еженедельнике «Arbeiter Wochen Chronik», органе рабочих Венгрии, выходящем на немецком языке, печатается некролог. Мы почти целиком передаем на русском языке этот интересный документ.

Н. Г. Чернышевский

«Почти одновременно с телеграфным сообщением о взрыве в царском Зимнем дворце, мы получили весть и о том, что в Сибири скончался один из благороднейших борцов за свободу и право, жертва русского царского деспотизма—Николай Гаврилович Чернышевский.

Чернышевский претерпел из-за своей общественной и политической деятельности такие муки и гнусные преследования, что мы чувствуем не только самую горячую симпатию к нему, но в то же время в душе каждого человека, любящего правду и свободу, рождается глубокое презрение и жгучая ненависть к его палачам».

¹ Fővárosi Lapok, 1889, 4 ноября, № 303.

Приводятся биографические данные Чернышевского, затем статья продолжается следующим образом:

«Чернышевский вызвал против себя ненависть русского правительства и тем, что он первым посмел покритиковать государственную смету, приведя важнейшие доказательства, свидетельствующие о том, что эта смета совершенно разоряет русский народ и предаёт его голодной смерти. Почти одновременно с этим он напечатал в «Современнике» статью: «Стали ли они умнее?». В ней он резко нападал на правительство за его подлые поступки против тех студентов Петербургского университета, которые не хотели подчиниться насильственным мерам. Такая его деятельность вызвала беспощадные преследования против него со стороны правительства; зато все те, которые стремились к лучшей жизни, воодушевленно группировались вокруг Чернышевского.

В 1862 году, вскоре после появления двух вышеупомянутых статей, Чернышевского—...под ложным предлогом арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. В течение 22-месячного предварительного заключения он написал роман «Что делать?», в котором выступает защитником равноправия женщин. При написании своего романа он должен был, конечно, работать очень осторожно, но несмотря на это ему удалось показать будущее возвышенное и благородное общественное положение женщин. Следует заметить, что только благодаря этому роману...—так много женщин присоединилось к революционному-социалистическому движению в России».

После сообщения о ссылке Чернышевского (процесс против него уподобляется средневековой инквизиции) автор продолжал:

«Если бы совесть правительства Александра II тяготил только единственный грех—смерть этого великого ученого и благородного мыслителя,—это дало бы нам достаточный повод почувствовать непримиримую ненависть к царизму. Что значат—все преступления мира, по сравнению с этим единственным убийством? Что значит смерть царя рядом со смертью этого царя духа? Кем был Руссо для великой французской революции, тем будет Чернышевский для грядущей русской революции, которая все приближается, и огненное, красное, мелькающее на далеком горизонте зарево, которой видит каждый, стоящий на духовной высоте нашей эпохи. Да осуществят русские революционеры эту революцию в духе их великого учителя, и да создадут они в России такое государство, которое не знает ни господ, ни слуг, а знает только свободных, равноправных людей. Это будет не только заслугой русских социал-демократов в службе их свободе и родине, государству и обществу, но этим они заодно поставят достой-

ный памятник своему учителю. Только так можно отомстить за смерть Чернышевского—пусть они только так мстят за нее. Пока же:

Да будут прокляты его убийцы!»¹.

Эта замечательная статья была напечатана без подписи; но в комментарии к ней указано, что она, вероятно, написана первым марксистским руководителем венгерского рабочего движения Лео Франкелем. Это же предположение высказывается и в монографии Магды Араньоши о Л. Франкеле².

В 1889 году, когда уже Чернышевский, действительно, скончался, венгерская рабочая печать прощается с ним, как с предвестником русского революционного движения.

«Он перевел экономические работы Милля и он написал к ним... замечания, которые составляют целый том. Его статьи о разных политических и литературных вопросах до сих пор читаются всеми с удивлением. Его роман «Что делать?» стал школой социализма для русского общества, другой его роман «Пролог», напечатанный за границей, был замечательным собранием идей, занимающих русское общественное мнение до отмены крепостного права». Автор некролога считает Чернышевского первым чрезвычайно деятельным борцом русского социалистического движения. «Никто не сделал столько для развития социалистической идеи, как Чернышевский, которого оплакивает вся социалистическая Россия»³.

¹ Arbeiter-Wochen Chronik 29 февраля, 1880.

Цитаты даются по тексту, напечатанному в томе «Избранные документы истории венгерского рабочего движения», т. 1, Будапешт, 1951, стр. 397—399.

² М. Араньоши. «Лео Франкель». Будапешт, 1952, стр. 152.

³ Arbeiter Wochen Chronik. 10 ноября 1889 г. (на немецком языке).

А. Ф. ЕФРЕМОВ

СТИЛЬ ПОЛЕМИКИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО («Полемические красоты»)

Полемика—родная стихия Н. Г. Чернышевского. «Любовь к разъяснению спорных вопросов горячей полемикой», «страстишка к полемике», которые он чувствовал в себе, нашли яркое проявление в его революционно-публицистической деятельности. Дело, конечно, не только в личной склонности, но и в обстоятельствах общественно-политической жизни страны в 50—60 годы, особенно в годы революционной ситуации. Они требовали борьбы на идеологическом фронте, горячих полемических схваток. И Н. Г. Чернышевский отдался полемике со всей страстью революционного борца за идеи крестьянской революции. Острый полемический характер был придан, например, таким его работам, как «О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Ответ на вопрос, или освищенный вместе с другими журналами «Современник», «Полемические красоты» и пр.

В руках Н. Г. Чернышевского полемика, не знавшая компромисса, была острым орудием в политической борьбе против либералов и консерваторов. «Колебать старые и надменные предрассудки», по его выражению, для него было наслаждением. В искусстве полемики он достиг большого мастерства. В этом у него не было соперников. Им самим не раз высказывались мысли о его превосходстве над противниками: «А ведь действительно чувствую (и вы сами наверно чувствуете) мое превосходство над вами»¹, — обращается он к

¹ Н. Г. Чернышевский. Полемические красоты. Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 764.

Дудышкину, а «Русскому вестнику» заявляет: «объяснений со мной вам не выдержать». Это сознание превосходства основывалось на том, что он, говоря устами Волгина в «Прологе», «правильнее других понимал вещи» и в совершенстве владел искусством полемизирования.

Приемы полемики Чернышевского разнообразны. В сконцентрированном виде они даны в его «Полемических красотах», которые и легли в основу наблюдений и соответствующих выводов, изложенных в данной работе. Здесь целая система полемических приемов, впервые за всю историю русской общественно-политической мысли получившая наиболее яркое выражение в революционно-демократической публицистике Чернышевского.

1

Одним из подсобных приемов в общей системе полемики Чернышевского являются его притворные признания справедливости обвинений, направленных против него идеологически противниками, его самообличение. Это своеобразный прием подготовки к дальнейшей полемике. К нему Чернышевский прибегает, имея в виду не столько своих оппонентов, сколько читателей. Он, конечно, не сомневался в том, что враждебные идеологические позиции и политическая настроенность оппонентов не позволяют им принять его признания за чистую монету. Не сомневался, разумеется, он и в том, что читатели в его признаниях почувствуют иронию. У него был расчет на то, что переход от признания «прискорбных фактов», от самообличений к полемической атаке будет более сильно воспринят и оппонентами и благожелательно настроенными читателями: одними — враждебно, другими — сочувственно.

Более того, он щедро, но тоже притворно расточает похвалы по адресу обвинителей и их журналов и статей: «замечательный ученостью, скромностью и глубокомыслием», «сокровища журнала», «прекраснейшее чтение», «несравненные статьи», «хорошая статья» и пр., сам же «прибедняется», говоря о себе: «нетвердый ум», «шаткость ума», «слабость характера» и т. д. Все это по духу противоположно содержанию дальнейшей полемики и искусственно создает контрастный фон, на котором обостренней ощущается позиция Чернышевского.

Иногда уже в самых похвалах его по адресу идеологических противников слышится неодобрение: «восхитительная

¹ Н. Г. Чернышевский. Полемические красоты. Полн. собр. соч., т. VII. 1950, стр. 707.

по своей невинной наивности статья» (о Сухомлинове), «совершенство в наивности» («Русский вестник»).

Перейдя непосредственно к самой сути обвинения, Чернышевский старается бить противника его же оружием и переводит обвинения в контробвинения. Он либо показывает неправдоподобие обвинения, доводя его до абсурда, либо отыскивает наиболее слабые места противника, вскрывая их истинный смысл, либо, как он сам говорит, перебирает слова, перестанавливает, переворачивает их, не допуская логических передержек, и приводит к прямо противоположному смыслу. Путем сопоставлений и заключений он «ловит» противника, указывает ему на «неловкость в полемике», на неумение спорить: «Эх, несообразительность-то какая! А еще туда же полемизировать хотите!» (VII, 739).

Любопытен также прием цитирования. Чернышевский, приводя цитаты, подвергает их такой обработке, что в результате у читателя складывается отрицательное отношение к тем статьям, откуда они были взяты. Чаще всего Чернышевский дает выдержки из статьи противника в разорванном виде. Он расчленяет их различными скобочными вставками. В скобках он анализирует, комментирует мысли противника, дает оценку. Все эти вставки выбивают почву у противника, доводя его рассуждения до логического абсурда и ставя его в смешное положение.

Доказывая несостоятельность противника, Чернышевский прибегает к излюбленному параболическому приему изложения, приводя примеры, делая сопоставления и давая пояснения. Он строит различного рода предположения, догадки, раскрывает ход мыслей противника, подмечает в его словах истинный смысл их, доказывает его неосновательность, подсказывает мысли, прибегая к наводящим вопросам, дает советы противнику, читает ему нравоучения и предостерегает: «Напрасно вы компрометируете себя, г. Альбертини. Не делайте этого вперед. За подобные вопросы перестают уважать писателя не только как писателя, но и как человека» (VII, 723). Чернышевский показывает читателю неправдоподобие, ложность мысли противника или его невежество, отмечает неловкость в полемике, даже уличает в плагиате. «Русскому вестнику», например, он указывает на то, что статья его о книге Гильдебранда «по тону своему усиливается быть **сколком** с библиографических статей» «Современника». «Хотя бы ту предосторожность взяли, — продолжает Чернышевский, — чтобы нашими любимыми выражениями не заимствоваться, придумать свои какие-нибудь... Это уж очень плохо, когда подражание доходит до заимствования слов» (VII, 723).

В целях усиления дискредитации противников и их идеоло-

гии Чернышевский пронизывает весь ход полемики иронией. Она подается им в различных видах. Временами в его полемике слышится тон нарочитой кротости, причем эта кротость противопоставляется непристойному тону противника, намеренно подчеркивается. В других случаях чувствуется тон поучения, снисходительно-покровительственный тон, например, по отношению к Альбертини. Можно также уловить тон великодушия или сожаления по отношению к Юркевичу. Часто ирония переходит в язвительную иронию, поднимаясь до сарказма. Раздается возмущение, негодование, чувствуется желчь. Автор, не щадя недругов, не останавливается в полемическом азарте перед гротескным изображением их, например Буслаева, характеризуя методы его научной работы по поводу слова «лукошко».

В полемических схватках Чернышевского насмешка всегда ощутительна и производит сильное впечатление. Это впечатление в еще большей степени усиливается через патетику, к которой автор нередко прибегает для придания иронии большей силы, остроты и действительности. Той же цели способствуют и стихотворные цитаты.

Полемическая речь Чернышевского воспринимается в ироническом плане даже тогда, когда он что-либо или кого-либо хвалит. Интересна в этом отношении его мысль: «... если в полемике употребляются похвальные или торжественные выражения, то их надобно понимать за насмешку». (VII, 773).

Часто Чернышевский повторяет одну и ту же мысль в различных синонимических вариациях, так сказать, «обыгрывает» ее, чтобы усилить иронию.

Насмешка — характерная черта стиля полемики Чернышевского и его соратников и имеет определенное назначение: «насмешка бичует и жжет, потому что идет из сердца, полного страстной любви к человеку и беспредельного негодования к неправде». Эти слова Громеки, высказанные им о «героях отрицания», Чернышевский с полным правом направляет в адрес своих соратников. «Без похвальбы сказать, очень многие нас любят за то, что считают именно такими, вот ни дать ни взять, как вы изволите описывать героев-то отрицания» (VII, 755). Ирония делала логическую аргументацию Чернышевского более острой и сильнее бьющей. Особенно сильно чувствовали ее противники. У них она вызывала раздражение, злобу и ненависть, хотя, как заявлял Чернышевский, «в его беседе не было ни одного сколько-нибудь резко-го или обидного слова» (VII, 753).

Манера полемики Чернышевского с его иронией и стремлением к дискредитации противника отражается в подборе языковых средств и прежде всего в словаре, лишний раз сви-

детельствуя о неизбежном влиянии мировоззрения писателя на языковой стиль его произведения, на его подбор языковых средств.

2

Основной словарный пласт в «Полемических красотах» представлен не какой-либо особой, общественно-политической, публицистической лексикой, а обычной, общеупотребительной. Все это ходовые слова, слова общего употребления. Господство такой лексики отвечает основной задаче научно-популярного изложения — писать ясно, просто, понятно, доходчиво для широкого читателя.

Вступая по воле автора в синтаксические сочетания, общеупотребительные слова приобретают в конкретном тексте определенную функционально-стилистическую направленность, и одни и те же слова в разных стилях речи могут восприниматься то в плане художественном, то в плане научном, то в плане публицистическом. Этот основной пласт при своей нейтральности обслуживает любой стиль речи и в словарном окружении, согласно задачам автора, его взглядам и содержанию произведения получает соответствующий стилевой характер. Так, в «Полемических красотах» все эти общеупотребительные слова, нейтральные по основному своему характеру, исправно выполняют необходимые, с точки зрения автора, стилевые функции, вливаясь в общий поток полемически заостренной речи.

Само собой разумеется, содержание, характер и направление мыслей автора ставят перед ним пределы, ограничивающие подбор слов из общеупотребительной лексики, позволяя брать одно и делая ненужным привлекать другое. Автору «Полемических красот» не нужна была, например, чисто бытовая лексика, номенклатура растений, животных, зрительных, обонятельных восприятий и пр. Общеупотребительная лексика «Полемических красот» иного характера.

Не перебирая всей этой лексики по грамматическим категориям, не устанавливая ее целесообразности и органичности в «Полемических красотах», следует остановиться на прилагательных, поскольку они особенно характерны для стиля автора.

Среди прилагательных господствуют в статье общеупотребительные, напр.: *нынешний, домашний, простой, собственный, согласный, нетвердый, длинный, близкий, прямой, прошлый, мелкий, широкий, благодарный, слепой, чистый, низкий* и т. д. Причем преобладают качественные прилагательные (общеупотребительные и книжные), а среди них такие, которые имеют оценочный характер, напр.: *старых* предрассудков,

хороших повестей, искреннего тона, неразборчивый человек, неуместный пафос, с насмешливой мыслью, с презрительной мыслью, искусным выбором, неприличный обычай, дурная натура и т. п.

В некоторых случаях Чернышевский подменяет качественные определения-прилагательные однокоренными качественными существительными, превращая определение в определяемое, а определяемое в определение, напр. *едкость* выражения вместо *едкое* выражение (стр. 710), *свежесть* убеждений вместо *свежие* убеждения (стр. 717), *свежесть* сил вместо *свежие* силы (стр. 718), *благородство* наивности вместо *благородная* наивность (стр. 754), *благопристойность* тона вместо *благопристойный* тон (стр. 711) и т. п. А иногда он допускает синтаксическое нарушение логических отношений, когда слово по смыслу относится к одному слову, а синтаксически связано с другим, напр: *гневная неразборчивость* вместо *неразборчивость гневного человека* (стр. 714), *невинной наивности* (709), *благородным изобличением* (711) и т. п. Такое синтаксическое смещение приводит к метонимическому сдвигу в семантике слова. Оно более свойственно языку художественных произведений и памфлетов, которые особенно дорожат оценочным словом.

Чаще всего оценочные прилагательные у Чернышевского имеют установку на дискредитацию противников, их высказываний и идеологической позиции. Это определяет тяготение Чернышевского к использованию эмоционально-эмфатических прилагательных, которые отличаются эмоциональной напряженностью. Такая черта, естественно, способствует приданию особой силы выражениям, в какие данные прилагательные включаются как определяющие слова. В большинстве случаев эмфатические прилагательные в «Полемических красотах» наделены иронией: *глубокомысленных* изобличений, *превосходной* статьи, *восхитительной* статьи, *непробудным* сном, *несравненные* статьи, *неисчислимое* количество, *победоносного* опровержения, *прелестные* записки, *непостижимая* несообразительность и др. Их напряженность, экспрессия становятся более ощутительными при сопоставлении с адъективными словами без эмфазы: *умный*, а не *глубокомысленный*, *хороший*, а не *превосходный*, не *восхитительный*, *крепким*, а не *непробудным* и пр.

В основном эмфатические прилагательные не входят в разряд общеупотребительных. На них лежит печать книжности. Отсутствие их в тексте ослабило бы силу экспрессии, которой отличается стиль «Полемических красот». Для примера достаточно сопоставить следующие параллели: *опровержения — победоносного опровержения, наслаждение — рос-*

кошное наслаждение, обвито туманом—обвито непроницаемым туманом и т. п.

Чтобы придать эмфатичность тем или другим прилагательным, Чернышевский часто образует от них превосходную степень с выделительным значением, напр.: *важнейший, отраднейший, сладчайший, прекраснейший, добродетельнейший, благороднейший, капитальнейший, строжайший* и т. п. Их элятивное значение как бы выносит те или другие предметы в отношении указанных признаков за пределы возможного сравнения с чем-либо, делает их как бы несравнимыми и тем самым усиливает экспрессивно-семантическую сторону выражения и его дискредитирующую силу. В этом смысл употребления элятивных форм.

С целью дискредитации Чернышевский иронически пользуется и скрытыми эпитетами, в частности суффиксами субъективной оценки: «этот отрывок *статейки*, не шутя, очень игрив и ловок» (VII, 717), «первое место в ряду *журналицев*, составляющих «Отечественные записки» (VII, 734), «сулили в наказание мне подарить *вещицы*», «ваш обещанный *подарочек* мне», «не приходит ли вам охота улыбнуться и над следующей вашей *страничкой*» (VII, 753) и т. п. Иронический тон всей речи подменяет в этих образованиях значение сочувствия значением пренебрежительности. Происходит как бы скрещение двух противоположных значений, в результате чего усиливается отрицательное значение слова. Этим приемом широко потом будет пользоваться в аналогичных случаях В. И. Ленин.

Довольно часто для усиления экспрессии речи Чернышевский прибегает также к количественным наречиям и усилительным частицам при общеупотребительных словах, напр.: *чрезмерно* склонные поддаваться внушениям, жить *исключительно* в кругу людей благородного образа мыслей, *страшно* оскорбляло, стремление *совершенно* ошибочно, поступал *чрезвычайно* бестактно, *решительно* никому не нужные и т. п.

Наличие экспрессивных средств выражения соответствовало стилевым тенденциям Чернышевского: он любил писать в восклицательном тоне.

Нередко качественные наречия употребляются Чернышевским в ироническом смысле, прямо противоположном их обычному значению, например: «бранят «Современник» справедливо, умно, остроумно, мило» (VII, 708), «хорошо и дельно изобличен «Современник» (VII, 708), «Русский вестник» лишь слегка пошалил и как мило пошалил» (VII, 714), «мы сравниваемся с Иваном Яковлевичем очень мило и грациозно» (VII, 715) и пр.

Как свидетельствуют данные примеры, Чернышевский для усиления иронии иногда прибегал и к перечислению одно-

родных членов. Этот прием создает своеобразное нагнетание, усиливающее экспрессию выражения.

Ироническая похвала со стороны Чернышевского воспринималась противниками сильнее брани, так как с такой похвалой связана была издевка, которая задевала их за живое и в сильной степени озлобляла. В «Русском вестнике» Катков по этому поводу с возмущением, что отмечал сам Чернышевский, писал: «К чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться в аллегорию, расточать иронию, сыпать побасенками, когда дело просто, и нет ни малейшей надобности прибегать ко всем этим военным хитростям?» Такая манера полемики действительно была свойственна Чернышевскому, и отказываться от нее в угоду своим идеологическим недругам, которым эта манера была не по душе, он не считал нужным.

Но если среди прилагательных и наречий в «Полемических красотах» преобладают общеупотребительные слова, то этого нельзя сказать о существительных. В пределах этой категории одинаково представлены как общеупотребительные, так и необщеупотребительные слова, различные по своему происхождению (русские, старославянские и иноязычные). Впрочем, дело не в происхождении, а в той семантике, какой наделены существительные в статье. У преобладающего большинства их семантика отвлеченная, напр.: *эмансипация, обещание, такт, подвиг, непристойность, искренность, спокойствие духа, диатриба, мнение, власть, внушение, характер, влияние, условие, благо, раскаяние, интерес, стремление, прогресс, совершенствование, жертва, симпатия, антипатия, состояние* и многие другие. Преобладание отвлеченной субстантивной лексики в статье вполне естественно, так как в ней речь идет не о быте, а о вопросах журнальных, литературных, философских, о литературных отношениях, о морали и т. д.

Богато представленная в «Полемических красотах» отвлеченная лексика оказала большое влияние на характер глаголов в их конкретном употреблении. Глаголы в «Полемических красотах» в подавляющем большинстве общеупотребительные. Лишь незначительное число их носит книжный отпечаток, например: *восхищаться, предостеречь, излагать, изучать, почитать, вымышлять, владеть, проникнуть, полемизировать* и др. К ним надо отнести и такие устарелые книжные слова, как *яриться, возъяриться, воззреть, воскипеть* и др., которые еще употреблялись в эпоху Чернышевского, но уже тогда выходили из речевой практики. Кстати сказать, и автор позволяет себе употреблять их лишь с определенным стиливым намерением—усилить язвительный тон речи по отношению к Буслаеву.

Общеупотребительные глаголы, вовлеченные в словосоче-

тая с отвлеченными существительными, в зависимости от этой связи с ними, претерпевают семантические сдвиги, приобретая значение, несколько удаленное от их основного значения: *любит* суеверие, *берет* верх, *искать* доказательства, *подать* повод, *защищаться* от подозрений, *проникнуть* желанием и пр. В силу своей нейтральности и способности к многозначности общеупотребительные глаголы, как и вообще общеупотребительные слова, о чем уже было сказано, легко, по мере надобности, вступают в связи с разными словами в разных речевых стилях и содействуют целям художественности, публицистичности или научности, экспрессивности или образительности.

Общеупотребительная лексика в то же время является и тем основным пластом, который больше всего связывает язык писателя, публициста и ученого с общенародным языком определенной эпохи. Это надо сказать и о языке Н. Г. Чернышевского.

3

Подбирая слова общеупотребительной лексики, Чернышевский не впадал в однообразие, в монотонность стиля. Он широко и свободно использовал синонимическое богатство русского языка. Основу этого богатства составляют, как уже сказано, общеупотребительные слова, группирующиеся в многочисленные синонимические гнезда. Отсюда Чернышевский черпает синонимы, употребляя наряду с ними их книжные и разговорные параллели и избегая диалектных. Диалектная лексика вообще в его произведениях почти отсутствует. В данной статье, между прочим, имеется лишь одно областное слово—частичка *ко*, севернорусский вариант к разговорной частице *ка* («а спросите-ко у г. Юркевича мнение о школе, к которой принадлежит Льюис»,—VII, 766).

Синонимы, благодаря разнообразию своего звучания и смысловых оттенков, устраняют монотонность в стиле Чернышевского. Их смысловые оттенки часто трудно уловимы, но они всегда оставляют в читателе желательное, с точки зрения автора, впечатление. От них частично зависит выражение иронии и дискредитация противника.

В грамматическом отношении синонимы тоже разнообразны. Тут и глаголы, и существительные, и прилагательные, и наречия. Особенно щедро представлена глагольная синонимика: *распасться*, *разделиться*, *разойтись*; *обвинять*, *уличать*, *осуждать*, и книжные—*разоблачить*, *изобличать*, *порцать*, *уязвить*; *объявлять*, книжное—*провозглашать*; *наслаждаться*, *развлекаться*; *ругать*, *бранить*, *сердиться*, *возмущаться*,

книжное — негодовать, вознегодовать, книжные устарелые — воскипеть, гневаться, яриться, възъяриться; делать, действовать, поступать, исполнять и книжное — совершать, завершать; думать, придумывать, продумывать, полагать, предполагать, судить, вообразить, книжное—заключать, разг.—помыслить; просторечн.—ломать голову; напечатать, поместить и разговорные—оттиснуть; говорить, сказать, рассказать и выразиться и кн.—излагать, разг.—потолковать; притворяться и разг.—прикидываться; бояться, робеть; — убедиться и удостовериться; обидеться, оскорбиться; унизиться, уронить себя, упасть в глазах; обещать и разг.—сулить; объяснять, разъяснять, прояснять и кн.—истолковывать; высказывать, выставлять; оскорбить, позорить; кн.—отрекаться, разг.—отпираться, книжное—отвергать, опровергать и т. д. Как видим, основную массу синонимов действительно составляют общепотребительные слова.

Лишь незначительное количество представляют книжные и разговорные синонимы. Они были удобны по своей тональности для иронического использования: одни по высокостильности или эмоциональной напряженности, а другие — по опрощенности. Вот, например, книжные глаголы, которые уже были приведены, *воскипеть*, *яриться*, *возъяриться*. Они настолько эмоционально напряжены, что сами собой, так сказать, напрашивались для их использования при характеристике повышенного настроения расвирепевшего Буслаева, вместо слова *рассердиться*. И разговорный глагол *набивать* в силу своей просторечности сильнее выражает мысль, чем общепотребительный глагол *наполнять*, окрашивая выражение в эмоционально-пренебрежительный тон: «*набивает* (Буслаев) свои изыскания скандинавской мифологией» (VII, 742). И высокие и низкие слова в стиле Чернышевского в одинаковой степени имели установку на снижение. Начало такой манеры их использования положено было еще Державиным и Радищевым, а потом она тщательно была разработана Пушкиным.

В отдельных случаях Чернышевский прибегал к нагнетанию через перечисление синонимичных или синонимически сближенных глаголов в порядке их возрастающей силы, напр.: «Да-с, после от нечего делать *пошутим*, *посмеемся*, *изобличим*, *вознегодуем*, *«втопчем в грязь»*, *«завизжим»*, а теперь — как-то случилось разговориться так, что не то на уме» (VII, 713). Такое построение, подавая действие в его нарастании, приводит к усилению экспрессии и сильнее действует на чувства читателя.

В количественном отношении с глагольными синонимами соперничают в статье субстантивные. Не только тематически, но и стилистически они тоже разнообразны: недостаток, слабость, промах; смелость, решимость; обвинение и кн.—изо-

бличение; дело, поступок, кн.—подвиг и деяние, разг.—выходка; мысль, мнение, взгляд, убеждение и книжные—соображение, воззрение, понятие, идея; книжные—сотрудник, соучастник, кн. устарелые—собрат, сотоварищ; кн.—влияние, внушение; боязнь, робость, трусость; новость (новизна), свежесть; случай, кн.—казус; желание, склонность, слабость; бездоказательность, неосновательность; равнодушие, хладнокровие; труды, занятия; догадка, предположение; книжные—изучение, исследование, изыскание и пр. В процентном отношении среди субстантивных синонимов в статье книжных больше, чем среди глагольных, как и вообще в русском языке, а иноязычных как в той, так и в другой синонимической категории всего лишь единицы.

Книжные субстантивные синонимы в полемической статье Чернышевского получают ярко выраженную стилистическую направленность. Тенденция к иронизированию побуждала его употреблять не только слово *обвинение*, а и *изобличение*, не *дело*, а и *деяние*, *подвиг*, не *работа*, а и *изучение*, *исследование*, *изыскание* и т. д. Причина тому — высокостильность этих слов.

Много в «Полемических красотах» и адъективных синонимов отрицательно-оценочного характера и положительно-оценочного характера: дурной, неприличный, грубый, непристойный; площадной, разг.—дрянной; насмешливый, кн.—иронический, саркастический, язвительный; любезный, милый, приятный; основательный, глубокий; трудолюбивый, усердный, осмотрительный, осторожный; чистосердечный, доброжелательный; прекрасный, превосходный, восхитительный; прелестный, изумительный и пр. Все они выполняют большую стилистическую роль в полемической статье, либо давая отрицательную оценку действиям и взглядам противников, либо окрашивая изложение в иронический тон, благодаря которому и положительная оценка превращается в отрицательную; при этом чем выше положительная оценка, тем сильнее, язвительней становится ирония: *роскошное наслаждение*, *замечательной ученостью* и пр.

Порою Чернышевский прибегает к сгущению иронии в «слитном» предложении, напр.: «...да вы не примите моей улыбки в дурную сторону, в том смысле, что страничка эта нехорошо написана,—нет, нет, прекрасно: с горячим, искренним одушевлением, с чистейшею любовью к добру, с возвышеннейшим негодованием на злобу и порок» (VII, 753). Здесь однородные обстоятельственные члены, которые сами по себе экспрессивны, усилены в своей экспрессии через перечисление, через экспрессивные определения и экспрессивные дополнения при них. Примеры подобных сгущенных экспрес-

сивных конструкций даны были Радищевым в его произведении «Путешествие из Петербурга в Москву».

Иногда, пользуясь общеупотребительной лексикой, Чернышевский употребляет отдельные слова в метафорическом значении: *слепое* поклонение, *низкий* расчет, *мелкий* вопрос, *тяжелое* ожидание, оборот *ловок*, чувствовал потерю так *горько* и т. п. Правда, в данных случаях метафоры или уже превратились или почти превратились в метафоры языка. Но иногда Чернышевский давал развернутые метафоры стиля, напр.: а) «только Левингстон мог бы пройти такую обширную пустыню, не утомляясь, и вынести из нее образцы всех странных произведений, встречающихся в ней. Я ограничу свое исследование лишь двумя-тремя грекраснейшими оазисами, предварительно сказав о характере остальной страны, которую едва могу я окинуть взором» (об «Отечественных записках»—VII, 733);

б) «А вот как раз поспела для украшения моей коллекции 7-я книжка «Отечественных записок» с крупным полемическим алмазом, который постараюсь я добросовестно отшлифовать в превосходнейший брильянт. Алмаз находится в изобильном редкостями руднике критического отдела» (VII, 755).

Надо сказать, что Чернышевский, не имея большой склонности к простым метафорам стиля, довольно часто прибегал в своих произведениях к развернутым метафорам, гармонировавшим с его стилистическими установками в каждом отдельном случае. До некоторой степени склонность к такого рода метафорам имеет связь с его пристрастием к параболическому способу выражения.

4

При господстве общеупотребительной лексики и при обилии книжной в «Полемических красотах» лишь в незначительной дозе даны разговорно-просторечные слова, например: *страшно* (очень), *побасенка*, *дурачить*, *воротить*, *сулить*, *набить* рассуждениями (в значении «наполнить в большом количестве»), не огорчайтесь *штукою*, *задобрить*, трудно было *отбиваться* от них, *наговорить* лишнего, *отшучиваться*, *ничего-таки*, *так вот*, *тянет* написать и пр., а также слова с суффиксами субъективной оценки. Зато разговорных элементов много в синтаксисе.

Элементы разговорной речи в синтаксической структуре «Полемических красот» нарочито использованы автором в целях придания стилю всего изложения тона беседности и усиления иронии и дискредитации тех, с кем ведется полемика. Он и сам неоднократно называет свою полемику «беседой».

Начнем с обращений, свойственных живой, разговорной речи. К ним Чернышевский прибегает довольно часто. Они в его работе служат средством выражения иронии. Главную стилистическую роль в них выполняют эмоциональные определения, прямой смысл которых указывает на весьма положительную оценку, больше—восторженную. Но в тексте, благодаря общей идейной направленности полемики, обращения получают обратный смысл, превращаясь в язвительную иронию, например: «*Милое дитя, избегайте полемических встреч с нами*»—к Альбертини (VII, 740), «*О, добрейший г. Буслаев, вы не сообразили*» (VII, 748), «*...есть (сердце), родной мой, да еще и очень сердитое*» (VII, 755), «*увлекались, золотой мой, да еще как*», «*А ну, ну: подумайте, несравненный наш, подумайте*» (VII, 756)—к Громеке и др. Все эти обращения, направленные по адресу разных лиц, приобретают в тексте различный тон: то покровительственно-снисходительный—в отношении Альбертини («из уважения к людам, к которым он принадлежал», т. е. к Герцену и Грановскому); то насмешливо-оскорбительный—в отношении профессора Буслаева с его «желанием уязвить» Пыпина и несправедливыми «нападательными, по выражению Чернышевского, выходками» против него; то пренебрежительно-язвительный—в отношении журналиста Громеки, бывшего жандарма и седлецкого губернатора. В применении к этим лицам обращения в речи Чернышевского и не могли сохранить своего прямого смысла.

В еще большей степени разговорность стилю полемики Чернышевского придают многочисленные формы второго лица настоящего и будущего времени, а также повелительного наклонения глаголов, формы местоимений *ваш, мой, я, вы*, вводные слова—к примеру *сказать, видите ли, дескать*. Частицы—*де, с, ко, то, ну-с*; междометия, повторы, обобщенно-личные предложения и т. д.

Нередко встречается в полемическом стиле Чернышевского и такая черта разговорной речи, как номинативные предложения. Из живой разговорной речи они переходят в стиль литературно-художественный и (значительно реже) в литературно-публицистический. В последнем употреблении их функционально ограничено. В полемической статье Чернышевского напр., номинативные предложения чаще всего имеют эмоционально-оценочный характер с отрицательным значением: «*Какая дикая натура! Самая площадная натура*» (VII, 710), «*Скучные времена, глупые времена!*» (VII, 720), «*Странный человек!*» (VII, 745), «*Плохое развлечение*» (VII, 720) «*Вот наивность-то!*» (VII, 725), «*Вот история-то!*» (VII, 759). Следует отметить, что даже такие эмоционально-оценочные номинативные предложения, которые сами по себе имеют по-

ложительное значение, в силу иронического их употребления превращаются в полемическом стиле Чернышевского в свою противоположность: «Прелесть!» (VII, 724), «Какая деликатная полемика!» (VII, 710), «О восторг наслаждения!..» (VII, 709). Как видим, квалификационно-оценочная функция номинативных предложений обуславливает наличие в них качественного определения, кроме тех случаев, когда само существование отличается качеством.

Для иллюстрации разговорности стиля Чернышевского можно взять небольшой связный фрагмент статьи, в котором нашли место некоторые элементы разговорной речи: «Эх, батюшка мой, г. Буслаев! Отблагодарили же вы доброго человека за желание избавить вас от беды! Ну, догадываетесь ли хоть теперь, о чем я хочу сказать вам? Вот о чем: слишком плохую услугу оказали вы себе письмом к г. Пыпину. Когда представится «Современнику» надобность в другой раз говорить о вас, мы, свистуны, по-прежнему будем уговаривать г. Пыпина, чтоб статью о вас написал он. Но согласится ли он? А бог его знает! По крайней мере, прочитав письмо ваше, он сказал, что разбирать ваших сочинений нельзя человеку, не любящему полемических схваток. Ну, что же теперь, если он останется при этом решении. Ведь поневоле придется писать статьи о вас мне или другому какому-нибудь свистуну. Как вы полагаете, похожа будет эта статья на статью г. Пыпина? Много мы найдем в вас ученых достоинств? И как вы полагаете, во многих из ваших почитателей изменится мнение о них от статьи, писанной свистуном? Вероятно, вы еще не можете сообразить. И желаю вам как можно дольше оставаться в неизвестности на этот счет» (VII, 750).

Разговорный стиль, стиль беседы Чернышевского иногда, для усиления впечатления, оттеняется книжным стилем или стилем официальных бумаг, подаваемым тоже в ироническом плане. Так, разговорный стиль только что приведенного отрывка сменяется в последующем абзаце официальным: «Затем, свидетельствуя совершеннейшее почтение к вашему трудолюбию и глубочайшее уважение к вашему благородству, имею честь остаться всегда потовый к какому вам угодно учнейшему спору. В ожидании этого лестного моему невежеству спора собираю розданные разным знакомым книги свои по предмету, некогда, к сожалению, и меня занимавшему» (VII, 750). В этом абзаце привычный шаблон заключительного обращения официальных бумаг усилен иронически употребленными элитивными формами превосходной степени, ироническим употреблением отвлеченных обозначений качеств вместо обычного местоимения и притворным умалением личных достоинств.

Таковы стилевые особенности полемики Чернышевского.

Мы видим, что сила ее основывалась не только на правильном понимании вещей и свежести его убеждений, на глубине анализа и вескости доказательств, на остроте чувства современности и искусства ведения спора, но и на высоком мастерстве в использовании богатств русского языка, на умении подбирать нужные языковые средства. Если правильна его мысль (а она, конечно, правильна), что «о каком бы предмете ни заговорил человек, образ мыслей которого туманен, речь его будет туманная, головоломная» (VII, 761), то верно и обратное: от четкости и определенности мысли Н. Г. Чернышевского зависели ясность и понятность его речи, отвечавшей языковым нормам современной ему эпохи.

Но соблюдая общепринятые языковые нормы, Чернышевский в то же время проявлял такую свободу в синтаксических построениях, какая позволяла ему давать качественно новые словосочетания. Собственно, он подбирал такие слова, какие существовали в общенародном языке, и связывал их, подчиняясь тем грамматическим принципам, какие были выработаны в нем, но лексический состав его словосочетаний не всегда был обычным. Иногда, извлекая из общенародного языка слова, Чернышевский выходил из рамок привычных шаблонов их группировки и тем самым обновлял, освежал и пополнял словосочетания отечественного языка. Не совсем обычными в его статье кажутся такие, например, словосочетания: *восторг наслаждения, благородство наивности, совершенство наивности, воздержание в хладнокровии, опрометчивая несообразительность, завидное обольщение, непостижимая несообразительность, благородное изобличение, открытые деликатесы в обращении* и многое другое. Все слова в этих сочетаниях отвлеченные. Все они взяты из общерусского языка, нет ни одного из них придуманного автором, но словосочетания тем не менее воспринимаются как новые. Причем ни в одном нет нарушения норм логических связей. Нет кудрявых, звонких, трескучих выражений, какие изобретали, например, Марлинский и Бенедиктов: *граната блаженства, в укусе страсти (о любви)* и т. п. Чернышевский в своем стиле был весьма далек от орнаментики. Как известно, в своих критических работах он выступал против всякого украшательства в стиле и в этом отношении следовал Белинскому. На первом плане у него были не красота и изящество формы, а логика мысли, логические опровержения и доказательства, полемические ходы.

5

Всеми особенностями своего языка в «Полемических красотах» Чернышевский крепко связан со своей эпохой и не

только в отношении языковых норм, но и их нарушений.

Все отклонения от языковых норм общенародного языка у Чернышевского не являются результатом какой-то вольности с его стороны. Это—традиционные явления, характерные для языкового прошлого и в какой-то мере для языка его эпохи. Они устарели ко времени Чернышевского, но все еще продолжали жить, напоминая о минувших этапах в развитии языка, а некоторые из них встречаются даже в наше время, если не в книжной, то в разговорной речи. Таковы у него отступления в области синтаксического построения, например, в употреблении сказуемого. Вместо краткого причастия страдательного залога он иногда употребляет в страдательном значении глагол совершенного вида с аффиксом—ся: «Вот и состроился у вас в уме силлогизм...» (VII, 760), «Пусть каждый из нас пишет, нимало не справляясь с тем, одобрится ли его взгляд и тон другими сотрудниками и редакцией» (VII, 707). Уже в середине XVIII в., когда создавалась грамматика Ломоносова, такая форма была устарелой, на что указывал сам автор грамматики. Но тем не менее она продолжала жить и в середине XIX века, встречаясь у Чичерина, С. Аксакова, Огарева, Достоевского и др.

Допускает Чернышевский отклонение также в пользовании составным сказуемым, привлекая при глаголах *представляться* и *становиться* вместо творительного падежа членного прилагательного именительный падеж нечленного в роли присвязочного слова: «ваш характер вечно будет представляться мне столь же *благороден*, столь же безукоризненно *чист*, как теперь» (VII, 749), «вы сулили в наказание мне подарить вещицы, которые становились тогда не *нужны* вам» (VII, 753). В 40—60-е годы именительный предикативный при данных глаголах, сохранивших вещественное значение, наблюдался реже, чем творительный предикативный, но в учебных пособиях, например в учебнике Л. Поливанова «Русский синтаксис» (1885 г.), он даже в 80-е годы считал нормой. Этот оборот можно встретить у Герцена, Помяловского и даже у такого блюстителя норм литературного языка, каким был Тургенев.

Глаголы *обидеться*, *оскорбиться*, *раздражаться* в статье вступают в сочетание с творительным падежом вместо какого-либо другого косвенного падежа без предлога или с предлогом и дают архаический оборот: «...самый самолюбивый и раздражительный человек не мог бы *обидеться* таким спором. Тем менее мог ожидать кто-нибудь, что *оскорбиться* статьею г. Пыпина г. Буслаев, человек почтенного характера, чуждый болезненного тщеславия» (VII, 740), «Итальянцы очень *раздражаются* мыслью...» (VII, 737). В 40—60 годы эти обороты

были вымиравшими, но даже в 80-е годы признавались еще отвечающими требованиям литературной нормы.

Чернышевский прибегает и к форме глагола *заимствоваться* в страдательном значении с постановкой объекта в творительном падеже: «Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы *нашими любимыми выражениями* не заимствоваться, придумать свои какие-нибудь» (VII, 723). С таким управлением данный глагол в наше время вышел из литературного употребления и встречается лишь в просторечии, но в эпоху Чернышевского он имел литературное обращение. Его находим у лингвиста Буслаева, у Салтыкова-Щедрина, Слепцова и др.

Некоторая архаичность чувствуется и в постановке винительного падежа вместо предложного при глаголе *сказать*: «Сказать ли *другие причины?*» (VII, 718). Употребление винительного падежа при данном глаголе было отступлением от литературной нормы и в 40—60 годы XIX в., но наблюдалось у многих писателей (Л. Толстой, Герцен, Соллогуб, Белинский и др.). Нередко оно встречается и в наше время.

Даже двоякое употребление у Чернышевского глагола *претендовать* говорит не о разрыве, а о связи с эпохой. Он употребляет его то в значении французского глагола «предъявлять права» и «домогаться», то с иной семантикой—«обижаться» и «сердиться», напр.: «Он очень претендует на помещенную о нем в «Современнике» статью за то, что она будто бы истолковывает его слова в смысле, которого они не имеют» (VII, 744, 760). Но и отклонения от семантики французского глагола были узаконены языковой практикой того времени (Гоголь, Помяловский и др.).

Таким образом, печать современности лежит не только на идейном содержании всех произведений Н. Г. Чернышевского, но и на его языке; он был современен даже тогда, когда пользовался устарелыми языковыми оборотами и словами. В его языке получил отражение современный ему общенародный русский язык с его историей. В его языке заложены основы и для языка будущего.

М. А. СОКОЛОВА

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ВОПРОСАХ ТЕКСТОЛОГИИ

Теоретические высказывания Чернышевского по основным проблемам текстологии и большая практическая работа, проделанная критиком по собиранию, изучению и огубликованию писем Н. А. Добролюбова¹, входят в историю русской текстологии ценнейшим вкладом, до сих пор совсем не изученным.

Сейчас, когда задачи бережного отношения к текстам произведений писателей классиков и полноценного научного издания собрания их сочинений стали первоочередными, понятна вся ценность разработки текстологических проблем великим революционером-демократом.

1

50-е годы XIX в. в России характеризуются бурным общественным подъемом. После поражения в Крымской войне, вскрывшей всю гнилость самодержавного строя России, в стране начинает назревать революционная ситуация. Новые исторические условия привели к оживлению всей общественной и культурной жизни страны (подъему народного образования, прессы и т. д.). Быстрое развитие различных отраслей науки, рост книгоиздательства, расширение книготорговли вызвали в середине XIX века усиленный интерес к библиографии, в том числе литературоведческой. Почти все толстые журналы отводят значительное место критике и библиографии, выходят в свет библиографические обозрения, издаются

¹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 гг», т. 1, М., 1890, Изд. К. Т. Солдатенкова; Собрание сочинений Н. А. Добролюбова в 4-х томах, 1862.

специальные библиографические журналы (например, «Библиографические записки» Н. М. Щепкина), составляются библиографии ряда русских классиков (Пушкина, Гоголя). Появляются специалисты, работающие в области библиографии русской художественной литературы: В. П. Гаевский, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади и др¹.

Представители различных общественных групп использовали библиографию в целях пропаганды своей идеологии. Передовые русские журналы видели в критической библиографии одно из средств распространения прогрессивных общественно-политических взглядов; реакционные органы пропагандировали охранительную литературу.

С середины 50-х годов в России сильно изменилось и положение прессы. Временное ослабление цензуры после смерти Николая I привело к некоторому оживлению литературы. Возникает большое количество журналов и газет. Под влиянием некоторого смягчения цензурных условий в журналах появляются новые отделы (например, обозрение политической жизни за границей), печатаются передовые статьи на политические и экономические темы.

Большим событием в литературной и общественной жизни России был выход в свет собраний сочинений русских классиков. Только за один 1855 год русская публика получила новые издания Пушкина (издание П. В. Анненкова) и Гоголя (издание Н. П. Трушковского). Добролюбов писал: «Вслед за Пушкиным вышло второе издание «Мертвых душ»; потом второй том их, затем полное издание Гоголя, потом издание Кольцова с биографией его, написанною Белинским... довольно сказать, что со времени издания Пушкина, первые томы которого вышли в начале 1855 года, наша литература оживилась весьма заметно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелые события, сопряженные с войною»². Некрасов, подводя итоги прошедшему 1855 г., писал в «Заметках о журналах»: «В литературе нашей давно не было года столь живого, богатого, благотворного по своим последствиям. В этом году русская публика получила издание своего национального поэта,—издание, достойное того великого значения, которое имеет Пушкин в истории развития русского общества. В этом же году русскому обществу дан был Гоголь, которого прежних изданий едва достало для десятой доли читателей, же-

¹ См. подробную характеристику библиографии 50—60 гг. в книге Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века». Изд. 2-е, 1951, стр. 249—305.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6 томах, ГИХЛ, т. I. 1934, стр. 313.

лавших наслаждаться и поучаться творениями великого русского комика. Уже этих двух фактов достаточно, чтоб сделать 1855 год надолго памятным для каждого истинного ревнителя отечественного просвещения»¹.

Вместе с выходом в свет изданий классиков художественной литературы стала возможной постановка вопросов о состоянии текстов произведений, бережном отношении к рукописям, черновым вариантам и пр.

Текстология в пятидесятых годах XIX века существовала не как самостоятельная отрасль науки, а как составная часть библиографии. В рецензиях на вышедшие издания классиков литературы начинают появляться замечания о качестве подготовки текстов произведений, в библиографических журналах публикуются вновь найденные произведения русских писателей, возникает увлечение различного рода текстологическими разысканиями.

Текстологические наблюдения находят место, например, в 1854—1857 гг. в отделе библиографии «Отечественных записок», редактируемом Дудышкиным. Так, в сентябре 1855 г. в разделе «Новые книги» печатается библиографическая заметка (без подписи) о вышедшем 1-м томе «Сочинений Н. В. Гоголя». Она специально посвящена характеристике издания с точки зрения подготовки текстов. Автор на основе детальной сверки текста издания 1855 г. с последним прижизненным изданием 1842 г. резко критикует издателя Трушковского за «исправление слога» Гоголя, за существенные «поправки», внесенные издателем в текст повестей. Автор требует от издателя точного указания, кем сделаны эти изменения. Если они внесены самим Гоголем, то это необходимо указать в примечаниях, и в виде вариантов дать обе авторские редакции. Если же на исправления «посягнул» кто-то посторонний, то подобную практику надо резко осудить, ибо на изменение «имеет право только автор».

Следует отметить, что увлечение всякого рода новинками, мелкими библиографическими и текстологическими подробностями привело некоторых библиографов к антинаучным методам работы. Некрасов, Добролюбов и Чернышевский сурово критиковали эти, получившие распространение, уродливые формы библиографии, которые выражались в отыскании всевозможных, не имеющих научной ценности редкостей, ради самого процесса разыскания.

Добролюбов резко осуждает библиографов, которые «под-

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, ГИХЛ, 1950. стр. 369.

бирали факты ничтожные, спорили об обстоятельствах пустых, занимались часто решением вопросов, ни к чему не ведущих». Так, в 1858 г. он иронически пишет о библиографе, составившем список женщин-писательниц по формальному признаку окончания фамилий на «а», «я», благодаря чему в списках оказалось несколько мужчин и даже названий деревень. Революционеры-демократы требовали подчинения библиографической работы большим политическим, общезначимым задачам и критиковали библиографов, для которых «исчезают пространство и время, звания, помы, возрасты, все различия предметов», которые «носятся в библиографических сферах, видя перед собою только буквы, страницы, опечатки, оглавления и не различая ничего более»¹. Едко иронизирует Добролюбов над библиографом Геннади, который, составляя список произведений Гоголя («Отечественные записки» 1853 г. № 9), пропустил «Мертвые души».

Остроумная рецензия-пародия была опубликована в 1854 г. и Н. Г. Чернышевским². Великий критик всегда ценил библиографические труды, дающие полезный для исследователя материал. Так он одобрительно оценивал «Опыт российской библиографии» Сопикова, «Роспись российским книгам» Смирдина, сам составил библиографический список статей Добролюбова, напечатанных в «Современнике». Однако требуя, чтобы любой труд, в том числе библиографический и текстологический, был общественно-полезным делом, Чернышевский осуждал мелких крохоборов, которые в погоне за никому не нужными текстологическими, биографическими, библиографическим и пр. мелочами забывают о действительных задачах науки. Написанная Чернышевским рецензия-пародия наполнена якобы серьезным, «научным» описанием вздорных, псевдонаучных мелочей, например, сведениями о том, когда празднуется день рождения некоего Сидора Панкратьевича Тетминского, о том, что в библиографическом каталоге Смирдина допущена «важная ошибка»: написано «типография Лобысевичъ» вместо правильного «типография Лобысевичъ» и т. д.³. «Библиография—прекрасное дело, но только тогда, когда ею занимаются серьезно, и ученые замашки не должны служить защитой, если книга с такими замашками пуста»,—писал Чернышевский⁴.

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6 томах, ГИХЛ, т. I. 1934. стр. 483.

² «Битва русских с турками или ужасы Балканских пещер и Тайная Мусульманка, роман в двух частях с хором и музыкой», М, 1854.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI, 1953, стр. 294—295.

⁴ Там же, т. III, стр. 519—520.

Понимая всю важность дела издания научно проверенных текстов писателей-классиков, передовая критика 50-х годов начинает ставить серьезные текстологические проблемы. Так, в «Отечественных записках» и «Современнике» печатаются текстологические статьи критика и библиографа В. П. Гаевского. Кроме статей, специально посвященных разработке текстологических вопросов¹, Гаевский в рецензиях на вышедшие собрания сочинений писателей всегда останавливался на качестве подготовки текстов, на характеристике сопроводительного аппарата, на анализе состава собрания сочинений. Характерным примером может служить его статья «Дельви́г», первая глава которой посвящена анализу Полного собрания сочинений А. А. Дельвига 1850 года в издании А. Смирдина. Гаевский указывает на то, что «недостатком почти в одинаковой степени общим всему смирдинскому изданию» является отсутствие вступительных статей. «Но как же быть без предисловия, как обойтись без указания, даже когда и при каких литературных условиях жил автор,—указания, необходимого для определения относительного достоинства его произведений?»,—воскликает Гаевский. «Не находя предисловия,—пишет далее критик,—вы обращаетесь к самому тексту в надежде отыскать под каждым произведением указания времени, когда оно явилось...» Однако «в изданиях г. Смирдина года почти нигде не выставлены...»² Гаевский развивает свою мысль далее: «...не находя этих важных указаний, вы хотите узнать, по крайней мере, где было напечатано то или другое произведение, чтоб судить, хотя приблизительно, о времени его появления, обстоятельствах, его сопровождавших, о том, сделаны ли в нем автором впоследствии исправления и перемены и какие именно...». Однако, столь необходимых комментариев в издании Смирдина тоже не оказывается.

Важно отметить, что, в противоположность антинаучному увлечению некоторых библиографов разысканиями мелких, незначительных текстологических фактов, В. П. Гаевский требовал подробных текстологических комментариев не ради увлекательности самих подробностей, а для выяснения важных историко-литературных проблем.

Откликом на собрание сочинений А. С. Пушкина явилось большое текстологическое исследование В. П. Гаевского «Сочинения Пушкина»³, на которое ссылается в своих работах и Н. Г. Чернышевский.

¹ Например, заметка Гаевского по поводу двух стихов «Бориса Годунова» в «Отечественных записках», 1854, № 5.

² «Современник», 1853, № 2, стр. 47.

³ «Отечественные записки», 1855, № 6.

Статьи Гаевского были для того времени прогрессивным явлением. Они обращали внимание на необходимость тщательной подготовки текстов для собраний сочинений, обязательность научного справочного аппарата, важность включения в издание биографических и литературно-критических статей. Они свидетельствовали о том, что текстологические вопросы во второй половине XIX века встали, наконец, на очередь дня.

В обстановке назревших сложных текстологических проблем, выдвинутых в связи с растущим количеством изданий сочинений русских классиков, и выступает по важнейшим текстологическим вопросам Н. Г. Чернышевский.

2

Высказывания Чернышевского по вопросам текстологии тесно связаны с общим направлением его критической деятельности, его борьбой за народную, национальную, реалистическую русскую литературу.

У Чернышевского нет специальных исследований, посвященных разработке тех или иных текстологических проблем. Но почти в каждой из своих рецензий на выход в свет собрания сочинений Жуковского, Гоголя, Пушкина, Некрасова он рассматривал качество подготовки текстов данного писателя.

Применением на практике взглядов Чернышевского о необходимости научной тщательности при подготовке изданий явилась его большая работа над собранием сочинений Добролюбова в 4-х томах (1862 г.) и опубликование «Материалов для биографии Добролюбова».

Зная, какую важность представляет наследие Добролюбова, Чернышевский считал необходимым сделать его достоянием общечеловеческой культуры, и сразу же после смерти Добролюбова начал работать над собиранием и подготовкой к изданию его произведений, а также материалов о нем. В 1862 г. выходят в свет четыре подготовленных Чернышевским тома сочинений Добролюбова. В этом же году Чернышевский печатает в «Современнике» (№ 1) статью «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», где опубликована часть обработанного им дневника Добролюбова. Арест и ссылка оборвали этот труд, который Чернышевский возобновляет только в 1888 г. Два последние года своей жизни он почти целиком посвятил собиранию, обработке и подготовке к печати двухтомных «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова». Работа эта целиком захватила Чернышевского. Его письма к друзьям и родным, начиная с июля 1888 г., наполнены заботами о материалах, связанных с Добролюбовым. Он обращается к родствен-

никам Добролюбова с просьбой прислать все относящееся к жизни и творчеству Николая Александровича; ведет долгую и пространную переписку с А. Н. Пыпиным, через которого он получал все рукописи Добролюбова; при свидании с В. Г. Короленко в июле 1888 г. Чернышевский просит его по возвращении в Нижний Новгород разыскать родных Добролюбова и навести у них справки по ряду вопросов. Он умоляет своих знакомых присылать ему все материалы, имеющие отношение к Добролюбову, обещая свято сохранить каждую написанную им строчку. В июле же Чернышевский начинает обработку полученных материалов, часть из которых была опубликована в 1889 г. в «Русской мысли»¹. Работой по подготовке «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова» (анализом рукописей, четкой корректур, отбором писем) Чернышевский был занят до последнего дня своей жизни (первый том «Материалов» вышел уже после его смерти, в 1890 г.).

Считая необходимым познакомить русскую общественность с сочинениями и биографиями передовых деятелей русской литературы—и в первую очередь революционеров-демократов—Белинского, Добролюбова, Некрасова,—Чернышевский, не окончив еще работу над «Материалами для биографии Н. А. Добролюбова», задумывает большой аналогичный труд «Материалы для биографии Н. А. Некрасова». В октябре 1888 г. Чернышевский просит сына побывать у А. Я. Панаевой: «...Передай ей мою просьбу о позволении мне писать ей. Я хочу собирать материалы для биографии Некрасова»².

Огромная работа Чернышевского по собиранию, анализу, отбору, обработке и публикации рукописей Добролюбова заслуживает такого же внимательного изучения, как и его теоретические высказывания по вопросам текстологии.

Еще в 40-х годах В. Г. Белинский с большой скорбью отмечал недостаточное количество столь необходимых русской публике изданий собраний сочинений классиков. Дело издания находилось в руках книгопродавцев-издателей, которые в погоне за личной выгодой поставляли на книжный рынок любой легко сбываемый литературный хлам. В. Г. Белинский видел острую необходимость в хорошо подготовленных и недорогих массовых изданиях классиков русской литературы. В своей рецензии на выход в свет в 1846 г. в издании Смирдина «Полного собрания сочинений русских авторов»: «1) Сочинений Озерова, 2) Сочинений Фонвизина», Белинский вос-

¹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», «Русская мысль», 1889, №№ 1 и 2.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 752.

торжественно приветствует самую «мысль издания в маленьком и красивом формате, сжатую (компактную) печатью полного собрания сочинений русских авторов»¹.

Продолжая дело, начатое Белинским, Н. Г. Чернышевский отстаивал необходимость издания классиков русской литературы и ценных научных работ, резко осуждал практику издания пустых, ненужных, псевдонаучных сочинений. С возмущением он писал: «... иной ученый, имея под руками горы драгоценных материалов, занимается печатанием в разных форматах какой-нибудь статейки о Вассиане Рыне, третий и четвертый, будто соревнуя друг другу, трудится над приготовлением двух различных изданий одной и той же рукописи, которая не наделала бы большой печали, если б и навек осталась неизданною...»².

Говоря о том, что «Библиотека иноземных писателей о России до Петра Великого» решила издавать всех «писателей в строго хронологическом порядке», Чернышевский настоятельно советовал приняться за подготовку лишь необходимых, общественно значимых, важных для народа произведений «в каком угодно порядке»³.

При оценке собраний сочинений классиков русской литературы главное внимание Чернышевский уделяет вопросу *подготовки текстов* произведения. Одним из обязательных требований в работе издателей и составителей критик считал *тщательность* издания и изучения текстов. Великие творения передовых русских деятелей должны издаваться без каких бы то ни было погрешностей, опечаток, описок. О собрании сочинений Пушкина в 11 томах, вышедшем под редакцией Жуковского, Чернышевский писал: «Любители курьезных книг должны дорожить им, как дивом небрежности и нерящества внешнего и внутреннего, как редкостью, достойною занимать место наряду с тем знаменитым изданием *Виргилия*, в котором список типографских и других погрешностей наполнил в полтора раза более страниц, нежели самый текст»⁴.

Со всей прямоотой и принципиальной резкостью осуждает Чернышевский редакторский произвол, указывает на недопустимость искажения текстов.

Характерна в этом отношении критика Чернышевским собрания сочинений Некрасова (1879 г.), в котором составитель по своему произволу исправлял стихи поэта. В 1879 году вышло посмертное собрание стихотворений Н. А. Некрасова в

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. X, 1956, стр. 53.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. т. IV, стр. 262.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 346.

4-х томах, с предисловием А. А. Буткевич и примечаниями, составленными С. И. Пономаревым при участии А. М. Скабичевского. Незадолго до смерти Некрасов сам начал подготовку собрания сочинений, отобрал материал, вновь просмотрел тексты произведений, составил часть примечаний. Однако смерть оборвала начатое Некрасовым дело издания. С. И. Пономарев, как пишет в предисловии Буткевич, «взял на себя закончить, насколько это возможно, работу, предпринятую автором». Но он так «продолжил» начатое Некрасовым, что в ряде мест испортил текст поэта в угоду своим домыслам. Чернышевский, познакомившись с изданием, пишет «Заметки при чтении «Посмертного издания Некрасова» («Заметки при просмотре примечаний» и «Заметки при чтении «биографических сведений о Некрасове, помещенных в I томе»).

В предисловии Буткевич указывала, что «основным текстом для посмертного издания послужило издание 1873 года, последнее сделанное самим автором». Чернышевский согласен с подобным выбором текста издателями.

Из переписки А. А. Буткевич и С. И. Пономарева видно, сколько стараний приложила сестра Н. А. Некрасова, чтобы выполнить волю поэта, сохранить в неприкосновенном виде тексты его произведений. «Я бы хотела,—писала она Пономареву,—при настоящем издании как можно меньше мудрствования с нашей стороны; я бы хотела, чтобы все заметки и указания брата вошли в издание; я бы хотела не затереть, а, напротив, выдвинуть до последних мелочей его личное последнее участие в издании его стихотворений»¹.

Однако на деле принцип соблюдения авторской воли проводился не везде, иногда некрасовский стих намеренно искажался. Автору примечаний С. И. Пономареву казалось, что размер стиха Некрасова не везде правилен. В таких случаях он вносил свои «исправления». Так, издатель считал, что у Некрасова есть два стиха из «Псовой охоты», «выходящие из ряду-пятистопные», «в которых, очевидно, не достаёт целого слога»:

«Здесь он не струсит, здесь не уступит...»
«Много травили, много скакали».

Считая это, без всяких оснований, корректурным недосмотром, издатель предлагает свой вариант:

«Здесь он не струсит, он здесь не уступит...»
«Много травили, и много скакали...»

¹ А. А. Буткевич. Письмо от 12 июля 1878 г. См. «Литературное наследство», т. 53—54, стр. 178.

Несмотря на оговорку—«впрочем, среди дактилических стихов поэты помещают иногда и дактилохореические»¹, в издание включается «исправленный», то есть искаженный текст.

Возмущенный подобным редакторским произволом, Чернышевский выступил в защиту поэзии Некрасова, требуя сохранять в неприкосновенности каждую строку поэта. «Напрасно он (составитель примечаний—М. С.) испортил текст своими поправками.—Обыкновенный повод к поправкам подает ему «неправильность размера», а на самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двусложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности. Приведу один пример. В «Песне Странника» (в «Коробейниках») Некрасов написал: «Уж я в третью: мужик! Что ты бабу бьешь?» В «Посмертном издании» стих поправлен: «...Что ты бабу-то бьешь?». Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною: это дает особенную силу выражению.—Поправка портит стих»².

В тех же случаях, когда Некрасов действительно, по тем или иным причинам, сам допустил ошибку, Чернышевский считает необходимым лишь указать на это в примечаниях, «ограничиться заметкой о неправильности выражения, а не поправлять стих». Например, «...нельзя сказать, «женщина входила на Афонские высоты», потому что женщинам воспрещен вход в Афонские монастыри». (Следует отметить, что и здесь Чернышевский предостерегает от поспешных выводов об ошибке Некрасова и требует предварительной проверки, не было ли на «перешейке Афонского мыса церквей, доступных женщинам»).

Практическая работа Чернышевского по подготовке к изданию писем Добролюбова подтверждает и дополняет его высказывания о недопустимости искажения текстов писателя. Вредной издательской практике произвольных исправлений текста Чернышевский противопоставляет свой метод охраны авторской воли, метод, который обеспечивал подачу истинно авторского текста, без чужеродных привнесений и сокращений.

Чернышевский не вносил в текст писем Добролюбова никаких изменений. Места, неразборчиво написанные в рукописи, он не заменял своими догадками, а просто указывал на это в сноске. Свою расшифровку неразборчивых слов Чернышевский давал в примечаниях, а не в тексте. Если ряд мест нельзя было опубликовать по цензурным и прочим соображениям, Чернышевский обязательно указывал на купюры: «опускаем

¹ «Стихотворения Н. А. Некрасова», СПб. т. IV, 1879, Примечания, стр. XIV.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. стр. 751.

резкие мысли», «опускаем подробности». Публикуя в 1889 г. в «Русской мысли» небольшую часть подготовленных им писем, Чернышевский строго отделяет свои заметки от всего написанного Добролюбовым и напоминает читателю: «...пропуски, делаемые нами, отмечаются... двумя чертами — —. Многооточия—не отметки пропусков; они принадлежат манере Николая Александровича писать». «Курсивом в скобках отличены от текста наши пояснительные вставки. Когда курсив, то есть соответствующее курсиву подчеркивание слов, встречается в письмах Николая Александровича, мы делаем оговорку об этом в примечании»... и т. д.¹.

В своем желании свято сохранить каждую букву Добролюбова Чернышевский печатает текст точь-в-точь по рукописям и впадает порою в крайность, не исправляя даже явных опечаток в автографе или копии. Так, в письме Добролюбова к В. В. Лавровскому от 25 августа 1853 г. встречается фраза: «Только церковь Василия Блаженного доставила мне некоторое удовольствие: дома смеялся я под разноцветными ее головами». Чернышевский оставляет текст (публикуемый не с автографа, а с копии) неприкосновенным, а после слова «дома» делает сноску и внизу страницы поясняет: «Вероятно, ошибка переписывавшего, и следует читать «долго смеялся»².

Чернышевский сделал все от него зависящее, чтобы письма Н. А. Добролюбова, содержащие ценный материал для истории общественного движения, дошли до потомства в их подлинном виде.

Насколько Чернышевский дорожил каждой строчкой, написанной Добролюбовым, видно из переписки его с А. Н. Пыпиным, который по его просьбе разбирал рукописи Добролюбова и пересылал их Чернышевскому по почте. «Ты разобрал груды бумаг, в которых находились материалы для биографии Добролюбова,—пишет Чернышевский А. Н. Пыпину 7 июля 1888 г.,—благодарю тебя за труд... прошу тебя: положи в обертку все их, в том порядке, вернее сказать, беспорядке, в каком они лежат, и отдай их на почту. Чтобы не пропали, застрахуй подороже—например, в 100 или 200 рублей. И уведомь, когда пошлешь...»; «...пожалуйста, пришли немедленно все, что нашел; как получишь это мое письмо, так и отправь все на почту. У меня ничего не может пропасть»³.

Чернышевский просит прислать абсолютно все, относящееся к Добролюбову, ибо при подготовке к печати писем и ком-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 780.

² Чернышевский «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М., 1890, стр. 94.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 702.

ментариев к ним важны малейшие подробности, самые ничтожные детали. «Невозможно определить вперед, какие справки могут оказаться надобными и в каких материалах могут оказаться сведения, соответствующие этим надобностям. Например, отметка месяца и числа на письме, которое само по себе совершенно пусто, может не только показать время, когда писано какое-нибудь другое письмо, важное, но и разъяснить смысл важных намеков, которые иначе остались бы загадочными»¹.

Чернышевский поручает переписчикам скопировать полученные им подлинники писем Добролюбова, и сам, никому не доверяя это важное дело, сверяет копии с подлинниками. «Я не мог верить этого дела никому, обязан был сличать сам»².

Чернышевский не ограничивается имеющимися у него списками, копиями с ряда писем, полученных от друзей и знакомых, а старается получить при содействии Пыпина и подлинники, чтобы тем самым избежать ошибок переписчиков. Из одного письма, адресованного А. Н. Пыпину его братом³, виден метод работы Чернышевского над рукописями Добролюбова. «Подлинники Н. Г. получил, — писал М. Н. Пыпин 29 июля 1889 г. — Иметь их он считает надобным потому, что копии суть только копии, что как бы хороши они ни были, все же не могут заменить подлинников. Имеющиеся у него копии он признает вообще хорошими, но полагает, что только имея перед собою подлинники, можно устранить разного рода неясности, извращения смысла etc; что де малейшая ошибка или описка переписчика, неверно поставленная им запятая могут не только изменить мысль, но даже извратить ее»⁴. Пыпин подробно описывает внимательность, с какой Чернышевский анализирует особенности самого письма Добролюбова, манеру его почерка, что помогает ему правильно, без искажений читать тексты Николая Александровича. Чернышевский обращает внимание на такие вещи, которые другими издателями просто были бы незамечены». (Например, на самые тонкие языковые особенности). «Не даром также, — пишет М. Н. Пыпин, — Н. Г. привел на память то обстоятельство, как коверкали и искажали текст Пушкина Анненков, Геннади и другие

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 702.

² Там же, стр. 763.

³ Чернышевский, после неоднократных просьб А. Н. Пыпина описать ему весь ход его работы над материалом, обращается, наконец, к его брату — М. Н. Пыпину и подробно описывает ему метод своей работы, с тем, чтобы последний, в свою очередь, так же обстоятельно описал брату все переданное ему Чернышевским.

⁴ Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследие», 1930, ГИЗ, т. 3, стр. 658.

издатели его сочинений. Почитатели Д«обролюбо»ва могут быть след. уверены, что с его текстом ничего подобного не случится»¹.

Как только началось печатание подготовленных «Материалов», Чернышевский обращается к И. И. Барышеву с настоятельным требованием—присылать ему и только ему для правки корректуру. «Присылать мне корректуры необходимо,—пишет он 12 мая 1889 г.—Просмотрев возвращаемые Вам—увидите, что в трех или четырех местах поправлены не корректурные недосмотры первого чтения, которые поправил бы и всякий иной при чтении второй корректуры, а мои ошибки в комментариях; этих ошибок не мог бы заметить и поправить никто, кроме меня же самого. Поэтому прошу Вас, не смущайтесь промедлением в 1, 1/2 или две недели, происходящим от пересылки корректур ко мне, присылайте все»². И несмотря на то, что Чернышевский одновременно продолжал работать над следующими частями «Материалов», он сообщает Барышеву: «Задерживать корректур я не буду. Сколько бы форм или сверстанных листов ни было прислано, я буду отправлять обратно с первой отходящей почтою (а с 1 мая она будет ходить каждый день)³. Чернышевский не просто читал корректуры, исправляя явные опечатки, а обязательно сверял их с рукописями. Так, он сообщает А. Н. Пылину: «Читая корректуру, я, разумеется, непрерывно сличаю набор с ними. <...> сличение набора с подлинниками безусловно необходимо. И понятно, что оно требует предварительного изучения биографических мелочей, без знания которых невозможно правильно прочесть очень многие места рукописей торопливого почерка; не говорю уж о знании самого почерка, получающемся только через продолжительное изучение его. Эти условия возможности правильного чтения делают необходимым, чтобы сличение набора с подлинником было производимо собственно мною

¹ Характерным является то, что Чернышевский настолько большое значение придавал точности информации М. Н. Пылина о методе своей работы, что лично проверил все написанное им в письме, прежде чем оно было отослано. «Завтра, — добавляет в конце письма М. Н. Пылин, — Н. Г. хотел прийти и прослушать мое письмо с целью проверить, так ли я изложил фактическую сторону дела. И скверно будет, если я где-нибудь и что-нибудь переврал...» Через два дня после проверки Чернышевского М. Н. Пылин добавляет к письму приписку, которая делает достоверными все факты, в нем изложенные: «Мое письмо, как видишь, порядочно перемарано...». Чернышевский исправляет ряд мест, сообщающих о содержании томов, расположении материала». Кончает письмо Пылин словами: «Все же прочее в моем письме верно». (Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследие», ГИЗ, 1930, т. 3, стр. 659).

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 859.

³ Там же, стр. 833—834.

и моими глазами...»¹. Перерабатывая 1-й том «Материалов» для второго издания, Чернышевский не торопился с пересылкой его в издательство, снова и снова перечитывая все написанное им, устраняя неточности, проверяя даты: «Перечитывать рукопись еще раз и снова еще раз — дело полезное».

Из всего изложенного ясна необыкновенная для того времени тщательность подготовки к печати Чернышевским рукописей Н. А. Добролюбова. М. Н. Пыпин в цитированном уже выше письме к брату делает следующий вывод: «Вообще, даже для меня, мало сведущего в издательском деле или, пожалуй, вовсе в нем не сведущего, ясно, что издание «Материалов» Н. Г.—ч желает сделать классическим»².

Сложнее обстоит дело с публикацией дневников Добролюбова, предпринятой Чернышевским в 1862 г. Это специальный вопрос, требующий подробного изложения. Скажем только, что в тяжелых условиях царской России, в обстановке травли и преследования всего передового и прогрессивного, связанный тесными путями цензуры, Чернышевский не мог издать дневник Добролюбова в его полном объеме. По вполне понятным причинам он заменял имя Некрасова безличным Н, выбрасывал упоминания о себе, исключал особенно острые политические мысли и т. д. Кроме того, Чернышевский вынужден был делать в тексте большие купюры также и потому, что он опубликовывал записи Добролюбова сразу же после его смерти, когда еще были живы многие лица, в них описанные. На листах рукописей Добролюбова Чернышевский, однако, оставил карандашные пометки с указанием на сделанные им купюры. (Например: «Эти строки зачеркнуты мною, потому что в них были семейные тайны. Н. Чернышевский»³). Чернышевский выбрасывал из дневника Добролюбова и те места, которые могли быть неверно истолкованы читателями того времени, например страницы, посвященные любви, так как «...над понятиями общества об этих вопросах еще господствует пошлость, требующая тайны...». И, наконец, в ряде случаев Чернышевский, выполняя волю Добролюбова, уничтожил по праву ближайшего друга несколько отрывков его рукописей. На одной из тетрадей рукою Добролюбова была сделана надпись: «Прошу всех, кому попадется в руки эта тетрадь, положить ее на место, не читая, потому что в ней записал я несколько тайн, не принадлежащих мне и ча-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 889—890.

² Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследие», ГИЗ, т. 3, 1930, стр. 659.

³ См. комментарий к 6-му тому Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова, ГИХЛ, 1939 г., стр. 772.

стию даже угаданных мною». И Чернышевский пишет: «Читая эту тетрадь по смерти Добролюбова, я, по обязанности предотвратить нарушение справедливого желания его, вырвал и уничтожил те листы, по поводу которых было высказано это желание. Листы, уничтоженные мною, имели на себе нумерацию страниц: 63, 64, 69, 70 и 71, 72»¹.

Подготавливая дневники Добролюбова к печати, Чернышевский, по праву ближайшего его друга и сподвижника, разрешал себе в некоторых местах слегка литературно выправлять стиль дневников, писавшихся Добролюбовым не для печати (ничего подобного Чернышевский никогда не позволял себе в отношении законченных произведений Добролюбова или его писем).

Повторяем, что вопрос о работе Чернышевского над публикацией дневников Добролюбова требует специального изучения. Мы же указываем лишь на то, что все особенности работы Чернышевского — публикатора дневников Добролюбова в условиях царской России были вызваны стремлением опубликовать дневниковые записи друга сразу же после его смерти и опубликовать их так, чтобы враги не смогли их ложно перетолковать.

3

Обязательным моментом при подготовке собрания сочинений Чернышевский считал *изучение рукописей (автографов)*. Он подчеркивал, какое важное значение имеет изучение автографов таких гигантов русской литературы, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Добролюбов, Белинский, Некрасов, для выяснения их художественного метода, истории создания произведений, для устранения ошибок и опечаток печатных изданий, для обнаружения новых, неизвестных ранее произведений.

В 1855 г. в «Современнике» печатается большая работа Чернышевского «Сочинения Пушкина», в которой дан анализ вышедшего в этом году собрания сочинений поэта под редакцией П. В. Анненкова. Это было первое научное издание Пушкина, сделанное на основе изучения всего рукописного и печатного наследия поэта. «Первый том нового издания Пушкина, носящий название материалов для его биографии, есть капитальная книга, каких немного во всей русской литературе», — писал Некрасов².

Анненков составил подробную биографию Пушкина на

¹ Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследие», ГИЗ, 1890, т. 3, стр. 655.

² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, ГИХЛ, т. IX, 1950, стр. 370.

основании разного рода документов, рукописных материалов, писем и записок поэта. В конце первого тома опубликованы «Приложения», составленные из рукописных материалов: «Замечания Пушкина на Песнь о «Полку Игореве», «Продолжение повести «Рославлев», найденное в бумагах», «Французские письма Пушкина по поводу «Бориса Годунова» и др. В собрание сочинений Анненков включил большое количество стихотворений Пушкина, найденных в бумагах поэта. «Издание Анненкова,—сообщал в «Современнике» Некрасов,—обогатило русскую поэзию несколькими новыми сокровищами...». И хотя Анненков и положил в основу своего издания посмертное собрание сочинений Пушкина, а исправления, сделанные им по прижизненному изданию, носят весьма произвольный и не систематический характер, все же это издание было ценным вкладом в историю публикаций произведений поэта. Особенно интересны содержащиеся в нем подробные текстологические примечания, сверка разных редакций, установление различий с прижизненными изданиями, публикация вновь найденных стихотворений. «Труду Анненкова,—писал Некрасов,—кроме его литературного достоинства, принадлежит, по справедливости, значение важной общественной заслуги»¹.

Одну из глав своей статьи об этом издании Чернышевский посвятил анализу издания с точки зрения подготовки его текстов, примечаний, порядка расположения материалов. Указав на недостатки прежнего, одиннадцатитомного собрания сочинений Пушкина, осуществленного В. А. Жуковским, которое «было сделано небрежно, по дурной системе, с пропусками многих произведений, с неправильностями в тексте...», Чернышевский одобрительно цитирует предисловие Анненкова, в котором последний пишет: «Каждое из произведений поэта без исключения снабжено указанием, где впервые оно явилось, какие варианты получило в других редакциях при жизни поэта и в каком отношении с текстом этих редакций находится текст нового издания... Многие из стихотворений и статей поэта (особенно те, которые явились в печати после смерти его) сличены с рукописями и по ним указаны числовые пометки автора, его первые мысли и намерения»². Чернышевский считает метод работы, основанный на глубоком знании рукописей и всех изданий поэта, величайшей заслугой Анненкова³.

Внимательное изучение всего рукописного наследия писа-

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, Гослитиздат, т. IX, 1950, стр. 370.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, 1949, стр. 425.

³ Чернышевский, однако, не указал на непоследовательность исправлений Анненкова, который по произвольному выбору то оставлял редакцию посмертного издания, то исправлял по прижизненному.

телей необходимо, по мнению Чернышевского, еще по одной причине: прогрессивные писатели в царской России вынуждены были оставлять ненапечатанным лучшую часть своих произведений. Вспоминая о том, как жаловался Некрасов на охлаждающее влияние цензуры, одна мысль о которой мешала ему работать, Чернышевский писал: «Я говорил ему: «если б у меня был поэтический талант, я делал бы не так, я писал бы и без возможности напечатать теперь ли, или хоть через десять лет; писал бы и оставлял бы у себя до поры, когда будет можно напечатать; хотя бы думал, что и не доживу до той поры, все равно: когда ж нибудь, хоть после моей смерти, было бы напечатано»¹. Вот почему Чернышевский так высоко оценивает собрание сочинений Пушкина, изданное Анненковым, «который старается сохранить, как драгоценность, каждую строку, найденную им в бумагах Пушкина, и в этом справедливо поставляет главное право свое на признательность русской публики»².

Необходимо, однако, указать на то, что Чернышевский предполагал большую осторожность в подходе к рукописям, особенно чернового характера.

В середине XIX века увлечение разысканиями забытых рукописей стало настолько сильным, что привело к пагубному методу в текстологии — контаминации. Издатели собраний сочинений считали допустимым, на основе найденных черновых вариантов и отрывков одного и того же произведения, печатать сводный, комбинированный текст, составленный из печатного текста с присоединением к нему различных строк черновых рукописей. Этот метод публикаций был метко высмеян в известной статье «Г. Геннади, исправляющий Пушкина», появившейся в «Современнике» в 1861 г.³ Статья написана в виде письма из провинции некоего Григория Сычевкина. «Письмо» представляет собою отклик на выход в свет собрания сочинений Пушкина под редакцией Геннади, который напечатал черновые редакции стихотворений поэта. Возмущенный автор письма говорит о том, что любимое его стихотворение «Роняет лес багряный свой убор» оказалось испорченным. Выяснилось, что Геннади, который «хочет, чтобы не

¹ Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследие», т. III, 1930, стр. 487.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 451.

³ Автор этой статьи до сих пор не установлен. В полном собрании сочинений Некрасова (т. IX, Гослитиздат, 1950) статья приписывается Некрасову. Однако многие исследователи оспаривают принадлежность ее Некрасову и считают автором М. Л. Михайлова (См. Гайденков «Против редакторского произвола в издании сочинений писателей классиков» — «Советская книга», 1953 г. № 3; А. Ф. Захаркин «Новые материалы о поэте-революционере М. Л. Михайлове». «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1953, вып. 5).

умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта», вставил в основной текст стихотворения отрывки из черновой рукописи, зачеркнутые автором «как плохие». И провинциал Григорий Сычевкин в тревоге спрашивает: «Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина, уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки», в котором «слышно. будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

«Пора! Трубят уже рога—
Пора, пора! уж рог трубит—
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно
В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб-х
Чем св. уж на к (смазано)...» и т. д.¹

Появление подобной статьи в «Современнике» знаменовало собой законное возмущение порочным методом воспроизведения в качестве основного текста черновых рукописей.

Чернышевский еще за несколько лет до этого говорил об осторожности, с какой должно судить о произведениях неоконченных, оставшихся в черновых рукописях. В 1855 г. Трушковский опубликовал сохранившийся в черновых рукописях второй том «Мертвых душ» Гоголя. Чернышевский, считая полезным опубликование этого тома, предостерегал однако исследователей от опасности судить по этому черновому материалу о художественной ценности данного произведения. Невозможно и «общее суждение о всем, сохранившемся от второго тома», потому что том уцелел лишь в виде «множества отрывков, написанных в различное время под влиянием различных настроений мысли...», «по различным общим планам сочинения, наскоро перечерканных без пополнения вычеркнутых мест, отрывков, еще не приведенных в соответствие между собою, разделенных пробелами; часто гораздо более значительными, нежели самые отрывки», потому что «многие из напечатанных ныне страниц были, как видно, отброшены в сторону самим автором, как неудачные, и заменены или должны были быть заменены другими, написанными совершенно вновь и погибшими для нас»². Все это,—говорит Чернышевский в незаконченном отрывке статьи о «Мертвых душах»,—

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, стр. 595.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 773.

«заставляет рассматривать каждый такой отрывок порознь», а не как единое художественное целое.

Таким образом, мы видим, как справедливо требуя изучения, сверки и, где это необходимо, частичного, выборочного опубликования рукописей, Чернышевский предостерегал от чрезмерного увлечения черновыми рукописями и советовал осторожно обращаться с ними.

С вопросом о публикации рукописей тесно связаны и высказывания Чернышевского о важности публикации *вариантов* для суждения о творческом методе писателя.

Чернышевский справедливо утверждает, что кроме устранения ошибок издателей, кроме обнаружения новых, неизвестных дотоле произведений поэта, кроме ценных сведений биографического характера, изучение рукописей также может дать картину творческого метода художника, показать самый процесс художественной обработки произведения. «...Без всякого сомнения,— пишет он,—интереснейшая часть материалов, собранных г. Анненковым, относится к истории того, как созидались и развивались гением Пушкина его произведения»¹. Черновые варианты, тщательно отобранные и помещенные в конце тома в виде приложений или примечаний к каждому произведению, помогут, по мнению Чернышевского, уяснить творческую манеру писателя. «Известно,—писал он,—что Пушкин чрезвычайно внимательно обрабатывал свои произведения, особенно писанные стихами. Три, четыре раза он переписывал их, каждый раз то исправляя выражения, то изменяя характер и развитие самих мыслей и картин». Поэтому Чернышевский ставит в заслугу его издателю Анненкову то, что он «чрезвычайно внимательно рассмотрел все черновые тетради Пушкина, извлек из них все сколько-нибудь замечательные различия приготовительных и окончательной редакций и, отнеся мелкие и раздробленные факты такого рода в примечания к каждому произведению, собрал важнейшие в своих «Материалах»².

Чернышевский говорит о том, что «в наше время, когда и между поэтами или беллетристами и критиками так преобладает мнение о великом значении «отделки», посредством которой доводится произведение до «художественности», в наше время, когда так много придают значения внешней форме»³, публикация черновых вариантов приобретает особое значение.

Чернышевский одобрительно отзываясь о принципе издания произведений Некрасова, который указан Буткевич в пре-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 445.

² Там же, т. III, стр. 450.

³ Там же, т. II, стр. 451.

дисловии к первому посмертному изданию: «самый текст стихотворений» дан «по последнему прижизненному изданию», «но и прежние варианты занесены в примечания». В рецензии на «Сочинения и письма Гоголя» (в 6 томах, СПб, 1857, изд. П. А. Кулиша) Чернышевский указывает на то, что варианты одного и того же произведения, написанные в разное время, помогают понять творческую эволюцию писателя. «...Кулиш сделал очень хорошо, поместив в обеих редакциях те сочинения Гоголя, которые были в значительной степени переделаны автором, именно: «Тараса Бульбу», «Портрет» и сохранившийся отрывок второго тома «Мертвых душ»¹.

В «Заметках о журналах» 1855 г. Чернышевский положительно оценивает публикацию в «Русском вестнике» раннего варианта IX главы «Мертвых душ». Хотя ранняя редакция отрывка в художественном отношении значительно ниже возможностей автора и Гоголь «значительно сократил этот эпизод в окончательной редакции», Чернышевский все-таки считает полезным его опубликование. «Сравнение отброшенного автором и напечатанного ныне отрывка с соответствующими местами «Мертвых душ» интересно для того, кто хочет удостовериться, как строг сделался Гоголь к себе после издания «Ревизора»².

4

Большой интерес представляют высказывания Чернышевского о *принципах отбора* произведений для издания собрания сочинений. Заботясь о подготовке собраний сочинений писателей-классиков, Чернышевский считал неременным условием издания и важнейшим достоинством его полноту. Он хотел познакомить русскую читающую публику с наследием передовых представителей национальной культуры во всем его объеме.

Чернышевский ставит в заслугу анненковскому изданию сочинений Пушкина то, что «издатель воспользовался всеми указаниями о пропущенных в посмертном издании произведениях Пушкина, когда-либо напечатанных, пересмотрел все альманахи и журналы, в которых Пушкин помещал свои стихотворения и статьи; но этим не ограничились пополнения: в распоряжение издателя поступили все бумаги, оставшиеся после Пушкина, и он извлек из них все, что еще оставалось неизвестным публике»³. «Между этими драгоценными находками есть несколько стихотворений превосходных»,—говорит

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 450.

² Там же, т. III, стр. 631.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 425.

Чернышевский и делает в своей статье длинные выписки из вновь найденных произведений поэта. Приведя несколько строк Пушкина, посвященных одописцу Петрову, Чернышевский восклицает: «За одно это стихотворение, если б г. Анненков не нашел ничего более нового в бумагах Пушкина,—он уже заслуживал бы глубокой благодарности всей читающей публики»¹.

Собрание же сочинений Гоголя в 6-ти томах под ред. Трушковского Чернышевский критикует именно за его неполноту, за то, что в нем пропущены и опубликованные ранее, а также печатавшиеся при жизни статьи писателя, кроме того, многие рецензии, принадлежавшие Гоголю и помещенные в пушкинском «Современнике». «Нет сомнения,—пишет Чернышевский в рецензии на сочинения Гоголя,—что при внимательном разборе бумаг, сохранившихся у родственников и друзей Гоголя, найдется еще многое. Содействие библиографов, особенно г. Тихонравова, могло бы, как видим, быть полезно для г. Трушковского. Со временем, конечно, опущения, теперь сделанные, будут пополнены; но для публики и самой литературы было бы лучше, если бы за один раз дали нам все, что отчасти уже найдено, отчасти могло бы быть найдено»².

В связи с вопросом о составе томов в собраниях сочинений возникала и *проблема авторской воли* в тех случаях, когда писатель не желал, по тем или иным причинам, публиковать свои произведения. К решению этого вопроса Чернышевский подходил не механически, а учитывая всю совокупность исторических и социально-политических условий.

Чернышевский требовал всемерно охранять вполне законное желание писателя не помещать в основной текст вычеркнутые им и оставшиеся в черновых рукописях ранние варианты произведений. Это прекрасно видно из его отзыва о собрании сочинений Некрасова 1879 г. В предисловии к нему А. А. Буткевич цитирует известные слова Некрасова, просившего не печатать после его смерти ничего того, что сам он не включал в собрание своих стихотворений. Завещание Некрасова касалось, главным образом, издателей и исследователей, которые одержимы страстью публиковать недоделанные, незавершенные автором произведения, а иногда даже отрывки, взятые из черновых рукописей. Некрасов писал: «...Не говоря уже о печатных источниках, выкапывались рукописные тетрадки с детскими упражнениями автора,—тетрадки иногда даже происхождения сомнительного; оказывались альбомы, припоминались экспромты. И все это пе-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 449.

² Там же, т. III, стр. 537.

чталось в журналах, сборниках, отдельных статьях с именем покойного, а потом переходило в полные собрания его сочинений, и переходило иногда зря, без необходимых пояснений: дурное перемешивалось с хорошим, отделанное с неотделанным; даже в пьесах, много раз печатавшихся при авторе, восстанавливались потом, по черновой рукописи стихи и целые строфы, зачеркнутые им и очевидно ненужные»¹.

Некрасов, готовя перед смертью собрание своих сочинений, отобрал все произведения, которые он считал необходимым напечатать, отделив от них то, что «окажется сколько-нибудь характерным» и что нужно «напечатать в приложениях» и просил «родных и г. г. библиографов» «не перепечатывать ничего остального» после его смерти. Буткевич пишет в предисловии, что она «сочла своей обязанностью свято исполнить его волю». В основном тексте она печатает произведения, которые поэт сам допустил в последнее собрание своих стихотворений 1877 г. «К ним добавляется еще ряд стихотворений, «опущенных автором по забывчивости», и часть стихотворений помещается, «как хотел автор» в «Приложения».

Чернышевский в своих заметках об издании Некрасова одобрительно цитирует предисловие Буткевич, которое он высоко оценивает² именно за высказанное в нем стремление во что бы то ни стало выполнить волю автора по составу тома и в выборе основного текста «последнего, сделанного самим автором», (как пишет Буткевич). Указав на завещание Некрасова, Чернышевский пишет: «Желание было разумно. И Анна Алексеевна заслуживает безусловно похвалы за то, что «сочла своею обязанностью свято исполнить» эту «волю» своего брата.

На изложенном выше примере публикации Чернышевским дневников Добролюбова виден другой, отличный от предыдущего случай соблюдения воли автора. Чернышевский считал своим долгом не публиковать и даже уничтожать из наследия писателя все то, что может скомпрометировать самого автора или еще живых современников его. Но эта причина, по которой иногда необходимо, выполняя волю автора, не публиковать его произведения, является временной и впоследствии отпадает. Чернышевский писал брату Добролюбова, имея в виду его «Воспоминания о До-

¹ «Стихотворения Н. А. Некрасова», СПб, т. I, 1879, Предисловие, стр. VII.

² «Предисловие издательницы должно быть перепечатываемо при всех будущих изданиях стихотворений Некрасова. Оно достойно того. И оно незаменимо никаким другим». (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 754).

бродячине»: «Через десятки лет, когда исчезнут наши личные интересы и вступит в полные свои права интерес истории русской жизни того периода, деятелем которого был Ваш брат, русская публика будет благодарна Вам за Ваш труд в полном его размере»¹.

Однако известен случай, когда Чернышевский считал не только возможным, но и необходимым нарушать волю автора. Критик требовал при издании собрания сочинений печатать *все* написанное писателем-классиком, не считаясь с желанием автора в том случае, если оно диктовалось излишней его скромностью. В рецензии на собрание сочинений В. А. Жуковского (1857 г.), говоря о намерении издателей напечатать даже ранние его произведения, Чернышевский замечает: «Нельзя не согласиться с ними, что так и надлежит сделать: сам Жуковский мог ценить одни, мог не ценить другие из своих произведений, но история литературы должна дорожить каждой строкой, им написанною»².

Мы видим, как дифференцированно, с учетом всех обстоятельств (как личных, так и общественных) подходил Чернышевский к сложному вопросу сохранения авторской воли.

Важным является и вопрос о *принципах расположения произведений*. В начале XIX века наиболее распространенным способом расположения материала в собраниях сочинений было разделение произведений по произвольно намеченным родам литературы. Например, произведения Пушкина (до издания Анненкова) печатались по надуманным издателями отделам: лирические стихотворения, сонеты, послания, элегии и т. д., несмотря на то, что все это—относится к лирической поэзии.

Уже в 1843 г. В. Г. Белинский осудил подобный антинаучный метод разделения произведений и требовал введения хронологического принципа расположения, единственно научного, исключаящего какой бы то ни было произвол со стороны редакторов и обеспечивающего возможность проследить творческую эволюцию автора. Так, он резко критикует посмертное издание сочинений Пушкина 1838 года, где «пьесы расположены не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера автора, а по родам, изобретенным бог знает чьим досужеством»³. Критик называет «мертвой пра-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 837. (Курсив наш—М. С.).

² Там же, т. IV, стр. 592.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. VII, 1955 стр. 99.

вильностью» принцип расположения произведений Державина в издании Д. П. Штукина 1845 г.: сначала все духовные стихи, затем элегические, сатирические и т. д. «И у кого, — восклицает Белинский, — станет охоты и терпения читать сплошь и рядом, например, одни духовные стихотворения или одни торжественные оды? Жизнь слагается из разнообразных впечатлений, а поэзия — зеркало жизни. Поэт пишет пияэтистическое стихотворение и вслед за ним эротическое <...>. Другое дело отделить в авторе лирические произведения от эпических, а эти — от драматических, потому что смесь мелких пьес с большими неестественна»¹.

Разделяя взгляд Белинского на принцип расположения произведений писателя в собраниях сочинений, Чернышевский продолжает отстаивать хронологический принцип и осуждает произвольное распределение «по родам». Он критикует посмертное собрание сочинений Пушкина в 11 томах за «произвольное и часто ошибочное расположение произведений по рубрикам, которые только затрудняли изучение и самих сочинений и постепенного развития гения Пушкина. «Чернышевский приветствует в издании Анненкова «строгий хронологический порядок с распределением произведений по немногим отделам, которые приняты во всех лучших европейских изданиях классических писателей и указываются удобством для читателя, эстетическими понятиями и сущностью дела: I — «Стихотворения». Отдел первый — лирические, отдел второй — эпические, отдел третий — драматические произведения. II — «Проза»... и т. д.»²

Большой интерес представляют также высказывания Чернышевского о роли, характере и значении в собраниях сочинений *вступительных статей* биографического характера.

Чернышевский считает необходимым сделать произведения классиков достоянием широких слоев читающей публики и требует, чтобы собраниям сочинений были предпосланы предисловия, содержащие научные биографии данных писателей. Из его рецензий на издания сочинений Некрасова, Пушкина, Кольцова, Гоголя, Жуковского, Грановского и др. видно, как высоко ценил Чернышевский издания, сопровождаемые биографиями, и резко осуждал те, в которых подобные вступительные статьи отсутствовали.

Необходимо указать, что Чернышевский боролся за высокое качество истинно научных биографий, и в числе признаков таких биографий им подразумевалась оценка жизни и творчества писателя с передовых, прогрессивных позиций.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. IX, 1955, стр. 288. стр. 288.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 425—426.

Когда в 1856 г. вышел в свет том «Стихотворений Кольцова», в котором была помещена вступительная статья о его жизни и творчестве В. Г. Белинского, Чернышевский писал: «Что нового можем сказать мы о Кольцове? Жизнь его превосходно рассказана в предисловии, которое написано его другом»¹.

Ценной работой Чернышевского являются «Заметки при чтении «Биографических сведений» о Некрасове, помещенных в первом томе «Посмертного издания» его стихотворений 1879 г. В «Заметках» отчетливо видна сила революционной мысли Чернышевского. Берегая личность поэта—борца за крестьянскую революцию, Чернышевский исправляет неточности, допущенные составителем его биографии А. М. Скабичевским, устраняет ошибки, вносит существенные дополнения, проливающие свет на некоторые моменты жизни Некрасова. Чернышевский предостерегает от использования воспоминаний о Некрасове Достоевского, называя их «мутным источником», «которым не следует пользоваться».

Чернышевский требовал максимальной добросовестности при составлении биографий. «Количество черновой работы для составления биографии в маленьком размере почти такое же, какое нужно для полного изложения результатов разборки материалов»,—писал он А. Н. Пыпину².

Одновременно Чернышевский выступает против псевдонаучных биографий, составители которых, увлекшись малозначительными фактами из жизни писателя, включали в биографию множество ненужного материала, не умея при этом вскрыть главных особенностей творчества художника. «...Вместо исследований о замечательных явлениях литературы представлялись публике отрывочные изыскания о маловажных фактах; вместо ученого труда в его окончательной форме представлялся весь необозримый для читателя процесс механической предварительной работы, которая только должна служить основанием для картины и выводов, из нее возникающих»³.

Чернышевский положительно оценил биографию Пушкина, составленную Анненковым, где «кропотливая и мелочная работа сличений и поисков <...> не выставляется на первом плане, затемняя для читателя черты великого писателя и его трудов»⁴. Чернышевский считает, что Анненков поступил правильно, вынеся результат всей текстологической работы в конец тома, в примечания, а в биографии поместив только наиболее интересные материалы по сличению рукописей.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 511.

² Там же, т. XV, 719.

³ Там же, т. II, стр. 428.

⁴ Там же.

«Сличения годов, букв и отдельных стихов отнесены в примечания, если нужно для полноты; составитель биографии дал читателям не черновые свои бумаги, а жизнеописание, возведенное окончательною обработкою к форме литературного произведения»¹. Необходимо заметить, что отрицательные стороны работы Анненкова, которые стали ясны в свете многочисленных материалов, открытых советскими исследователями, не могли быть в свое время замечены Чернышевским.

Большое значение придавал Чернышевский вопросу о *справочном аппарате*: примечаниях к сочинениям писателей (фактических, текстологических, исторических).

Особое внимание уделял Чернышевский *качеству* примечаний. В «Заметках при чтении примечаний» к собранию сочинений Некрасова, составленных С. И. Пономаревым, Чернышевский резко протестует против неточностей, расплывчатых формулировок, неопределенных объяснений, а подчас и просто ошибок. К произведению «Тяжелый крест достался ей на долю» в примечании сказано: «Содержание, по-видимому, имеет ближайшее отношение к поэме «Мать». Чернышевский замечает: «Ровно никакого; дело идет о совершенно иной женщине, о той, любовь к которой была темой стольких лирических пьес Некрасова»², т. е. об А. Я. Панаевой. Примечания к стихотворениям Некрасова отличались неточностью языка, общими, ничего не говорящими фразами. Например, по поводу стихотворения «Когда из мрака заблужденья» сказано: «Стихотворение было положено кем-то на музыку». Чернышевский, комментарии которого к письмам Добролюбова могут служить примером документальной точности, с иронией говорит о любителях неточных формулировок, об «охотниках до выражений «едва ли можно сомневаться», тогда как и сомневаться тут не в чем.

Чернышевский хорошо понимал всю важность правильно составленных (в первую очередь с точки зрения идеологической) комментариев, примечаний, биографий и всякого рода сопроводительных статей. Он считал необходимым поручать подготовку подобных работ людям с передовыми демократическими убеждениями. Поэтому он так приветствовал помещение статьи Белинского в собрание сочинений Кольцова, поручал Добролюбову подготовку статей о жизни Пушкина, Державина и ряда других писателей, а также редактирование сборника произведений русских писателей; поэтому сам, никому не доверяя, работал над изданием сочинений

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 428.

² Там же, т. I, стр. 750.

Добролюбова. Чернышевский неоднократно писал о необходимости издания прогрессивной писательницы Марко Вовчек и выражал намерение написать к нему вступительную статью. «Я высоко ценю ее талант; по-моему, она была талантливейшим из всех наших беллетристов эпохи послегоголевской»,—писал он И. И. Барышеву. «...Может ли окупиться полное собрание ее сочинений?... Я сделал бы для этого, что могу: например, написал бы предисловие, которое было бы обзором движения идей в беллетристике того времени (1860—1875 годов)»¹.

Даже из обзора немногих высказываний Чернышевского мы видим, как последовательно отстаивал он важнейшие текстологические принципы, соблюдение которых дает возможность исследователям подготовить научное собрание сочинений. Сюда входят: и добросовестная сверка текстов с рукописями и печатными изданиями и недопустимость редакторского искажения текстов, осторожность в обращении с рукописями и важность публикации вариантов, хронологический принцип расположения материала и исчерпывающая точность комментариев².

Перед советской текстологией стоит большая и сложная задача разработки научных принципов подготовки издания классиков русской литературы. В своей теоретической и практической работе наши текстологи могут и должны опираться на достижения лучших представителей прошлого, на деятельность революционеров-демократов: Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Многое из сказанного Чернышевским по вопросам текстологии актуально и сегодня. Если мы не можем следовать методу публикации дневников, принятому Чернышевским, или отстаивать помещение вступительных статей биографического характера ко всем собраниям сочинений писателей (что было необходимым для того времени), то самый принцип работы над собранием сочинений, основанный на тщательном соблюдении воли автора, сохраняет свое основополагающее значение. Необходимость издания научных, хорошо подготовленных, комментированных собраний сочинений остается в силе до сих пор. А к пожеланию Чернышевского сокращать сроки

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XV, стр. 831:

² Специальным вопросом и потому не раскрытым в данной статье являются высказывания Чернышевского о методе издания писем писателей, подтвержденные опытом его практической работы над подготовкой к печати переписки Добролюбова. «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова» (М., 1890, т. I).—этот своеобразный труд, сочетающий, по словам Чернышевского, «мой биографический рассказ и издание текста писем»,—заслуживает специального и самого глубокого исследования.

издания собрания сочинений писателей-классиков советские текстологи должны отнести особенно внимательно¹.

Высказывания Чернышевского по основным проблемам текстологии и практическая деятельность его по изданию сочинений и писем Добролюбова помогут советским исследователям в решении ряда важнейших проблем.

¹ Учитывая большую потребность в доброкачественных изданиях сочинений прогрессивных русских писателей, Чернышевский в заслугу Анненкову ставил окончание издания Пушкина «менее нежели в течение полугода со времени появления первых томов». «Быстрота, — говорит он, — за которую нельзя не благодарить издателя, оказавшего тем великую услугу русской публике». (Н.Г. Чернышевский. Полн. собр. еоч., т. II, стр. 477).

П. А. БУГАЕНКО

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

В Центральном государственном историческом архиве в г. Ленинграде в фонде Министерства Народного Просвещения хранится дело «О продолжении отпуска старшему учителю Саратовской гимназии Чернышевскому». Тут же и о перемещении его во 2-й кадетский корпус (фонд 733, инвентарная опись 46, ед. хранения 156).

Дело это было начато 24 мая 1853 года и закончено 30 мая 1856 года. Среди двадцати одного листа этого дела хранятся четыре доселе неизвестных автографа Н. Г. Чернышевского. Все остальные документы этого дела, связанные с переездом Чернышевского из Саратова в Петербург и начальным периодом его жизни в столице, также не вовлекались в научный оборот.

Документы можно разделить на три группы: первая касается предоставления и продления Н. Г. Чернышевскому отпуска для сдачи магистерских экзаменов на степень магистра славянских наречий; вторая—устройства его во 2-й кадетский корпус; третья—истребования сведений о «направлении» его «духа и поведения». Раскрыть содержание этих документов—такова цель настоящей публикации.

13 мая 1853 года Чернышевский с Ольгой Сократовной приехал в Петербург и остановился на Большой Офицерской улице в доме Дубецкого, т. е. в той самой квартире, в которой жили его родственники Терсинские и в которой жил он сам до переезда в Саратов в 1851 году.

Чернышевский выехал в Петербург, получив отпуск на двадцать восемь дней, о чем и свидетельствует документ.

«Увольнительный вид. Предъявитель сего Старший учитель Русской Словесности Саратовской Гимназии, состоящий в IX классе, Николай Чернышевский на основании предписания Г. Попечителя Казанского Учебного Округа от 11 ноября 1852 года № 4128 и § 172 Устава Учебных заведений 8 декабря 1828 года, уволен с женою по собственным надобностям в С. Петербург сроком с 10 мая 1853 года, на двадцать восемь дней. В удостоверении чего и для свободного приезда дан сей вид Г. Чернышевскому из Саратовской Дирекции Училищ за надлежащей подписью и приложением казенной печати.

Саратов. 10 мая 1853 года.

Директор Училищ Саратовской губернии (А. Мейер) № 358» (названное дело, лист 6).

Вскоре по прибытии в Петербург Чернышевский начал хлопоты о продлении ему отпуска. Просьбу Чернышевского поддержал Попечитель С. Петербургского Учебного Округа Мусин-Пушкин, который 23 мая 1853 года писал Управляющему Министерством Народного Просвещения: «Окончивший курс в 1850 г. в С. Петербургском университете со степенью кандидата историко-филологического факультета, по разряду общей словесности Николай Чернышевский, по неимению во вверенном мне Округе вакансии, был определен Старшим Учителем Русской Словесности в Саратовскую Гимназию. Ныне, желая держать в здешнем университете экзамен на степень Магистра Славянских наречий и получив отпуск, сроком с 10 сего мая на 28 дней, он прибыл в С. Петербург и вошел ко мне с прошением, в котором изъявлял свое желание подвергнуться означенному испытанию, просит об исходатайствовании ему шестимесячной отсрочки данного ему отпуска, чтобы иметь время окончить это испытание.

По сведениям за все время бытности Чернышевского студентом университета, зная его как одного из отличнейших молодых людей и по приобретенным им познаниям и по нравственным качествам, а потому вполне заслуживающего внимания, я считаю долгом покорнейши просить Ваше Превосходительство о дозволении остаться ему в С. Петербурге по делам службы, для выдержания испытаний в здешнем университете на степень Магистра Славянских наречий, сроком на шесть месяцев, считая с окончания данного ему с 10 сего мая 28 дневного отпуска, т. е. с 8 июня до 9 декабря» (л. л. 1, 2), Пройдет всего два года, и после защиты Н. Г. Чернышевским своей магистерской диссертации тот же Мусин-Пушкин совершенно изменит свое отношение к диссертанту и отзовется о нем с нескрываемым раздражением.

К этому ходатайству приложено извлечение из «Положения о производстве в ученые степени» (л. 4). На полях этого извлечения против статьи 32 карандашом сделана пометка: «Не видно цели, для которой Чернышевский, оставаясь в учительской должности, желает приобрести высшую ученую степень».

В заключении тем же почерком, но уже чернилами дана следующая справка: «Старший учитель Российской Словесности Саратовской Гимназии Чернышевский, как из формуляра его видно, 22-х лет, исповедания православного, находился в С. Петербургском университете на своем содержании и по окончании курса в 1850 г. со степенью кандидата, определен в настоящую должность 6 Генваря 1851 года» (л. 4).

Пятого июня, т. е. за три дня до окончания отпуска, Чернышевский обратился в Министерство уже с собственноручным заявлением, содержащим гораздо более скромную просьбу о продлении ему отпуска только до конца каникул до 1 августа (всего менее трех месяцев).

Вот этот автограф:

В Департамент Народного Просвещения.

Кандидата С. Петербургского университета, учителя Словесности при Саратовской Гимназии Николая Чернышевского

Прошение

Намереваясь держать в текущем году в С. Петербургском университете экзамен на степень магистра славянских наречий, покорнейши прошу Департамент об исходатайствовании моему 28-дневному отпуску из Саратова в С. Петербург отсрочки до 1 августа текущего года, то есть до конца каникулярного времени в Саратовской Гимназии. При сем имею честь приложить мой увольнительный вид.

С. Петербург. 5 июня 1853 года. Кандидат С. Петербургского университета, учитель словесности при Саратовской Гимназии Николай Чернышевский.

Жительство имею в Большой Офицерской улице, в доме Дубецкого. (л. 5).

На прошении надпись: 5 июнь 1853. Согласен».

Этот документ обращает внимание на два небезынтересных обстоятельства: Чернышевский еще окончательно не порывал с Саратовской гимназией, оставляя за собой возможность возвращения в нее к началу нового учебного года; он сдавал экзамены и собирался писать диссертацию по славянским наречиям.

Июнь и июль 1853 года были временем окончательного решения его будущей судьбы, определения его научных интере-

сов. В письме к отцу от 20 июля он сообщает, что отказался от мысли писать диссертацию по лингвистике.

10 июня Товарищ Министра Народного Просвещения А. Норов отвечает Мусину-Пушкину: «имею честь Вас, М. Г., уведомить, что согласно просьбе Чернышевского, поданной в Департамент Народного Просвещения, я разрешил продолжение ему отпуска до 1 августа сего года». (л. 10). Департамент уведомляет Попечителя Казанского Учебного Округа о своем решении (л. 7) и выдает Чернышевскому свидетельство за № 4834 о продлении отпуска до 1 августа. На черновике рукою Чернышевского написано: «Свидетельство об отсрочке отпуска за № 4834 получил учитель Саратовской Гимназии Николай Чернышевский. 9 июня 1853 года» (л. 9).

Истекали дни предоставленной отсрочки и 30 июля Чернышевский вновь обращается с прошением о продолжении отпуска еще на 1 месяц до 10 сентября:

«В Департамент Народного Просвещения.

Старшего учителя Саратовской Гимназии, кандидата С. Петербургского университета Николая Чернышевского

Прошение.

Прилагаю при сем отсрочку моего отпуска в С. Петербург, данную мне Департаментом, которой срок оканчивается 1 августа текущего года, имею честь покорнейше просить Департамент Народного Просвещения о продолжении отсрочки моему отпуску еще на один месяц, по 10 числа сентября текущего года.

Старший учитель Саратовской Гимназии Николай Чернышевский. Жительство имею С. Петербургской части 1-го квартала в доме Бородиной под № 2-м. 30 июля 1853 года» (л. 11).

На документе надпись: «4 августа 1853. Согласен».

Восьмого августа Директор Департамента Народного Просвещения П. Гашевский извещает Попечителя Казанского Учебного Округа, что отпуск Чернышевскому «вновь продлен до четырех месяцев, т. е. по 10 число сентября текущего года» (л. 13). К извещению приложено свидетельство за № 6853, на котором рукою Чернышевского написано: «Свидетельство об отсрочке отпуска моего, данное мне за № 6853, получил Н. Чернышевский, учитель Саратовской Гимназии. 8 августа 1853 г.» (л. 15). Таким образом, весь отпуск Николая Гавриловича из Саратова укладывался в четыре месяца.

Одновременно, как указывает переписка Чернышевского с родными, шло его оформление на службу во 2-й кадетский корпус. На службу в корпус он был зачислен 27 августа, но официальная переписка продолжалась и утверждение последовало лишь 24 января 1854 года. Обращает внимание такая

многозначаящая деталь: ходатайства о переводе Чернышевского идут от имени Главного Начальника Военно-Учебных заведений будущего царя Александра II. История зло посмеялась и на этот раз: человек, за которого он ходатайствовал, стал его главным врагом. В адрес Управляющего Министерством Народного Просвещения идет следующее письмо: «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич Главный Начальник Военно-Учебных заведений изволил ходатайствовать о переводе во 2-й кадетский корпус, в должность Учителя 3-го рода Старшего Учителя Саратовской Гимназии Чернышевского.

При сем его Высочество изволил доставить отзыв Попечителя Казанского Учебного Округа, из которого видно, что на таковой перевод Чернышевского препятствий не имеется» (л. 16). Письмо подписано Военным Министром князем Долгоруковым. Если даже учесть, что формула обращения от имени Наследника не обязательно связана с прочтением им этого документа, то идущая далее справка о том, что представляет собою новый учитель кадетского корпуса, могла быть изготовлена именно для будущего царя Александра II. «Николай Гаврилович Чернышевский сын Протоирея, по окончании в 1850 году курса в С. Петербургском университете со степенью кандидата, определен был 6 января 1851 года на службу Старшим Учителем Русской Словесности в Саратовскую Гимназию, 24 января 1854 года переведен во 2-й кадетский корпус, в должности учителя 3-го рода» (л. 20).

Так как Чернышевский по служебной линии подчинялся военному начальнику, Министр Народного Просвещения А. Норов адресуется в Военное Министерство с просьбой аттестовать учителя за время его службы. В деле хранится любопытный документ: черновик письма А. Норова: «Конфиденциально. М. Г. Иаков Иванович.

Для некоторых соображений находя нужным иметь точнейшие сведения <об направлении духа и поведения>. Учитель 2-го кадетского корпуса Николае Чернышевском, который состоял прежде Старшим Учителем Саратовской Гимназии, я обращаюсь к Вашему Прев-ву с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением, с какой стороны Чернышевский известен ныне начальству своему по образу мыслей, педагогическим способностям и по нравственным свойствам его.

Примите, М. Г., уверение в истинном моем почтении А. Норов 30 мая 1856 г. Его Прев-ву Я. И. Ростовцеву» (л. 21).

Слова «направлении духа и поведения» зачеркнуты, чем несколько изменена редакция этого письма.

Для каких «соображений» понадобились Норову такие сведения о Чернышевском, к тому времени уже вышедшем из-под

его начала? Напрашивается связь этого документа со скандальной историей длительной задержки утверждения Чернышевского в степени магистра. Можно предположить, что это письмо, написанное после опубликования и защиты диссертации, когда Чернышевский уже завоевал себе репутацию левого и опасного журналиста, было связано с желанием найти «законные» причины для отклонения постановления факультета о присуждении ему степени магистра. Такое утверждение последовало лишь через два года 29 октября 1858 года. К сожалению, неизвестен ответ Ростовцева. Публикуемые архивные документы позволяют уточнить некоторые факты биографии Чернышевского периода 1853—1856 годов.

А. М. ШАПИРО

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИДЕОЛОГА АНГЛИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ Д. С. МИЛЛЯ

В большой и многообразной литературе о Чернышевском, в том числе и в работах, где рассматриваются его общественно-политические взгляды, не нашли своего освещения взгляды Чернышевского на мировоззрение Милля.

Чернышевский и Милль — сложная тема, требующая специального многопланового исследования. В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением только некоторых сторон политической концепции Милля в оценке Чернышевского.

Защитник угнетенного крестьянства, вождь русской революционной демократии, Чернышевский был не только страстным политическим борцом против крепостничества и крепостнической идеологии, но и критиком капитализма и буржуазного либерализма.

Современником Чернышевского был теоретик буржуазного либерализма, глава английской школы позитивистов Джон Стюарт Милль (1806—1873). Деятельность Милля развернулась в особых исторических условиях политического развития Англии. В послечартистский период при новом подъеме классовой борьбы и широком движении английских рабочих за вторую избирательную реформу, английская буржуазия, напуганная чартистским движением, использовала политику либерализма, политических компромиссов, мелких реформ и уступок с тем, чтобы расколоть пролетариат и ослабить его.

Английская буржуазия, больше чем любая другая буржуазия в мире, при классовых столкновениях учитывала уроки революционной борьбы масс, уроки чартизма.

По выражению В. И. Ленина, «...Англия в 60-х, 70-х годах

XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики...»¹

Идеолог буржуазного либерализма Милль, в отличие от других буржуазных социологов — апологетов капитализма, признавал недостатки и пороки капиталистического общества, нужду и лишения трудящихся масс, признавал экономические и политические притязания пролетариата, которые уже нельзя было более игнорировать.

Милль считал себя человеком новых идей, сторонником «либерального», «реформированного», «улучшенного» капитализма. Он был приверженцем теории «малых дел», смягчения социального неравенства, социальных противоречий. Милль пытался примирить непримиримое — пролетариат с промышленной буржуазией. Позитивистская школа Милля широко пропагандировала свои взгляды, противодействуя распространению революционных идей.

Место Д. С. Милля в истории общественной мысли наиболее ярко определил К. Маркс: «...такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия их старомодных экономических догм с их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо смешивать их в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами»².

Позитивист Милль был кумиром русских либералов. Как отмечает В. И. Ленин, «.. в эпоху «60-х годов» сила крепостников была надломлена: они... должны были ступать со сцены. Либералы, напротив, подняли голову»³.

В 60-х, 70-х годах XIX века произведения английской позитивистской школы Милля являлись «идейной отдушиной», вызывали интерес и распространялись среди интеллигенции. Известный историк Н. Кареев, вспоминая свою юность, писал о проникновении в Россию позитивистской литературы⁴.

В работе профессора А. П. Скафтымова, посвященной преподаванию литературы в дореволюционной школе (60-е гг. девятнадцатого века), говорится о борьбе за влияние на школу между революционно-демократическими идеями и либерально-позитивистскими социологическими теориями⁵.

¹ В. И. Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении. Соч., т. 16, стр. 321. (В дальнейшем все ссылки на Ленина по 4-му изданию).

² К. Маркс. Капитал, т. 1, 1949, гл. 23, стр. 616, примечание 65.

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч. т. 1, стр. 266.

⁴ См. Н. Кареев. Новое слово. Журнал научно-литературный и политический, № 2, ноябрь, 1895, стр. 10.

⁵ См. А. П. Скафтымов. Преподавание литературы в дореволюционной школе (сороковые и шестидесятые годы). Ученые записки Саратовского гос. педагогического института, вып. 7, 1938, стр. 198—202.

Чернышевский понимал, что буржуазный либерализм, в особенности в той радикальной форме, как он выступал у позитивистов, является опасным в смысле воздействия на молодежь, на интеллигенцию и служит тормозом для развития революционной борьбы. Русский демократ считал настоятельной необходимостью выступить против политической концепции Милля и тем самым нанести удар по буржуазному либерализму в России.

В сложной и двойственной концепции Милля одновременно проявлялись и его радикализм и антиреволюционность.

В Англии дальновидная правящая буржуазия благоприветствовала широкому распространению идей позитивизма, имея в виду их яркую антиреволюционную направленность. Выпускались даже специальные дешевые издания произведений Милля для рабочих. («Основы политической экономии», «О свободе», «О представительном правлении»)¹.

В России царизм преследовал позитивистскую литературу, в частности, публицистические труды Милля, за их радикальную направленность. Герценовский «Колокол» обличал царский произвол и деспотизм за запрет произведений позитивистской школы Милля².

Чернышевский был далек от сектантского, догматического подхода к критике английского буржуазного радикала. Русский демократ не шел по пути объединения в один лагерь всех противников революционной теории. Наоборот, он разделил своих противников, старался отделить Милля от апологетов капитализма. Чернышевский понимал, что идеи Милля враждебны революции, вместе с тем он видел в Милле противника своих врагов:

Так в статье «Экономическая деятельность и законодательство» (1859 г.) Чернышевский писал: «...Его (Милля—А. Ш.) система не менее коммунизма противна духу отсталой школы, против которой мы спорим». И далее указывал, что Милль «имеет решительную наклонность желать экспроприации английских землевладельцев»³.

Характеризуя Милля как буржуазного исследователя, который искал истину, искал выхода из противоречий капитализма, Чернышевский писал, что Милль «...усиливается вло-

¹ См. Автобиография Джона Стюарта Милля. Под ред. Е. Г. Благоветлова. С.—Пб., 1874, стр. 294.

² См., например, «Колокол», № 143, от 1 сентября 1862, № 238 от 1 апреля 1867 г.

³ Н. Г. Чернышевский. Экономическая деятельность и законодательство. Полн. собр. соч., т. V, стр. 595, ГИХЛ, М., 1950. (В дальнейшем все ссылки на Чернышевского даются по этому изданию).

жить новые стремления в рамки прежней доктрины и потому стоит одиноко между людьми, решительно отсталыми, и людьми, решительно идущими вперед»¹.

Существенные стороны политической концепции Д. С. Милля ярко выражены в его публицистических трудах: «О свободе» (первое английское издание 1859 год)² и «Размышления о представительном правлении» (1860 год).

Книга «О свободе» является программным выступлением английского позитивизма, привлечшим всеобщее внимание. Сам автор придавал этому труду исключительно большое значение, как наиболее яркому выражению своей концепции. В автобиографии Д. С. Милль писал: «Ни одно из моих сочинений не было так внимательно написано и так тщательно исправлено, как «О свободе»... «О свободе», вероятно, переживет все, когда-либо написанные мною сочинения»³.

В этой книге проводится идея политического компромисса, которую Милль сформулировал следующим образом: «Так в политике теперь стало уже почти общим местом, что партия порядка для сохранения *status quo* и партия прогресса или преобразования суть два элемента, равно необходимые для здорового состояния политической жизни, пока та или другая из этих партий не достигнет наконец такой уместной широты, что будет вместе и партией порядка и партией прогресса, будет способна распознавать и различать, что надо сохранить и что надо уничтожить... Вообще,—пишет далее Милль,—во всем великим практическим вопросам жизни истина заключается преимущественно в примирении и соглашении противоположностей»...⁴ В идее политического компромисса, классового примирения и соглашения буржуазный реформатор Милль видит сущность процесса общественного развития.

Анализируя исторический процесс, Милль указывает, что в прежнее время различные классы общества, различные местности, промыслы, ремесла — все это жило своей особой

¹ Н. Г. Чернышевский. Библиография «из № 1 Современника» (1861). Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэре, т. VII, стр. 910—911.

² Здесь уместно отметить, что в серии «Русской библиотеки», которая выходила в Лейпциге в издании Вольфгана и Гергарда, в 1861 г. пятнадцатым томом вышел русский перевод труда Д. С. Милля «О свободе», причем на отдельной странице имеется дарственная надпись: «Александрю Ивановичу Герцену в знак глубокого уважения посвящает переводчик». К сожалению, нам не удалось установить, кто именно является переводчиком, но самый факт заграничного перевода этой книги на русский язык показывает значимость этого произведения.

³ Автобиография Д. С. Милля. Под ред. Г. Е. Благосветлова 1874, стр. 265, 268.

⁴ Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб, 1900, стр. 282—283.

жизнью, составляя свои отдельные миры. Процесс распространения капитализма ведет в конце концов к сглаживанию всех разнообразий, а это в свою очередь—к стиранию индивидуальностей.

Разнообразию путей в прошлом, утверждает Милль, «Европа и обаяна... своим прогрессивным и многосторонним развитием. Но в настоящее время она... заметно склоняется... к уничтожению всякого рода разнообразий»¹.

Всматриваясь в современный ему буржуазный мир, Милль нарисовал его печальную картину. Он отметил нравственную ничтожность и духовную посредственность буржуазного мира, пустоту интересов. Он показал, что целью буржуазного общества является стяжательство и нажива. «Широкие энергические характеры,—отмечает Милль,—теперь стали уже преданием. У нас, в Англии, едва ли для энергии открыто теперь какое-нибудь другое поприще, кроме приобретения»².

Милль вынужден был констатировать, что буржуазия сопротивляется дальнейшему прогрессу. На примере Англии он утверждал, что победившая буржуазия уже не может породить сильных, ярких личностей.

На всем протяжении своего позитивистского манифеста Милль противопоставляет личность, выдающихся людей, народным массам, обществу. «В настоящее время, пишет он, индивидуум затерян в толпе. Народные же массы—это коллективная посредственность»³.

Позитивист Милль испытывал страх перед пролетариатом, призванным преобразовать старое общество, перед социалистическими идеями. «Если же при этом еще предположим,—писал Милль,—значительное распространение социалистических идей, то нет ничего невозможного, что в обществах образуется такое большинство, которое будет считать позором иметь собственность выше известного незначительного размера, или жить такими доходами, которые не зарабатываются физическим трудом»⁴.

Милль выражает опасение, что неизбежное распространение общественного равенства и могущества общественного мнения подчинит человечество тягостному игу теоретического и практического однообразия, что подобное иго задушит, изуродует человеческую натуру⁵. Он считал, что правительство демократии не может возвыситься выше посредственности.

¹ Д. С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб, 1900, стр. 335.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 321.

⁴ Там же, стр. 367—368.

⁵ См. Автобиография Д. С. Милля, 1874, стр. 269—270.

«От индивидуумов,—пишет Милль,—исходит и должна исходить инициатива всего мудрого, всего благородного»...¹

Выдвигая на первый план роль индивидуумов, Милль не только отрицает значение народных масс в общественном прогрессе, но и считает, что они своим все возрастающим воздействием на исторический процесс подавляют развитие отдельных сильных личностей и приводят к общественному застою.

В книге «О свободе» ярко выступает двойственность и противоречивость сознания и идеологии позитивиста. С одной стороны, Милль полон ненависти к прошлому, к феодальным порядкам, и неприязни к настоящему, к буржуазному стяжательству, к наживе, а с другой, он ослеплен страхом перед будущим, перед движением народных масс.

Буржуазный радикал Милль приходит к выводу, что Западная Европа находится в состоянии кризиса. Его политическая концепция проникнута историческим пессимизмом и бесперспективностью. Милль боялся завтрашнего дня истории.

В «Размышлениях о представительном правлении» Милль пропагандировал те же взгляды, что и в книге «О свободе». В росте массового рабочего движения в Англии, в требовании всеобщего избирательного права Милль увидел угрозу общественному развитию.

Буржуазный просветитель Милль хотел, чтобы всеобщее образование предшествовало всеобщему праву голосования².

Прежде чем предоставить всеобщее избирательное право, Милль считал необходимым исследовать, каковы умственные, нравственные и политические качества, каковы убеждения разных разрядов работников, средних слоев, не пользующихся еще политическими правами.

Милль категорически высказывался против предоставления избирательных прав пауперам. Он требовал, чтобы представительное собрание состояло из лиц, избираемых исключительно теми, кто участвует в платеже налогов. Милль стоял за лишение избирательных прав людей, пользующихся общественным подаением, находящихся по его выражению «...в состоянии нравственного упадка и унижения»³. Предоставление избирательных прав он считал возможным только верхушке рабочего класса.

Важно отметить, что английская рабочая газета «The Beehive», находившаяся под влиянием английских позитиви-

¹ Д. С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900, стр. 322.

² См. Д. С. Милль «Размышления о представительном правлении». СПб, 1863, стр. 120, 158, 163.

³ Дж. Ст. Милль. «Размышления о представительном правлении», стр. 162.

стов, выступала с требованиями расширения избирательных прав в духе взглядов Милля. Так, в разгар движения за реформу в 1864 г. газета требовала «право выборов для каждого морально и интеллектуально полноценного мужчины»¹.

Милль ратует за передачу управления обществом в руки просвещенного меньшинства. «Только одна может быть основательная причина, — писал он, — считать голос одного человека более чем за один голос — это умственное превосходство этого лица... можно бы дать право на два или на три голоса всякому лицу, занимающемуся высшими делами»².

Таким образом, характерной стороной системы взглядов буржуазного либерала является пренебрежение к демократии, к народным массам и всемерное выпячивание роли выдающихся личностей, просвещенного меньшинства.

Политическая концепция революционного демократа Чернышевского представляла собой полную противоположность системе взглядов позитивиста Милля, его теории общественного развития, его теории политических компромиссов.

В отделе «Политика» журнала «Современник» за январь 1859 г., рассматривая вопрос о характере исторического прогресса, русский демократ доказывал, что он совершается революционным путем, скачкообразно. «Прогресс совершается, — писал Чернышевский, — чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком»³.

Политическое кредо Милля, отраженное в упомянутом выше произведении «О свободе», подверглось специальному анализу в работе Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Чернышевский опровергает взгляды Милля на развитие цивилизации, на роль народных масс в историческом процессе.

«Если Милль смутился от парламентской реформы, — писал Чернышевский, — то можно ли ожидать, чтобы он хладнокровно рассудил о признаках перемены, которая стремится обнять всю общественную и частную жизнь Западной Европы... происхождение боязни Милля за будущность Западной Европы, его сомнение о предстоящей судьбе цивилизованных стран не больше, как возведенное личным чувством в общую формулу предчувствие того, что дальнейшее развитие цивилизации бу-

¹ Газета «The Beehive» от 18 июня 1864 г., № 140.

² Дж. Ст. Милль. «Размышления о представительном правлении», СПб, 1863, стр. 166—167.

³ Н. Г. Чернышевский. Политика из «Современника» (№ 1 — январь 1859 г.) Полн. собр. соч., т. VI, стр. 13.

дет уменьшать привилегии, присвоенные сословием, к которому он сам принадлежит»¹.

Милль боялся коренной ломки общественных отношений, хотя и признавал пороки буржуазного общества.

Положительно оценивая критику Миллем буржуазного общества, его отрицательных сторон, русский демократ приходил к принципиально иным выводам. Для него нет тупика, он видел выход в революционном преобразовании общества. С необычайно глубокой верой в силу народных масс, с большой исторической перспективой Чернышевский раскрыл роль «простолюдинов» в прогрессе человечества.

Историческому пессимизму Милля и его массобоязни он противопоставил концепцию революционного исторического оптимизма, уверенности в победе передового, прогрессивного, в победе революционного пути развития. Чернышевский глубоко верил, что великие перемены могут совершиться только снизу, активностью народных масс. Он радовался пробуждению активности народных масс, видя в этом залог развития цивилизации.

В конце 50-х годов XIX века, когда в Англии развернулась борьба рабочих за всеобщее избирательное право и практически встал вопрос о второй избирательной реформе, Милль выступил против наделения всех рабочих избирательными правами, хотя раньше теоретически он признавал справедливость их требований. «Мы видели,—писал Чернышевский,—с какими чувствами принял Милль фактические признаки приближения парламентской реформы, необходимость которой он сам признает в теории. Отвлеченным образом он желает ее, но факт навел на него некоторую робость. Это значит, что в сущности лично для него перемена неприятна, что у него достало нравственного мужества побороть эту неприятность в теории, но недостало силы победить более сильное впечатление, производимое фактом»².

В противоположность Миллю, который считал, что простолюдины или, как он выражался, масса, толпа, посредственность своим участием в политической жизни ведут к понижению уровня общественного развития, Чернышевский утверждал обратное. «Благодаря своей здоровой натуре, своей суровой житейской опытности, западноевропейский простолюдин в сущности понимает вещи несравненно лучше, вернее и глубже, чем люди более счастливых классов»³.

¹ Н. Г. Чернышевский. Антропологический принцип в философии, Поля. собр. соч., т. VII, стр. 233—234.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 238.

В рецензии на известный труд Гизо по истории цивилизации в Европе Чернышевский указывал на решающую роль народных масс: «Масса трудится, и по-немногу совершенствуются производительные искусства. Она одарена любознательностью или, по крайней мере, любопытством—и постепенно развивается просвещение; благодаря развитию земледелия, промышленности и отвлеченных знаний смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потом и учреждения; всему этому причина одна—внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта»...¹ Чернышевский считал, что народные массы являются двигателями исторического развития общества.

Исходя из этого, он ратовал за соединение общественной практики масс с передовой теорией. Он с сожалением отмечал, что до широких масс простолюдинов не дошли еще те научные понятия, которые наиболее соответствуют их положению, наклонностям, потребностям. Великий русский демократ сожалел, что массы принуждены оставаться под влиянием ошибочных мнений, господствующих в образованной публике.

Но Чернышевский глубоко верил, что наступит иная пора. Он верил в торжество новых начал в общественном развитии Западной Европы. «Нет никакого сомнения,—писал Чернышевский в работе «Антропологический принцип в философии»,—что и простолюдины Западной Европы ознакомятся с философскими воззрениями, соответствующими их потребностям... Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западноевропейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы»².

Вместе с тем Чернышевский не отрицал роли личности в истории. Однако он всегда подчеркивал, что великая личность должна опираться на народ, что бессильными оказываются те личности, которые, слишком полагаясь на свою силу, не ищут помощи своим начинаниям в самостоятельной деятельности всей массы народа³.

В своем труде «Антропологический принцип в философии»

¹ Н. Г. Чернышевский. История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции. Соч. Гизо. Редакция перевода К. К. Арсеньева. Издание Николая Тиблена. С.-Петербург, 1860. т. VII, стр. 477, ГИХЛ, М., 1950.

² Н. Г. Чернышевский. Антропологический принцип в философии. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 254.

³ См. Н. Г. Чернышевский, Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 71:

Чернышевский дал анализ действительности в ее развитии. Он глубоко верил в силу народных масс, в торжество новых начал в жизни человечества: «...не в наше, так в следующее поколение,—писал Чернышевский,—придет результат, лежащий в натуре вещей, стало быть неизбежный; и если нашему поколению еще не удастся совершить его, то во всяком случае оно многое делает для облегчения полезного дела своим детям»¹.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., Антропологический принцип в философии, т. VII, стр. 254.

Е. И. ПОКУСАЕВ, И. В. ПОРОХ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ТРУДАХ САРАТОВСКИХ УЧЕНЫХ

Деятельность Чернышевского составила эпоху в истории русского освободительного движения XIX столетия, в истории русской науки и культуры. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина дан глубокий анализ и определено опромное историческое значение теоретического наследия гениального мыслителя-революционера. Опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, советские литературоведы, историки, философы, экономисты в многочисленных статьях и монографиях обстоятельно охарактеризовали различные стороны мировоззрения и творчества признанного идеолога и вождя демократических сил России XIX века в самые напряженные, исполненные острых классовых конфликтов и битв десятилетия ее истории.

Чернышевоведение как самостоятельное научное направление, разрабатываемое представителями целого ряда гуманитарных наук, оформилось и получило развитие лишь после Великого Октября. До 1905 г. имя Чернышевского даже запрещалось упоминать печатно. Немалый вклад в изучение литературно-публицистической и революционной деятельности Н. Г. Чернышевского, его исторических, философских и социально-экономических воззрений, его биографии внесли ученые Саратова.

Советское правительство увековечило память Н. Г. Чернышевского, создав в 1920 г. на его родине «Дом-музей» и присвоив в 1922 г. имя трибуна и борца Саратовскому университету. Именно эти два научно-культурные учреждения стали центрами изучения Чернышевского. Дом-музей Н. Г.

Чернышевского, унаследовавший основной архив писателя-революционера, хранившийся ранее в семье его родственника, известного ученого Александра Николаевича Пыпина, и пополнивший свои фонды из других хранилищ, до 1941 года был главным местом сосредоточения рукописей, корректурных экземпляров журнальных статей, писем и других ценных материалов¹. Все это позволило «Дому-музею», возглавляемому сначала сыном писателя М. Н. Чернышевским, а затем его внучкой Н. М. Чернышевской на долгие годы стать главным источником публикаций по Чернышевскому.

Одновременно ученые Саратова обращаются к изучению его жизни и деятельности. В научной проблематике ученых Саратова тема о Чернышевском приобретает не только краеведческий характер, но и остро-политическую направленность. Восстановление подлинного творческого наследия великого писателя-революционера, чьи произведения подверглись жестокому гонениям царской цензуры, глубокое освещение жизни и деятельности Чернышевского стали основными задачами саратовских филологов, историков, экономистов. Интерес исследователей-саратовцев к Чернышевскому не ослабевал в течение десятилетий и превратился ныне в прочную традицию.

Особенно оживляется научная деятельность в связи с юбилейными днями, которые, как правило, отмечаются в Саратове выходом в свет специальных изданий, посвященных Чернышевскому. Здесь будет уместно назвать ряд саратовских сборников, поскольку они имели итоговое значение для определенных периодов исследовательских разысканий и изучения Чернышевского. В связи с 35-летием со дня смерти писателя был издан Нижне-Волжским обществом краеведения юбилейный том о Чернышевском (1926 г.). Столетний юбилей со дня рождения Чернышевского был отмечен двумя специальными сборниками². В 1939—1940 гг. были изданы еще три книги, приуроченные к 50-летию со дня смерти Н. Г.

¹ С. И. Быстров. Описание рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в доме-музее его имени. Сб. «Николай Гаврилович Чернышевский 1928—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи», Саратов, 1928; В. Сушицкий. Описание корректур Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени. Саратов, 1935, а также «Из литературного наследия Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1937, стр. 135—145; Н. Чернышевская. Обзор первоисточников, хранящихся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский, 1889—1939». Саратов, 1939.

² Николай Гаврилович Чернышевский, 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи под ред. С. З. Каценбогена, Саратов, 1928, 429 стр. Сб. К юбилею Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928, стр. 200.

Чернышевского¹. В 1948 г. ученые университета посвятили 120-летию со дня рождения Чернышевского специальный том Ученых Записок (том XIX). В 1958—1959 г. в Саратове издаются сборник «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы»² и двухтомник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Оба издания посвящались 130-летию со дня рождения Чернышевского и 50-летию университета, носящего имя великого революционера-демократа. 130-летний юбилей Чернышевского был отмечен в Саратове научной конференцией, организованной университетом, «Домом-музеем» Н. Г. Чернышевского при активном участии института Русской литературы Академии наук СССР и специалистов из Москвы, Ленинграда, Казани, Ульяновска, Тарту, Сталинграда, Тулы и других городов³.

Нельзя не отметить, что в течение многих лет в стенах Саратовского университета читаются специальные курсы и ведутся специальные семинары, посвященные Чернышевскому. Саратовские исследователи защитили диссертации по различным проблемам чернышевоведения. Большую библиографическую работу проводит библиотека университета, подготовившая к печати один из разделов обширной картотеки о Чернышевском⁴.

Этот суммарный перечень специальных изданий, посвященных Чернышевскому, а также краткая справка о других формах популяризации творчества и революционной деятельности автора «Что делать?» дают определенные представления об интенсивном изучении его наследия в Саратове⁵.

¹ Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1939; «Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939; «Ученые записки» СПИ, вып. V, Саратов, 1940.

² См. рецензии: И. Порох. Новый труд о Чернышевском, «Коммунист» (Саратов), № 173, 24 июля, 1958; П. Николаев. Новые работы о Чернышевском. «Литература и жизнь», № 85, 22 октября, 1958; Ю. Оксман. Новый сборник статей и материалов о Н. Г. Чернышевском, «Литература в школе», 1958, В. Пугачев. Ценный сборник о Чернышевском. «Русская литература», 1958, № 4; Д. Зельдхе и Жужа. О новейших достижениях в советском изучении Н. Г. Чернышевского. «Filológiai Közönlony» 1959, № 3—4, стр. 465—467.

³ См. статьи и отчеты о конференции Л. Ивановой («Литература и жизнь» № 86, 24 октября, 1958); П. Бугаенко («Коммунист», № 258, 31 октября 1958 г. и «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1958, вып. 2); Л. Медведевой («Русская литература», 1958, № 4); В. Жданова («Вопросы литературы», 1959, № 4).

⁴ Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за советский период (1917—1958). Библиография. Составитель П. А. Супоничкая. Саратов, 1960.

⁵ Некоторые сведения по этому вопросу приводятся А. П. Скафтымовым в статье «Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского за 30 лет (1917—1947)», «Уч. зап., СГУ, т. XIX, Саратов, 1948. Ценные биб-

Особое место в работе саратовских исследователей занимает публикаторская и комментаторская деятельность. Значительная часть произведений Н. Г. Чернышевского, впервые опубликованных после Октябрьской революции, увидела свет в саратовских изданиях или же в публикациях саратовских ученых в столичных журналах и специальных сборниках. («Литературное наследие», «Звенья», «Каторга и ссылка», «Литературное наследие Н. Г. Чернышевского» и т. п.). А. П. Скафтымову принадлежит заслуга введения в научный оборот и первого осмысления многих литературных произведений Н. Г. Чернышевского, написанных им в Петропавловской крепости и в Сибири. В юбилейных сборниках, изданных в Саратове в 1926 и 1928 гг., была опубликована серия «Мелких рассказов», созданных Н. Г. Чернышевским в каземате Петропавловской крепости.

В этих же сборниках появились неоконченные статьи по литературным вопросам, неизданные отрывки из публицистических обзоров Чернышевского в журнале «Современник», рецензии на исторические и научные сочинения. Особого внимания среди новых публикаций этих сборников заслуживает «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева в интерпретации Н. Г. Чернышевского. Как справедливо отмечает во вводящей статье В. Ильинский, «Основная задача публикации «Апологии сумасшедшего» в «Современнике» заключалась в использовании возможности революционного выступления в подцензурной печати»¹.

Н. Г. Чернышевский, задавшийся целью познакомить широкий круг читателей с политическим сочинением П. Я. Чаадаева, намеревался воспроизвести его не полностью, а с некоторыми пропусками. Это решение мотивировалось Чернышевским тем, что в тексте есть «места, которые не могут считаться достоверным выражением мнений автора, имея внешнее сопряжение». Чернышевскому же особо импонировала критика П. Я. Чаадаевым феодально-крепостнических порядков России. Ее-то и хотел пропагандировать в 1861 г. идейный руководитель «Современника». Отдавая высокую дань уважения П. Я. Чаадаеву, Чернышевский вместе с тем отмечал слабые стороны в воззрениях автора «Апологии су-

лиграфические сведения о том, что сделано учеными Саратовского университета в области изучения и популяризации наследия Н. Г. Чернышевского за 1909—1934 гг., см. в брошюре В. Сушицкого «Саратовский университет и Н. Г. Чернышевский, (1909—1934)», под ред. В. А. Артисевич. Саратов, 1934.

¹ Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 45.

масштабного» (увлечение католицизмом, отрицание исторического прошлого России и др.):

В 1937 г. в Саратове под редакцией А. П. Скафтымова вышел сборник «Из литературного наследия Н. Г. Чернышевского», подготовленный В. А. Сушицким. В сборник был включен ряд статей, текст которых воспроизводился по корректурам и рукописям писателя, хранившимся в «Доме-музее». За небольшим исключением тексты эти были уже ранее опубликованы в различных периодических изданиях или готовились к печати. Но принимая во внимание тот факт, что ко времени появления сборника еще не существовало доброкачественного полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, помещение этих произведений в одной книге, безусловно, способствовало изучению наследия писателя-революционера¹.

К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского в Саратове издается книга, в которую вошли малоизвестные в то время широким читателям произведения Н. Г. Чернышевского, написанные им в 1863—64 гг. в Петропавловской крепости («Алферьев», «Заметки для биографии Руссо»). Книга была подготовлена В. Я. Каплинским, А. П. Скафтымовым и Н. М. Чернышевской при участии Н. А. Алексева². Особую ценность эта книга имеет в связи с тем, что в ней впервые был воспроизведен черновой текст «Алферьева», позволяющий значительно расширить характеристику творческих приемов Н. Г. Чернышевского. Кроме того, черновик «Алферьева», как справедливо отмечал Б. П. Козьмин, «дает несколько дополнительных штрихов, обрисовывающих основную идею произведения, а также уточняющих ряд совпадений между биографиями Алферьева и Вл. Обручева», явившегося во многом прообразом героя повести³.

Большая и полезная работа проделана в Саратове по подготовке и опубликованию биографических материалов о Чернышевском. Среди них на первое место следует поставить публикацию в трехтомном издании «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие»—«Автобиографии» и «Днев-

¹ Более подробную характеристику сборника см. в рецензии, написанной И. Ямпольским («Литературное обозрение», 1937, № 12). Отметим попутно, что к разделу книги «Статьи Чернышевского по крестьянскому вопросу» непосредственно примыкала публикация С. Н. Чернова, которая ввела в научный оборот замечания Н. Г. Чернышевского на проект освобождения крестьян, составленный кн. П. Долгоруковым. См. С. Н. Чернов. К истории борьбы Чернышевского и крестьянские интересы накануне «воли». «Каторга и ссылка», 1928, кн. 7(44).

² Н. Г. Чернышевский. Неопубликованные произведения. Саратов, 1939.

³ Б. Козьмин. Литературное обозрение, 1939 № 10, стр. 108—109.

ников» писателя, осуществленную Н. А. Алексеевым совместно с М. Н. Чернышевским и С. Н. Черновым¹. Известно, что «Дневник» написан шифром и впервые был расшифрован М. Н. Чернышевским, который и опубликовал его частично в 1906 г. в X томе Полного собрания сочинений писателя. Напечатание полного текста «Дневника», а также исправление неточностей в расшифровке его явилось важным вкладом в науку.

В третьем томе того же издания читатель находит воспоминания великого революционера-демократа о Добролюбове, Некрасове, Тургеневе, Достоевском, Костомарове. Очевидна опромная историко-литературная ценность этого мемуарного источника².

Саратовскими учеными собраны и введены в научный оборот многие письма Н. Г. Чернышевского³. Назовем прежде всего книгу «Переписка Чернышевского», подготовленную к печати Н. К. Пиксановым в бытность его в Саратове⁴. В этой книге впервые были опубликованы письма Н. Г. Чернышевского к А. С. Зеленому, Н. А. Некрасову и Н. А. Добролюбову за 1855—1862 гг., хранившиеся в Доме-музее Чернышевского в Саратове и в Пушкинском Доме в Ленинграде. А. П. Скафтымов и Н. М. Чернышевская принимали участие в подготовке к печати писем Н. Г. Чернышевского во II и III томах издания «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие» и других сборниках. Н. М. Чернышевской проведена большая работа по подготовке текста и комментированию писем, вошедших в 14 и 15 тома Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского.

В ряде столбчатых сборников и журналов саратовскими исследователями было опубликовано немало биографического материала, относящегося к пребыванию Н. Г. Чернышевского в Саратове, в Петербургском университете, к получению им ученой степени магистра, к его работе в «Современ-

¹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, М., 1928. В. А. Сушицкий, отобрав из биографических материалов Чернышевского все, что касалось Саратова, опубликовал в 1937 г. книгу «Н. Г. Чернышевский. Из автобиографии». Рецензию на нее написал Б. П. Козьмин. («Книжные новости», 1938, № 6).

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. III, М., 1930. Разбор томов «Литературного наследия» см. в статье И. Фролова (Литературное наследство, 1932, кн. 3).

³ Сведения об издании писем Н. Г. Чернышевского за период с 1876 по 1940 г. см. у Н. М. Чернышевской в работе. «Библиография писем Н. Г. Чернышевского», Уч. зап. СГУ, т. XIX, Саратов 1948 г.

⁴ Переписка Чернышевского с Н. А. Некрасовым, Н. А. Добролюбовым и А. С. Зеленым, М.-Л., 1925.

нике», жизни в Сибири и т. п. В местном альманахе также периодически публикуются новые документы о Чернышевском¹. В числе документальных изданий, осуществленных в Саратове, нельзя не назвать сборника «Процесс Чернышевского»². Инициатором и активным участником этого издания являлась акад. А. М. Панкратова, возглавлявшая в 1937—1940 гг. кафедру истории СССР в Саратовском университете. Названный сборник имеет большую ценность, позволяя, с одной стороны, выяснить некоторые важные стороны революционной деятельности Н. Г. Чернышевского, а с другой — раскрыть провокационный характер процесса над идейным вождем революционных сил России 50—60-х гг. XIX века. К сожалению, сборник не свободен от некоторых существенных недостатков как в подборе документов, так и в их комментировании, что было отмечено в ряде рецензий³. Важным событием в изучении Чернышевского явилось издание его «Избранных сочинений» в пяти томах, начатое в 1928 г. Коммунистической академией в сотрудничестве с «Домом-музеем» и саратовскими учеными (В. В. Буш, Н. М. Чернышевская и некоторые другие).

В результате значительной работы по собиранию неопубликованных произведений, восстановлению подлинных текстов, атрибутированию анонимно напечатанных Чернышевским статей стало возможным приступить к подготовке первого советского полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. Опубликованное в течение 1939—1953 гг. 16-томное полное собрание сочинений великого революционера-демократа, хотя и не свободно от некоторых серьезных текстологических и редакционных погрешностей, является лучшим изданием его произведений. В нем с исчерпывающей полнотой

¹ Назовем выборочно ряд таких публикаций и статей: Н. М. Чернышевская. Чернышевский в Вилюйске, Былое, 1925, кн. 25; С. Н. Чернов. Автобиографические отрывки, сб. «Чернышевский 1828—1928». М., 1928; Н. М. Чернышевская. Неизданные статьи Н. Г. Чернышевского, Звенья, 1935, № 5; Н. А. Алексеев и В. Я. Каплинский. Молодой Чернышевский. I. Неизданные семинарские сочинения Н. Г. Чернышевского. II. Студенческие сочинения Н. Г. Чернышевского. Литературное наследство, т. 25—26, 1936; В. А. Сушицкий. Чернышевский о Добролюбове, там же; А. П. Скафтымов. Чернышевский о цензуре, Звенья, 1936, № 6; Н. М. Чернышевская. Письма А. П. Блюммер к Е. Н. Пыпиной. Литературный Саратов, 1948 кн. 9; П. А. Супоницкая. Семинарские сочинения Н. Г. Чернышевского, Звенья, 1951 № 8; Г. А. Малинин. Ценные находки. Литературный Саратов, 1951, кн. 14 и др.

² Процесс Чернышевского. Архивные документы. Редакция и примечания Н. А. Алексеева, вводная статья А. М. Панкратовой. Саратов, 1939.

³ С. К. Бушуев («Историк-марксист», М., 1940, № 4—5; Б. П. Козьмин (Литературное обозрение, 1940, № 8); С. Борщевский (Литературный критик, 1940 № 2).

представлено литературное наследство Н. Г. Чернышевского, тексты проверены по рукописям и корректурам, приведены варианты произведений в различных редакциях, даны подробные исторические, текстологические и библиографические комментарии. О степени участия саратовских исследователей (особенно А. П. Скафтымова и Н. М. Чернышевской) в подготовке полного собрания сочинений Чернышевского красноречиво говорят такие цифровые данные: из 16 томов—13 изданы с помощью саратовских ученых.

Перед советской наукой в настоящее время стоит задача—подготовить *академическое* полное собрание сочинений и писем Н. Г. Чернышевского. Саратовские ученые готовы принять в нем самое активное участие. Предпринимаются в этом плане кое-какие практические шаги, в частности, в ближайшие годы в Саратове будет проведена большая библиографическая работа, что позволит подготовить к печати монографический труд «Библиография сочинений Н. Г. Чернышевского и литературы о нем».

Одновременно с этим ученым Саратова предстоит усиленная работа над решением и другой важной исследовательской задачи. Речь идет о создании научной биографии великого писателя-демократа. Изданный много лет назад двухтомный труд Ю. Стеклова («Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность», М., 1928), при всей своей ценности как первого опыта обобщающего библиографического исследования, теперь устарел, он не может уже удовлетворить читателей ни в методологическом отношении, ни с точки зрения фактического содержания. За последние три десятилетия собраны новые, чрезвычайно ценные архивные материалы о Чернышевском, позволившие с большей или меньшей основательностью осветить ранее почти неисследованные стороны его жизни и деятельности. В Саратове успешно разрабатывались важные разделы биографии писателя-революционера: «Молодой Чернышевский» и «Чернышевский в Саратове». Написанная в 1924—25 гг. статья С. Н. Чернова «Н. Г. Чернышевский—учитель Саратовской гимназии» открыла первую страницу изучения этой стороны жизни и деятельности Чернышевского. На основе тщательного анализа источников автор сумел доказать, что молодой учитель гимназии в очень искусной форме вел политическую пропаганду среди учащихся. На вопрос: «Каким же был учителем Чернышевский?»,—С. Н. Чернов отвечал: «...он очень способствовал всестороннему развитию своих учеников—в частности, в вопросах мировоззрения и политики,... он вместе с тем очень увеличил их сведения, как по предмету своей специальности, так и эпизодически, а иногда, может быть, систе-

матически в ряде других наук,... он также сильно способствовал развитию их самостоятельности»¹.

Выяснению процесса формирования революционно-демократических и атеистических взглядов Чернышевского—студента Петербургского университета, посвящена статья А. П. Медведева «Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского»². Установив идейную близость кружка Введенского кружкам петрашевцев, А. П. Медведев доказывает, что под влиянием первого Н. Г. Чернышевский освобождается от привитых ему в детские годы религиозных убеждений и изменяет свое отношение к абсолютной монархии в пользу республиканской формы правления.

Своего рода итогом изучения темы «Н. Г. Чернышевский в Саратове» является одноименная монография Н. М. Чернышевской, изданная в 1952 г. Автор не впервые выступает с работами на эту тему. В 1948 и 1949 гг. были опубликованы две книги под тем же названием, первая характеризовала детские и юношеские годы Н. Г. Чернышевского, вторая—годы преподавания в Саратовской гимназии и последний период его жизни в родном городе³. В издании 1952 г. они объединены, частично переработаны и дополнены новыми материалами. Достоинством этой книги Н. М. Чернышевской является широкое привлечение и систематизация забытых, малоизвестных и неопубликованных краеведческих материалов по саратовскому периоду жизни великого революционера-демократа. Значительный интерес представляют третья и четвертая главы книги, в которых автор берет на учет и характеризует «саратовский материал» в публицистике Чернышевского периода «Современника», в беллетристических произведениях, написанных в Петропавловской крепости и в Сибири, выясняет связи Чернышевского с земляками — общественными деятелями⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926, стр. 191. Ср. Е. Т. Павловский. Н. Г. Чернышевский — учитель словесности. Уч. зап. Саратовского пед. ин-та, 1940, вып. V. Дополнительные материалы по названной теме содержатся в статье Е. Г. Бушканца «Новые материалы о педагогической деятельности Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии». Новая Волга, 1954, кн. 21.

² Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. I, Саратов, 1958, стр. 42—105.

³ Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Детские и юношеские годы, Саратов, 1948; Ее же, Н. Г. Чернышевский в Саратове Саратов, 1949, Критический разбор этих книг дан в статье Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский в Саратове». Литературный Саратов, 1950, кн. 12.

⁴ См. Е. И. Покусаев. Советская книга, 1953, № 2.

Серьезным подспорьем биографу писателя-революционера послужит составленная Н. М. Чернышевской «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского»¹. Книга выдержала два издания—первое в 1933 году и второе исправленное и дополненное в 1953 г. В «Летописи» освещаются по датам основные факты биографии Н. Г. Чернышевского, выясняется его литературная и революционная деятельность, определяется широкий круг знакомых и т. п. Однако работа по уточнению и пополнению «Летописи», конечно, далеко не закончена. Об этом свидетельствует обширный и интересный доклад Н. М. Чернышевской на конференции, посвященной 130-летию юбилею со дня рождения Н. Г. Чернышевского².

В русле подготовки материалов к созданию научной биографии Н. Г. Чернышевского находятся и публикации воспоминаний его современников, осуществленные в Саратове.

Введение в научный оборот Н. М. Чернышевской воспоминаний Н. Д. Новицкого о Введенском, Чернышевском и Сераковском³, публикаций В. А. Сушицкого, воспоминаний Е. А. Белова о преподавательской деятельности Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии и Ф. В. Волховского о гражданской казни писателя-борца, как и некоторые другие подобные публикации, внесли много нового и ценного в литературу о Чернышевском⁴.

В 1939 году Н. М. Чернышевская опубликовала в областном издательстве книгу «Н. Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников». Книга состояла из трех разделов: «Детские годы Н. Г. Чернышевского», «Н. Г. Чернышевский—преподаватель саратовской гимназии», «Последние месяцы жизни Н. Г. Чернышевского». К сожалению,

¹ В сб. «К юбилею Чернышевского», изданном в Саратове в 1928 г., Н. М. Чернышевская опубликовала подготовительные материалы к «Летописи» в виде краткой хронологической канвы жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.

² Материалы этого доклада в извлечениях печатаются в настоящем сборнике.

³ Н. Д. Новицкий. О Введенском, Чернышевском, Сераковском, Сб. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты материалы и статьи». Саратов, 1928. В основу публикации Н. М. Чернышевской была положена копия с первоначального наброска воспоминаний Н. Д. Новицкого. В 1959 г. в 67-м томе «Литературного наследства» В. Э. Боградом опубликован новый полный текст воспоминаний Новицкого, хранившийся в архиве А. Н. Пыпина.

⁴ В. Сушицкий. Воспоминания Е. А. Белова о Чернышевском. Изв. Нижне-Волжского института краеведения, 1931, т. IV; В. Сушицкий. Записки Ф. В. Волховского о гражданской казни Н. Г. Чернышевского. «Литературные беседы», Саратов, 1930, вып. II. В том же издании Н. М. Чернышевской была напечатана библиографическая сводка «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников».

первый сборник воспоминаний о Чернышевском имел серьезные пробелы. Они выразились как в случайном подборе мемуарных свидетельств, так и в отсутствии научного комментария.

В 1958—1959 гг. большая группа саратовских исследователей, возглавляемая Ю. Г. Оксманом, осуществила выпуск в свет в Саратовском областном издательстве двухтомного сборника «Чернышевский в воспоминаниях современников». По полноте мемуарных свидетельств и качеству научного оформления двухтомник «Чернышевский в воспоминаниях современников» не имеет себе равных в этом отношении среди аналогичных работ о Чернышевском. В первом томе объединены мемуарные документы по трем разделам: 1. Детские и юношеские годы Н. Г. Чернышевского (1828—1850); 2. Н. Г. Чернышевский — преподаватель саратовской гимназии (1851—1853) и 3. Н. Г. Чернышевский в Петербурге. Второй том включает два раздела: 1. Н. Г. Чернышевский в годы каторги и ссылки и 2. Последние месяцы жизни Н. Г. Чернышевского. В общей сложности в сборнике воспроизведены тексты пятидесяти шести мемуарных свидетельств, проверенные, как правило, по первоисточникам, главным образом, печатным, в отдельных случаях — и рукописным. Каждому мемуарному тексту предпослана справка об его авторе и критическая оценка воспоминаний как исторического источника. Поскольку мемуары широко охватывают различные стороны жизни и важнейшие события литературной и политической биографии Н. Г. Чернышевского, вводные статьи и комментарии, отражая последние достижения советского чернышевоведения, дают одновременно представление о точках зрения саратовских исследователей по ряду острых и спорных вопросов.

Двухтомник получил в целом высокую оценку рецензентов. Один из авторитетных исследователей пишет о нем: «У нас немало сборников мемуаров, посвященных русским писателям, о Чернышевском данный сборник — первый. И вышел он не в Москве — московские издательства и исследователи до сих пор не удосужились им заняться — а в Саратове. Саратовские исследователи жизни и творчества Чернышевского сделали, без преувеличения, огромное дело. Готовя к печати двухтомник, им пришлось исследовать огромное количество источников, чтобы отобрать наиболее ценное. Отобранные материалы надо было снабдить пояснениями и комментариями. С этим трудом составители в основном справились... Думается, что главный недостаток сборника состоит в том, что для характеристики Н. Г. Чернышевского мало, непродуманно, бессистемно использованы мемуары, дневники, письма самого Николая Гавриловича. В истории

литературы и общественной мысли мало можно найти примеров, когда человек с такой глубиной и полнотой сам характеризовал свою деятельность, свое духовное развитие, свои убеждения и отношения к людям. Включение дневников Чернышевского, его воспоминаний о Некрасове, его потрясающих писем из Сибири — в комментарии, в приложениях, во вступительные статьи — к тем или иным разделам — сделало бы двухтомник богаче и шире содержанием¹. Нам эта оценка рецензента представляется справедливой. Двухтомный сборник «Чернышевский в воспоминаниях современников» окажет серьезную помощь в создании научной биографии Н. Г. Чернышевского.

Первые опыты написания Саратовскими авторами научно-популярной биографии своего великого земляка относятся еще к двадцатым годам². Работа в этом направлении продолжается и поныне. Отметим книгу А. П. Скафтымова «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского». Первое издание, осуществленное в 1939 г., имело, как отмечалось в рецензиях ряда критиков, наряду с бесспорными достоинствами и некоторые недостатки (схематизм в освещении философских взглядов Чернышевского, отдельные фактические неточности, недостаточное использование текстов Чернышевского и т. п.)³. В 1948 г. книга вышла 2-м дополненным и исправленным изданием. Основная идея книги выражена в следующих словах ее автора: «В служении народному благу Чернышевский видел единственный смысл жизни. «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою патриотизма», — так писал Чернышевский и к такой деятельности себя готовил с молодости. Патриотической задачей своего времени он считал ниспровержение крепостничества и самодержавия и отдал этой цели всю свою жизнь»⁴.

А. П. Скафтымов на всем протяжении своего повествования убедительно доказывает и раскрывает этот важнейший тезис книги, привлекая богатый и тщательно проверенный материал. Центральное место отведено характеристике жизни и

¹ Б. Рюриков. Чернышевский как личность и характер. Новый мир, 1960, № 6, стр. 243. Ср. С. Рейсер. Вопросы литературы, 1960, № 4.

² С. И. Быстров. Н. Г. Чернышевский. Популярная биография. М.-Саратов, 1926; В. А. Сушицкий. Н. Г. Чернышевский (Популярная биография). Сб. «К юбилею Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1928.

³ Н. А. Алексеев (Газета «Коммунист», 1939, 28 августа); Н. Богословский (Литературный критик, 1940, № 2); В. Жданов (Литературное обозрение, 1940, № 14).

⁴ А. П. Скафтымов. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1948, стр. 3.

деятельности Чернышевского в Петербурге в 1854—1864 гг. Именно на это десятилетие падает его титаническая, подвижническая работа в «Современнике». В сжатом, экономном изложении автор набрасывает выразительную картину мощного влияния революционно-демократической идеологии Чернышевского в литературе и в обществе, повышения его роли как вождя шестидесятников. Хорошо раскрывается в книге суть философских и эстетических взглядов Чернышевского, дается сжатый, но очень выразительный анализ его крупнейших произведений. К достоинствам книги относятся включение в нее систематизированного библиографического указателя.

По своему содержанию, четкости композиции, ясности изложения, убедительности аргументации и научному оформлению книга А. П. Скафтымова «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского» по праву может быть отнесена к лучшим научно-популярным очеркам о великом писателе-революционере.

В 1953 г. в Саратовском областном издательстве вышла в свет книга Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский (критико-биографический очерк)», переизданная в Саратове в 1955 г. и с некоторыми изменениями и дополнениями — в Москве в 1960 г.¹

В настоящее время имеются реальные предпосылки для осуществления серьезного биографического труда, понимаемого как широкое научно-документальное описание жизни Н. Г. Чернышевского. Можно высказать надежду, что создание такого труда — дело недалекого будущего.

Изучению литературно-публицистической деятельности Н. Г. Чернышевского также уделяется большое внимание в исследованиях саратовских историков литературы. Начало положено трудами А. П. Скафтымова. В 1926 г. А. П. Скафтымов выступил со статьей, посвященной роману «Что делать?», в которой раскрыл идеологическое содержание произведения и его общественное воздействие². С тех пор не прекращается исследовательский интерес ученого к литературному наследию великого революционера-демократа.

Об этом ярко свидетельствует опубликование А. П. Скафтымовым свыше двадцати ценных работ о Чернышевском. Основные аспекты исследований А. П. Скафтымова обозначаются названиями его важнейших трудов: «Чернышевский и Пле-

¹ Е. И. Покусаев. Николай Гаврилович Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Пособие для учителей, М., 1960.

² А. П. Скафтымов. Роман Чернышевского «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие). Сб. «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания». Саратов, 1926.

щев», «Чернышевский и Жорж Санд», «Неизданная повесть Н. Г. Чернышевского «Отблески сияния», «Историческая действительность в романе Чернышевского «Пролог», «Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости», «Сибирская беллетристика Чернышевского» и т. д. Саратовский исследователь стал общепризнанным авторитетом в изучении беллетристики Н. Г. Чернышевского.

Высокий образец сочетания реализма и революционной романтики — к такой четкой формуле пришел А. П. Скафтымов, определяя художественное своеобразие «Что делать»? Конкретное сопоставление романа с близкими по теме и содержанию произведениями русских и западноевропейских писателей позволило А. П. Скафтымову сделать вывод о том, что это произведение Чернышевского по глубине общественных проблем, революционному пафосу, по силе общественного воздействия стоит неизмеримо выше своих литературных предшественников.

А. П. Скафтымов одним из первых «сказал научное слово о «Повестях в повести», «Алферьеве», о произведениях, написанных в Сибири, и уверенно наметил направление в исследовании этого еще далеко не изученного периода литературного творчества Чернышевского.

Большую научную ценность представляют труды Саратовского профессора А. Ф. Ефремова о языке и стиле произведений Н. Г. Чернышевского.

Проблема идейных, литературных и личных взаимоотношений Чернышевского и Салтыкова-Щедрина рассматривается в работах Е. И. Покусаева¹. Некоторые аспекты изучения темы «Чернышевский и Некрасов» намечены в сообщении Л. П. Медведевой².

Литературно-критическое наследие Н. Г. Чернышевского изучалось во многих диссертациях, подготовленных или консультировавшихся на филологическом факультете университета. Основные идеи кандидатской диссертации А. П. Медведева на тему «Литературные взгляды молодого Чернышевского» были развиты в статьях «Литературное ученичество Чернышевского»³ и «Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введен-

¹ Е. И. Покусаев, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и обличительная литература 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова. Уч. зап. Саратовского пед. ин-та, 1940, вып. V, Его же. Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957.

² Л. П. Медведева, Поэзия Некрасова в беллетристике Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский, Статьи, исследования и материалы». Саратов, 1958.

³ Уч. зап. Саратовского пед. ин-та, 1940, вып. V.

ского»¹. Материалы диссертации П. А. Бугаенко на тему: «Проблемы общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Н. Г. Чернышевского» нашли отражение в статьях: «Чернышевский о художественности»², «Учение Н. Г. Чернышевского об общественно-преобразующей роли искусства»³ и «О работе Чернышевского над магистерской диссертацией»⁴. Содержательные статьи Б. И. Лазерсон выросли из диссертации на тему: «Способы подцензурной иносказательности в публицистике Чернышевского»⁵. Г. Е. Бушканец, защитивший в Саратовском университете диссертацию «Борьба «Современника» за политическое воспитание писателей-демократов», опубликовал ее основную часть в местном издательстве⁶.

В диссертационных сочинениях Е. И. Куликовой и М. Т. Пинаева исследовались взгляды Чернышевского на проблему изображения народа и революционной интеллигенции в литературе.

В сотрудничестве с учеными Саратова создавалась монография Г. Тамарченко «Романы Чернышевского», изданная в Саратове в 1954 г.

В исследованиях беллетристики Чернышевского саратовскими авторами избрано плодотворное научное направление: изучение идейно-художественной специфики романов писателя-демократа. В свое время Писарев писал о «Что делать?»: «Достоинства и недостатки этого романа принадлежат ему одному: на остальные русские романы он похож только внешнею своею формой...» Далеко не все сделано, чтобы научно проверить это важное наблюдение талантливого критика-шестидесятника. Но несомненно,—наибольших результатов можно ожидать на этом пути: определить, чем не похожи романы Чернышевского на романы других художников слова — его предшественников и современников, — это значит уяснить их своеобразие в единстве содержания и формы и раскрыть их роль в истории классического русского романа.

¹ Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Саратов, 1958.

² Новая Волга, 1953, кн. 18.

³ Научный ежегодник СГУ. Саратов, 1955.

⁴ Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». Саратов, 1958.

⁵ Б. И. Лазерсон. Иносказательная роль цитат в публицистике Чернышевского. Уч. зап. СГУ, 1954, т. 56. Ее же. Ирония в публицистике Н. Г. Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», Саратов, 1958.

⁶ Г. Е. Бушканец. Н. Г. Чернышевский и писатели-демократы (из истории борьбы «Современника» за политическое воспитание писателей в 1859—1861 гг.). Там же.

Это — серьезная литературоведческая проблема. Ее решение потребует нового накопления фактов, новых аспектов изучения русской беллетристики 60—70-х гг. в XIX в.

Марксистская разработка учения Чернышевского об искусстве, прогрессивных традиций русской материалистической эстетики, имеющей за собой уже вековую историю, составляет одну из значительных задач современной науки, и саратовские ученые посылно стремятся решать их в своих исследованиях.

Разные стороны революционного мировоззрения Н. Г. Чернышевского освещались в трудах саратовских историков.

Большое внимание было проявлено к высказываниям К. Маркса, В. И. Ленина, а также Г. В. Плеханова о Чернышевском. В юбилейном сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения Чернышевского, были опубликованы подборки высказываний К. Маркса, В. И. Ленина и Г. В. Плеханова о великом революционере-демократе. В настоящее время фонд высказываний классиков марксизма-ленинизма, и в особенности В. И. Ленина, о Чернышевском пополнился целым рядом ценнейших оценок и суждений. Однако для 20-х годов такие подборки даже самых распространенных высказываний классиков марксизма-ленинизма были важными и очень нужными. Позднее А. А. Янсюкевич была написана статья «Маркс, Энгельс, Ленин о Н. Г. Чернышевском», популярно прокомментированная важнейшие высказывания основоположников научного социализма и идеологов пролетарской революции о великом сыне русского народа¹.

В числе первых советских исследователей, кто непосредственно обратился к изучению социально-политических взглядов Н. Г. Чернышевского, был и саратовский профессор Н. Фиолетов. В 1925 году публикуется его статья «К характеристике социально-политических воззрений Н. Г. Чернышевского»². Отмечая тот факт, что социально-политические взгляды Н. Г. Чернышевского, выраженные в его публицистических и философских статьях, еще не подвергались систематическому рассмотрению, автор пишет: «Поставить вопросы, связанные с такого рода систематической характеристикой социально-политического учения Чернышевского и составляет нашу задачу»³.

Сопоставляя взгляды Н. Г. Чернышевского с высказываниями западно-европейских идеологов буржуазии, Фиолетов на

¹ А. А. Янсюкевич. Маркс, Энгельс, Ленин о Н. Г. Чернышевском. Сб. «Н. Г. Чернышевский». Саратов, 1939.

² Проф. Н. Фиолетов. Указ. статья. Уч. зан. СГУ, 1925, т. III, вып. 3.

³ Там же, стр. 88.

многих примерах показывает его принципиальную и непримиримую борьбу с либерализмом. Особенно остро подчеркивается ограниченно классовое содержание лозунга буржуазин «свобода и равенство». Чернышевский утверждал, что формальное право и формальная свобода ничто при отсутствии реальной возможности к их использованию¹.

Для своего времени, учитывая уровень научного изучения поставленной автором проблемы, работа Н. Фиолетова была удачной, поскольку ему удалось сформулировать много верных положений.

Более развернутая характеристика критики Чернышевским либерализма дана в статье И. В. Герчикова «Н. Г. Чернышевский как критик либерализма». Автор ее отправлялся в своем исследовании от ленинских оценок Чернышевского. «Если критика либерализма, вытекаемая из условий российской действительности, диктовалась задачами революционной борьбы с крепостническими отношениями и самодержавием в России,—пишет Герчиков,—то с другой стороны она совпадает с напряженной критикой либерализма в Западной Европе, критикой, вытекающей из нарастающего революционного движения в рабочем классе, когда в конце 50-х и начале 60-х годов рабочее движение Западной Европы вырывалось из-под либерально-буржуазных влияний»².

В основу исследования И. В. Герчиков положил анализ статей Чернышевского: «Тюрго»..., «Борьба партий во Франции», «Июльская монархия», «Кавеньяк».

«Критика Чернышевским либерализма, — отмечает автор в одном из выводов, — имеет определенную политическую тенденцию: — а) указать, что исторические пути к освобождению эксплуатируемых масс лежат по пути революции, и только революции; б) что на этом своем пути народные массы расходятся с либералами, которые боятся революции и являются сторонниками постепенных реформ, в) что народ не должен обольщаться никакими либеральными лозунгами, а должен идти своими путями, выставляя в первую очередь социальные требования...»³. Вывод этот, как нам представляется, не устарел и в наши дни.

В последние годы намеченную Н. Фиолетовым и И. В. Герчиковым линию исследования продолжает А. М. Шапиро в статьях «Н. Г. Чернышевский — обличитель американской ждедемократии и расизма»⁴ и «Некоторые вопросы политиче-

¹ Проф. Н. Фиолетов, Указ. статья. Уч. зап. СГУ, 1925, т. III, вып. 3.

² Сб. «Н. Г. Чернышевский 1828—1928. Незданные тексты, материалы и статьи». Саратов, 1928, стр. 183.

³ Там же, стр. 195—196.

⁴ Новая Волга, 1954, кн. 21.

ской борьбы в Англии в 50—60 годах XIX в. в оценке Чернышевского»¹.

Философские и социологические воззрения Н. Г. Чернышевского не без успеха изучались в 20—30-е годы профессорами Саратовского университета В. Г. Ильинским и С. З. Каценбогеном². Серия статей, написанная П. К. Топилиным, всесторонне раскрывает оригинальную концепцию Чернышевского в вопросах политической экономии³.

Одной из центральных проблем времени, разрешению которой Чернышевский посвятил свою жизнь и деятельность, была проблема освобождения народа. Выяснением взглядов Чернышевского на пути освобождения крестьян занимались в Саратове С. Н. Чернов и А. М. Панкратова. С. Н. Чернов, введя в научный оборот очень ценные документы, посвященные решению крестьянского вопроса, дал в своей статье их глубокий идеологический комментарий⁴. С целью обезвредить неприемлемый для крестьян проект «освобождения», написанный кн. П. Долгоруковым, Чернышевский снабдил его уничтожающими критическими замечаниями. В этой критике налицо Чернышевский — подлинный выразитель народных интересов. Несмотря на то, что статья С. Н. Чернова посвящена, казалось бы, одному, частному вопросу, выводы ее и сейчас важны для правильного определения позиции Н. Г. Чернышевского накануне крестьянской реформы.

Суммарная характеристика отношения Н. Г. Чернышевского к подготавливаемой правительством реформе дана в статье А. М. Панкратовой «Чернышевский и крестьянская реформа 1861 года»⁵. Рассмотрев все печатные выступления

¹ Научный ежегодник СГУ 1955 г, Саратов, 1958. Вопросы критики Чернышевским непоследовательной политики итальянских либералов во главе с Кавуром по отношению к национально-освободительному движению освещаются в статье Я. М. Майофиса «Франко-итало-австрийская война 1859 г. в оценке Н. Г. Чернышевского». Сб. «Н. Г. Чернышевский, 1889—1939», Саратов, 1939.

² В. И. Ильинский, Чернышевский как философ. Уч. зап. СГУ, 1926, т. 4, ст. 4. Его же. К вопросу о философских и социалистических воззрениях Чернышевского. Вестник Ком. Академии, 1927, кн. 20; Его же. Н. Г. Чернышевский как мыслитель и революционер. Сб. «К юбилею Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1928. С. З. Каценбоген. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского. Сб. «Н. Г. Чернышевский 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи». Саратов, 1928.

³ П. К. Топилин. Н. Г. Чернышевский. Уч. зап. Саратовского планового ин-та. Саратов, 1940; Его же. «Политическая экономия трудящихся по Н. Г. Чернышевскому» и Н. Г. Чернышевский — вершина экономической мысли домарковского периода». Тр. Саратовского экономического института. Саратов, 1951.

⁴ С. Н. Чернов. К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли». «Каторга и ссылка», 1928, кн. 44

⁵ Сб. «Н. Г. Чернышевский». Саратов, 1939

Чернышевского по крестьянскому вопросу, А. М. Панкратова верно определяет его программу освобождения крестьян, в основе которой лежала идея революции.

В статье В. Е. Иллерицкого удачно выясняются взгляды Чернышевского на общинное землевладение в России... «Несмотря на то, что в процессе развития и углубления революционно-демократического мировоззрения Чернышевский во многом стоял впереди своих современников, он, — пишет исследователь, — в вопросе об общине до конца жизни оставался социалистом-утопистом»¹. Не идеализируя русскую общину, Н. Г. Чернышевский видел в ней основу для социалистических, в его понимании, преобразований в деревне.

Демократический патриотизм Н. Г. Чернышевского и его ближайшего сподвижника Н. А. Добролюбова в доходчивой и популярной форме раскрывается в статье Р. А. Таубина². Интересные сведения о революционном содружестве Шелгунова и Чернышевского содержатся в работе Э. Э. Герштейн³. Во вводной статье к документам «Процесс Н. Г. Чернышевского» А. М. Панкратова дает сжатый очерк революционной деятельности вождя демократического лагеря России второй половины XIX в.⁴

Содержательным и ярким является исследование А. Л. Шапиро «Вопросы русской истории в произведениях Чернышевского». Статью отличает не только серьезный разбор большого фактического материала, но и умелая постановка вопроса об исключительной актуальности для эпохи 50—60-х гг. многих статей Чернышевского. Исследователь характеризует взгляды Чернышевского на важнейшие события отечественной истории в плане сравнений со взглядами таких крупных буржуазных историков России, как Кавелин, Соловьев, Чичерин. Вывод А. Л. Шапиро о том, что «концепция русской истории, которую развивал Чернышевский, была последовательно демократической и революционной и вместе с тем оригинальной концепцией»⁵, — прочно вошел в специальную литературу.

Из приведенных сведений явствует, что в Саратове, кроме специалистов-чернышевоведов, имеется большая группа ученых, хотя и ведущих исследовательскую работу по темам непосредственно к Чернышевскому не отно-

¹ В. Е. Иллерицкий. Н. Г. Чернышевский о русской общине. Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1939.

² Р. А. Таубин. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов — патриоты демократической России. Там же.

³ Э. Э. Герштейн, Н. В. Шелгунов — соратник Н. Г. Чернышевского. Ученые зап. СГУ, 1954, т. 39.

⁴ А. М. Панкратова. Процесс Чернышевского и его значение, сб. «Процесс Чернышевского». Саратов, 1939.

⁵ Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1939, стр. 181.

сящимися; но глубоко и серьезно интересующихся его литературным наследием. В докладах, статьях и книгах, посвященных русской историографии, журнально-публицистической деятельности Герцена и Шелгунова, истории русской общественной мысли 50—70-х гг., истории английского буржуазного либерализма, привлекаются и подробно анализируются соответствующие труды Чернышевского. В этих работах ценно то, что наследие великого демократа изучается с таких сторон, с каких оно не рассматривается в специальных исследованиях. То же самое и при том даже в более широких масштабах имеет место в статьях и монографиях саратовских литературоведов, изучающих русский фольклор, творчество Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Л. Толстого.

Созданное в 20-е годы М. Н. Чернышевским, А. П. Скафтымовым, С. Н. Черновым и рядом других ученых научное направление по изучению Чернышевского оформилось в 30—40-е годы в Саратовскую школу изучения наследия великого демократа.

Недавно в статье «Новые работы о Чернышевском» газета «Литература и жизнь» писала: «Пожалуй, Саратов заслужил право назваться научным центром по изучению и популяризации творческого наследия великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Систематически выходящие труды ученых Саратовского университета и педагогического института позволяют говорить о саратовской школе изучения наследия Чернышевского, отличающейся сочетанием скрупулезного анализа самого частного факта биографии с глубоким осмыслением проблематики творчества Чернышевского в целом»¹.

В Чернышевском так органически сливаются политик и писатель, философ и критик, энциклопедически образованный ученый и публицист, что по-настоящему его роль в истории отечественной культуры выясняется лишь совокупными усилиями ученых разных специальностей.

Примечательной особенностью многих саратовских изданий по Чернышевскому является их коллективный характер. Так осуществлялось полезное сотрудничество литературоведов, историков, лингвистов и представителей других научных дисциплин.

Необходимо и в дальнейшем расширять и укреплять творческое содружество ученых-саратовцев, сосредоточив внимание на нерешенных и малоизученных проблемах идейного наследия великого революционера-демократа.

¹ Литература и жизнь, 1958, 22 октября, № 85.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авдеев М. В.—39
 Авейде О.—47, 49
 Аверкиев И. И.—43, 57
 Аксаков С. Т.—259
 Александр I—109
 Александр II—15, 62, 63, 65, 66,
 106, 207, 242, 293
 Александров К.—112
 Алексеев М. П.—96
 Алексеев Н. А.—202, 204, 212, 216,
 309, 310, 311, 316
 Алмазов Б. Н.—109
 Альбертини Н. В.—246, 247, 256,
 Андреев А.—106
 Аничков В. М.—43, 44, 45, 46, 47,
 223
 Анненков П. В.—110, 192, 262,
 272, 275, 276, 277, 279, 281,
 283, 284, 285, 286, 288
 Антонович М. А.—44, 92, 93,
 131, 209, 229, 230, 231
 Араньоши М.—243
 Ариосто Л.—191
 Аристотель—179, 195, 196, 197
 Арманд И.—150, 151
 Аргольдт-Каплинский—48, 49
 Арсеньев К. К.—303
 Артисевич В. А.—308
 Аскоченский В. И.—87

Б

Бабеф Ф. Н.—124
 Багашев И. В.—229
 Базанов В. Г.—109, 111, 112
 Байрон Д. Г.—178
 Баллод П. Д.—97

Бар Г.—146, 147
 Баранова М.—226
 Барышев И. И.—273, 287
 Баскаков В. Г.—4, 6, 215, 216, 222,
 223, 224, 227
 Бебель А.—114, 231
 Бекман Я. Н.—56
 Бекхожин Х.—212, 213
 Белинский В. Г.—4, 16, 17, 18, 19,
 20, 21, 22, 24, 25, 81, 82, 84,
 85, 88, 92, 94, 95, 108, 115,
 118, 174, 175, 176, 177, 181,
 182; 186, 188, 189, 191, 192, 194,
 195, 196, 197, 198, 205, 206,
 216, 258, 260, 262, 267, 268,
 275, 283, 284, 285, 286, 287
 Белов Е. А.—314
 Белооголовый Н. А.—228, 229
 Белявская И. М.—48
 Беневоленский П. А.—57
 Бенедиктов В. Г.—258
 Беренс А. И.—43, 44, 45, 223
 Бибииков П. А.—88, 89, 95
 Благосветлов Г. Е.—10, 11, 297,
 298
 Блан Л.-Ж. Ж.—8, 24
 Бланки О.—28, 149
 Бларамберг—223
 Блюммер А. П.—57, 208, 209, 311
 Боборыкин П. Д.—40, 41
 Бобровский С.—43, 44, 48, 50, 52
 Богданова М. А.—55, 61
 Богословский Н. В.—4, 7, 316
 Боград В. Э.—202, 214, 215, 216,
 220, 314
 Боков П. И.—44, 92, 209, 228, 230
 Бокова М. А.—218, 219
 Бонмер Ш.—216
 Бордюгов И. И.—46
 Боркгейм Л.—231

¹ Указатель имен составлен Ю. Ю. Аркадакским.

Борщевский С. С.—311
 Боткин С. П.—92
 Бочкарев В. А.—174
 Бугаенко П. А.—207, 289, 307, 319
 Бурсов Б. И.—115, 174, 182
 Буслаев Ф. И.—247, 251, 253, 256, 257, 259, 260
 Бусырева Е.—208
 Буткевич А. А.—269, 279, 281, 282
 Бухбиндер Н. А.—112
 Буш В. В.—311
 Бушканец Е. Г.—65, 66, 80, 206, 207, 216, 219, 220, 313, 319
 Бушуев С. К.—311
 Быстров С. И.—306, 316
 Бычинский С.—218
 Бюше Ф.-Ж. (Buchet)—28

В

Валентинов Н. В.—232, 233
 Валескалн П. И.—97
 Валиханов Ч.—212, 213
 Варавский—47, 48, 49, 50
 Варгасов А. С.—57
 Васильева О. С.—см. Чернышевская О. С.
 Васьюковский—49
 Введенский И. И.—3, 4, 5, 6, 10, 11, 25, 29, 30, 42, 205, 209, 313, 314, 318
 Вениг—104
 Вериго—48
 Веррес К.—172
 Вжесневский—49
 Винер Е. Н.—87
 Винников Г. В.—226, 227
 Виргилий—268
 Витте С. Ю.—36
 Вовчок М. (Маркович М. А.)—287

Волховский Ф. В.—314
 Вольфаан—298
 Воровский В. В.—232
 Воронов М. А.—60, 92
 Вороновы И. А. и М. А.—209
 Вульфсон Г. Н.—206, 207, 220

Г

Гаевский В. П.—262, 265, 266
 Гайдебуров П. А.—55
 Гайденков Н. М.—277
 Гайнуллин М. Х.—203
 Галахов А. Д.—44, 223
 Гаркави А. М.—216
 Гашевский П.—292
 Гегель Г.-В.-Ф.—175, 177, 178, 179, 180, 183, 185, 186, 187,

189, 194, 195, 196
 Гейденрейх-Крук—47, 48, 49, 50
 Геннади Г. Н.—262, 264, 272, 277
 Гергард—298
 Герцен А. И.—17, 35, 48, 49, 52, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 72, 75, 76, 77, 79, 88, 97, 98, 102, 103, 109, 207, 210, 219, 224, 227, 234, 256, 259, 260, 297, 298, 324

Герчиков И. В.—321
 Герштейн Э. Э.—323
 Гете И.-В.—8, 175, 178, 190
 Гиероглифов А. С.—82
 Гизо Ф.-П. Г.—303
 Гильдебранд Б.—215, 246
 Глиноецкий Н. П.—43, 44, 45
 Глушановская В. В.—57
 Гогоберидзе В. Л.—55, 61, 63
 Гоголь Н. В.—11, 25, 31, 175, 188, 205, 206, 234, 236, 260, 262, 263, 264, 266, 275, 278, 280, 281, 284

Голензовский—47
 Голицин А. Ф.—58
 Головин А. В.—59, 61, 62, 97, 98, 104, 105, 217
 Голомбиевский А. А.—202
 Голубинский Ф. А.—202
 Гомер—178, 195, 196
 Городков Г. Р.—44
 Горохов Н.—см. Лесков Н. С.
 Горький М.—114
 Горячков—43
 Гракхи Т. и К.—124, 182
 Грамши А.—146, 150, 152
 Грановский Т. Н.—41, 256, 284
 Грибоедов А. С.—94, 175
 Громека С. С.—247, 256
 Гулевич М. С.—55, 61
 Гурвич В. Е.—218
 Гюбнер Ю. Ю.—57

Д

Даниельсон Н. Ф.—229, 230
 Дебу И. М.—4, 25
 Дельвиг А. А.—265
 Державин Г. Р.—253, 284, 286
 Диккенс Ч.—3, 8, 9, 17, 33, 34
 Добровольский В. М.—44, 47
 Добролюбов Н. А.—40, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 58, 65, 72, 73, 75, 80—95, 115, 128, 131, 134, 138, 139, 140, 174, 175, 176, 182, 189, 191, 192, 210, 212, 214, 215, 219, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 282, 286, 287, 288, 310, 311, 318, 323

Дозе Ф. И.—56, 57, 61, 62
Долгоруков В. А.—63, 293
Долгоруков П. В.—99, 309, 322
Домбровский Я.—47, 48, 49, 50,
52
Доронян—224
Достоевский Ф. М.—86, 101, 108,
109, 112, 259, 285, 310
Достоевские Ф. М. и М. М.—89
Дудышкин С. С.—178, 179, 245,
263
Духовников Ф. В.—203, 204
Дюбуа Г.—185
Дювель В.—96, 104, 231

Е

Евграфов В. Е.—203
Елисеев Г. З.—44, 90, 91, 95
Ерымовский К. И.—232
Есаулова Г.—225, 226
Ефименко П. С.—57
Ефимова З. С.—108
Ефремов А. Ф.—154, 215, 244,
318
Ефремов П. А.—215

Ж

Жданов В. В.—106, 307, 316
Жданов С. Р.—58
Жеромский—214
Жужа—307
Жук А. А.—55, 61
Жуков И. Г.—229
Жуковский В. А.—266, 268, 276,
283, 284
Жуковский Ю. Г.—120
Журавлев К. Н.—162, 163

З

Завадский П. В.—56, 57
Зайончковский П. А.—106
Занд Ж.—8, 9, 17, 33, 34, 318
Залесский Б.—221
Замятнин В. Н.—227
Зарин Е. Ф.—86, 87, 91
Захаркин А. Ф.—215, 277
Захарьин А. В.—51, 209, 221,
222, 230
Захарьина Е. В.—222
Звирждовский-Топор Л.—47, 49,
225
Здобнов Н. В.—262
Зевин В. Я.—6
Зеленый А. С.—310
Зелинский А.—49
Зельдович М. Г.—96
Зельдхе Д.—307
Зольдхейи Ж.—234, 235

И

Иванов А. А.—217
Иванова Л.—307
Издебский С.—55, 61, 62
Иллерицкий В. Е.—323
Ильинский В. Г.—308, 322
Инджикян А. Н.—213
Иоффе Ф. М.—84
Исаева Л.—226

К

Кавелин К. Д.—106, 210, 211,
323
Кавеньяк Л.-Э.—54, 321
Кавур К.—54, 322
Калиновский К. С.—231, 232
Кальдерон П.—191
Каплинский В. Я.—309, 311
Карякозов Д. В.—106
Кареев Н.—296
Катков Е. Н.—86, 104, 105, 107,
Катков М. Н.—86, 104, 105, 107,
109, 110, 113, 114, 251
Каценбоген С. З.—306, 322
Кашкин И. С.—53
Керсновский К. Ф.—43, 44, 50, 56
Керсновские И. Ф., К. Ф., А. Ф.,
В. Ф.—48, 49, 50, 51
Клиентова А. Г.—34
Клошиников—103
Кобякова Е. И.—232
Ковалевская Е. А.—212
Ковалевский Е. П.—58, 61, 62,
63, 211
Ковальский Ю.—48, 49
Козачковский Ф. К.—202
Козьмин Б. П.—58, 108, 204, 210,
215, 219, 220, 309, 310, 311
Кокосов В. Я.—226
Кокшарский А. Г.—231
Колбасин Е. Я.—214
Кольцов А. В.—262, 284, 285,
286
Комлош А.—234
Константин Ник. (вел. кн.)—97
Конт О.—32
Корель И. И.—204
Корнель П.—178
Короленко В. Г.—122, 136, 267
Корсини Н. И.—55, 57, 61, 62
Косарик Д. М.—208, 211, 217,
221
Косица Н.—см. Страхов Н. Н.
Коссовский—47, 49, 52
Костомаров В. Д.—74, 75, 225
Костомаров Н. И.—228, 310
Котляревская Л. Н.—15, 16, 19
Краевский А. А.—39

Краснов М. П.—232
Крестовский В. В.—103
Крылов И. А.—184
Куликова Е. И.—319
Кулиш П. А.—217, 280
Кургинян М.—174
Курочкин В. С.—44, 67, 94, 95
Курочкин Н. С.—44, 67, 85
Кэре Г.-К.—298

Л

Лаврецкий А.—115, 174, 182
Лавров П. Л.—109, 211, 220, 223
Лавровский В. В.—271
Лазерсон Б. И.—154, 163, 217, 319
Ламанский С. И.—55, 61
Лассаль Ф.—182
Лауфферт В.—211
Лебедев А. А.—116
Левин Ш. М.—211
Лемке М. К.—68, 74, 97, 220, 225
Ленин В. И.—35, 36, 37, 69, 70, 97, 109, 114, 145, 150, 151, 152, 186, 232, 233, 250, 295, 296, 305, 320
Лермонтов М. Ю.—236, 275
Лесков Н. С.—109, 111
Лессинг Г.-Э.—8, 9, 33, 34, 179, 198, 216, 303
Личановский В.—48
Лободовская Н. Е.—5, 7
Лободовский В. П.—3—18, 21—34
Ломоносов М. В.—259
Лонгинов М. Н.—262
Лопатин Г. А.—229
Лопе де Вега—178, 191
Луначарский А. В.—119, 130, 135, 145, 149
Львова М. В.—216, 217
Людвиг Э.—180
Лютер М.—172
Ляцкий Е. А.—5, 205

М

Майков А. Н.—15
Майофис Я. М.—322
Макаров Н. Н.—229
Маколей Т.—214
Макшеев А. И.—43, 44, 45, 46, 223
Малинин Г. А.—311
Манасеин В.—57
Мандт М.-В.—65
Маркевич Б. М.—103
Маркс К.—17, 107, 108, 113, 119, 120, 121, 135, 137, 138, 139, 140, 146, 147, 149, 150, 182, 229, 231, 296, 305, 320
Марлинский А. А.—258
Мартынов А. Е.—211
Масанов Ю. И.—214
Магэ-Хаунт Г.—234
Машинский С. О.—3, 6
Медведев А. П.—3, 205, 313, 318
Медведева Л. П.—307, 318
Мейер А. А.—290
Мейер Д. И.—41
Меликов Д. И.—231
Менделеев Д. И.—213
Месхи И.—231
Миладовский В.—49, 52
Миль Д. С.—214, 243, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302
Милюков А. П.—44
Минаев Д. Д.—87, 95, 113
Михайлов М. Л.—3, 4, 8, 39, 40, 41, 48, 66, 67, 68, 73, 74, 76, 82, 83, 92, 206, 215, 277
Михайловский Д. Л.—216
Михайловский Н. К.—107, 120, 121
Михайловский-Данилевский А. И.—168
Михаэлис Е. П.—40, 41, 55
Моравский П. Ф.—55, 61, 62
Моригеровский А. Н.—55
Мосолов Ю.—220
Мошкалов П. С.—97
Муравский М. Д.—56, 57
Муравьев М. Н.—221, 232
Мусин-Пушкин М. Н.—15, 22, 26, 290, 292
Мышкин И. Н.—230
Мюнцер Ф.—172

Н

Налбандян М.—213, 225
Неклюдов Н. А.—41
Некрасов Н. А.—25, 39, 42, 44, 82, 83, 92, 93, 95, 115, 214, 216, 221, 262, 263, 266, 267, 268, 269, 270, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 284, 285, 286, 310, 316, 318, 324
Нечаев С. Г.—107
Нечкина М. В.—65, 219, 220
Никитенко А. В.—25, 83, 98, 106, 107, 184, 204, 211, 212
Николадзе А.—231
Николадзе Н. Я.—85, 228, 231
Николаев П.—307
Николаев П. Ф.—122
Николай I—14, 65, 66, 262

Нифонтов А. С.—23
Новикова Н. Н.—68
Новицкий И. Ф.—см. Савицкий
И. Ф.
Новицкий Н. Д.—43, 44, 45, 46
47, 92, 223, 224, 228, 314
Нович И. С.—6
Норов А. С.—292, 293

О

Обезерский—49
Обручев В. А.—39, 43, 44, 208,
309
Обручев Н. Н.—39, 42, 43, 44
45, 46, 54, 56, 67, 68, 71, 72,
73, 74, 75, 79, 92, 223
Огарев Н. П.—35, 48, 75, 76, 77,
79, 138, 207, 219, 259
Огрызко И.—44, 48, 51, 52
Озеров В. А.—267
Озерова А. А.—6
Оксман Ю. Г.—205, 307, 315
Ольхин С. А.—57
Ордынский Б. И.—179, 196
Островский А. Н.—175, 189, 192,
194
Островский М.—55
Острогорский В. П.—92

П

Павлинов Е. М.—227
Павлов Н. Ф.—87, 192
Павлов П. В.—57
Павловский Е. Т.—313
Падлевский С.—49
Панаев И. И.—44, 84, 85, 214
Панаева А. Я.—92, 267, 286
Панкратова А. М.—311, 322, 323
Пантелеев Л. Ф.—55, 59, 60, 61,
63, 218
Пантелеева С. В.—218
Паньковский Р. М.—43, 44
Пекарский П. П.—41, 42
Песков Н.—220
Петров В. П.—281
Петряев Е. Д.—228, 229
Печаткин Е. П.—55, 60, 61, 62,
63
Пиксанов Н. К.—310
Пинаев М. Т.—319
Пиотровский И. А.—55, 85, 95
Писарев Д. И.—97, 102, 103, 115,
131, 319
Писарев М. И.—232
Плават—191
Плетнев Л. А.—42, 204
Плеханов Г. В.—135, 176, 181,
182, 188, 320

Плещеев А. Н.—3, 4, 92, 215, 317
Погодин М. П.—106
Покровский А. П.—57
Покровский М. П.—40
Покровский С. А.—215, 216
Покусаяев Е. И.—205, 305, 313,
317, 318

Поливанов Л.—259
Поликлет—119
Помяловский Н. Г.—91, 259, 260
Пономарев С. И.—269, 286
Поповы В. и М.—51
Порох И. В.—305, 307
Португалов В. О.—56, 57
Постников Ю. Р.—43, 57
Потебня А. А.—43, 44, 56, 221,
223, 224
Пржевальский О.—112
Пугачев В. В.—307
Пугачев Е. И.—27, 30
Путята А. Д.—43, 44, 53, 56
Пушкин А. С.—175, 181, 188, 189,
191, 192, 196; 197, 234, 236,
253, 262, 265, 266, 272, 275,
276, 277, 278, 279, 280, 281,
283, 284, 285, 286, 288
Пылин А. Н.—15, 16, 44, 83, 109,
136, 203, 205, 206, 208, 209,
210, 214, 215, 218, 228, 229, 230;
231, 256, 257, 259, 267, 268,
271, 272, 273, 285, 306, 314

Пылин М. Н.—272, 273, 274
Пылин Н. Д.—210
Пылин С. Н.—208, 209, 225
Пылина А. Е.—209, 210
Пылина В. А.—202, 209
Пылина Евг. Н.—208, 209, 311
Пылина Ек. Н.—209
Пылина П. Н.—208, 209
Пятковский А. П.—86, 87

Р

Рабинович М.—218
Радищев А. Н.—253, 255
Раев А. Ф.—5, 33, 44, 202, 204,
205
Райковский С. А.—23
Ревички С.—234, 235
Рейсер С. А.—204, 205, 208, 209,
212, 214, 219, 316
Рейте М.—234
Репинский Г. К.—228
Рехневский С.—43, 44, 48, 223
Ровинский П. А.—207
Родзянко Н.—216
Розанов В. В.—114
Романов И. М.—226, 227, 229
Ростовцев Я. И.—10, 15, 293, 294

Ростопчина Е. П.—115
Рошковский Н.—43, 44, 48, 56
Руссо Ж.-Ж.—171, 242
Рымаренко С. С.—39, 41, 53, 55,
56, 57, 58, 60, 63, 79
Рычков В. И.—221, 222, 223, 225
Рыков Н. И.—222
Рюриков Б. И.—232, 233, 316

С

Сабо А.—238
Савицкий И. Ф.—47, 221, 223
Салтыков (Шедрин Н.) М. Е. —
107, 112, 115, 121, 130, 157,
172, 260, 318, 324
Сафонов В.—106
Сеги М.—235
Семенов Н.—140
Сенковский О. И.—90
Сентдьердьи-Вереш Д.—236
Сераковский С. И.—42, 44, 45,
47, 48, 49, 50, 52, 56, 221,
222, 223, 314
Серно-Соловьевич А. А.—39, 44,
53, 67, 72, 73, 74, 75, 79, 220
Серно-Соловьевич Н. А.—39, 44,
53, 56, 57, 59, 61, 62, 63, 65,
67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74:
75, 76, 77, 78, 79, 88, 208, 220,
221
Сеченов И. М.—217, 218, 219,
225, 231
Скабичевский А. М.—269, 285
Скафтымов А. П. — 4, 296, 307,
308, 309, 310, 311, 312, 316,
317, 318, 324
Скворцов А. В.—213
Скотт В.—188
Слепцов А. А.—39, 53, 54, 56, 57,
63, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75,
76, 79, 92, 220, 222
Слепцов В. А.—260
Слепцова М. Н.—54, 220
Смирдин А. Ф.—264, 265, 267
Смирнов А. Ф.—221, 225
Советов М.—55, 60
Советов С.—51, 55
Соколова М. А.—261
Солдатенков К. Т.—219, 261
Соловьев С. М.—323
Соллогуб В. А.—260
Сопиков В. С.—264
Софокл—178
Спасович В. Д. — 210
Спасский Н. — 55
Спижарская Н. В. — 114, 231
Срезневский И. И. — 208
Сталин И. В. — 180

Станевич О. Ф. — 47
Станевич Ян — 47, 48, 49, 50, 52
Стахович С. Г. — 219
Стеклов Ю. М. — 6, 225, 231
312
Странден Н. П. — 232
Страхов Н. Н. — 106, 108, 109,
112
Студенский А. О. — 60, 225, 226
Суворов А. А. — 228
Супоницкая П. А. — 307, 311
Суслова Н. П. — 218
Сухомлинов М. И. — 246
Сушицкий В. А. — 306, 308, 309,
310, 311, 314, 316
Сычевкин Г. — 283
Сю Э. — 15, 16, 17, 18, 19, 20,
21, 23

Т

Тамарченко Г. Е. — 111, 229, 319
Тарханов (Тарханшвили) И. Р.—
231
Таубин Р. А. — 35, 323
Теренций П. — 191
Терсинский И. Г. — 209, 230, 289
Тиблен Н. Л. — 303
Тизенгаузен Г. Ф. — 6
Тихонравов Н. С. — 281
Токарский А. А. — 122
Толстой Л. Н. — 106, 260, 324
Толстой Ф. М. — 110, 111, 115
Топилин П. К. — 322
Трушковский Н. П. — 262, 263,
278, 281
Тун А. — 236, 237
Тур Е. — 39, 138
Тургенев И. С. — 17, 41, 110, 130,
131, 132, 133, 138, 139, 140,
178, 237, 259, 310, 324
Тюрго А.-Р.-Ж. — 54, 64, 321

У

Ульрици Г. — 183, 184
Успенский Г. И. — 120, 121
Успенский Н. В. — 165, 166, 169,
171, 173
Устрялов Н. Г. — 168
Утин Н. И.: — 39, 53, 55, 59, 60,
61, 62, 63, 79, 210, 222
Ушаков Я. А. — 43 57

Ф

Фан-дер-Флит П. П. — 55, 61
Федин К. А. — 201
Федоров К. М. — 225
Фейербах Л. — 8, 9, 33, 34, 217

Феокистов Е. М. — 98, 109
Фердинанд II Бурбон — 134
Филарет — 40
Филиппов А. — 4
Филиппов П. Н. — 4
Фиолетов Н. — 320, 321
Фишер Ф.-Т. — 179, 187
Фонвизин Д. И. — 188, 189, 191,
192, 267
Франкель Л. — 243
Фролов И. — 3, 6, 310

Х

Ханыков А. В. — 3, 4, 25, 27, 28,
29
Холина А. П. — 212
Хохряков В. Х. — 57
Худяков И. А. — 232

Ц

Цезарь К.-Ю. — 172
Цеткин К. — 114, 231
Цитович П. П. — 114
Цицерон М.-Т. — 172

Ч

Чаадаев П. Я. — 308
Чернов С. Н. — 309, 310, 311,
312, 322, 324
Чернов Ф. М. — 229
Чернышевская Е. Е. — 204, 205
Чернышевская Н. М. — 7, 200,
306, 309, 310, 311, 312, 313,
314
Чернышевская О. С. — 37, 44,
50, 202, 208, 209, 210, 211,
212, 225, 226, 227, 228, 232,
289
Чернышевский А. Г. — 210
Чернышевский А. Н. — 218,
225, 231
Чернышевский Г. И. — 21, 201,
202, 205, 210, 212
Чернышевский И. Ф. — 202
Чернышевский М. Н. — 202, 207,
220, 222, 225, 227, 228, 230;
231, 232, 306, 310, 324
Чернышевский Ф. И. — 202
Черняк М. — 49, 50
Чешихин-Ветринский В. Е. — 3,
5, 6
Чичерин Б. Н. — 163, 259, 323
Чубинский П. П. — 41
Чуковский К. И. — 111

Ш

Шаганов В. Н. — 136
Шагинян М. С. — 208

Шалевич — 49
Шамиль — 122
Шапиро А. Л. — 323
Шапиро А. М. — 295, 321
Шашвари А. — 238, 240
Шевченко Т. Г. — 208, 211, 217,
221
Шедо-Ферротти Д. К. — 96—105,
113, 114
Шекспир В. — 175, 178, 180, 181,
183, 184, 190
Шелгунов Н. В. — 39, 41, 42,
43, 44, 46, 56, 66, 67, 68, 72,
73, 73, 74, 75, 76, 216, 220,
221, 223, 323, 324
Шелгунова Л. П. — 41
Шелюго Г. А. — 154
Шемановский М. И. — 46
Шиллер Ф. — 175, 181
Шилов А. А. — 73
Шлоссер Ф.-Х. — 28
Штраус Д.-Ф. — 217
Штукин Д. П. — 284
Шукста — 48, 49
Шульгин В. — 106
Шульгин В. Н. — 128, 134, 227,
229

Щ

Щапов А. П. — 74
Щеголев П. Е. — 225
Щепкин Н. М. — 262

Э

Эльсберг Я. Е. — 97
Энгельгардт А. Н. — 67
Энгельс Ф. — 17, 119, 121, 135,
137, 138, 140, 146, 147, 148,
149; 150, 182, 229, 231, 305,
320
Эрнст П. — 146

Ю

Юдин П. Л. — 206
Юндзилл Э. — 47, 48, 49, 50, 51,
52
Юркевич П. Д. — 247, 252

Я

Яковлев А. А. — 57
Яковлев П. — 225
Ямонт И. — 231
Ямонт М. — 231, 232
Ямпольский И. Г. — 309
Янскевич А. А. — 320

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Исследования и статьи

1. <i>А. П. Медведев</i> . Н. Г. Чернышевский и В. П. Лободовский	3
2. <i>Р. А. Таубин</i> . Кружок Н. Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России	35
3. <i>Е. Г. Бушканец</i> . Н. Г. Чернышевский в борьбе за наследие	80
Н. А. Добролюбова	
4. <i>М. Г. Зельдович</i> . Забытый эпизод борьбы вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»	95
5. <i>А. А. Лебедев</i> . Эмансипация чувств (К характеристике героя произведения Н. Г. Чернышевского «Дневник Левицкого»)	116
6. <i>Б. И. Лазерсон</i> . Парабола в публицистике Н. Г. Чернышевского	154
7. <i>В. А. Бочкарев</i> . Некоторые вопросы теории драмы в освещении Н. Г. Чернышевского	174

II. Материалы и сообщения

1. <i>Н. М. Чернышевская</i> . Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского»	200
2. <i>М. Рейге, Ж. Зольдхейн</i> . Первый венгерский перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»	234
3. <i>А. Ф. Ефремов</i> . Стиль полемики Н. Г. Чернышевского («Полемические красоты»)	244
4. <i>М. А. Соколова</i> . Н. Г. Чернышевский о вопросах текстологии	261
5. <i>П. А. Бугаенко</i> . Новые материалы о Н. Г. Чернышевском	289
6. <i>А. М. Шапиро</i> . Н. Г. Чернышевский о некоторых вопросах политической концепции идеолога английских либералов	2
Д. С. Милля	
7. <i>Е. И. Покусаев, И. В. Порох</i> . Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых	305
Указатель имен	325

Редактор *Н. С. Рассказова*
Корректор *Л. В. Фофанова*
Технич. редактор *В. В. Зенин*

НГ06230 Сдано в набор 18.X.60 г. Подписано к печати 22.III.61.

Печ. л. 20,75.

Уч.-изд. л. 19,50. Тираж 800. Заказ № 1135. Цена 88 коп.

Саратов. Типография издательства «Коммунист».
Проспект Ленина, 94.